

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2
(24)

2012

РУССКИЙ ЯЗЫК

№ 2
(24)
2012

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2
(24)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2012

ISSN 1681-1062

Научный журнал

*Основан в январе 2001 года
Выходит два раза в год*

Редакционная коллегия:

А. М. Молдован (главный редактор), А. А. Алексеев, Х. Андерсен (США), Ю. Д. Апресян, А. Богуславский (Польша), И. М. Богуславский, Д. Вайс (Швейцария), Ж. Ж. Варбот, А. Вежбицкая (Австралия), А. А. Гиппиус, М. Ди Сальво (Италия), Д. О. Добровольский, В. М. Живов, А. Ф. Журавлев, А. А. Зализняк, Х. Кайперт (Германия), Л. Л. Касаткин, Э. Кленин (США), А. Д. Кошелев, Л. П. Крысин, Р. Ляковский (Польша), Х.-Р. Мелиг (Германия), И. Мельчук (Канада), Н. Б. Мечковская (Беларусь), Е. В. Падучева, А. А. Пичхадзе (ответственный секретарь), В. А. Плунгян, Т. В. Рождественская, Д. В. Сичинава, А. Тимберлейк (США), Х. Томмола (Финляндия), М. Флайер (США), А. Я. Шайкевич, А. Д. Шмелев

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».

Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail russyaz@yandex.ru.

Издательство: e-mail lrc.phouse@gmail.com, сайт www.lrc-press.ru.

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*

Редакторы номера *А. А. Пичхадзе, Е. И. Державина*

Корректоры *Н. Полякова, Е. Сметанникова*

Редакция журнала «Русский язык в научном освещении» просит авторов присылать статьи в журнал на адрес: russyaz@yandex.ru.

Все публикации бесплатны.

Подписка на журнал оформляется в любом отделении связи по Объединенному каталогу «Пресса России», индекс 44088.

Подписано в печать 19.12.2012. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Усл. п. л. 20. Заказ №

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2012
© Авторы, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>И. А. Мельчук.</i> Местоименные выражения с именем чертыхательным типа [Она уехала] черт знает куда и им подобные в русском языке	5
<i>Е. Н. Никитина.</i> Еще раз о деепричастиях в неопределенно-личных предложениях	23
<i>Н. Р. Добрушина.</i> Инфинитивные конструкции с частицей <i>бы</i>	42
<i>Е. А. Лютикова.</i> О двух типах инверсии в русской именной группе	65
<i>E. Fortuin, A. Israeli.</i> Modal particles and aspectuality: <i>znaj</i> and <i>sebe</i> in Russian	107
<i>Е. А. Савина.</i> Контактоподдерживающие конструкции как часть системы коммуникативного уровня языка	132
<i>B. H. Partee, V. Borschev.</i> <i>Dva stakana moloka: Substances and Containers</i> in Genitive of Measure Constructions in Russian	140
<i>А. С. Кулева.</i> Краткие прилагательные и причастия сквозь призму авторского словаря (из опыта работы над «Словарем языка русской поэзии XX века»)	167
<i>D. E. Collins.</i> The Strength of the Case: Interpreting the <i>Harax Legomenon</i> доуҗевоу in Novgorod Birchbark 855	186
<i>Е. А. Мишина.</i> «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание	219
<i>А. В. Сахарова.</i> Содержательные параметры употребления кратких причастий в русской летописи для некоторых каузативных глаголов	242
<i>Д. В. Сичинава.</i> Частицы <i>было</i> и <i>бывало</i> в русском языке XVIII века	257
<i>Д. В. Руднев.</i> Полузнаменательные связки в русском языке XVII века	285

Рецензии

<i>Майкл Флайер. Избранные труды. Т. 1:</i>	
Работы по синхронистическому языкознанию (<i>Д. В. Сичинава</i>)	302
<i>О. С. Ильченко. История категории одушевленности</i>	
в русском языке (<i>В. М. Живов</i>).....	308
<i>Л. Л. Шестакова. Русская авторская лексикография:</i>	
теория, история, современность (<i>Ю. Б. Орлицкий</i>)	311
<i>Philip Durkin. The Oxford Guide to Etymology (И. В. Васильева)</i>	312

Новые книги

<i>Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. Русское письмо в правилах с комментариями</i>	316
<i>Diachronic Slavonic syntax: gradual changes in focus /</i>	
<i>V. Hansen, J. Grković-Major (eds.)</i>	317
<i>Christine Watson. Tradition and Translation: Maciej Strykowski's Polish</i>	
<i>Chronicle in Seventeenth-Century Russian Manuscripts</i>	319
<i>Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам: Синаксарь</i>	
(житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль.	
Т. П. Указатели. Исследования / Изд. подгот. В. Б. Крысько,	
Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, И. М. Ладыженский,	
А. М. Пентковский	320
<i>Das byzantinische Syntagma in 14 Titeln ohne Kommentare in altbulgarischer</i>	
<i>Übersetzung: Slavisch-griechisches, griechisch-slavisches und rückläufiges</i>	
(i) (slavisches) Wortregister, zusammengestellt von Kirill A. Maksimovič,	
herausgegeben von Ludwig Burgmann	321
<i>Кириллица: от возникновения до наших дней</i>	322

ИССЛЕДОВАНИЯ

И. А. МЕЛЬЧУК

МЕСТОИМЕННЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С ИМЕНЕМ ЧЕРТЫХАТЕЛЬНЫМ ТИПА [ОНА УЕХАЛА] ЧЕРТ ЗНАЕТ КУДА И ИМ ПОДОБНЫЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая статья продолжает серию исследований Л. Л. Иомдина: [Иомдин 2003; Iomdin 2005; 2007; Иомдин 2010а; 2010b]; она опирается на факты, исчерпывающе представленные и всесторонне проанализированные в названных публикациях.

1. Постановка задачи

Объектом изучения в настоящей статье являются такие русские выражения, как [Она уехала] *черт знает куда* vs. [Она уехала] *куда ее отправили* vs. *Черт (ее/его) знает, куда [она уехала]*. Их центром является вопросительно-относительное местоимение — К-слово (в терминологии Исаченко-Апресьяна-Иомдина, по аналогии с WH-words): куда, кто, как, сколько, ...; я буду называть их К-выражениями и обозначать с помощью символов К (= К-слово) и Ξ (= «остаток»).

В связи с русскими К-выражениями возникают, в частности, два вопроса:

- Какова синтаксическая структура и каково должно быть лексикографическое описание К-выражений? Этому посвящен раздел 2.
- К-выражения нередко называют синтаксическими фразами; это, по моему мнению, терминологически неприемлемо. Поэтому я рассмотрю понятие «синтаксическая фраза» и охарактеризую К-выражения с точки зрения фразеологии: раздел 3.

2. К-выражения: их синтаксическая структура и лексикографическое описание

Иомдин [2010b: 148—149] подразделяет К-выражения на два основных класса: те, которые заканчиваются К-словом (= Ξ+К, например, [*Здесь можно встретить*] *черт знает кого*), и те, которые начинаются с К-слова

(= K+Ξ, например, [*Здесь можно встретить кого угодно*]); линейное расположение Ξ и K в этих классах неизменно. Я буду следовать данному разделению; Ξ+K-выражения рассматриваются в подразделе 2.1, а K+Ξ-выражения — в подразделе 2.2.

2.1. Ξ+K-выражения

Выражения типа Ξ+K бывают двух типов: фразеологизованные, т. е. включающие фразеологизованную часть Ξ (2.1.1), и свободные — такие, где Ξ не фразеологизовано (2.1.2).

2.1.1. Фразеологизованные Ξ+K-выражения

Интересующие нас фразеологизованные Ξ+K-выражения состоят из трех ключевых элементов.

- Существительное из набора, который лет сорок пять назад Арон Долгопольский назвал *именем чертыхательным*: N_(черт). Этот набор включает названия: 1) нечистой силы (ЧЁРТ, БЕС, ДЬЯВОЛ; устар. ЛЯД), 2) чистой силы (БОГ), 3) растений (ХРЕН), 4) животных (ПЁС), 5) человека (КТО; ШУТ), 6) жеста (ФИГ, ШИШ), 7) древнерусской буквы (ХЕР) и 8) мужского полового органа (X-)¹.

Внутри Ξ+K-выражения существительное N_(черт) выступает в единственном числе в качестве подлежащего следующего за ним глагола ЗНАТЬ.

- Глагол ЗНАТЬ в настоящем времени с подлежащим N_(черт). N_(черт) и ЗНАТЬ образуют фразему Ξ, которая является коллокацией глагола ЗНАТЬ (о понятии коллокации, см. ниже, раздел 3).

¹ Вот основные диагностические контексты для имени чертыхательного N_(черт) (NB: не каждое N_(черт) возможно в любом из этих контекстов):

1) N _(черт) знает ... (<i>Черт знает, где она сейчас.</i>)	6) до N _(черт) -а X-а (<i>Пива/Денег у них до фи́га</i>)
2) На кой N _(черт) Y-у X? (<i>На кой ля́д это мне?</i>)	7) ни N _(черт) -а́ (<i>Ни фи́га ему не делается</i>)
3) На N _(черт) -а́ Y-у X? (<i>На хрена ко́зе баян?</i>)	8) N _(черт) X-у (<i>Шии ему!</i>)
4) Какого N _(черт) -а ...? (<i>Какого черта он пришел?</i>)	9) N _(черт) с X-ом (<i>Бог с ним...</i>)
5) На́ N _(черт) Y-а (<i>На фи́г эту дрянь!</i>)	10) K N _(черт) -у Y-а (<i>К черту все заботы!</i>)

Выражение такой формы может быть одного из трех лексических типов:

— идиома, например, [ДО ЧЕРТА́] [X-а/-ов] ‘очень много X-а/-ов’, [НА ЧЕРТА́] / [НА КОЙ ЧЁРТ] [Y-у X]?’ ‘Y-у ни за чем не нужен X’ и [НА ФИГ] / [К ЧЕРТУ] [Y-а]!’ ≈ ‘я желаю, чтобы Y перестал находиться в моей личной сфере’ [грубое отвержение]; их подробное описание см. в [Июмдин 2010b: 158 и сл.] (2.4.5);

— коллокация, например, *А черт ее знает, где она живет* ‘Я не знаю, где она живет, и знать не хочу’. Эта коллокация рассматривается в настоящей статье;

— лексема, например, междометия ЧЕРТ [с Y -ом]! ≈ ‘Мне безразлично, что происходит с Y-ом, который вызывает у меня досаду’, ФИГ [Y-у]! ≈ ‘Y ничего не получит’ и т. д.

• Вопросительно-относительное местоимение — К-слово, возможно — с предлогом.

Коллокация Ξ и К-слово составляют выражения двух подтипов — в зависимости от их синтаксического устройства: либо Ξ непосредственно зависит от К-слова (2.1.1.1), либо К-слово косвенно зависит от Ξ (2.1.1.2).

В русском языке существуют и другие сходные Ξ +К-выражения, например, *одному Богу известно кто/когда/сколько/..., ясное дело кто/когда/сколько/..., мало (ли) кто ...* и т. д.; я отвлекаюсь от них, чтобы не перегружать изложение, поскольку все сказанное относится, *mutatis mutandis*, и к ним.

2.1.1.1. Ξ +К-выражения типа
[Сюда ходит] *чёрт знает* ← кто

А когда ночью светит месяц,
То он светит чёрт знает как...

С. Есенин

Примеры: [Сюда приходит] *черт знает кто*. | [Он отправился] *Бог знает за чем*. | [Он спал] *хрен знает сколько*. | [Идем мы] *пес знает куда*. | [До города мы дойдём] *фиг знает когда*.

Выражение Ξ -К является здесь идиомой, т. е. лексической единицей, которая должна целиком заноситься в словарь (см. определение идиомы ниже, в разделе 3). Все эти идиомы устроены семантически сходно — с точностью до степени экспрессивности и стилиевой характеристики: они выражают отрицательную оценку со стороны автора высказывания². Впрочем, каждая из идиом Ξ -К имеет свое значение, не обязательно совпадающее со значениями всех остальных. Я, однако, занимаюсь здесь синтаксической структурой этих выражений, а не их смыслом и, следовательно, могу ограничиться словарным описанием лишь трех из них — в качестве иллюстрации того, каково именно должно быть это описание.

разг. [ЧЕРТ ЗНАЕТ КТО], идиома, N, местоименное: ‘некто, кого автор высказывания оценивает отрицательно’

В конструкции $\text{PREP} \rightarrow$ [ЧЕРТ ЗНАЕТ КТО] предлог ставится перед КТО или — гораздо реже — перед ЧЕРТ ЗНАЕТ: *пишет черт знает для кого ~ пишет для черт знает кого*.

Регистрируется на сайте *черт знает кто*. | Опасения больного понасть в руки *черт знает к кому*, к сожалению, не безосновательны. |

² Автор высказывания У — это либо Говорящий, либо лицо, которому Говорящий приписывает У. Рассмотрим фразу $U_1 = \text{Пушкин написал, что на свете счастья нет}$; ее автор — я, Игорь Мельчук, т. е. Говорящий; высказывание же $U_2 = \text{на свете счастья нет}$ произнес Пушкин, автор этого высказывания. Другими словами, Говорящий — это автор первичного высказывания. (О различии «говорящий vs. автор высказывания» см., в частности, [Иорданская, Мельчук 2007: 348—349].)

*Я обедал **черт знает с кем** во фраке (И. Бродский). | Он известный певец, а Джастин Тимберлейк просто **черт знает кто**.*

разг. [ЧЕРТ ЗНАЕТ ГДЕ], идиома, Adv, местоименное: ‘в очень далеком или неправильном месте’

*...если бы не один странный человек, живший **черт знает где**, а точнее — в городе Уре Халдейском (И. Губерман & А. Окунь). | Но что делать, если ты сам живешь **черт знает где**?*

разг. [ЧЕРТ ЗНАЕТ СКОЛЬКО], идиома, Adv, местоименное, (+ N_{род}), ... : ‘некоторое очень большое количество’

*Копаясь **черт знает сколько** времени и никак не могу найти ошибку. | Вы уже **черт знает сколько** друг с другом знакомы, зачем тратить время на прелюдии? | За период тренировок я пробежал **черт знает сколько** километров кроссов. | Да я там уже **черт знает сколько** раз бывал!*

Отметим, что в идиомах типа $\Xi+K$ могут выступать не все имена черты-хательные: *Он живет *кто³ (*ишии, *бес, *ляд) знает где*. В то же время некоторые из $N_{(черт)}$ могут заменять друг друга, с большей или меньшей смысловой или стилистической разницей: *черт/бог/хрен/фиг/... знает кто*. Однако даже в случае полной смысловой тождественности подобных выражений каждое из них является отдельным знаком, т. е. отдельной идиомой.

Поверхностно-синтаксическая структура [= ПСинтС] идиом типа $\Xi+K$ очевидна: часть ЧЕРТ ЗНАЕТ зависит от К-слова [= $L_{(pron, rel)}$], наподобие частиц КОЕ-, АБЫ, -НИБУДЬ или наречия УГОДНО (*кое-кто, кое-где, абы кто, абы где; кто-нибудь, где-нибудь, кто угодно, где угодно*). В самом деле, местоимение К удовлетворяет всем трем критериям, определяющим ПСинт-вершину словосочетания [Mel'čuk 2009: 27—33]:

— синтаксически К-слово контролирует пассивную валентность $\Xi+K$ -идиомы: все выражение употребляется в тех же ПСинт-конфигурациях, что и К-слово (*писать кому ~ писать **черт знает кому**; ехать в какой город ~ ехать **черт знает в какой** город; потерять где ~ потерять **черт знает где***);

— морфологически К-слово является морфологической контактной точкой выражения: именно К-слово склоняется соответствующим образом (*ест **черт знает что**, пишет **черт знает кому**, занимается **черт знает чем***);

— семантически К-слово обозначает родовое понятие внутри смысла всего словосочетания $\Xi+K$: КТО \Leftrightarrow ‘некоторый человек’, ГДЕ \Leftrightarrow ‘в некотором месте’, СКОЛЬКО \Leftrightarrow ‘некоторое количество’, и т. п.

На глубинно-синтаксическом уровне идиома $\Xi+K$ представляется одним узлом. На поверхностно-синтаксическом уровне ее часть Ξ (= $N_{(черт)}$ ← подлежащее-ЗНАТЬ_{НАСТ}) зависит от К-слова по поверхностно-

³ Ср. *He lives **who** knows where*, совершенно нормальное в английском.

синтаксическому отношению [= ПСинтО] «местоименно-вспомогательное», поскольку целое Ξ +К представляет собой как бы «сложное» неопределенное местоимение — того же типа, что КТО-НИБУДЬ, КТО БЫ ТО НИ БЫЛ, МАЛО КТО или КОЕ-КТО⁴.

Данная техника — присоединение к местоименному К-слову некоторой подчиненной конструкции — порождает в русском языке открытый класс синтаксически образованных неопределенных местоимений. Это явление хорошо известно и в других языках. Так, [Haspelmath 1997] указывает четыре основных типа таких местоимений в самых разных языках мира (в исследованной им выборке — более ста структурно различных языков):

1. 'Dunno' type (*Он работает Бог знает где*)
2. 'No matter' type (*Он работает для нас неважно где*)
3. 'Pleases' type (*Он работает где хочет*)
4. 'Maybe' type (*Он работает где бы ему ни предлагали*)

Ξ +К-выражения, рассматриваемые в подразделе 2.1, относятся к первому и второму типу, а К+ Ξ -выражения (подраздел 2.2) — к третьему и четвертому.

Вот синтаксические структуры фразы с идиомой типа Ξ +К:

(1) а. *Он жил черт знает где.*

б. ГСинтС фразы (1а): [ЧЕРТ ЗНАЕТ ГДЕ]←П→ЖИТЬ_{ПРОШ}→И→ОН

с. ПСинтС фразы (1а):

ЧЕРТ_{ЕД}←~~подлежащее~~→ЗНАТЬ_{НАСТ}←мест.-вспом.→ГДЕ←~~обстоятельство~~→
ЖИТЬ_{ПРОШ}←~~подлежащее~~→ОН

2.1.1.2. Ξ +К-выражения типа

Черт знает, —...→кто [сюда ходит]

И кто его знает, чего он моргает?

М. Исаковский

Примеры: *Черт знает, кто [сюда ходит]. | Бог знает, за чем [он отправился]. | Хрен знает, сколько [он спал]. | Пес знает, куда [нам идти]. | Шут знает, какого [года эта крепость]. | Фиг знает, когда [мы дойдём до города].*

В данной конструкции выражение Ξ — это, как было сказано, коллокация глагола ЗНАТЬ, управляющая придаточным дополнительным, в которое входит К-слово. ПСинтС этого придаточного обычна: оно зависит через свой вершинный глагол от глагола ЗНАТЬ (как его прямое дополнение), например:

⁴ Местоименно-вспомогательное ПСинтО присоединяет к местоименному (=К-) слову как препозитивные, так и постпозитивные частицы/наречия: АБЫ←КТО vs. КТО→УГОДНО; линейная позиция такого элемента должна указываться в его синтактике. Коллокации типа N_(черт) *знает* ... всегда препозитивна.

(2) а. **Черт знает, где он жил.**

б. ГСинтС фразы 0а): ЧЕРТ_{ЕД}←I-ЗНАТЬ_{НАСТ}-II→ЖИТЬ_{ПРОШ}-I→ОН

└─II→ГДЕ

с. ПСинтС фразы 0а):

ЧЕРТ_{ЕД}←подлеж-ЗНАТЬ_{НАСТ}-прямо-объектное→ЖИТЬ_{ПРОШ}-подлеж→ОН

└─обстоят→ГДЕ

Коллокация глагола ЗНАТЬ с именем чертыхательным описывается посредством нестандартной ЛФ «Я не...», имеющей смысл 'Говорящий сигнализирует, что он не знает ответа на вопрос «Ψ?» относительно ситуации P(X, ..., Ψ), которая ему безразлична или которую он оценивает отрицательно'. (Ψ представляет здесь неопределенное местоимение типа 'кто-то', 'что-то', 'где-то' и т. д., а Ψ? — соответствующее вопросительное местоимение: 'кто?', 'что?', 'где?').

Подчеркнем, что в описании данной коллокации идет речь о 'Говорящем' (т. е. о 'я') и о сигнализировании: так отражается факт «неподчиненности», или «нецитируемости», этой коллокации, см. непосредственно ниже.

Идиома типа [ЧЕРТ ЗНАЕТ ГДЕ] и коллокация типа ЧЕРТ ЗНАЕТ [, ГДЕ...] различаются в целом ряде отношений.

Семантически идиома Ξ+К выражает отрицательное отношение автора высказывания к референту смысла 'Ξ+К' 0а), а соответствующая коллокация — его незнание информации 'К' (плюс безразличие и, возможно, раздражение, ср. 0б)):

(3) а. *Иван живет **черт знает где** — в Крыжополе!*

[Автор знает, где Иван живет, но осуждает его местожительство.]

б. — *Где живет Иван? — А **черт (его) знает.***

[Автор не знает, где Иван живет, и знать не хочет.]

Коммуникативно идиома Ξ+К — описательное выражение (хотя и экспрессивное), а коллокация Ξ+К — сигналатив (см. [Мельчук 2001: 354]); лишь первая, но не вторая может быть подчинена глаголу главного предложения:

(4) а. *Иван заявил, что она занимается **черт знает чем.***

б. *Иван заявил, что ***черт знает, чем она занимается.***

Синтаксически идиома Ξ+К включает К-слово в свой состав; цепочка типа *черт знает кто* — это единое словосочетание. Внутри идиомы часть Ξ зависит от К-слова по **местоименно-вспомогательному** ПСинтО и служит для образования новых неопределенных местоименных выражений. В случае же коллокации только она сама — т. е. *черт знает* — представляет собой словосочетание: К-слово (= *кто, чем, где, ...*) принадлежит придаточному дополнительному предложению, каковым эта коллокация управляет, т. е. К-слово непосредственно зависит от глагола-сказуемого придаточного по одному из **объектных** ПСинтО, а косвенно оно зависит от вершины кол-

локации Ξ : *черт знает*—→*кто*. Предложение с К-словом представляет собой косвенный вопрос, так что в нем может быть употреблена вопросительная частица ЛИ или союз ИЛИ, что невозможно в случае идиомы:

- (5) а. *Черт знает, приехала ли она.*
 б. *Черт знает, приехала она или нет.*

Наконец, при коллокации Ξ +К дополнительное придаточное может быть вообще опущено в ответе на вопрос:

- (6) [*— А чем она занимается?*] — *Черт (ее) знает (чем).*

Пр о с о д и ч е с к и идиома несет непрерывный интонационный контур, а коллокация допускает паузу после ЗНАТЬ.

Л е к с и ч е с к и в идиоме, но не в коллокации выражение ЧЕРТ ЗНАЕТ может быть заменено на ЧЁРТ-ТЕ (где *-те* — возможно, сокращение от *тебе*, Dativus Ethicus):

- (7) а. *Она занимается чёрт-те чем.*
 б. **Чёрт-те, | чем она занимается.*

Обе фраземы типа Ξ +К, т. е. и идиома, и коллокация, могут включать в свой состав эксплетивное местоимение ОН в винительном падеже, зависящее от ЗНАЕТ. При этом возможны два семантически эквивалентных случая: либо местоимение ОН употребляется нереферентно — в среднем роде ед. числа, в форме *его*; либо оно кореферентно подлежащему главного предложения, в которое входит идиома, или подлежащему дополнительного придаточного, которым управляет коллокация, и согласуется с ним по роду и числу:

- (8) а. *Маша занимается черт его знает чем.*
 б. *Маша занимается черт её знает чем.*
 (9) а. *Черт его знает, чем Маша занимается.*
 б. *Черт её знает, чем Маша занимается.*

Семантических различий между вариантами (а) и (б) нет; введение местоимения ОН слегка усиливает разговорный характер обоих выражений, но на смысл не влияет. Тем не менее идиома и коллокация различаются по степени употребительности эксплетивного ОН: это ОН гораздо более характерно для коллокации, где в некоторых контекстах оно почти обязательно:

- (10) [*— Чем же она занимается?*] — *А черт ee/его знает!* (? *А черт знает!*)

При добавлении эксплетивного ОН возникает вопрос о синтаксической роли этого местоимения внутри идиомы/коллокации. Аккузатив указывает на прямое дополнение, однако в рассматриваемой коллокации прямое дополнение у ЗНАТЬ уже есть — это дополнительное придаточное; к тому же эксплетивное ОН факультативно и не несет смысловой нагрузки. Следовательно, это квазипрямое дополнение. Хороший пример квазипрямого до-

полнения — существительное в персидских глагольно-именных коллокациях и идиомах, способных иметь, кроме того, «настоящее» прямое дополнение:

- (11) a. *Reza bāčče-ra tūnbih kārd* ‘Реза наказал ребенка’.
 Реза ребенок ПрямД наказание сделал
 b. *Reza bāčče-ra fūrib dad* ‘Реза обманул ребенка’.
 Реза ребенок ПрямД обман дал
 c. *Reza bāčče-ra dust dašt* ‘Реза полюбил ребенка’
 Реза ребенок ПрямД друг поимел

Выделенное жирным шрифтом существительное — квазипрямое дополнение глагола.

Теперь я могу предложить словарное описание коллокации типа «Я не + ЗНАТЬ» в словарной статье глагола ЗНАТЬ.

ЗНАТЬ

...

Я не... : $\dot{N}_{(черт)} \leftarrow \text{подлежащее-ЗНАТЬ}_{НАСТ} (\text{разг.-квазипрямо-объектное} \rightarrow \text{ОН}) (|)$

Условия

- 1) ЗНАТЬ-прямо-объектное $\rightarrow \Delta_{\text{ПРОП}}$.
- 2) $\dot{N}_{(черт)}$ = {БОГ, КТО, прост. ПЁС, прост. ФИГ, разг. ЧЁРТ, прост. ШУТ, вульг. ХРЕН}.
- 3) ОН: **либо** $\text{ОН}_{\text{ЕД. МУЖ}}$, **либо** n(ОН) , $\text{g(ОН)} = \text{n(L)}$, g(L) , $L \leftarrow \text{подлежащ.} - L_2 - \dots \rightarrow L_{1(\text{прон, гел})}$.

$\Delta_{\text{ПРОП}}$ обозначает поддевею придаточного дополнительного, зависящего от ЗНАТЬ в соответствии с моделью управления этого последнего.

Существуют и другие фразеологизованные $\Xi + \text{К}$ -выражения, например, типа МАЛО/РЕДКО КТО [*мало кто хочет это читать*], АБЫ КТО [*абы к кому я не пойдю*]: это также нестандартные коллокации некоторых (не всех!) местоимений $L_{(\text{прон, гел})}$. Например:

КТО

...

малочисленный : МАЛО \leftarrow местоименно-вспомогательное-КТО,
 РЕДКО \leftarrow местоименно-вспомогательное-КТО
 произвольный : АБЫ \leftarrow местоименно-вспомогательное-КТО

Наречия типа ЧЕРТ-ТЕ, МАЛО, РЕДКО и АБЫ зависят от местоимения по местоименно-вспомогательному ПСинтО, которое присоединяет к хозяину компонент «квасисложного слова», в том числе частицу КОЕ-. (В списке русских ПСинтО в [Мельчук 1974: 221—235] данное ПСинтО выступает под № 31, стр. 231; здесь я изменил его старое «неговорящее» название — 1-е вспомогательное.)

2.1.2. Свободные $\Xi+K$ -выражения типа
 [Сюда ходит] ты даже не подозреваешь кто

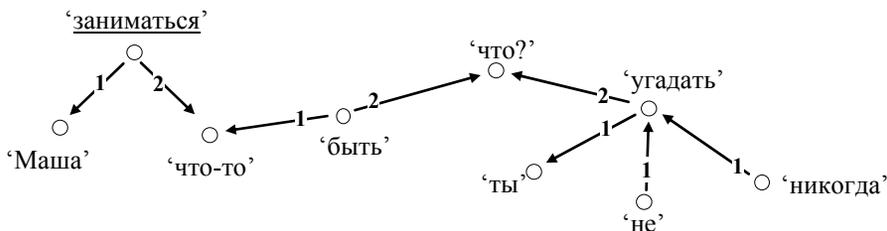
Примеры:

- (12) а. Маша занимается уж не припомню ← местоим.-вспом-чем.
 б. Маша занимается никто в Москве не знает чем.
 в. Маша занимается все в Москве знают чем.
 г. Маша занимается мать Петра даже предположить не может чем.
 д. Маша занимается ты никогда не угадаешь чем.

ПСинТС подобных $\Xi+K$ -выражений — такая же, как и у их несвободных соответствий: их синтаксическая вершина — местоимение $L_{(pron, rel)}$ (т. е. K-слово) от которого также по местоименно-вспомогательному ПСинТО зависит вершинный глагол остальной части, т. е. местоименно-определятельного придаточного.

Рассмотрим подробнее, как получается, например, фраза (12е). Ее (упрощенная) СемС дана в (13) [‘что?’ представляет смысл вопросительного местоимения ЧТО?]:

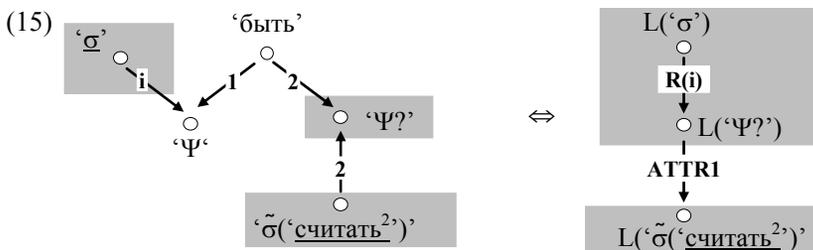
(13) Семантическая структура фразы (12е)

Эта СемС может быть реализована, так сказать, буквально:

- (14) а. Маша занимается чем-то, и ты никогда не угадаешь, что́ это.
 б. Маша занимается чем-то, и ты никогда не угадаешь, чем (именно) (она занимается).

Фразы (14) строятся из СемС (13) по обычным семантическим, синтаксическим и морфологическим правилам. Однако для $\Xi+K$ -выражений, в частности во фразе (12е), нужно особое Сем-правило — точнее, схема открытого множества Сем-правил:

Условия

- 1) 'Ψ' : 'что-то' | 'где-то' | 'куда-то' | 'когда-то' | 'как-то' | 'зачем-то' | 'почему-то' | 'сколько-то'
 | 'Ψ?': ЧТО? | ГДЕ? | КУДА? | КОГДА? | КАК? | ЗАЧЕМ? | ПОЧЕМУ? | СКОЛЬКО?
- 2) Первый семантический актанта предиката 'σ̃('считать'²) = 'я', 'ты', 'никто', 'все' или 'даже←N'.
- 3) Глагол L('σ̃('считать'²)) — либо несов. вида в наст. вр., либо сов. вида в будущем времени или в сослагательном наклонении.

В правиле (15) выражение L('σ') обозначает лексическую единицу L, имеющую смысл 'σ', а выражение 'σ̃('считать'²)' — смысл, центральным компонентом которого является 'считать'² (например, ЗНАТЬ 'X считает², что Y, и Y — правда', ДОГАДАТЬСЯ 'благодаря интуиции, X начал считать², что Y, и Y — правда', ПРЕДПОЛАГАТЬ 'благодаря логическим рассуждениям, X считает², что Y').

Выражения подобного типа в английском языке были рассмотрены в [Lakoff 1974]⁵.

2.2. K+Ξ-выражения

Эти выражения синтаксически отличаются от Ξ+K-выражений тем, что в них Ξ **всегда** косвенно (зависит) от K-слова, т. е. нет аналогии с типом *Бог знает, куда он делся*, где K-слово (косвенно) зависит от Ξ. Лексически же они также бывают двух типов: фразеологизованные, у которых Ξ — фразема (2.2.1), и свободные (2.2.2).

2.2.1. Фразеологизованные K+Ξ-выражения типа

[*Поужинаем*] *чем бог послал*

Здесь я отмечу две нестандартные коллокации местоимений КТО и ЧТО: в одной коллокатом является идиома [БОГ ПОСЛАЛ/ПОШЛЕТ] ≈ 'имеющийся' (образующая местоименно-определятельное придаточное), а во второй — наречие УГОДНО, еще один нестандартный коллокат:

ЧТО

...

имеющийся : [БОГ ПОСЛАЛ/ПОШЛЕТ]←местоименно-вспомогательное—ЧТО

произвольный : УГОДНО←местоименно-вспомогательное—ЧТО

Аналогичные нестандартные коллокации образуются идиомами [БОГ НА ДУШУ ПОЛОЖИТ] или [ПОД РУКУ ПОПАДЕТСЯ] и такими наречиями, как НИ ПОПАДЯ, ПОПАЛО, и др. в качестве коллокатов K-слова. Такое выраже-

⁵ Вот один из примеров Лакова (с. 322):

(i) *John invited you'll never guess how many people to you can imagine what kind of a party at it should be obvious where with God only knows what purpose in mind, despite you can guess what pressure.*

ние — как бы часть сложного слова (ср. *что-то*, *что-нибудь*, *что угодно*) — присоединяется к К-слову посредством местоименно-вспомогательного ПСинтО.

2.2.2. Свободные К+Ξ-выражения типа

[*Мы вам дадим*] *что только ваш друг может пожелать*

Примеры:

- (16) а. *Маша всегда хорошо использует что к ней попадет в руки.*
 б. *Маша поедет куда ее пошлют.*
- (17) а. *Маша занималась чем Ваня хотел*[, чтобы она занималась].
 б. *Маша встретится с кем вам будет угодно*[, чтобы она встретилась].

Здесь К+Ξ-выражение — это не что иное, как «бесхозное», или «свободное», определительное придаточное (= англ. headless/free relative; оно описано, в частности, в [Bresnan & Grimshaw 1978]). Такое придаточное можно всегда восстановить до настоящего посредством вставки коррелята ТОТ/ТО, ТУДА, ТОГДА и т. д.: *кто к ней явится* ≡ *тот, кто к ней явится* или *куда ее пошлют* ≡ *туда, куда ее пошлют*.

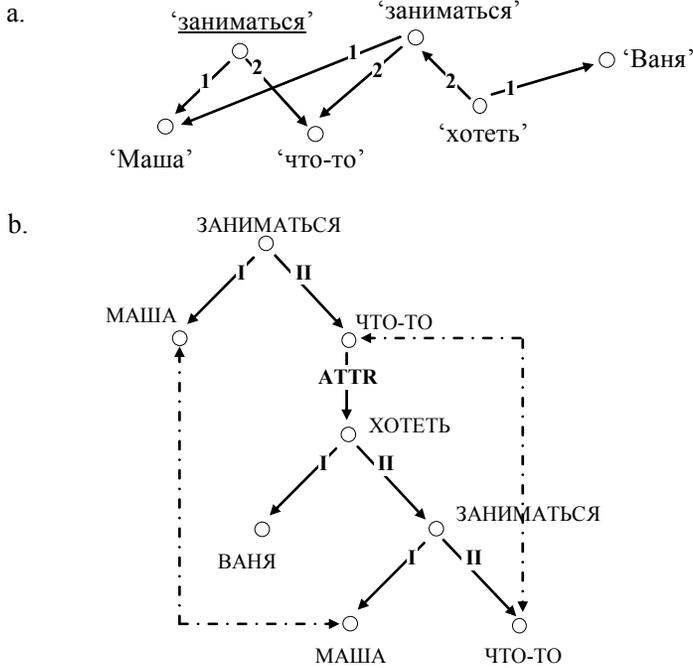
ПСинтС свободного придаточного определительного должна быть такой же, как у соответствующего настоящего придаточного определительного, и такой же, какую имеет его независимое (= вопросительное) соответствие. А именно: в свободном придаточном К-слово, т. е. местоимение $L_{(pron, rel)}$, зависит как дополнение от глагола V — сказуемого придаточного предложения, а сам этот V зависит (тоже как дополнение) от сказуемого главного предложения.

В свободном придаточном местоимение $L_{(pron, rel)}$ играет, выражаясь метафорически, двойную роль: **по смыслу** оно как бы является членом сразу обоих предложений, т. е. и местоименно-придаточного, и главного. Синтаксически подобная ситуация, разумеется, невозможна; но давление смысла столь велико, что в русском языке поверхностная форма местоимения $L_{(pron, rel)}$ должна удовлетворять управлению глаголов обоих этих предложений: в противном случае результат грамматически неправилен. (В примерах типа (17) применительно к местоименно-определятельному придаточному речь идет об элидированном глаголе, приведенном в квадратных скобках.) Подчеркну, что требуется лишь чисто формальное совпадение означающих: так, в (16а) форма *что* соответствует как бы двум разным ГМорфП, т. е. разным падежам, а именно — ЧТО_{вин} (в самой фразе) и ЧТО_{им} (в свободном придаточном)⁶.

⁶ Подобное ограничение известно и в других языках. Так, например, в немецком языке К-слово может «совмещать» два разных падежа, только если оба эти падежа формально совпадают, т. е. имеют идентичные означающие ([Dalgryple, Kaplan 2000: 759, (2) и сл.]; я слегка изменил примеры для большей наглядности):

СемС, ГСинтС и ПСинтС фразы (17а) даны, соответственно, в (18а—с):

(18) СемС, ГСинтС и ПСинтС фразы (17а)

(ii) a. *Ich habe gewaschen was übrig blieb* 'Я вымыл, что оставалось'

vs.

b. **Ich habe gewaschen wen/wer übrig blieb* '*Я вымыл, кого/кто оставался'.

Обе фразы в (ii) должны иметь К-слово в аккузативе; в обеих свободное придаточное требует от него номинатива. Однако у WAS 'что' формы аккузатива и номинатива совпадают, а у WER 'кто' — нет. Поэтому фраза (ii—а) правильна, а фраза (ii—b) нет.

В испанском мы имеем [Suñer 1984]:

(iii) *Escribí a quien viste ayer* букв. 'Я написал кому ты видел(а) вчера'.

В главном предложении предлог A вводит актанта III глагола ESCRIBIR 'писать' (т. е. соответствует дативу), а в местоименно-придаточном — актанта II (т. е. соответствует аккузативу).

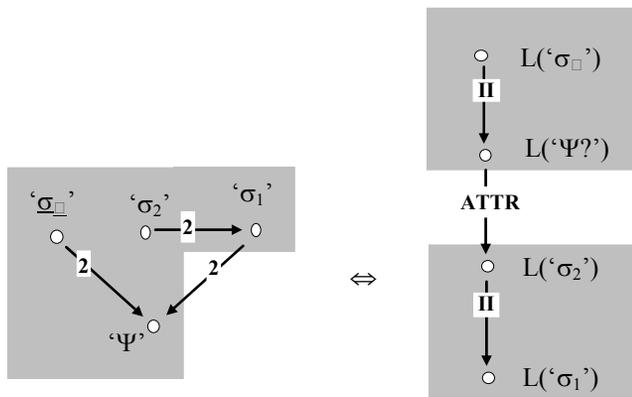
Вопрос о наличии и характере ограничений на модели управления глагола главного предложения и глагола местоименно-определятельного предложения в случае свободных определятельных придаточных в течение многих лет был крайне популярен в лингвистике; см., например, [Grosu 1988].

Лексемы, перечеркнутые в ПСинтС (18с), обозначают элидируемые элементы: они не появляются в глубинно-морфологической структуре фразы.

Семантическое правило, обеспечивающее переход между (18а) и (18b) выглядит так:

(19)

‘Ψ’ и ‘Ψ?’ имеют здесь тот же смысл, что и в правиле (15): ‘Ψ’ — это значение неопределенного местоимения (‘что-то’), а ‘Ψ?’ — значение соответствующего вопросительного (‘что?’).

Правило (19) описывает «перевод» Сем-отношения 2 посредством ГСинтО ATTR в данном, весьма специальном контексте — с переворачиванием ГСинт-зависимостей относительно соответствующих Сем-зависимостей.

Переход между (18b) и (18с) задается глубинно-синтаксическим правилом, включающим следующее условие на поверхностное дерево:

$$\left| \begin{array}{l} \text{форма}(\text{МУ}_{[r]}(L_1)) = \text{форма}(\text{МУ}_{[r]}(L_2)), \& L_1-r \rightarrow L(\Psi?), L_2-r \rightarrow L(\Psi?), \\ L(\Psi?) \leftarrow \dots \rightarrow L(\Psi?) \end{array} \right.$$

(«Строка r в моделях управления МУ лексем L_1 и L_2 , от которых по ПСинтО r непосредственно зависят кореферентные вхождения лексемы $L_{(\text{pron, rel})}$, т. е. $L(‘\Psi?’)$, должна задавать одинаковую флективную форму лексемы $L_{(\text{pron, rel})}$ ».) Это условие и есть пресловутое *matching constraint*, т. е. «ограничение на совместимость» обеих кореферентных вхождений К-слова, выступающих в ГСинтС. Приведенная формулировка, разумеется, неполна: к ней надо добавить описание ряда конкретных случаев, в которых данный язык разрешает грамматическую неидентичность кореферентных вхождений К-слова при условии идентичности их означающих.

3. Синтаксические фраземы

Синтаксические фраземы должны быть определены как подкласс фразем; естественно противопоставлять синтаксические фраземы лексическим и морфологическим. Следовательно, синтаксическая фразема — это фразема, которая... А что такое фразема?

Определение 1: ФРАЗЕМА

Фразема — это несвободное сочетание знаков, т. е. такое, в котором хотя бы один знак не может быть свободно выбран говорящим в соответствии с его смыслом по общим языковым правилам и независимо от всех остальных индивидуальных знаков, составляющих это сочетание.

Наиболее известный и изученный тип фразем — это лексические фраземы (подробнее см. [Mel’čuk 2011]).

Определение 2: ЛЕКСИЧЕСКАЯ ФРАЗЕМА

Лексическая фразема — это фразема, состоящая из полнозначных лексем.

Три основных класса лексических фразем суть:

- Некомпозиционные полностью ограниченные фраземы — 1) идиомы (ГДО ЧЕРТА] ‘очень много’, [КОТ НАПЛАКАЛ] ‘очень мало’; [ДАТЬ ПО ШАП-КЕ] ‘уволить с работы’).

- Композиционные фраземы:

- полуограниченные, в которых один компонент выбирается свободно в соответствии с его смыслом, а второй в зависимости от первого — 2) коллокации (ЗАКЛЯТЫЙ ВРАГ, НАНЕСТИ УДАР, СДАТЬ ЭКЗАМЕН);

- полностью ограниченные — 3) клише (КАК ДЕЛА?, МЕНЯ ЗОВУТ..., СКОЛЬКО ВАМ ЛЕТ?), включающие важный подкласс прагматем (выражений, ограниченных ситуацией их употребления: К СЕБЕ [на внешней двери здания]; КУРСИВ МОЙ [замечание в печатном тексте]; ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН [на официальном объявлении]).

Стоит, по-видимому, подчеркнуть, что границы между этими тремя классами лексических фразем определяются исключительно исходя из их внутренних свойств (композиционность и ограниченность) и являются абсолютными, т. е. никаких промежуточных случаев быть не может.

Аналогично определяются морфологические фраземы [Мельчук 1964; 2001: 447 и сл.; Beck, Mel'čuk 2011].

Определение 2: МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ФРАЗЕМА

Морфологическая фразема — это фразема, состоящая из морфем, находящихся внутри одной словоформы.

Среди морфологических фразем различаются те же три основных класса:

- 1) морфологические идиомы (КОН+ЁК [Сел на своего конька], НА+КАЗ(-ать), О+ГРОМ(-ный));
- 2) морфологические коллокации (ТУЛ+ЯК vs. МОСКВ+ИЧ, где полужирным шрифтом показан коллокат);
- 3) клише (КОН+Е+ВОД(-ство) vs. *ЛОШАД+Е+ВОД(-ство)).

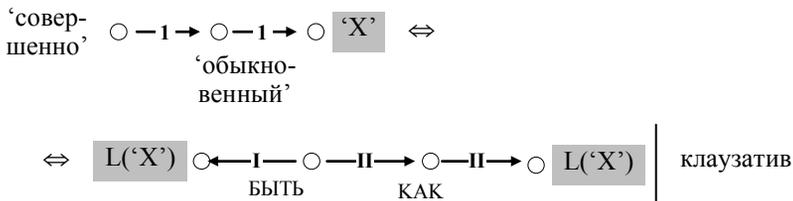
Синтаксическая фразема должна определяться таким же образом — как фразема, состоящая из минимальных синтаксических единиц. Минимальная синтаксическая единица есть минимальная синтаксическая структура вида $\Xi-r\rightarrow\Psi$, где Ξ и Ψ суть лексемные переменные, а r — некоторое ПСинтО.

Определение 3: СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФРАЗЕМА [Mel'čuk 1987]

Синтаксическая фразема — это фразема, состоящая из минимальных синтаксических структур, в которых:

- 1) любая лексемная переменная либо не заполнена, либо заполнена служебной (= структурной) лексемой;
- 2) хотя бы одна из этих структур не может быть выбрана говорящим — для выражения заданного смысла — независимо от остальных.

Вот типичный пример синтаксической фраземы: СЛОН (*был*) КАК СЛОН, НОС (*был*) КАК НОС, ВОЙНА (*была*) КАК ВОЙНА, ...

Смысл 'совершенно обыкновенный' выражен целым указанным ГСинт-поддеревом и не может быть выражен по частям.

Ещё несколько примеров синтаксических фразем:

X-у и Y БЫТЬ НЕ В Y (*Ей и праздник не в праздник.*)

X у Y-а ДО-Z-ится (*Маша у него докритикуется!*)

X-у БЫТЬ НЕ ДО Y-а (*Ему не до книг.*)

X у Y-а Z_{БУД} (*Ты у него погуляешь!*)

A X (НУ) Y_{ИНФ} (*А он — ну орать!*)

X_{t,n,p,g} НЕ X_{t,n,p,g} (*Дам, не дам — и что?*)

X_{ИНФ} ТАК X_{ИНФ} (*Спать так спать!*)

НА ТО X И БЫТЬ Y (*На то Катя и доктор.*)

X ЕСТЬ (<— ЭТО) X (*Женщина есть женщина.*)

ЧТО НИ X(, ТО) Y (*Что ни лето, (то) пожары.*)

Индексы **t, n, p, g** обозначают tense, number, person, gender: оба вхождения глагола X должны совпадать по морфологическим характеристикам.

Служебные лексемы, выступающие в синтаксических фраземах, — это связка БЫТЬ, отрицательные частицы НЕ и НИ, неопределенное наречие ТАК, предлоги и союзы.

Вопреки [Иомдин 2010а; 2010b], выражения [КАКОГО ЧЕРТА?], [НА КОЙ ЧЕРТ?], [ЧЕРТА С ДВА] и т. п. не следует называть синтаксическими фраземами: это самые обычные лексические идиомы, ибо они включают по меньшей мере по две полнозначные лексемы. Не являются синтаксическими фраземами и выражения типа ЧЕРТ ЗНАЕТ [*что/где/зачем...*]: это обычные лексические коллокации (нестандартные), поскольку ЗНАТЬ сохраняет в них свое значение. Выражение же *Черт с ним!* вообще не является фраземой: в нем выступает просто одна из лексем вокабулы ЧЕРТ — междометие со своей моделью управления [с N_{ТВОР}] (наподобие *Долой террористов!* или *Тьфу на тебя!*).

Заключение

Черт меня побери! Какого черта лысого я занялся этой тематикой? На черта мне это было нужно? Черт меня догадал залезть во все эти черт знает как запутанные дела, каковых — до черта. Да черт с ними и пошли они все к черту (или к чертовой матери (= бабушке))! Однако до чертиков хотелось что-то прояснить; но ведь черта с два! Впрочем, черт его знает...

Благодарности

Как всегда, первые схватки с чертовщиной провела Лидия Иорданская; после ее многократных «Изыди, сатана!» текст стал бог знает насколько точнее и прозрачнее. Затем он был прочитан Юрием Апресяном, которому я обязан уточнением смыслового описания идиом с именем чертыхательным. После чего Леонид Иомдин добавил точности и тонкости фиг знает во скольких местах. Затем статью критически прочли Игорь Богуславский

и Ясмينا Миличевич. И, наконец, свои поправки прислала Елена Савина. Один бог знает, как я вам всем благодарен!

Л и т е р а т у р а

Иомдин 2003 — Л. Л. И о м д и н. Большие проблемы малого синтаксиса // Труды Междунар. конф. по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям. М., 2003. С. 216—222.

Иомдин 2010а — Л. Л. И о м д и н. Гипотеза о двух синтаксических началах // Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, В. З. Санников. Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря. М., 2010. С. 129—140.

Иомдин 2010б — Л. Л. И о м д и н. Синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, В. З. Санников. Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря. М., 2010. С. 141—190.

Иорданская, Мельчук 2007 — Л. Н. И о р д а н с к а я, И. А. М е л ь ч у к. Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007.

Мельчук 1964 — И. А. М е л ь ч у к. Обобщение понятия фразеологизма (морфологические фразеологизмы) // Л. Ройзензон (ред.). Мат-лы конф. «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». Т. I. Самарканд, 1964. С. 89—90.

Мельчук 1974 — И. А. М е л ь ч у к. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл & Текст». Семантика, Синтаксис. М., 1974. [Переизд.: М., 1999.]

Мельчук 2001 — И. А. М е л ь ч у к. Курс общей морфологии. Т. IV: Морфологические знаки (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 38: 4). М.; Вена, 2001.

Beck, Mel'čuk 2011 — D. B e c k, I. M e l ' č u k. Morphological Phrasemes and Totonacan Verbal Morphology. *Linguistics*. 49: 1. 2011. P. 175—228.

Bresnan, Grimshaw 1978 — J. B r e s n a n, J. G r i m s h a w. The Syntax of Free Relatives in English. *Linguistic Inquiry*. 9: 3. 1978. P. 333—391.

Dalrymple, Kaplan 2000 — M. D a l r y m p l e, R. K a p l a n. Feature Indeterminacy and Feature Resolution. *Language*. 76: 4. 2000. P. 759—798.

Grosu 1988 — A. G r o s u. Pied Piping and the Matching Parameter. *The Linguistic Review*. 6. 1988. P. 41—58.

Haspelmath 1997 — M. H a s p e l m a t h. Indefinite Pronouns. Oxford, 1997.

Иомдин 2005 — Л. Л. И о м д и н. A Hypothesis of Two Syntactic Starts // Восток — Запад: Вторая Междунар. конф. по модели Смысл — Текст / Ю. Д. Апресян, Л. Л. Иомдин (ред.). М., 2005. С. 165—175.

Иомдин 2007 — Л. Л. И о м д и н. Russian Idioms Formed with Interrogative Pronouns and Their Properties // Meaning-Text Theory 2007. Proceedings of the Third International Conference on Meaning-Text Theory. Wiener Slawistischer Almanach (Sonderband 69). München; Wien, 2007. P. 179—189.

Lakoff 1974 — G. L a k o f f. Syntactic Amalgams. Chicago Linguistic Society: Papers from the 10th Regional Meeting. 1974. P. 321—344.

Mel'čuk 1987 — I. Mel'čuk. Un affixe dérivationnel et un phrasème syntaxique du russe moderne. Essai de description formelle // *Revue des études slaves*. 53: 3. 1987. P. 631—648. [Перепечатано в: И. Мельчук. Русский язык в модели «Смысл ↔ Текст» (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 39). М.; Вена. 325—346].

Mel'čuk 2009 — I. Mel'čuk. Dependency in Natural Language // A. Polguère, I. Mel'čuk (Eds.). *Dependency in Linguistic Description*. Amsterdam; Philadelphia, 2009. P. 1—110.

Mel'čuk 2011 — I. Mel'čuk. Phrasèmes dans le dictionnaire // J.-C. Anscombre, S. Mejri (Eds.). *Le figement linguistique: la parole entravée*. Paris, 2011. P. 41—61.

Suñer 1984 — M. Suñer. Free Relatives and the Matching Parameter // *The Linguistic Review*. 3. 1984. P. 363—387.

I. A. MEL'ČUK

**PRONOMINAL EXPRESSIONS WITH «DIABOLICAL» NOUNS
OF THE TYPE [ОНА УЕХАЛА] ЧЕРТ ЗНАЕТ КУДА
'SHE WENT DEVIL KNOWS WHERE' IN RUSSIAN**

The paper examines Russian expressions of the type [Она уехала] *черт знает куда* '[She went] devil knows where' vs. [Она уехала] *куда ее отправили* '[She went] where she had been sent' vs. *Черт (ее/его) знает, куда [она уехала]* 'Devil knows (her/him) where [she went]'. These expressions consist of a pronominal lexeme called K-word (КТО 'who', КАКОЙ 'what type of', КУДА 'where', КОГДА 'when', etc.) and a phrase that can be free or a phraseme (idiom or collocation); if it is a phraseme, it includes so-called «diabolic» nouns (ЧЕРТ 'devil', БОГ 'God', ПЕС 'dog', ШИШ 'fig [gesture]', ХРЕН 'horseradish', etc.). A syntactic dependency description is proposed for these expressions (the top node being the K-word) as well as a general scheme for their lexicographic representation. A short typology of phrasemes is introduced: lexical phrasemes (subdivided into non-compositional, or idioms, and compositional — that is, collocations and clichés), morphological phrasemes and syntactic phrasemes.

Keywords: Russian, syntax, lexicography, phraseology, pronominal expressions of the type *черт знает, кто* 'devil knows who'.

Е. Н. НИКИТИНА

ЕЩЕ РАЗ О ДЕЕПРИЧАСТИЯХ В НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

0. Проблема взаимодействия односоставных предложений с деепричастиями была поставлена в классическом труде А. А. Шахматова. Признавая за деепричастиями роль «второстепенных», «придаточных» сказуемых, А. А. Шахматов считал естественным встраивание деепричастных предикатов в двусоставные предложения, т. е. в предложения с подлежащим: «По общему правилу, господствующему во всем русском языке, употребление деепричастия возможно там, где налицо подлежащее и сказуемое. Деепричастие таким образом находится в прямой связи с подлежащим» [Шахматов (1941) 2001: 229]. Идя от конкретного речевого материала в рамках описательного подхода к русскому синтаксису, А. А. Шахматов делал оговорку, согласно которой допустимо включение деепричастных предикатов в некоторые морфологизированные виды односоставных предложений — инфинитивных (*Отказавшись от всяких переговоров, выехать немедленно*), безличных (*Не бывав, девушке замуж хочется*), определительно-личных (*Встречая тебя, всякий раз радуюсь*) и «неопределенно-личных» (*За собой слово не удержав, за людьми не удерживают*), см. [Там же: 127]. [АГ-80: 181] в отношении двусоставных предложений следует шахматовской традиции: «В двукомпонентных предложениях с глаголом-сказуемым в основной части предложения деепричастие означает такое действие или состояние названного в подлежащем субъекта, которое сопутствует действию или состоянию, названному в сказуемом». Однако, положив в основу своего подхода к синтаксису нормативный аспект, АГ-80 сузила подход к деепричастиям и ограничила возможности соединения деепричастий с «бессубъектными» предложениями: «Деепричастие может относиться... к неподлежащно-сказуемым предложениям, включающим в свой состав инфинитив; обязательным условием такого употребления является совпадение субъекта действий..., названных деепричастием и инфинитивом» [Там же: 183], например: *Нужно было восстановить станцию, не прекращая научных исследований; Играя черными, чемпиону не удалось захватить инициативу*. Соединение нормативного подхода с активным вниманием к реальному речевому материалу представлено в монографии [Ицкович (1982) 2010]. В. А. Ицкович обосновывает нормативность употребления дее-

причастий в рамках предложений с отсутствующим субъектом — как обобщенно-личном (...*находясь здесь, чувствуешь все сильнее и острее, нежели глядя на подъем ракеты с наблюдательного пункта*): «В обобщенно-личных предложениях, как и в личных, сказуемое соотносено с субъектом действия. Отличие этих предложений от личных заключается лишь в обобщенном характере субъекта действия и в его имплицитности» [Ицкович (1982) 2010: 135], так и в неопределенно-личном: *Проведя первый обжиг, изделие покрывают глазурью* (= мастер проводит обжиг и покрывает глазурью). Тем самым, в перечисленных выше работах наличие деепричастия в предложении соотносится с проблемой кореферентности «структурному» субъекту в Им. п., «логическому» субъекту в Дат. п., «мыслимому» субъекту в Им. и Дат. п.

Другой подход, типолого-теоретический, обосновывает наличие нулевого субъекта в «бессубъектных» предложениях именно возможностью употребления в них деепричастий (а также и возвратных местоимений): *Сюда каждый день привозят кирпич, разгружая его у дороги* [Тестелец 2001]. Я. Г. Тестелец подтверждает существование нулевых подлежащих (которое было постулировано в работе [Мельчук 1974]) способностью «содержащих их клауз включать деепричастные обороты».

Следующим шагом в изучении подобных предложений с деепричастиями должно быть обращение к референциальным свойствам нулевых субъектов — как неопределенно-личного предложения, так и деепричастного сказуемого.

Известно, что прототипическим субъектом неопределенно-личного предложения является субъект, обязательно находящийся вне фокуса эмпатии, дистанцированный от говорящего и противопоставленный ему, неопределенный, не охарактеризованный по числу (*В дверь постучали*), неопределенно-квантифицированный¹ (*В институте ее очень ценят*), третьеличный, а тем самым нижних рангов индивидуности; о шкале индивидуности, соединяющей категории одушевленности/неодушевленности, числа и лица, см. [Степанов 1981]. Напротив, деепричастия склонны к тому, чтобы взаимодействовать с конкретно-референтными определенными субъектами [Золотова и др. (1998) 2004], тематическими субъектами [Йокояма 1983], с Я-субъектами [Гловинская 1996]. Этому комплексу признаков (определенность, тематичность, Я) соответствует высший индивидуальный субъектный ранг. С другой стороны, глагольная сущность деепричастных предикатов в центральном, ядерном значении, обеспеченная категорией вида, — передача динамических (временных) признаков, выражение таксисных отношений (одновременность или предшествование относительно основного предиката) [Якобсон 1972], что особенно ярко проявляется в условиях

¹ Подробную характеристику референциальных и прагматических свойств нулевого субъекта неопределенно-личных предложений см. в [Булыгина, Шмелев 1997]. Е. В. Падучева добавляет к семантическим признакам нулевого субъекта 3 мн. «несущественность» для говорящего [Падучева 2012].

конкретно-временной локализации. Названные свойства деепричастий нуждаются в дополнительных аргументах. Таким аргументом могут служить ограничения на синонимию причастий и деепричастий (которые обычно обсуждались в рамках преподавания РКИ; см., например, [Фокина 1981]).

Рассмотрим текстовый фрагмент.

(Постояв немного, я вышел за калитку в переулок.) В нем играла метель. Метнувшаяся мне под ноги собака испугала меня, и я перебежал от нее на другую сторону (Булгаков).

Этот фрагмент обусловлен точкой зрения наблюдателя (Я), выделенный отрывок принадлежит к репродуктивно-описательному регистру, взгляд наблюдателя фиксирует (новый, неизвестный) предмет, попадающий в поле зрения. Существительное *собака* несет на себе ударение — конкретно-референтный, неопределенный объект наблюдения; при синонимической замене на предложение с самостоятельным предикатом получается предложение, сближающееся с бытийным: *Мне под ноги метнулась собака (она испугала меня)* = ‘собака появилась, начала быть в моем поле зрения’, предикат безударный, фразовое ударение на субъекте (*собака*). В рамках текстового фрагмента замена на деепричастие невозможна: *?метнувшись мне под ноги, собака испугала меня...*, так как в присутствии деепричастия субъект меняет референциальный статус, субъект (*собака*) теряет ударность, «перетягивая» фокус эмпатии.

Ср. также пару изолированных предложений, в которых замена причастия на деепричастие приводит к изменению референциального статуса подлежащего и характеристики зависимого сказуемого по признаку акциональность/неакциональность: (1) *Живущий в Москве брат не пишет мне.* — (2) *Живя в Москве, брат не пишет мне*². (1) — братев может быть как один, так и больше, причастный признак статический; (2) брат становится единственным, деепричастный признак динамический, переменный (брат живет то в Москве, то где-то в другом месте).

Склонность деепричастий к взаимодействию с конкретно-референтными определенными субъектами подтверждается и тем, что зоной массовых ошибок в употреблении деепричастий является референция к Я³: *Глядя на это, становится грустно; Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа* (Чехов).

О верности последнего предположения свидетельствует невозможность (несмотря на отсутствие структурных ограничений) включения деепричастий в предложения с реально неопределенным субъектом, ср.: *?Подойдя,*

² В [Фокина 1981] этот пример признается некорректным, однако представляется, что он может получить осмысление.

³ По мнению М. Я. Гловинской, среди нарушений в употреблении деепричастий «ближе всего к норме — конструкции с выраженным непосредственно семантическим субъектом, особенно 1-го лица» [Гловинская 1996].

в дверь постучали. — ?*В дверь постучали, подойдя* — акциональное деепричастие вступает в таксисные (временного следования) отношения с основным акциональным предикатом; ?*Желая получить деньги, украли кошелек.* — ?*Украли кошелек, желая получить деньги* — деепричастие интерпретирует действие неизвестного субъекта, таксисные отношения отсутствуют. В обоих парах примеров оба предиката, и самостоятельный, и зависимый, называют или интерпретируют действие неизвестного субъекта, что и создает аномальность примеров, т. е. неизвестность нулевого субъекта не может выражаться двумя кореферентными бессубъектными предикатами. Ср., с другой стороны, разнонаправленные («направленные» на разных субъектов) предикаты с разной семантикой в сконструированной паре фраз **Постучав в дверь, разбудили хозяйку* — **В дверь постучали, разбудив хозяйку*, где соединяется акциональная семантика глагола *постучать*, характеризующего неизвестного субъекта действия, и неакциональная семантика глагола *разбудить*, характеризующего субъекта состояния *хозяйку*. Представляется, что если эти фразы могут получить осмысление, то это ‘От стука в дверь хозяйка проснулась’. (При этом следует отметить, что субъект модуса, соединяющий роль наблюдателя и говорящего и организующий фокус эмпатии, в сконструированной паре примеров не совпадает ни с одним из диктальных субъектов — ни с субъектом действия, ни с субъектом состояния, занимая внешнюю, отстраненную позицию. О внешней и внутренней точке зрения см. [Успенский 2000].)

В более узком плане возможности деепричастия в неопределенно-личном предложении может ограничивать индивидуальная лексическая семантика глагола. В частности, конфликтное соединение деепричастия и предиката неопределенно-личного предложения лежит в основе комического и сатирического эффекта у Булгакова: *То есть как? — спросили у Никанора Ивановича, прищуриваясь* — семантика реальной личности и конкретно-вещественного лица, обуславливаемая лексической семантикой глагола *прищуриться* («прищурить глаз или глаза»), сталкивается с сущностной не-личностью властной инстанции — субъекта действия *спросили*.

Такие параметры, как референциальный статус нулевого субъекта, семантика основного и зависимого предикатов и, как следствие, возможность таксисных отношений, задают условия для включения/невключения деепричастия в рамки неопределенно-личных предложений. Ответы на вопросы о том, как эти параметры представлены в реальных неопределенно-личных предложениях с деепричастиями, были получены в результате исследования с привлечением материалов НКРЯ.

1. Значительную группу составили примеры, в которых **отсутствуют или ослаблены таксисные (временные) отношения между основным и второстепенным предикатом**. Это следующие случаи:

1.1. **Интерпретационный характер отношений**: основной и зависимый предикаты представляют собой пару, в которой соединены глагол

констатирующей семантики и глагол интерпретационной семантики, последний обнаруживает ментальную позицию субъекта модуса. Интерпретационность глагольной семантики может быть двух типов: оценочность в речевом глаголе (*сослаться, придраться, инкриминировать*), который называет реальное действие и поясняет действие, названное другим предикатом, и оценочность в глаголе, который не называет реального действия (*лишить*), а поясняет действие, выраженное другим (констатирующим) предикатом. Во втором случае речь идет о двукратном назывании одного действия двумя предикатами, поэтому при интерпретационном предикате возможно поясняющее слово *тем самым*: *мундир увезли, (тем самым) лишая одежды*.

А. Основной предикат констатирующий, передает однократное действие в прошлом (сов. в.), деепричастие интерпретационной семантики в сов. или несов. в., предложение сообщает о действиях властей. См. пару примеров с деепричастиями несов. и сов. в.: *Лейтенанту, чей мундир зачем-то куда-то увезли, лишая то ли одежды, то ли свободы, выдан был в каптёрке лазарета больничный халат...* (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», № 8, 2001) — *В капстраны Леню не пустили, лишив его тем самым возможности добиться мирового признания* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995—1999)).

Отнесенность основного и зависимого предикатов к субъекту — властной инстанции не позволяет говорить о реальной неизвестности, скорее, речь должна идти о неиндивидуальности субъекта. Поэтому, очевидно, возможны серии (начиная от двух) кореферентных неопределенно-личных предикатов: *Сначала рекорд засчитали, а затем отменили, сославшись на микроскопическое (и весьма сомнительное) превышение нормы по популярному ветру* (Сергей Подушкин. Нескладный супермен. Тим Монтгомери стал самым быстрым человеком на планете (2002)). Ср. также пример с парой неопределенно-личных предикатов, отнесенных к разным субъектам: *Лабораторию, которой заведовал отец, закрыли, придираясь всё к тем же мифическим финансовым нарушениям. Гольдбергу-старшему об этом сообщили в лагерь* (Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света 2000).

Интересно, что двувидовой глагол в форме деепричастия может открыто обнаруживать глагольный вид суффиксом, тем самым деепричастие располагает большими возможностями в выражении вида, чем спрягаемый глагол: *К тому же его жена и дочь не совсем правильно себя вели и, может быть, в чём-то и явились виновницами той печальной истории, когда Анатолия Андреевича арестовали, инкриминировав ему получение взяток* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995—1999)). Ср.: *инкриминировали* (двувидовой глагол) — *арестовали, инкриминировав* (сов. в.) — *арестовали, инкриминируя* (несов. в.).

Б. Констатирующий основной предикат несов. в. и интерпретирующее деепричастие несов. в. Эту группу составили примеры из НКРЯ, в которых в основном предикате представлена семантика настоящего времени — как

узуального: *Про такие обиталища **говорят**, **обижая** зверей*, — логово (В. М. Шукшин. Калина красная (1973)), так и актуального: *Корытин с трудом выбрался со двора и, продолжив путь, заглянул в ремонтные мастерские, в гараж, к амбарам съездил, поглядел на тока, которые уже **чистили**, **готовясь** к новому хлебу* (Борис Екимов. Пиночет (1999)). Соединение констатирующего и интерпретирующего предикатов обнаруживает регистровый шов: на границе деепричастного оборота происходит переключение от констатации к интерпретации и смена регистра — от репродуктивного (наблюдаемое событие, прош. вр. *чистили* имеет значение актуального настоящего) к информативному.

В группе Б. интерпретационный деепричастный предикат означает то же действие, что и констатирующий, что подтверждается возможностью подстановки *тем самым*: *чистили тока, тем самым готовясь к хлебу; говорят, тем самым обижая зверей*.

В. Обратный характер соотношения предикатной семантики: основной предикат интерпретирующий, деепричастие — констатирующее; предикатная пара обозначает одно действие: *На экране полное впечатление, что я пою сама! Спасибо музыкальным генам и всему, что в меня с детства **впихивали**, **водя** в оперу и на концерты!* (Сати Спивакова. Не всё (2002)); *В НИИТиЮ постоянно изобретают что-то новое. Сейчас, например, инсулинзависимый сахарный диабет здесь **успешно лечат**, **вживляя** пациентам клетки поджелудочной железы кролика...* (Анна Маева. Дар на всю жизнь (1999) // «Здоровье», 1999.03.15). В этих предикатных парах возможна взаимозамена, в результате которой констатирующий предикат становится спрягаемым глаголом, а интерпретационный предикат — деепричастием, что, в свою очередь, позволяет подстановку *тем самым*: *впихивали, вода в оперу — водили в оперу, (тем самым) впихивая; успешно лечат, вживляя — вживляют, (тем самым) успешно лечат*.

Анализ примеров показывает, что при интерпретационных межпредикативных отношениях деепричастные обороты занимают постпозицию. И постпозиция деепричастия, и интерпретационность глагольной семантики ослабляют временные отношения между предикатами, которые максимально проявляются в случае, когда оба предиката констатирующие (это позволяет осмысливать их как реальные события, представленные с единой точки зрения). При соединении же констатирующего и интерпретационного предикатов вместо временных отношений проявляется своеобразное «многоголосие» в рамках предложения: один из предикатов прямо характеризует действие нулевого субъекта (одна точка зрения), выражает активность диктального субъекта, другой несет оценку действия, тем самым обнаруживая ментальную позицию модусного субъекта — говорящего (другая точка зрения). При предикатах несов. в., т. е. при итеративном значении либо наст. актуальном, деепричастие «согласуется» с ними по виду, что указывает на многократность события. Прощ. результативное (с семантикой однократности) освобождает постпозитивное деепричастие, макси-

мально выявляя его интерпретационный характер. При этом вариативность вида деепричастия при прош. результативном имеет разную функциональность: сов. в. работает на диктум, «согласуясь» с видом основного предиката, несов. — на модус. Несов. в. приближает интерпретационный зависимый предикат к говорящему, обнаруживая связь деепричастия с временем мысли и речи говорящего (мотивирующего, объясняющего действие, выраженное основным предикатом).

Постпозиция — характерная позиция для интерпретирующих предикатов, для переключения точки зрения. Функционально постпозитивные деепричастия с разрушенными таксисными отношениями можно сравнить с вставной конструкцией⁴, которая реализует речевую тактику, цель которой — смена типа модуса и коммуникативного регистра (репродуктивный — информативный регистр, репродуктивный — генеритивный и т. п.), субъекта речи (герой — повествователь) и т. п.

1.2. Следующий вариант семантической соотнесенности предикатов — два констатирующих предиката, при этом **основной предикат и деепричастие означают одно и то же действие**: *Телефон в доме Корытиных звонил лишь по вечерам. Днём обычно молчал. Знали, что хозяин дома не сидит. А тут вдруг позвонили, попросив Катерину* (Борис Екимов. Пиночет (1999)). В примере речь идет об одном речевом действии, названном глаголами *позвонить* и *попросить*. Констатирующий характер предикатов не позволяет подстановку *тем самым*, вид деепричастия свободен от вида основного предиката (сов.в.): *позвонили, попросив* = *позвонили, прося*. Соединение основного и зависимого предикатов речевой семантики напоминает описанный В. С. Савельевым тип оформления прямой речи в древних текстах посредством «финитно-причастных конструкций», например: **И призвал он старшего конюшенного, говоря; Ги же отвѣщаваху, глаголюще**. Один из членов конструкции обязательно называет локутивный акт — то есть сам акт говорения (чаще всего это глаголы **рещи** и **глаголати**). Второй глагол характеризует одну из составляющих коммуникативного события, которая представляет особый интерес для автора (см. [Савельев, в печати]).

Пример Я. Г. Тестельца *Сюда каждый день привозят кирпич, разгружая его у дороги* принадлежит к этой же семантической группе. *Привезти* и *разгрузить кирпич* в этом контексте — один и тот же факт (говорящий имеет дело с ситуацией «наличия кирпича у дороги», обозначенной дважды, второй раз — с уточнением). В целом оба предиката (*привозят* и *разгружая*) являются характеристиками пространства — *здесь* = *сюда* = *у дороги*). Ср. некорректность неопределенно-личного предложения, в котором деепричастие выражает второе действие: **Сюда привозят кирпич, строя дом*.

1.3. Примеры, в которых деепричастие ментальной семантики теряет свою предикативную сущность — **фразеологизируется** либо **адвербиализуется** (т. е. речь идет об одном предикате — в спрягаемой форме). При-

⁴ См. [Поспелова 2005].

знаки потери глагольности — отрицание (признак интерпретационности), отсутствие реального процесса «думать». Нулевые субъекты могут быть разного референциального статуса: дистрибутивная референция — *Спросите любого американца: в чем вы храните свои сбережения? Вам не задумываясь ответить: в акциях и облигациях!* (Артем Тарасов. Миллионер (2004)); властная инстанция — *Когда-то бронзовый перст ЛЕНИН-ГРАДСКОГО Ильича указывал на одно из помещений Дома культуры. Однако в недалёком прошлом это здание переоборудовали под казино и эротический клуб. Само собой, пристальное внимание вождя мирового пролетариата к сомнительному заведению выглядело неуместным. Скульптуру недолго думая переместили на территорию загородного профилактория* (Надежда Баяндина. Хождения по мукам бронзового Ленина (2004) // «Вечерний Екатеринбург», 2004.11.06); исполнительская инстанция — *В приемной, куда я затем переместился, не мудрствуя, взял и бумажный мешок для мусора* (Борис Грищенко. Посторонний в Кремле (2004)) — см. разбор этого примера ниже.

2. В корпусе встретились примеры с **выраженными временными отношениями между основным и зависимым предикатом.**

2.1. Там, где выражаются временные отношения (деепричастие и основной предикат означают разные действия), речь идет о **конкретизации предизируемого субъекта, о конкретизации пространственно-временной локализации**, о сюжетности. Местоименный нуль субъекта неопределенно-личного предложения связан анафорическими либо катафорическими отношениями с именем субъекта в рамках текстового фрагмента.

*С утра на следующий день появился **отряд вооруженного ОМОНа**. (...)* *Уходя, ударили пару раз по спинам лежавших прикладами автоматов...* Форму бессубъектных предикатов прош. мн. можно считать или (1) НЛП, средством дистанцированности от субъектов действия, или (2) неполным предложением, в котором восстанавливается субъект из предтекста «отряд ОМОНа» (семантика дистанцированности сохраняется). Во втором случае в примере форму мн. ч. предиката можно понимать как семантическое, а не формальное согласование между субъектом и предикатом по числу (*отряд — ударили*).

*Только тут до помощника дошло, что хозяин кабинета требует, чтобы его позднему посетителю сделали новогодний подарок. В приемной, куда я затем переместился, не мудрствуя, **взяли** бумажный мешок для мусора и, **открыв** какой-то шкаф, **начали** подряд **бросать** в объемистую тару все, что попадало **дежурным** под руку — коробки конфет и консервные банки, колбасу и печенье, яблоки, пачки чая, бутылки водки, вина, коньяка. Как я понял, президентский каприз заставил **его окружение** поделиться со мной частью своих новогодних кремлевских трофеев. Естественно, **дежурившие в приемной** не были от этого в восторге* (Борис Грищенко. Посторонний в Кремле (2004)) — конкретизация субъекта осу-

ществляется посредством пространственного локализатора *в приемной* (о субъектной сущности инициальных локативов в неопределенно-личных предложениях см. [Кржижкова 1967; АГ-80; Булыгина, Шмелев 1997; Золотова и др. (1998) 2004]), далее субъект многократно назван в посттексте неиндивидуальными признаковыми именами: *дежурные; его окружение; дежурившие в приемной*. Для таксисных деепричастий характерна препозиция, замена вида невозможна.

2.2. «Конкретизация субъекта» осуществляется за счет того, что **деепричастие может взаимодействовать не только с нулевым субъектом, но и с выраженным объектом действия** и тем самым стать его предикатом. Объект действия — более индивидуализированный, чем нулевое подлежащее в Им. п., тематический, находящийся в фокусе эмпатии. См. примеры из инструктивных текстов, в которых выражен модус воли: *мясо, приготовив, заворачивают в фольгу; При заделке трещин шеллак плавят паяльником или, раздробив, смешивают с нитролаком* (Гатьяна Матвеева. Реставрация столярно-мебельных изделий (1988)), а также из нарративных текстов: *Когда лабораторию закрыли, немцев, щедро наградив, отпустили на родину, чему они немало удивились, полагая, что придется отработать на победителя куда больше* (Даниил Гранин. Зубр (1987)); *Рыдающую мадам Римскую, сколько можно успокоив, отправили домой* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть I (1929—1940)).

Интересно, что деепричастие, являясь препозитивным по отношению к основному предикату, занимает постпозицию относительно объекта действия. Контекстные условия таковы, что при вторичном предикате объект не называется — ни существительным, ни анафорическим местоимением (ср.: **Рыдающую мадам Римскую, сколько можно успокоив ее, отправили домой*). Если воспользоваться логикой исследователей, восстанавливающих в деепричастных оборотах субъектный нуль (это, в частности, Я. Г. Тестелец), то деепричастия от переходных глаголов в представленных выше примерах несут два нуля — и субъекта, и прямого объекта. Отношения кореференции, таким образом, потенциально возможны как с нулевым субъектом, так и с объектом (выраженным словесно) основного предиката неопределенно-личного предложения. Зависимый предикат-деепричастие начинает взаимодействовать с объектом, выражая его перфектный признак (сов. в. в соединении с лексической семантикой деепричастий «закрепляет» признак за объектом: *шеллак разделен на фрагменты, мясо готово, у немцев вознаграждение и т. п.*), а механизм взаимодействия аналогичен залоговому.

Такое переключение от субъекта к объекту возможно потому, что в неопределенно-личных предложениях в фокус эмпатии (и в тематическую позицию⁵) попадает именно объект действия; шире, в рамках текстового

⁵ См. работу [Йокояма 1983], в которой разрабатывается идея о том, что для того, чтобы соотноситься с деепричастным оборотом, субъект в Им. должен стоять

фрагмента, объект действия неопределенно-личного предложения является микро-темой, ср. расширенный контекст из «Мастера и Маргариты»:

*Позвонила **взволнованная дама**, стала требовать Римского, ей посоветовали позвонить к жене его, на что **трубка**, зарыдав, ответила, что **она и есть жена** и что Римского нигде нет. Начиналась какая-то чепуха. Уборщица уже всем рассказала, что, явившись в кабинет финдиректора убирать, увидела, что дверь настежь, лампы горят, окно в сад разбито, кресло валяется на полу и никого нету.*

*В одиннадцатом часу ворвалась в Варьете **мадам Римская**. Она рыдала и заламывала руки. Василий Степанович совершенно растерялся и не знал, что ей посоветовать. А в половине одиннадцатого явилась милиция. Первый же и совершенно резонный ее вопрос был:*

— Что у вас тут происходит, граждане? В чем дело? {...}

***Рыдающую мадам Римскую**, сколько можно успокоив, отправили домой...*

О том, что объект действия может претендовать на роль предцизируемого субъекта, писали авторы, работавшие в 1970-х гг. в рамках трансформационной грамматики; тогда предлагалось рассматривать неопределенно-личные предложения как вариант страдательной конструкции — см., например, [Храковский 1974]. Однако в предложениях с парой переходных предикатов — неопределенно-личным и деепричастным — объект действия взаимодействует с обоими предикатами. Деепричастный перфектный признак теряет акциональную семантику, выражая достигнутое в результате предшествовавшего действия состояние и сближаясь семантически со страдательным причастием сов. в. Такая интерпретация возможна, и она имеет традицию в русистике: в диалектологии принято считать формы на *-вши (-вши)/-ши* в предикативной функции причастиями: *Бригадир спит, а картошка затравевиши; Магазин закрывиши*, см. [Кузьмина 1993: 142—148].

Предикация к объекту действия основного предиката полными формами прилагательных и причастий известна в литературном языке для глаголов ментальных состояний, глаголов движения: *помню его молодым, расстроенным; его привели домой пьяного*. Ср. с литературным примером XIX в., в котором форма *связамиши* соединяет и черты деепричастия (морфологическая неизменяемость, препозиция), и черты адъективных зависимых предикатов (предикация к объекту действия, отсутствие интонационной выделенности, употребление при глаголе движения):

*«За что это **его** так скрутили?» — спросил я, понизив голос. Лакей бросил косвенный взгляд на управляющего и, видя, что он щелкает на*

в теме, иначе деепричастие начинает взаимодействовать с тематическим объектом. В приводимых выше примерах в теме как раз объект в Вин., который, по О. Йокояме, и претендует на то, чтобы предикативно взаимодействовать с таксисным предикатом: тематичность имени важнее, чем его морфологическая форма.

*счётах, следственно, совершенно поглощён, отвечал мне полушёпотом: «Записочку перехватили к одной актёрке; ну, князь этого у нас недолюбливает, то есть не сам-то... а то есть насчёт других-то недолюбливает; он его и велел на месяц посадить в сибирку». — «Так это его тогда приводили на сцену оттуда?» — «Да-с; **им** туда роли посылают твердить... а потом **связамии** приводят». — «Порядок всего дорожке», — отвечал я, и желание идти в княжескую труппу начало остывать. Дверь в контору растворилась с шумом, все вскочили, вошёл князь. Лакей взглянул на меня, я понял: это была просьба о скромности (А. И. Герцен. Сорока-воровка (1846)). Ср.: **связамии** приводят = 'связанного приводят'.*

В плане залога рассматриваемые неспрягаемые формы обнаруживают сходство со страдательными предикатами, ср.: *Арбуз, надколов, ... = Арбуз надколотый*), в плане формы — с действительными причастиями прош. вр., ср. *надколовший — надколов*. Это согласуется с известным диалектным фактом: предикативные формы на *-вши* (с вариантами) не знают изменений по залогу, теряют возвратную частицу *-ся*: *Он женимши (= Он женился, Он женат)*. В [Кузьмина 1993: 145] формы на *-вши* — предикаты объектов действия интерпретируются как страдательные конструкции: *у меня тут веревка кинувши, утка охотником подбивши, жена хорошая у меня из Ленинграда взявши*.

Функциональный подход к литературным неспрягаемым глагольным формам позволяет осознать, что связь между причастием и деепричастием и в литературном языке теснее, чем принято считать в парадигматической грамматике, что в предложении и тексте реализуется тот потенциал, который обусловлен исторической памятью форм, что возможно не «однонаправленное» движение — не только в сторону «от причастия к деепричастию», но и в обратную сторону.

В поддержку идеи о предикативном взаимодействии неизменяемой глагольной формы с объектом действия в фокусе эмпатии следует привести два аргумента: (1) нарушение в употреблении деепричастий; (2) синтаксические связи по категории субъекта (персональности) между сирконстантами (детерминантами) с семантикой временного статуса в Тв. или временного отрезка и объектом в косвенном падеже.

(1) Далее приводятся примеры из [Гловинская 1996], которые, по мнению автора, дальше отстоят от нормы, чем примеры с Я-субъектом. Однако если отвлечься от идеи нормативности, то обращает на себя внимание сходство грамматического устройства этих примеров — референция к объекту действия в косвенном падеже, который имеет более высокий индивидуальный статус, чем субъект в Им. п., и находится в фокусе эмпатии: *и вот в один прекрасный день, находясь уже на стажировке в Вильнюсском университете, к ней в общежитие пришел человек, «часто сопровождавший прибывающих с Запада литовцев» (Известия 1992); В Германии, даже достигнув 18-летнего возраста, инвалидов (0) не отлучают от таких*

центров и от коллективов, к которым они привыкли (Сегодня 1994); Будучи уже вполне зрелым человеком, меня выманил Михалков играть Обломова (ТВ 1996). В примерах выше подчеркнуты субъект и объект действия, в каждой паре объект выше по индивидуности, чем субъект. В этих случаях переключение деепричастия на объект более очевидно, чем в рассмотренных выше случаях с перфектными деепричастиями от переходных глаголов (*Арбуз, надколов, разламывают*) в силу того, что деепричастие от непереходных глаголов несет один нуль, взаимодействие происходит с нарушением нормы и однозначно — только с объектом в косвенном падеже.

(2) *Однажды в детстве его серьезно наказали; Мальчиком его украли цыгане* — *в* + Предл. и Тв. являются предикатами к более индивидуальному субъекту (и теме текстового фрагмента в целом): = ‘Когда он был мальчиком, его украли цыгане’. В этих случаях нарушается правило моносубъектности в предложениях с именными осложнителями, согласно которому эти именные осложнители должны совпадать с основным предикатом по категории синтаксического лица, т. е. должны являться предикатами к подлежащему (см. [Золотова и др. (1998) 2004]). Можно, однако, считать, что правило моносубъектности выполняется, но это моносубъектность не морфологизованная, а семантическая: относительно обоих предикатов (и основного, и зависимого) выделен объект (является «фигурой», «текстово выделенной сущностью»), а субъект-подлежащее является «фоном» (о фоне и фигуре, о дискурсивной выделенности см. [Chvany 1996]).

Обычно референциальные возможности деепричастий рассматриваются в паре с другим «отражателем» — возвратными местоимениями: и те и другие в рамках литературной нормы кореферентны подлежащему. В неопределенно-личных предложениях не только деепричастия, но и возвратные местоимения обнаруживают тенденцию к взаимодействию с тематическим косвенным падежом. Это взаимодействие на грани (или за гранью) нормы: *Работаешь-работаешь, а тебя все равно бьют — то на собрании, то в своем кабинете* (к/ф «Большая семья», 1952); *Туристов выселяют из своих номеров* (Интернет-ресурс, 2011); *Мне уже прислали информацию на свой адрес* (Интернет-форум). Механизм взаимодействия аналогичен описанному выше. Как и в случае ненормативных деепричастий, это скорее грамматический симптом, показатель того, что глагольный объект (несущий соответствующую морфологическую форму), попадая в фокус эмпатии, приобретает синтаксические субъектные черты. Вопрос о косвенном падеже, взаимодействующем с возвратными элементами, как тесте на субъектность на основании предпосылки, что «возвратный элемент, как правило, кореферентен субъекту предложения», рассматривался в [Адамец 2002: 59].

3. Если конкретизация пространственно-временной локализации может создать условия для конкретизации нулевого субъекта и тем самым для взаимодействия деепричастного предиката с неопределенно-личным предложением (см. 2.2), то можно предположить, что другим средством, обес-

печивающим взаимодействие деепричастия с предикатом 3 мн. бессубъектного предложения, может стать **прикрепленность к структурному субъекту (Им. п.) максимально индивидного субъекта — Я**. Грамматический механизм включения Я в состав субъектов действия меняет семантику предложения — от неопределенно-личности к обобщенно-личности субъекта, от узуального времени к обобщенному времени основного предиката (так называемому «отключению» категории времени) (см. [Золотова и др. (1998) 2004]), но межпредикативные отношения одновременности/предшествования сохраняются. Типичными примерами таких предложений являются пословицы, в рамках которых деепричастие со значением действия осмысливается нормально: *Обжегшись на молоке, дуют на воду*; *Не положила, не ищут*; *На рогоже сидя, о соболях не рассуждают*. См. также стихотворный пример: *То и празднуют нынче везде, / что Его приближенье, сдвигая / все столы* (И. Бродский) — речь идет о Рождестве.

4. Механизм анафоры. Рассмотрим фрагмент из романа Ю. Домбровского, в котором изображается восточный базар. В частности, идет сравнение торговых рядов, где продают дыни, и тех, где арбузы:

(И продавцы в этом ряду тоже иные, и покупатели тут не те, что табуняются вокруг арбузных пятитонок.... И покупатель здесь свой...) Около арбузов мальчишки, тётки, сезонники, шофёры, любители выпить. Арбуз, если нет ножа, просто колют о колено, а надколов, разрывают руками. Едят тут же, чавкая, истекая сладостью, урча, уходя в корку с носом, с глазами, чуть не до волос. Повсюду на земле валяются горбушки и шкурки.

А затем в тексте имеет место переход к новой теме — луку:

...Лук — это пучки длинных сизо-зеленых стрел, но лук — это и клубни, выложенные в ряд. ...Но фиолетовые они или зеленые, их все равно грызут тут же, на месте, с горячим мякишем, с серой верблюжьей солью. Они хрустят, их необыкновенная горечь и сладость захватывает дыхание, ударяет в нос, но все равно их гложут, хрупают, хрустят. «Сердитый лук», — говорят, улыбаясь и плача (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)).

Оба фрагмента предьявляют одну и ту же композиционно-грамматическую тактику — от модуса знания к наблюдению. Пассаж об арбузе начинается как повествование в узуальном времени, формы несов. в. предикатов *колют, разрывают* прочитывается итеративно, информативно (что диктуется свойствами условного придаточного), а по мере увеличения ряда предикатов временная локализованность уточняется, чему способствуют и деепричастия «короткого времени», частноперецептивной семантики: *чавкая, урча*. А завершается фрагмент статической живописной наблюдаемой глазами картинкой: *повсюду на земле валяются горбушки и шкурки*. По той

же модели построен фрагмент, посвященный луку, в котором средством временной конкретизации выступает прямая речь и предикаты частноперецептивной семантики *хрустят, горечь, сладость*, а также кратковременно-го физического состояния *захватывает дыхание, ударяет в нос*.

Компенсационным средством индивидуальной недостаточности нулевого субъекта в примерах из Домбровского является конкретика времени и пространства. Средством конкретизации становится нанизывание неопределенно-личных предикатов, которые образуют серии. Благодаря повтору бессубъектных предикатов включаются референциальные механизмы, приводится в действие механизм анафоры (как будто субъект был предупомянут), анафора как средство локальной связности усиливает определенность (индивидуальность) субъекта. Тем самым неназванный субъект приобретает достаточную конкретизацию для того, чтобы неопределенно-личное предложение «впустило» деепричастие констатирующей семантики, которое вступает в таксисные отношения с основным предикатом (выражается одновременность). Описанный выше механизм анафоры побуждает вернуться к виноградовской интерпретации загадочного интродуктивного фрагмента «Пиковой дамы», в котором рассказчик предстает и как модусный субъект, субъект речи (посредством порядка слов, акцентом на наречии *незаметно*), и как субъект диктума — включенный в состав субъектов действия бессубъектных предикатов *играли, сели ужинать*. По В. В. Виноградову, аргументом в пользу «почти рождения образа *мы*», т. е. в пользу того, что рассказчик является не только наблюдателем, но и участником событий, было «отсутствие указания на “лицо”, на субъект действия при переходе к новой повествовательной теме (разрядка моя. — Е. Н.) — “сели ужинать”» [Виноградов 1936]. Другими словами, одиночный предикат *играли* осмыслялся бы как обычный неопределенно-личный предикат, его одного недостаточно для рождения «образа *мы*», т. е. для включения говорящего в состав субъектов действия, но пара предикатов уже задает возможность более индивидуального осмысления нулевого субъекта — от «они» к «мы»⁶. Если соглашаться с В. В. Виноградовым в том, что рассказчик является и субъектом действия, то **пары** бессубъектных предикатов достаточно, чтобы включился механизм анафоры.

Сериям, образуемым повтором одного и того же морфологизированного средства в рамках художественного текста, были посвящены исследования А. К. Жолковского об «инфинитивных сериях» в русской поэзии (см., например, [Жолковский]), которые «благодаря своей протяженности развивают мощную инерцию» и отрываются от контекста, функционируя как самостоятельные предикаты. Аналогичным образом ведут себя и номинативные серии. См. инфинитивную серию:

⁶ В «рождении образа *мы*», помимо пары (серии) предикатов, важную роль играет и граммема прош. вр. Этому явлению автор предполагает посвятить отдельную работу.

Как он умел казаться новым,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньем готовым,
Приятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиления,
Невинных лет предубежденья
Умом и страстью побеждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звук,
Преследовать любовь, и вдруг
Добиться тайного свиданья... и т. п.

и номинативную серию:

Уже столпы заставы
Белеют; вот уж по Тверской
Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

Условием отрыва от контекста этих средств является возможность их самостоятельного бытия в качестве предикатов, которые осмысляются через обобщенность времени и субъекта: инфинитивные предикаты рисуют обобщенный образ молодости и «ветреного» поведения, номинативная серия становится вневременной характеристикой Москвы, верной для любого наблюдателя. Напротив, серия неопределенно-личных предложений скрепляет контекст «своей инерцией» (если воспользоваться метафорой, которая предложена А. К. Жолковским), конкретизируя «образ» субъекта действия.

5. Механизм анафоры, соединяющей два текста в рамках одной художественной системы. В продолжение виноградовского анализа абсолютного начала текста рассмотрим стихотворение Б. Пастернака «В больнице» (1956), которое начинается с неопределенно-личного предложения с деепричастием: *Стояли, почти запрудив тротуар*. Что может означать выбор бес-субъектного предложения в абсолютном начале стихотворения «В больнице»?

Для того чтобы разобраться, обратимся к более раннему стихотворению — «Рождественская звезда» (1947), которое вместе со стихотворением «В больнице» складывается в своеобразный диптих, посвященный рождению и смерти и соприсутствию Творца. Эти стихотворения обнаруживают сходство не только тематическое, но и по ролевому составу.

Рожественская звезда

⟨...⟩ Светало. Рассвет, как пылинки золы,
Последние звёзды сметал с небосвода.
И только волхвов из несметного сброда
Впустила Мария в отверстие скалы.

Он спал, весь сияющий, в яслях из дуба,
Как месяца луч в углубленье дупла.
Ему заменяли овчинную шубу
Ослиные губы и ноздри вола.

Стояли в тени, словно в сумраке хлева,
Шептались, едва подбирая слова.

Вдруг кто-то в потёмках, немного налево
От яслей рукой отодвинул волхва,
И тот оглянулся: с порога на Деву,
Как гостя, смотрела звезда Рождества.

(1947)

В больнице

Стояли как перед витриной,
Почти запрудив тротуар.
Носилки втокнули в машину.
В кабину вскочил санитар.

И скорая помощь, минуя
Панели, подъезды, зевак,
Сумятицу улиц ночную,
Нырнула огнями во мрак. ⟨...⟩

«О Господи, как совершенны
Дела твои, — думал больной, —
Постели, и люди, и стены,
Ночь смерти и город ночной.

Кончаясь в больничной постели,
Я чувствую рук твоих жар.
Ты держишь меня, как изделие,
И прячешь, как перстень, в футляр».

(1956)

Поэтическое осознание события разворачивается при участии они (люди, толпа, волхвы) — герой (*он*-младенец Иисус либо *он*-больной, становящийся в стихотворении *Я*) — Творец (кто-то — либо Ты). В обоих стихах есть сцена, реализованная средствами репродуктивного регистра, в которой центральный персонаж (младенец Иисус, больной) окружен толпой. Интересно, что обе сцены сходны не только по субъектным типам (героям), но и лексически и грамматически: в обеих сценах присутствуют бессубъектные статические предикаты мн. ч.: *стояли* либо *стояли, шептались*.

Неопределенно-личные предложения даны в обоих стихотворениях в сопровождении сравнительной конструкции: *стояли как перед витриной* и *стояли в тени, словно в сумраке хлева*; с предикатами мн. ч. в обоих стихах соотнесены деепричастные обороты: *стояли, почти запрудив тротуар*, и *шептались, едва подбирая слова*.

При этом сцены выстроены так, что предполагают цепочку (или перспективу) наблюдателей события — во-первых, это внутритекстовые наблюдатели, которые выражаются субъектным нулем, и, во-вторых, внешний наблюдатель по отношению к этим внутритекстовым субъектам. Внешний наблюдатель видит всю картину, в отличие от частного взгляда каждого, кто находится в толпе. На это указывают такие средства: (1) сравнительные обороты, которые обнаруживают чью-то ментальность и внешнюю позицию по отношению к толпе; (2) особая, несоотносимая с точкой зрения субъекта действия (*стояли*) семантика деепричастий: (а) перфектность и панорамность деепричастия *запрудив*, (б) внешний по отношению к субъекту действия характер деепричастия *едва подбирая слова*; (3) наречие «налево» (*Вдруг кто-то в потёмках, немного налево / От яслей рукой*

отодвинул волхва), которое задает отсчет пространственных позиций от яслей с младенцем — от композиционного центра целой картины, а не относительно позиции говорящего; это наречие пространственной, т. е. воспринимаемой зрительно, семантики, заставляет прочитывать зрительно, внешне (а не частноперецептивно, осязательно) и инструментальное значение *рукой*: это значит, что внешний наблюдатель, а с ним и читатель, видит движение чьей-то руки (а не чувствует, как тот, кого отодвинули). Эти языковые средства задают условия, в которых рисуемая в «Рождественской звезде» сцена воспринимается как произведение изобразительного искусства, на которое смотрит читатель. (На то, что мы уже смотрим на картину, есть прямое указание: *стояли в тени, словно в сумраке хлева* — это уже не хлев, а сумрак, тень изображена на картине либо иконе.) Завершается стихотворение сменой точки зрения: от внешнего наблюдателя она переходит к одному из волхвов, на что указывает двоеточие после модусного предиката (*тот*) *оглянулся* — тем самым на звезду мы смотрим вместе с оглянувшимся волхвом, соединяясь с непосредственными участниками.

Во втором стихотворении, «В больнице», статический неопределенно-личный предикат дан на фоне динамического контекста. Здесь также происходит смена точки зрения, на этот раз она соединяет читателей не с наблюдателями, а с главным героем — с Я умирающего больного в рамках его благодарного размышления (стихотворение автобиографично).

В «Рождественской звезде» форма прош. мн. может быть соотносима с субъектом в предтексте (анафора) — это волхвы: *И только волхвов из не-сметного сброда / Впустила Мария в отверстие скалы* (и тогда младенец представлен их глазами — вошли и увидели: *Он спал, весь сияющий, в яслях из дуба*, — таким образом, бессубъектные предложения здесь являются средством приближения к героям — свойство формы прош. вр.). Во втором стихотворении употребление подобного предиката может представляться странным: *Стояли, почти запрудив тротуар* — изображение репродуктивно, при основном предикате есть деепричастие, но ни спрягаемый глагол, ни деепричастие не могут быть соединены с конкретным субъектом в рамках стихотворения ни анафорически, ни катафорически. Неопределенно-личное предложение в начале стихотворения «В больнице» загадочно, выбор его с трудом может быть интерпретирован в условиях самого этого текста. Однако «Рождественская звезда» может стать ключом к его пониманию. Сходство структурно-грамматических приемов и ситуативное сходство показывают, что в более позднем используется уже готовая модель; выбор неопределенно-личности для изображения начальной сцены в «В больнице» может быть осмыслен в качестве композиционно-грамматического возвращения к волнующей поэта теме рождения-смерти; сравнение композиций показывает, что «В больнице» и начинается с той сцены, на которой заканчивается «Рождественская звезда», т. е. стихотворения соединяются не только тематически, но и, можно сказать, сюжетно: сюжет о рождении развивается и заканчивается сюжетом о смерти,

возвращением к Богу. В определенном смысле «В больнице» связано со стихотворением-предшественником **анафорически**. На параллелизм стихотворной проблематики и построения указывает и мотив «Божественных рук», также появляющийся в позднем стихотворении: «Кончаясь в больничной постели, / Я чувствую рук Твоих жар».

6. Итоги. Деепричастие, как зависимый предикат, способствующий индивидуализации, конкретизации предизируемого субъекта, имеет ограничения на взаимодействие с нулевым субъектом неопределенно-личного предложения. Возможность включения деепричастий в неопределенно-личные предложения обусловлена либо потерей таксисных отношений между основным и зависимым предикатом и заменой их на отношения констатации — интерпретации, либо наличием таксисных отношений с условием контекстной конкретизации субъекта посредством названности субъекта в предтексте или посттексте, посредством «нулевой» анафоры в сериях (паре) неопределенно-личных предикатов, посредством «нулевой» анафоры, соединяющей разные тексты в рамках одной художественной системы, а также посредством включения в состав субъектов диктума Я (что ведет к обобщенно-личности значения). Показано, что совершенные деепричастия от переходных глаголов могут вступать во взаимодействие с объектом неопределенно-личного предиката по механизму страдательного залога, предпосылкой такого взаимодействия является фокус эмпатии, конкретность, тематичность имени в косвенном падеже.

Л и т е р а т у р а

- АГ-80 — Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.
- Адамец 2002 — П. А да м е ц. Субъектность и возвратность // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002. С. 59—63.
- Булыгина, Шмелев 1997 — Т. В. Бу лы г и на, А. Д. Ш м е л е в. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Виноградов 1936 — В. В. В и н о г р а д о в. Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин. Временник пушкинской комиссии Академии наук СССР. № 2. 1936. С. 74—147.
- Гловинская 1996 — М. Я. Г л о в и н с к а я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996. С. 237—304.
- Жолковский — А. К. Ж о л к о в с к и й. Из записок об инфинитивной поэзии // <http://www-bcf.usc.edu/~alik/rus/ess/bib198.htm>.
- Ицкович (1982) 2010 — В. А. И ц к о в и ч. Очерки синтаксической нормы. М., 2010.
- Йокояма 1983 — О. Й о к о я м а. В защиту запретных деепричастий // American contributions to the Ninth International Congress of Slavists (Kiev, September 1983). Vol. 1: Linguistics. Columbus, Ohio, 1983.
- Золотова и др. (1998) 2004 — Г. А. З о л о т о в а, Н. К. О н и п е н к о, М. Ю. С и д о р о в а. Коммуникативная грамматика русского языка. М., (1998) 2004.

Кржижкова 1967 — Е. Кржижкова. Адвербиальная детерминация со значением места и направления // ВЯ. 1967. № 2. С. 32—48.

Кузьмина 1993 — И. Б. Кузьмина. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.

Мельчук 1974 — И. А. Мельчук. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Л., 1974. С. 343—361.

Падучева 2012 — Е. В. Падучева. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // ВЯ. № 1. 2012. С. 27—41.

Поспелова 2005 — Е. Г. Поспелова. Семантико-синтаксические типы и текстовые функции вставных конструкций: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.

Савельев, в печати — В. С. Савельев. Финитно-причастная конструкция как средство, маркирующее начало прямой речи в «Повести временных лет». (В печати.)

Степанов 1981 — Ю. С. Степанов. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.

Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Успенский 2000 — Б. А. Успенский. Поэтика композиции. СПб., 2000.

Фокина 1981 — Н. А. Фокина. Синонимическое употребление причастий и деепричастий // Рус. яз. за рубежом. № 5. 1981. С. 40—45.

Храковский 1974 — В. С. Храковский. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Л., 1974. С. 5—45.

Шахматов (1941) 2001 — А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М., 2001.

Якобсон 1972 — Р. О. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95—113.

Chvany 1996 — K. V. Chvany. Verbal aspect, discourse saliency, and the so-called 'perfect of result' // C. V. Chvany. Selected Essays. Columbus, 1996. P. 286—299.

E. N. NIKITINA

RETURNING TO GERUNDS IN NON-SPECIFIC THIRD-PLURAL SUBJECTS

The paper describes semantic peculiarities of gerunds in V3pl indefinite personal sentences. Lexical and grammatical restrictions on these sentences are analyzed as a result of the interaction and adjustment of semantic features of the subject and predicate.

Keywords: Subject, predicate, definiteness/ indefiniteness, referential status, range of personality, anaphora, statement, interpretation, taxis, discourse.

Н. Р. ДОБРУШИНА

ИНФИНИТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ЧАСТИЦЕЙ *БЫ* *

1.1. Подчинительные клаузы как источник независимых конструкций

Русское сослагательное наклонение, как и аналогичные формы в других языках, широко употребляется, с одной стороны, в придаточных предложениях (*Если бы знала заранее, соломку бы подстелила*) и, с другой стороны, в независимых предикациях (*Если бы я знала заранее! Знала бы я заранее!*).

Контексты второго типа часто вызывают споры о том, следует ли их считать производными от подчиненных употреблений наклонения, то есть результатом эллипсиса сложного предложения, или нет (см., например, [Fortuin 2000], также со ссылкой на [Maurice 1996: 165]).

Использование подчиненных предикаций в качестве независимых конструкций в современной англоязычной типологии принято называть *insubordination*, то есть «расподчинение». По определению автора этого термина, Николаса Эванса, расподчинение — это конвенциализованное употребление в качестве главного предложения того, что исходно является формально подчиненной клаузой («The conventionalised main-clause use of what, in prima facie grounds, appear to be formally subordinate clauses» [Evans 2007: 367]). Эванс указывает, что расподчиненные клаузы напоминают подчиненные конструкции тем, что содержат такие элементы, как нефинитные глагольные формы (инфинитивы или причастия) и подчинительные союзы, или маркированы особым порядком слов, характерным для придаточных. Со временем, однако, они подвергаются переосмыслению, конвенциализуются, сужают значение по сравнению с исходными конструкциями, поэтому на синхронном уровне о подчиненности этих конструкций говорить не приходится; можно лишь предполагать, что расподчиненные конструкции диахронически восходят к подчиненным («having

* В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0054 «Сослагательное наклонение в свете данных корпуса», реализованного в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012—2013 гг. Автор пользуется возможностью выразить благодарность анонимным рецензентам журнала «Русский язык в научном освещении» за внимательное прочтение статьи и ценные замечания.

diachronic origins as a subordinate clause» [Evans 2007]). Эванс описывает стадии развития этих конструкций следующим образом:

- A. Сложноподчиненное предложение.
- B. Эллипсис главной части.
- C. Ограничение семантики оставшейся в результате эллипсиса клаузы (Restriction of interpretation of ellipsed material).
- D. Конвенционализация использования формально подчиненной клаузы в качестве главной.

Эванс рассматривает конструкции с расподчинением в разных языках мира и предлагает обзор семантики этих конструкций и некоторые критерии, по которым можно отличить расподчиненную конструкцию от такой, которая не происходит из зависимой клаузы.

В настоящей работе рассматривается вопрос о происхождении независимых употреблений инфинитива с *бы* из подчиненных конструкций.

1.2. Типы конструкций с инфинитивом

Морфологический статус сочетаний инфинитива с частицей *бы* в русистике определяется по-разному. Так, в академической грамматике в первом томе сказано, что «синтаксические сочетания с формами повелит. накл. (*приди бы*), инфинитива (*узнать бы*), причастия (*узнавший бы*) не являются морфологическими формами сослагат. накл. глагола» [Шведова 1980а: 625], а во втором томе инфинитивные предложения рассматриваются среди форм сослагательного наклонения [Шведова 1980б: 102]. В настоящей статье принято решение рассматривать все типы сочетаний с частицей *бы(б)* как формы сослагательного наклонения.

Конструкции *бы(б)* с инфинитивом (далее — сослагательный инфинитив) рассматривались на материале Национального корпуса русского языка (подкорпус письменных текстов с 1970 г.). Частица *бы* с инфинитивом в целом встречается значительно реже, чем с формами прошедшего времени: в выборке примеров с частицей *бы(б)* на сочетание с прошедшим временем глагола приходилось 90 % вхождений частицы (831 случай), и лишь 6 % — на ее сочетание с инфинитивом (56 случаев)¹.

Чтобы выяснить, какие конструкции с сослагательным инфинитивом более употребительны, была проанализирована выборка примеров с 1970 г., где частица *бы(б)* расположена контактно к инфинитиву: *тут бы оглядеться / тут оглядеться бы*. Рассматривались только такие примеры, где все предикаты в клаузе выражены инфинитивами, в частности были исключены примеры, где инфинитив использован в конструкции с предикативом: *лучше бы поехать, можно бы почитать*. После ручной обработки

¹ Соотношение форм инфинитива и прошедшего времени вне зависимости от контекста в подкорпусе со снятой омонимией с 1970 года несколько отличается: прошедшее время частотнее инфинитива лишь в 3 раза (334 370 примеров употребления прошедшего времени и 85 910 примеров инфинитива).

и устранения ошибочных примеров в выборке осталось 1677 предложений (в некоторых предложениях может быть несколько вхождений конструкции «инфинитив + *бы/б*»); см. таблицу 1.

Наиболее частотным является употребление инфинитива в независимом предложении — 85 % (1433 примера) от всех употреблений инфинитива с частицей *бы* в контактной позиции (см. таблицу 1), что значительно выше, чем аналогичный показатель для конструкций с прошедшим временем (около 54 % (942 примера) от всех употреблений прошедшего времени с частицей *бы* в контактной позиции).

- (1) *Ей бы пожелать дочку, приголубить, а она — криком да кулаком* (И. Грекова. Перелом (1987)).
- (2) *Не потерять бы ее, подумал я, как я уже растерял и продолжаю терять профессии, образ жизни и все, чего хотел и получил* (Александр Кабаков. Последний герой (1994—1995)).

Независимые предложения с инфинитивом могут содержать элементы *вот, лишь, только, если, хоть*:

- (3) *Этому, пожалуй, лишь бы дойти к партизанам, где, наверно, будет спокойнее, чем на передовой* (Василь Быков. Болото (2001)).
- (4) *Но если честно, мы в тот день ни о чем не мечтали, только бы добраться до лежанки и завалиться спать* (Анатолий Приставкин. Вагончик мой дальний (2005)).
- (5) *Если бы знать раньше, что в нем столько накопилось любви!* (Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)).

В отдельную группу были выделены употребления в составе вопросительного предложения (1%, 18 примеров):

- (6) — *Курточка у тебя больно хороша. Где бы достать? — А, пожалуйста, не проблема.* (Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)).

Довольно большую группу составляют употребления в составе условной конструкции, причем здесь инфинитив заметно чаще оформляет аподозис (пример (7а)), чем протазис (пример (7б)) — 7 % и 3 % от общего числа примеров соответственно.

- (7а) *Если бы о нашем походе узнало его или мое комсомольское начальство, не миновать бы нам вызова на бюро* (Евгений Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999—2000)).
- (7б) *Сказать бы тогда Павлу, что из всего им написанного самой известной останется его песенка, он бы рассердился или рассмеялся* (Давид Самойлов. Общий дневник (1977—1989)).

На другие типы зависимых предложений приходится совсем небольшое количество примеров. Поскольку они не являются объектом исследования этой статьи, приводить примеры мы не будем.

Распределение конструкций с инфинитивом плюс частица *бы* представлено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение конструкций с сослагательным инфинитивом

Тип конструкции	Количество примеров в выборке
Независимая клауза (кроме вопроса)	85 % (1433)
Вопрос	1 % (18)
Аподозис УК	7 % (124)
Протазис УК	3 % (49)
остальное	3 % (53)
	всего 1677

Далее в разделе 2 будут рассмотрены независимые клаузы с сослагательным инфинитивом, а в разделе 3 — условные конструкции. Сопоставив семантику и другие свойства инфинитивных клауз в составе условной конструкции и вне ее, мы постараемся дать ответ на вопрос о том, можно ли считать независимые клаузы результатом расподчинения условных.

**2. Семантика сослагательного инфинитива
в независимом предложении**

Независимое употребление является наиболее частотным и характерным для инфинитива с частицей *бы*(*б*). В этом отношении инфинитив отличается от прошедшего времени, которое употребляется в независимых предикациях заметно реже (в 54 % случаев).

Семантике русских инфинитивных конструкций посвящена большая литература [Maurice 1996; Брицын 1990; Fortuin 2000; Бонч-Осмоловская 2003; Fortuin 2005; Никитина 2008], однако сочетания инфинитива с частицей *бы* исследованы значительно хуже (см. главу 2.1 в книге [Maurice 1996], а также статью [Князев, в печати]).

Семантика конструкций с инфинитивом в сослагательном наклонении принципиально не отличается от других типов употреблений сослагательного наклонения: они выражают ирреальность, то есть обозначают ситуацию, которая принадлежит воображаемому миру. Чаще всего они относятся к гипотетическому типу ирреального значения — имеют референцию к ситуациям, которые могут быть реализованы, см. (а), реже — к контрфактивному, обозначая ситуации, которые заведомо не принадлежат к реальному миру, см. (б):

- (8а) — *Не надо, — хрипит Таня, — мне только ноги вытянуть бы*
(Е. С. Гинзбург. Крутой маршрут (1990)).

(8б) *Знать бы в те годы, что Ахматова называла себя «хрущевкой»!*
(Лев Воскресенский. «Наш Никита Сергеевич» // «Горизонт», 1989).

Особенностью инфинитивно-соединительных конструкций является то, что в большинстве употреблений, помимо ирреальности, они имеют дополнительные оттенки модальных значений, такие как необходимость и желание (например, [Fortuin 2000: 422] указывает на «оттенки необходимости, побуждения, желания»). Однако же, согласно нашей выборке, с точки зрения семантики отчетливо выделяются два типа независимого инфинитива с частицей *бы(б)*: наиболее частотный инфинитив с дополнительным модальным значением (оценочный) и более редкий контрфактивный безоценочный инфинитив, см. табл. 2.

Таблица 2

**Распределение семантических типов
независимого соединительного инфинитива**

Тип конструкции	Количество примеров в выборке
Оценочный инфинитив	97 % (1396)
Безоценочный контрфактивный инфинитив	3 % (37)
	всего 1433

2.1. Оценочный инфинитив

Основная масса конструкций с инфинитивами помимо ирреальности имеет некоторое оценочное значение. Инфинитив с частицей *бы(б)* обычно выражает желание — пример (9а), или необходимость (‘следует’, ‘нужно’) — пример (9б)²:

(9а) *Лежать бы, смотреть на море и попивать холодное вино* (Вадим Крейд. Георгий Иванов в Йере // «Звезда», № 6, 2003).

(9б) *Ей бы покаяться матери: виновата, а она молчит* (И. Грекова. Перелом (1987)).

Конкретная интерпретация зависит от контекста и часто не может быть определена однозначно. Так, инфинитивные конструкции с 1-м лицом часто могут обозначать и желание, и внутреннюю необходимость — ‘хочется / нужно научиться смотреть’:

² Не вдаваясь в обсуждение структуры модальной зоны в языках мира, уточним лишь, что в этой работе мы исходим из существования трех базовых семантических зон модальности — желание, необходимость и возможность (см., например, [van der Auwera, Plungian 1998]).

- (10) *Ах, научиться бы и мне смотреть на свои выступления как на нечто совершенно обыденное* (Леонид Утесов. «Спасибо, сердце!» (1982)).

К факторам контекста, которые создают определенные семантические эффекты, относятся, во-первых, разного рода частицы *и*, во-вторых, лицо дативного субъекта конструкции.

К частицам, регулярно встречающимся в контексте инфинитива, принадлежат *вот, лишь, только, хоть, если*. Последняя восходит к союзу условного придаточного предложения, и конструкции с этой частицей могут рассматриваться как результат эллипсиса главного предложения. Все конструкции с частицами имеют желательное значение:

- (11) *До чего я обожаю Киев! Вот бы жить тут! Купим дочкам голюлюбенькие резиновые плащи* (Лидия Вертинская. Синяя птица любви (2004)).
- (12) *Тебе, я вижу, лишь бы переезжать на новые квартиры* (Василий Аксенов. Таинственная страсть (2009)).
- (13) *Думаешь: только бы доплыть, только бы удержат преимущество, только бы не догнали...* («Известия», 2002.07.26).
- (14) *Сидеть в окопах было скучно, он приставал к начальству, чтобы устроили атаку: «Хоть бы вылезти из окопов, подраться без всякой стратегической надобности!»* (Даниил Гранин. Зубр (1987)).
- (15) *Если бы иметь такую денежку, как у других Мужчин и Женщин, серебряную, блестящую; или жёлтенькую бумажку, пахнущую хлебом — их тоже берут в квадратном окошке!* (Татьяна Толстая. Ночь (1983)).

Впрочем, и без частиц конструкция тоже может интерпретироваться как желательная:

- (16) *Конечно, при нормальном сердце шансов не проснуться почти не было — а может быть, и жаль: незаметно раствориться бы — и все!* (Михаил Чулаки. Примус // «Звезда», 2002).

Лицо дативного субъекта конструкции с инфинитивом также играет роль в ее модальной интерпретации, хотя и более слабую. Датив субъекта чаще всего отсутствует в инфинитивной конструкции, и в таком случае она, как правило, по умолчанию интерпретируется как относящаяся к 1-му лицу (см. об этом также [Fortuin 2000: 429]):

- (17) *Андрей думает: пропустить бы автобус, поехать на следующем, чтобы можно было сесть и почитать* (Лев Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)).

В статье, посвященной независимому инфинитиву с частицей *бы*, М. Ю. Князев предлагает рассматривать все употребления оценочного инфинитива с *бы* как единый желательно-оценочный тип: «желательность

ситуации S для субъекта X всегда предполагает положительную оценку X-ом ситуации S, поэтому разумно рассматривать желание как разновидность положительной оценки некоторой ирреальной ситуации». Тем самым употребления, которые в настоящей работе отнесены к значению необходимости, в работе М. Ю. Князева относятся к имеющим положительную оценку и объединены с желательными:

- (18) — *Ты знаешь, — сказал я. — Ему бы остаться одному. Без родителей* (Василий Голованов. Эти квартиры (2001)). (Пример из статьи М. Ю. Князева.)

Мы поддерживаем предложение М. Ю. Князева рассматривать все семантические разновидности независимого инфинитива с частицей *бы(б)* как один тип, не принимая решения, имеет ли каждое конкретное употребление значение необходимости или желания, поскольку эти оттенки различаются очень слабо и вне контекста практически каждый случай может быть интерпретирован несколькими способами.

2.2. Контрфактивный безоценочный инфинитив

Среди большого количества конструкций с независимым инфинитивом выделяется группа таких, которые отличаются по смыслу (менее 3 % — 37 примеров из 1433 примеров независимого инфинитива). Эти предложения не имеют обязательного значения желания или необходимости. Их основная функция — выражение контрфактивности, т. е. обозначение того факта, что ситуация не имела, не имеет и не будет иметь места в действительности³. Чаще всего это значение выражается сочетаниями *быть бы* и *не миновать бы*:

- (19) *Конечно, **быть бы** ему со временем заведующим отделом: смекалист, не глуп, ум схватчивый, не созидательный, такой и требуется, чтобы не дело делать, а расти, но ранний инсульт подкосил* (Г. Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды (1999)).
- (20) *Хорошо, что я сумел немного задержать его падение — иначе не **миновать бы** ему морского купания* (Олег Глушкин. Вавилон (1990—1999)).

Однако другие глаголы тоже могут выражать этот смысл. Наиболее часто они выступают в отрицательных конструкциях (21а) и обозначают негативное, нежелательное событие (21б):

- (21а) *В историю двор прописался героически — ох, **не выиграть бы** нам Полтавскую баталию без этого надежнейшего тыла!* (Гранатный двор (1997) // «Столица», 1997.03.04).

³ Существование контрфактивных независимых инфинитивов, отличных от модализованных инфинитивных конструкций, отмечено в работе [Князев, в печати], но не рассматривается в деталях.

- (21б) *Следующий поезд на Смоленск отходил только через сутки, и торчать бы поручику эти сутки на захарканном перроне или в еще более захарканном зале ожидания* (Борис Васильев. Дом, который построил Дед (1990—2000)).

Контрфактивность сочетается в конструкциях с сослагательным инфинитивом со значением неизбежности ситуации, которая предназначена судьбой, но отменена неким более сильным обстоятельством (ему суждено было быть заведующим отдела; ему предстояло морское купание, но возникли препятствия). Значение неизбежности отмечается многими исследователями инфинитива, а В. А. Плуноян предлагает считать его центральным для русского инфинитива [Plungian 2005].

За счет чего создается особое значение этих конструкций? Рассмотрим примеры (22а), (22б) и (22в):

- (22а) *Во-первых, без революции не жениться бы чизмаджевскому отцу на дочке великого композитора («Нашла бы себе какого-нибудь дворянчика!»)* (Андрей Битов. Азарт, или Неизбежность ненаписанного (1997—1998)).
- (22б) *Не жениться бы чизмаджевскому отцу на дочке великого композитора! Сколько несчастий обошло бы его стороной.*
- (22в) *Не жениться бы чизмаджевскому отцу на дочке великого композитора! Пока еще открыты пути к отступлению.*

Пример (а) демонстрирует интересующее нас употребление: ситуация является контрфактивной (отец женился на дочке композитора) и не имеет таких модальных значений, как желание или необходимость: ничто не говорит о том, что женитьба оценивается негативно, нам просто сообщают о том, что без революции женитьба бы не произошла. Пример (б) также является контрфактивным, однако он интерпретируется как сообщение о желаемой / необходимой ситуации: с точки зрения субъекта оценки, жениться не стоило. Пример (в) отличается от (б) только тем, что он лишен контрфактивности — ситуация является реализуемой.

Таким образом, интересующее нас значение безоценочной контрфактивности создается за счет элемента «без революции», который сообщает о том, что ситуация контрфактивна, так как читатель знает, что революция была. Этот элемент, по сути, является формулировкой контрфактивного условия (= ‘если бы не было революции’). Тем самым все высказывание может рассматриваться как условное предложение (если понимать условные конструкции широко, см. [Храковский 1998]), где конструкция с инфинитивом является следствием (аподозисом).

2.3. Семантика независимого сослагательного инфинитива: результаты

Таким образом, выделяются два семантических типа независимых конструкций с сослагательным инфинитивом. Первый тип, оценочный инфинитив, имеет гипотетическое или контрфактивное значения, которые зада-

ются конкретным контекстом, и всегда несет дополнительные модальные оттенки необходимости или желания, плохо различимые между собой:

- (23) *Или вот **работать бы** [= надо работать / хочется работать] в туристическом журнале, ездить, описывать разные красивые места* (Ольга Утешева. Провокатор (2002) // «Домовой», 2002.03.04).

Второй тип, контрфактивный безоценочный инфинитив, всегда обозначает ситуацию, которая заведомо не реализована; он не содержит дополнительных оценочных оттенков смысла (таких как желание или необходимость) и имеет характерное для инфинитива значение неизбежности:

- (24) *И **работать бы** ему в туристическом журнале, да грянул кризис.*

В конструкциях с таким инфинитивом присутствует некоторый элемент контекста, который имеет значение нереализованного условия:

- (25) *Немудрено — он умер около ста лет назад, **иначе** не миновать бы ему знакомства с тобой...* (Георгий Жженов. Прожитое (2002)).

Семантические различия между этими двумя типами независимого инфинитива представлены в табл. 3.

Таблица 3

Два семантических типа независимого инфинитива

	оценочный инфинитив	контрфактивный безоценочный инфинитив
степень ирреальности (гипотетичность / контрфактивность)	любая	только контрфактивность
наличие модального оттенка желания или необходимости	есть	нет
значение неизбежности	нет	есть

3. Условные конструкции с инфинитивом

Рассмотрим теперь условные конструкции — наиболее вероятного кандидата на роль источника для «расподчиненных» конструкций с сослагательным инфинитивом.

Употребление в условных конструкциях (УК) значительно менее типично для сослагательного инфинитива, чем для сочетаний прошедшего времени с частицей *бы*: среди примеров прошедшего времени 11 % приходится на употребление в протазисе УК (81 пример из 715), 17 % — на употребление в аподозисе (123 примера из 715), между тем среди приме-

ров на инфинитив употребление в протазисе встречается в 3 % случаев (49 примеров из 1677), в аподозисе — в 7 % (124 примера из 1677), см. табл. 4. Напомним, что, напротив, в независимых клаузах инфинитив с *бы* используется значительно чаще, чем прошедшее время с *бы*.

Таблица 4

Формы сослагательного наклонения в условных конструкциях

	протазис УК	аподозис УК	100 % (всего примеров)
прошедшее время + <i>бы(б)</i>	11 % (81)	17 % (123)	715
инфинитив + <i>бы(б)</i>	3 % (49)	7 % (124)	1677

3.1. Инфинитив в протазисе

Особенностью протазиса УК, оформленного инфинитивом, является регулярное отсутствие в нем условного союза. Союз *если* может вводить инфинитивный протазис (пример (26а)), но значительно более типичной является бессоюзная зависимая часть (пример (26б)).

(26а) *Если бы выбрать между глухотой и немотой, я бы выбрал немоту* (Владимир Крупин. Выбранные места из дневников 70-х годов (2004) // «Наш современник», 2004.05.15).

(26б) *Рассказать бы эту историю папе с мамой, они были бы в ужасе!* (Михаил Чулаки. Примус // «Звезда», 2002).

Из 49 примеров протазиса, оформленного инфинитивом, в 35 примерах отсутствует союз, что составляет 76 %. Для сравнения — лишь 7 случаев из 81, когда протазис оформлен прошедшим временем, являются бессоюзными (9 %).

Таблица 5

Союзное и бессоюзное оформление протазиса УК

	протазис без условного союза	протазис с условным союзом	100 %
прошедшее время + <i>бы(б)</i>	9 % (7)	91 % (74)	81
инфинитив + <i>бы</i>	76 % (35)	24 % (14)	49

УК с протазисом, оформленным инфинитивом, имеет ряд важных особенностей.

Во-первых, если протазис оформлен инфинитивом без союза *если*, то он занимает в предложении фиксированную начальную позицию. Ср.:

(27а) *Рассказать бы эту историю папе с мамой, они были бы в ужасе!*
(Михаил Чулаки. Примус // «Звезда», 2002).

(27б) **Мама с папой были бы в ужасе, рассказать бы им эту историю.*

В этом отношении инфинитивный протазис отличается от конструкций с прошедшим временем и с квазиимперативом ([Храковский, Володин 1986; Храковский 1994; 1998] и др.), которые могут следовать за главным предложением:

(28а) *Если бы я рассказал эту историю папе с мамой, они были бы в ужасе.*

(28г) *Мама с папой были бы в ужасе, если бы я рассказал им эту историю.*

(29в) *Расскажи я эту историю папе с мамой, они были бы в ужасе.*

(29г) *Мама с папой были бы в ужасе, расскажи я им эту историю.*

С инфинитивным протазисом дело обстоит так же, как с условными конструкциями с гипотетическим императивом, в которых клаузы нельзя помещать местами:

(30) *Поставь эти вазы на подоконник — увидишь, как весело заиграют в них лучи весеннего солнышка...* (Преврати свой дом в цветущий сад! // «Даша», № 10, 2004).

Свободное перемещение клаузы в сложном предложении, как известно, является признаком ее подчиненности. Фиксированная начальная позиция протазиса с инфинитивом может иметь два объяснения: во-первых, она говорит о том, что инфинитивный бессоюзный протазис нельзя считать синтаксически подчиненным, а во-вторых, о том, что инфинитив с *бы* не является носителем значения условия в том смысле, в каком им является квазиимператив. Значение условия применительно к сослагательному инфинитиву является одной из импликатур контекста, которая, в частности, создается его начальной позицией (как известно, условие тяготеет к начальной позиции по прагматическим причинам, см. об этом, например, [Подлеская 1999: 269]). В самом деле, если протазис с инфинитивом имеет союз *если*, то его позиция не столь жестко фиксирована:

(31) *Мне кажется, они могли бы унести и всю Волгу, если бы их выстроить вдоль берегов, а ее разлить по ковшам* (Самуил Алешин. Встречи на грешной земле (2001)).

С маркированием условия связано и второе свойство инфинитивного протазиса: инфинитив в нем практически всегда стоит на первом месте. Сходное явление имеет место в протазисе, который оформляется квазиимперативом. Существенное различие, однако, состоит в том, что в УК с импе-

ративом порядок слов абсолютно жесткий, в то время как в инфинитивных УК теоретически инфинитив может занимать и не первое место, ср. (а) и (б):

- (32а) *Живи он сто лет назад, быть бы ему гусаром* (Юрий Бондарев. *Берег* (1975)).
- (32б) **Он живи сто лет назад, быть бы ему гусаром.*
- (33а) *Перекрасить бы его из красного в какой-нибудь подходящий цвет — любой сталкер за такой костюм пятьсот монет отвалит...* (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. *Пикник на обочине* (1971)).
- (33б) *Его бы перекрасить из красного в какой-нибудь подходящий цвет — любой сталкер за такой костюм пятьсот монет отвалит...*

Ю. Кузнецова [2009] объясняет жесткий порядок слов в конструкциях с условным императивом тем, что в русском языке маркер условности обычно стоит в начале клаузы, и потому глагол в императивной форме (выражающий в квазиимперативной конструкции условность), должен находиться в начальной позиции. Это объяснение неплохо подходит и для нашего случая: условный инфинитив, как было сказано выше, в подавляющем большинстве случаев выступает без условного союза, тем самым значение условия может быть приписано только сослагательному инфинитиву в сочетании с определенным порядком слов.

Если это предположение верно, то инфинитивный протазис с союзом должен иметь более свободный порядок слов, поскольку первое место занято условным союзом, и глагольная форма не несет значения условности. В самом деле, в тех случаях, когда протазис с инфинитивом имеет условный союз, начальная позиция инфинитива перестает быть статистически преобладающей: в выборке из 50 примеров, где инфинитивный предикат находится на расстоянии от 0 до 5 слов от сочетания *если бы*, в 45 примерах инфинитив не контактирует с *если бы*:

- (34) *Ну, словом, все маленькие силы девочки восстали на болезнь, и если бы как-нибудь ей еще и помочь, поднять бы как-нибудь ее дух, устремить ее волю к какой-нибудь радостной цели впереди, она бы скорей поправилась* (Василий Шукшин. *Как зайка летал на воздушных шариках* (1972)).

С точки зрения семантики императивный и инфинитивный протазисы обладают некоторым сходством. Инфинитивный протазис, как и независимый инфинитив, часто обозначает желательную ситуацию или такую, которая представляется говорящему предпочтительной:

- (35) *Перекрасить бы его из красного в какой-нибудь подходящий цвет — любой сталкер за такой костюм пятьсот монет отвалит, глазом не моргнет* (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. *Пикник на обочине* (1971)).
- (36) — *Узнать бы, зачем он приходил, и я бы узнала все остальное* (Татьяна Устинова. *Подруга особого назначения* (2003)).

Квазиимператив, как убедительно показано в работе Ю. Кузнецовой, «используется, только если говорящий эмоционально переживает ситуацию»; «квазиимперативная конструкция не подходит для отстраненного автора, напротив, она показывает вовлеченность говорящего, непосредственное участие в сцене» [Кузнецова 2009]. Однако полной аналогии между инфинитивом и условным императивом нет. Далеко не все контексты, где протазис оформлен императивом, допускают замену на инфинитив. Ср. примеры (а), (б) и (в), (г):

- (37а) *Родись он на двадцать лет раньше — получил бы Героя Советского союза.*
 (37б) *Родись он на двадцать лет раньше — оказался бы за решеткой или в ссылке.*
 (38в) *Родиться бы ему на двадцать лет раньше — получил бы Героя Советского союза.*
 (38г) *?? Родиться бы ему на двадцать лет раньше — оказался бы за решеткой или в ссылке.*

Предложение (в) явно более удачно, чем (г), потому что ситуация в нем описывается как благоприятная. То же можно сказать про следующую группу примеров:

- (39) *Я был сер, небрит, изможден и, судя по глазам, либо до последней степени туп, либо мертвецки пьян: **покажись** я в таком виде в цивилизованном обществе, **не миновать бы** мне вытрезвителя (Владимир Санин. Не говори ты Арктике — прощай (1987)).*
 (40а) ***Покажись** я в таком виде в цивилизованном обществе, не миновал бы вытрезвителя.*
 (40б) *?? **Показаться бы** мне в таком виде в цивилизованном обществе, не миновал бы вытрезвителя.*
 (40в) ***Показаться бы** мне в таком виде в цивилизованном обществе, меня бы приняли за своего.*

Таким образом, инфинитив в протазисе, как и императив, используется в тех случаях, когда говорящий эмоционально вовлечен в ситуацию, но, в отличие от императива, ограничен такими случаями, когда ситуация представляется говорящему благоприятной или, во всяком случае, предпочтительной по сравнению с реальной. Напомним, что положительная оценка характерна также для оценочного императива (2.1).

УК с инфинитивом в протазисе могут иметь гипотетическое значение, то есть обозначать ситуацию, которая еще имеет шансы быть осуществленной (примеры (41), (42), (43), хотя более характерны контрфактивные ситуации (44).

- (41) ***Накачать бы** сейчас Витю до посинения, к утру б оклемался, испарился (Еремей Парнов. Третий глаз Шивы (1985)).*

- (42) *А что, ребята, вот **остаться бы** целыми, ох и зажил бы я!* (Н. Н. Никулин. Воспоминания о войне (1975)).
- (43) *«Вот **подружиться бы** с ним, тогда и скучать не пришлось бы», — подумал он и прочитал... (Ефим Чеповецкий. Приключения шахматного солдата Пешкина (1986)).*
- (44) *Слегка **образумить бы** Марину на первом же году работы — не имели бы мы сейчас такого дела скандального... (Георгий Полонский. Ключ без права передачи (1975)).*

3.2. Инфинитив в аподозисе

В целом инфинитив в аподозисе употребляется более часто, чем в протазисе.

Для аподозиса с инфинитивом, так же как и для протазиса, характерна начальная позиция инфинитива (пример (45а)), причем она является обязательной (пример (45б)), но предпочтительной:

- (45а) *Если бы мои родители могли предвидеть, во что выльется легкомысленный шаг отца, не **бывать бы** мне на тех футбольных матчах (Евгений Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999—2000)).*
- (45б) *Если бы мои родители могли предвидеть, во что выльется легкомысленный шаг отца, **мне бы** не бывать на тех футбольных матчах.*

Если для протазиса вынос инфинитива вперед может быть объяснен тем, что инфинитив несет значение условия, то для аподозиса нужно искать другую причину. Представляется, что такой причиной является повышенная экспрессивность ситуации, обозначенной инфинитивом: она находится в фокусе внимания и потому выносится вперед. В нескольких примерах выборки, где инфинитив занимает не начальную позицию, вперед вынесено то, что является фокусом клаузы:

- (46) *Будь гупти чуть больше размером, **красивее ее** не найти бы рыбы... («Химия и жизнь», 1970).*
- (47) *За тридцать три года, живя на земле, Господь совершил столько чудес, что **всему миру** не вместить бы об этом книг, если бы они были написаны (Протоиерей Димитрий Смирнов. Проповеди (1984—1989)).*
- (48) *Если бы не обрушилась на итальянскую команду фантастическая серия несчастий, аварий, поломок, просто невезения, **никогда не стать бы** Росбергу чемпионом мира («Формула», 2002.04.15).*

С повышенной экспрессивностью УК с инфинитивным аподозисом связано и то, что для них весьма характерно оформление протазиса квазиимперативом: в 30 % случаев протазис УК с инфинитивом в аподозисе выражен императивом:

- (49) *Знай мы, что вас всего горстка, **несдобровать бы** вам* («Серые дьяволы» (2004) // «Солдат удачи», 2004.08.04).
- (50) *И не **найди бы** ей сына, **не включись** в поиск семья из Чувашии* (А. Л. Барто. О людях и письмах. Почта одной книги (1971) // «Литературная газета», 1971.05.05).

Для сравнения, если в аподозисе употреблено прошедшее время, то императив оформляет протазис лишь в 15 % случаев — см. табл. 6.

Таблица 6

Оформление протазиса квазимперативом

в аподозисе	квазимператив в протазисе (% от общего числа случаев аподозиса с соответствующей формой)
инфинитив с <i>бы</i>	30 %
прошедшее время с <i>бы</i>	15 %

Таким образом, инфинитив в аподозисе коррелирует с императивом в протазисе по причине повышенной экспрессивности этого типа УК (об эмоциональности квазимперативных конструкций см. в разделе 3.1 со ссылкой на [Кузнецова 2009]). В самом деле, инфинитив в аподозисе, как правило, имеет значение неизбежности и употребляется тогда, когда говорящий не нейтрален:

- (51) *Если бы мои родители могли предвидеть, во что выльется легкомысленный шаг отца, не **бывать бы** мне на тех футбольных матчах* (Евгений Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999—2000)).
- (52) *И **быть бы** большой беде, если бы в своих метаниях по общежитским комнатам она в ряду других случайно не влетела в ту комнату за изгибом коридора, где жила неброская с виду текстильщица лет сорока* (Владимир Маканин. Сюр в Пролетарском районе (1990)).

Однако, в отличие от инфинитива в протазисе, обозначающего желательную ситуацию, инфинитив в аподозисе, напротив, часто используется для маркирования нежелательной ситуации:

- (53) *Но если бы исследователь чуточку ошибся, то **барахтаться бы** его детям в ледяной воде* (Алексей Митрофанов. Космический старик (2004) // «Парадокс», 2004.05.01).
- (54) *Он знал ответ, но если б его знало руководство, **не избежать бы** ему выговора* (Максим Милованов. Кафе «Зоопарк» (2000)).

Оттенок нежелательности, выражаемый инфинитивным аподозисом, хорошо виден на таких конструкциях, где протазис представлен именными

группами типа *если бы не N* (тоже весьма частотных — 24 % от общего количества примеров с инфинитивом в аподозисе):

- (55) *Если бы не соль, не видать бы и не едать бы нам всей этой вкусоности* («Семейный доктор», 2002.10.15).
- (56) *Если б не Жуков, возможно, не уцелеть бы и Хрущеву, когда он осмелился скovyрнуть и арестовать Берю* (Г. Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды (1999)).
- (57) — *Если бы не моя находчивость, сидеть бы нам всем четверым под арестом в караулке* (Борис Васильев. Были и небыли. Книга 1 (1988)).

Аподозис этих предложений, как правило, называет некоторую нежелательную ситуацию, которую удалось избежать благодаря тому, что названо существительным в протазисе.

Нежелательность, однако, не является обязательным свойством аподозиса, выраженного инфинитивом:

- (58) *Живи он сто лет назад, быть бы ему гусаром* (Юрий Бондарев. Берег (1975)).

В отличие от конструкций с сослагательным инфинитивом в протазисе, УК с инфинитивом в аподозисе не бывают гипотетическими: все они обозначают ситуации, которые заведомо не были и не будут осуществлены.

3.3. Особенности инфинитивного протазиса и аподозиса

Таким образом, УК с сослагательным инфинитивом имеют следующие особенности.

— **Протазис** с инфинитивом, как правило, не имеет условного союза.

— Если инфинитивный протазис не имеет условного союза, то он не может следовать за главным предложением, то есть не обнаруживает основного признака синтаксической подчиненности.

— Если инфинитивный протазис не имеет условного союза, то инфинитив почти всегда занимает начальную позицию, поскольку обозначает условие.

— Протазис с инфинитивом типичным образом обозначает желательную или предпочтительную ситуацию.

— УК с инфинитивным протазисом могут иметь как контрфактивное значение, так и гипотетическое (первое чаще).

— Инфинитив в **аподозисе** обычно занимает начальную позицию, так как обозначаемая им ситуация находится в фокусе внимания.

— Аподозис с инфинитивом часто обозначает нежелательное событие.

— УК с инфинитивным аподозисом бывают только контрфактивными.

— Если аподозис оформлен инфинитивом, то в протазисе часто бывает употреблен квазиимператив или конструкция *если не существительное*.

4. Есть ли корреляция между независимым инфинитивом и инфинитивом в условных конструкциях?

Обращает на себя внимание сходство между инфинитивами, употребленными в составе УК, и тем, как функционируют независимые инфинитивы. В разделе 2 были выделены два типа независимых употреблений инфинитива — оценочный инфинитив и контрфактивный безоценочный. Первый, более частотный, бывает как гипотетическим, так и контрфактивным и выражает значения желательности и необходимости (59а), второй, редкий, обозначает контрфактивную ситуацию, которая часто является негативной (59б), но может быть и положительной (59в).

- (59а) *Ей бы покаяться матери: виновата, а она молчит* (И. Грекова. Перелом (1987)).
- (59б) *Быть бы еще одному инфаркту, но Лилия Ивановна сдюжила* (Галина Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом (2000)).
- (59в) *Быть бы ей в советские времена модной портнихой (закончила швейное ПТУ) или модельером (работала в Доме моделей Славы Зайцева), но тут случилась перестройка* («Витрина читающей России», 2002.06.28).

Оценочный инфинитив (60а) по смыслу соотносим с тем, который используется в протазисе УК (60б). В то же время контрфактивный безоценочный (60в) нередко имеет буквальное сходство с аподозисом УК (60г):

- (60а) *Что сулил впереди такой неожиданный поворот? Знать бы заранее!* (Марк Харитонов. Amoges poví // «Знамя», 1999).
- (60б) *Знать бы заранее, вызвал бы ее к этому сроку, повидал — все легче* (Валентин Распутин. Живи и помни (1974)).
- (60в) *Иначе не миновать бы тебе по башке поленом* (Юрий Коваль. Приключения Васи Куролесова (1977)).
- (60г) *Не миновать бы тюрьмы и юному герою этого рассказа, если бы не его отец* (Саша Бородин. Клады интернета (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.07.14).

В конструкциях с оценочным инфинитивом легко достраивается аподозис (примеры 61а и 61б), а в конструкциях с контрфактивным безоценочным инфинитивом — протазис (примеры 61в и 61г):

- (61а) *В этих письмах толку мало, вот повидаться бы — дело другое!* (Вера Белоусова. По субботам не стреляю (2000)).
- (61б) *Если бы повидаться, было бы другое дело.*
- (62в) *Но королеву, как видно, не спросили, а не то быть бы в этой тройке Юрию Гагарину, который ее просто очаровал* (Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000)).

(63г) *Если бы королеву спросили, **быть бы** в этой тройке Юрию Гагарину.*

Что означает эта «симметрия» между независимыми и зависимыми употреблениями инфинитива с частицей *бы(б)*?

В работе [Добрушина 2004] были обсуждены особенности независимого употребления тех ирреальных форм, которые в языках мира используются в протазисе УК, и тех, которые используются в аподозисе. В частности, было показано, что желательность и родственные ей модальные значения выражаются теми формами, которые используются в протазисе условных конструкций, или просто эллиптированными конструкциями протазиса (ср. пример 64б), в то время как формы аподозиса, будучи употреблены независимо, используются в функции контрфактивов (см. о контрфактивах [Van Linden, Verstraete 2008]), то есть обозначают ситуацию, которая не имела и не имеет места в действительности (пример 64в).

(64а) *Так что **если бы была** такая возможность, то я **оставила бы** в своей жизни музыку, но в качестве хобби* (Ирина Салтыкова: «Для меня личное счастье гораздо важнее популярности» (2003) // «100 % здоровья», 2003.02.14).

(64б) ***Если бы была** такая возможность!*

(64в) ***Я оставила бы** в своей жизни музыку, но в качестве хобби.*

Таким образом, обнаруженная нами симметрия оценочного инфинитива и инфинитива протазиса, с одной стороны, а также контрфактивного безоценочного инфинитива и аподозиса, с другой, поддерживается данными для других русских форм и типологическим материалом.

Остается, однако, вопрос: можно ли применительно к русскому языку считать, что независимое употребление инфинитива (оценочное и/или контрфактивное безоценочное) является производным от соответствующего употребления инфинитива в УК (протазиса или аподозиса)?

Для того чтобы решить этот вопрос в отношении оценочного инфинитива, можно применить предложенные в работе [Evans 2007] критерии, по которым некоторая конструкция может быть признана результатом расподчинения подчиненной клаузы («insubordination»).

Одним из критериев является нефинитность глагольной формы: если глагольная форма обычно не обладает способностью возглавлять независимую предикацию, то это соображение в пользу того, чтобы квалифицировать конструкцию, содержащую эту форму, как расподчиненную. Инфинитив, будучи нефинитной глагольной формой, прототипически употребляется в подчиненных клаузах. Если исходить из того, что инфинитив является по определению подчиненной формой, то все его независимые употребления нужно признать производными от некоторых других конструкций, где инфинитив входит в состав зависимой клаузы. С другой стороны, если на синхронном уровне частотность независимых и зависимых употреблений соотносится как 6 : 1 (примерно 85 % к 15 % — см. таблицу 1),

то, по-видимому, вопрос о финитности соответствующей формы может быть пересмотрен. К тому же употребления в качестве главного предиката независимого предложения весьма характерны для русского инфинитива и тогда, когда он не имеет при себе маркера сослагательного наклонения *бы*⁴.

Другим критерием, по которому предложение может быть диагностировано как результат высвобождения зависимой конструкции, «расподчинения», является фиксированный порядок слов, унаследованный из исходной подчиненной конструкции. Напомним, что в бессоюзном протазисе инфинитив обычно занимает начальную позицию. Однако для независимого оценочного инфинитива порядок слов не является столь жестким. Инфинитив в независимых конструкциях находится на первом месте значительно реже, чем инфинитив в протазисе:

(65) *Эту музыку исполнить бы в другом месте!* (Владимир Орлов. Альтист Данилов (1980)).

(66) *Ему бы слить в несуществующий монастырь для уцелевших интеллигентов* (Леонид Зорин. Глас народа (2007—2008) // «Знамя», 2008).

Еще один критерий — наличие в конструкции таких маркеров зависимости, как подчинительные союзы и комплементаризеры (*Чтоб ты сдох!*). Существует ряд примеров, где оценочный инфинитив употреблен с союзом *если*:

(67) *Если бы до конца жизни сохранить эту веру!* (Анатолий Приставкин. Вагончик мой дальний (2005)).

Про эти конструкции, конечно, можно с уверенностью сказать, что они происходят из протазиса УК. Это, однако, не может касаться тех, где союз отсутствует, — а таких подавляющее большинство.

В качестве дополнительного соображения можно рассмотреть частотность обсуждаемых конструкций. Оценочный инфинитив — наиболее частый тип употребления инфинитива с частицей *бы(б)*, его частотность намного превосходит инфинитивный протазис. Однако это соображение, по-видимому, не может считаться решающим, поскольку, как показано в статье Н. Эванса, независимые конструкции, восходящие к подчиненным, могут конвенционализировываться и становиться чрезвычайно распространенным способом выразить определенный смысл.

⁴ В статье [Plungian 2005: 142] предлагается считать русский инфинитив самостоятельным наклонением на основании того, что финитные употребления не менее характерны для него, чем зависимые. Значением этого наклонения В. А. Плунгян считает ‘неизбежность’ (imminence): долженствование, необходимость, (не)возможность. Заметим, что при таком решении представляет сложности интерпретация сочетания инфинитива с частицей *бы(б)*: если считать инфинитив отдельным наклонением, то комбинироваться с другим наклонением он не должен.

Итак, можно ли считать конструкции с независимым инфинитивом обломками условных конструкций? Единственный обнаруженный пока критерий, по которому он представляет собой результат «расподчинения», — собственно нефинитная природа этой глагольной формы, однако, как было показано, она не мешает русскому инфинитиву употребляться в независимых конструкциях чрезвычайно широко.

Вернемся к тому факту, наблюдение которого заставило нас поставить вопрос о родстве оценочного сослагательного инфинитива с инфинитивом в протазисе, — их семантическому сходству. Оценочный сослагательный инфинитив используется в значениях необходимости и желательности, причем необязательной, но весьма характерной для него является положительная оценка той ситуации, которую он обозначает. Между тем для независимых конструкций с инфинитивом без частицы сослагательного наклонения желательность нехарактерна. Анализ корпусной выборки, сделанный О. Никитиной [Никитина 2007], говорит о том, что в русском языке преобладают интерпретации инфинитивных предложений как выражающих необходимость или ее отсутствие (как правило, в утвердительных и отрицательных контекстах с НСВ и СВ) или невозможность (в контекстах отрицательных с СВ и с некоторыми НСВ — эпистемическая невозможность). Тем самым желательность является приобретением инфинитива в результате сочетания с частицей *бы(б)*. Лишь редкие контексты инфинитива с частицей *бы(б)* позволяют элиминировать частицу, но когда это возможно, различие очевидным образом связано именно с наличием компонента желательности в конструкции с сослагательным наклонением. Пример (б), в отличие от (а), демонстрирует значение необходимости («надо вас собрать да отправить...»).

(68а) *Собрать бы вас да отправить к чертовой матери в Америку, задрыгали бы ножками, а то все им не нравится, кофты им подавай из «Березки», одеколоны из Парижа* (Ирина Полянская. Сельва (1996)).

(68б) *Собрать вас да отправить к чертовой матери в Америку, задрыгали бы ножками, а то все им не нравится, кофты им подавай из «Березки», одеколоны из Парижа.*

В то же время семантика желательности не может быть связана только с частицей *бы* по двум причинам. Во-первых, потому, что эта частица как таковая не несет значения желания (во всех случаях, когда сочетания прошедшего времени с *бы* имеет желательное значение, имеются некоторые дополнительные факторы, например частицы *хоть* и *вот*). Во-вторых, потому, что существование контрфактивного безоценочного инфинитива доказывает, что сочетание сослагательности с инфинитивом само по себе не создает желательного значения. Откуда же возникает желательность у оценочного сослагательного инфинитива?

Наиболее вероятное объяснение того, что оценочный сослагательный инфинитив имеет желательное значение или значение положительной

оценки, состоит в том, что его источником является протазис УК. Как было сказано выше (со ссылкой на статью [Добрушина 2004]), форма, употребляющаяся в протазисе УК, в независимом употреблении, как правило, имеет желательное значение. Этот вывод сходится с наблюдениями Н. Эванса [Evans 2007] о том, что так называемые ‘if requests’, ‘if wishes’ и ‘if offers’ (просьбы, пожелания и предложения с союзом *если*) ограничены сферой положительной оценки.

Что касается контрфактивного безоценочного инфинитива, то его сходство с аподозисом УК имеет более простое объяснение. Контекст главной клаузы УК, в отличие от зависимой, не создает никаких дополнительных модальных оттенков, и сослагательный инфинитив употребляется здесь в своем базовом значении, которое складывается непосредственно из контрфактивности (основного значения сослагательного наклонения) и неизбежности (центрального значения независимого инфинитива). Это значение — контрфактивной (отмененной) неизбежности — мы наблюдаем в аподозисе УК и в более редких случаях независимого употребления инфинитива.

Таким образом, сопоставление условных и независимых употреблений сослагательного инфинитива приводит к следующим выводам:

- 1) Наиболее частый тип независимого употребления сослагательного инфинитива имеет значение положительной оценки, которое объясняется тем, что эти контексты являются результатом эллипсиса УК и восходят к протазису. Тот факт, что конструкции, «расподчиненные» из протазиса УК, содержат положительную оценку, подтверждается типологически.
- 2) Более редкий тип независимого употребления сослагательного инфинитива имеет значение контрфактивной неизбежности, являющееся результатом простого сложения семантики сослагательной частицы и инфинитива, и коррелирует с аподозисом УК, который также демонстрирует базовое, не обремененное модальными оттенками значение формы.

Л и т е р а т у р а

Бонч-Осмоловская 2003 — А. А. Бонч-Осмоловская. Конструкции с дательным субъектом в русском языке: опыт корпусного исследования: Дисс. ... канд. филол. наук. Рукопись.

Брицын 1990 — В. М. Брицын. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке. Киев, 1990.

Добрушина 2004 — Н. Р. Добрушина. О некоторых корреляциях между зависимым и независимым употреблением ирреальных форм // Ирреалис и ирреальность. Исследования по теории грамматики. М., 2004. С. 124—146.

Князев, в печати — М. Ю. Князев. Конструкция «бы с инфинитивом» // Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы. (Acta Linguistica

Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН). СПб., (в печати).

Кузнецова 2009 — Ю. Л. Кузнецова. Семантические и структурные свойства условной квазимперативной конструкции // Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 314—335.

Никитина 2008 — О. Н. Никитина. Дативно-инфинитивные конструкции в русском языке. Дипломная работа. МГУ, ОТиПЛ. 2008. На правах рукописи.

Подлеская 1999 — В. И. Подлеская. Условные конструкции: стратегии кодирования и функциональная мотивация // Типология и теория языка: от описания к объяснению (К 60-летию А. Е. Кибрика) / Я. Г. Тестелец, Е. В. Рахилина (ред.). М., 1999. С. 255—273.

Храковский 1994 — В. С. Храковский. Условные конструкции: взаимодействие кондициональных и темпоральных значений // ВЯ. № 6. 1994. С. 129—139.

Храковский 1998 — В. С. Храковский (ред.). Типология условных конструкций (семантика, исчисление, типология). СПб., 1998.

Храковский, Володин 1986 — В. С. Храковский, А. П. Володин. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986; 2-е изд. М., 2001.

Шведова 1980a — Н. Ю. Шведова (ред). Русская грамматика. Т. I. 1980. М., 1980.

Шведова 1980b — Н. Ю. Шведова (ред). Русская грамматика. Т. II. 1980. М., 1980.

Evans 2007 — N. Evans. Insubordination and its functions // I. Nikolaeva, F. Plank (Eds.). *Finiteness*. Oxford, 2007.

Fortuin 2000 — E. Fortuin. Polysemy or monosemy: Interpretation of the imperative and dative-infinitive construction in Russian. Doctoral Dissertation, Institute for Logic, Language and Computation, Amsterdam University. Amsterdam, 2000.

Fortuin 2005 — E. Fortuin. From necessity to possibility: the modal spectrum of the dative-infinitive construction in Russian // B. Hansen, P. Karlik (Eds.). *Modality in Slavonic languages*. Munchen, 2005. P. 40—60.

Maurice 1996 — F. Maurice. *Der modale Infinitiv in der modernen russischen Standardsprache*, 1996.

Plungian 2005 — V. Plungian. Irrealis and modality in Russian and in typological perspective // B. Hansen, P. Karlik (Eds.). *Modality in Slavonic languages*. Munchen, 2005. P. 135—146.

Van linden, Verstraete 2008 — A. Van linden, J.-C. Verstraete. The nature and origins of counterfactuality in simple clauses. Cross-linguistic evidence. *Journal of Pragmatics*. Vol. 40. Issue 11. 2008. P. 1865—1895.

van der Auwera, Plungian 1998 — J. van der Auwera, V. Plungian. Modality's semantic map // *Linguistic Typology*. 2. P. 79—124.

N. R. DOBRUSHINA

INFINITIVE CONSTRUCTIONS WITH THE PARTICLE *BY*

Though the Russian infinitive is a non-finite form, it is frequently used independently, with or without the subjunctive particle *by*. This paper is an attempt to answer the

question whether independent infinitival constructions should be considered as a result of insubordination (the term of Nicholas Evans). On the basis of Russian National Corpus, two semantic types of infinitival constructions can be established. One may be referred to as evaluative infinitive (*Emu by ostat'sja odnomu* 'It's better if he stays alone'). The second construction may be called counterfactual non-evaluative infinitive (*Ne minovat' by emu tjur'my, no pomogli rodstvenniki* 'He had all chances to go to prison, but his relatives helped him out'). Comparing these constructions with infinitival conditional clauses shows that the evaluative infinitive is a result of insubordination of the protasis of conditional clause, while the semantics of the non-evaluative counterfactual infinitive is a simple sum of the meanings of the infinitive and subjunctive categories.

Keywords: infinitive, subjunctive, conditional clauses, finiteness.

Е. А. ЛЮТИКОВА

О ДВУХ ТИПАХ ИНВЕРСИИ В РУССКОЙ ИМЕННОЙ ГРУППЕ *

1. Инверсия и альтернации порядка слов

Русский язык обычно классифицируют как язык со «свободным» порядком слов. Этот ярлык подразумевает, что синтаксическая структура допускает известную свободу в линеаризации. Так, например, (1а-в) передают одно и то же дескриптивное содержание, при том что существует большое количество (более или менее удачных) способов задать линейный порядок словоформ для данного предложения¹.

(1) а. [Одинокий парус] [белеет [в [голубом тумане моря]]].

б. Белеет парус одинокий в тумане моря голубом.

в. В голубом тумане моря белеет одинокий парус.

Существует два принципиальных способа описания вариативного порядка слов, которые можно назвать композиционным и деривационным. Первый, композиционный подход предполагает, что в пределах некоторой составляющей порядок композиции элементов произволен. Так, например, можно считать, что два дополнения битранзитивного глагола способны соединяться с глаголом в любом порядке: либо сначала глагол объединяется с прямым дополнением, а затем с косвенным, что дает порядок в (2а), либо сперва происходит объединение глагола с косвенным дополнением, а потом с прямым, как в (2б). Аналогично могут быть проанализированы два возможных порядка модификаторов в именной группе (3а-б).

* Автор выражает искреннюю признательность Е. В. Падучевой и Я. Г. Тельцу, а также организаторам и участникам конференции «Типология морфосинтаксических параметров» (Москва, МГГУ им. М. А. Шолохова, 5 декабря 2011 г.), в первую очередь А. В. Циммерлингу, П. М. Аркадьеву и Ф. Р. Минлосу, за содержательное обсуждение ряда аспектов данной статьи. Работа над статьей велась в рамках проектов РФФИ №11-06-00489-а и РГНФ №12-04-00327а.

¹ О возможных ограничениях на линеаризацию предложения см., например, [Иорданская 1967].

(2) а. Петя [[дал книгу] Маше].

б. Петя [[дал Маше] книгу].

(3) а. [оба [эти правила]]

б. [эти [оба правила]]

Альтернативный, деривационный подход к вариативной линейаризации предполагает наличие некоторого базового, «нейтрального» порядка, согласно которому происходит деривация языковых объектов. Отклонения от базового порядка деривируются синтаксически, путем передвижения некоторых составляющих из базовой позиции в производную. Например, если мы предположим, что базовому порядку композиции в именной группе соответствует (3а), то (3б) можно представить как результат передвижения указательного местоимения:

(4) *эти* [оба [~~эти~~ правила]]

Преимущество деривационного подхода, несмотря на постулирование дополнительного механизма передвижения, очевидно: он позволяет установить единую, базовую структуру для составляющих разного типа. Еще одним позитивным результатом является сходство структур в языках с жестким порядком слов и «базовых» структур в языках со свободным порядком слов. Кроме того, если композиционный подход принципиально неспособен ограничить «свободный порядок слов», то в рамках деривационного подхода такими ограничивающими принципами служат ограничения на передвижение и мотивация передвижения.

Следует отметить также, что и языки с «жестким» порядком слов демонстрируют дислокацию составляющих из базовых позиций. Сравним английское вопросительное предложение (5а) и повествовательное предложение (5б). Во-первых, в вопросительном предложении дополнение, содержащее вопросительное местоимение, располагается не в базовой позиции (справа от глагола), а на левой периферии клаузы. Во-вторых, в вопросительном предложении наблюдается инверсия подлежащего и вспомогательного глагола: вспомогательный глагол *will* предшествует подлежащему. Деривационный подход позволяет в данном случае сохранить базовую структуру составляющих, предположив анализ (5г), согласно которому дополнение всегда порождается в составе глагольной группы, а подлежащее располагается слева от финитного глагола. Наблюдаемый в вопросительном предложении порядок слов объясняется двумя передвижениями: передвижением группы (вопросительного) дополнения на левую периферию клаузы и передвижением финитной вершины влево от подлежащего. Косвенным подтверждением такого анализа может служить существование эхо-вопросов (вопросов-переспросов) типа (5в), в которых вопросительная группа располагается в базовой позиции справа от глагола.

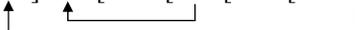
(5) а. What book will John read?

б. [John [will [read [“Pride and Prejudice”]]]].

в. [John [will [read [WHAT BOOK]]]]?

(эхо-вопрос)

г. [*What book*] will [John [~~will~~] [*read*] [~~what book~~]]]?

Таким образом, деривационный подход предлагает эффективный механизм анализа разрывных составляющих (ср. разрывную глагольную группу в (5г)) и инвертированных составляющих (ср. подлежащно-глагольную инверсию в (5г)).

В рассмотренном выше примере механизм передвижения использовался для объяснения грамматически обусловленного порядка слов: (5в) в качестве обычного частного диктального вопроса неграмматично. Для многих исследователей привлекательной оказалась идея применить те же механизмы и для анализа коммуникативно обусловленного порядка слов, ср. [Bailyn 2003]. В имплицитном виде этот тип анализа присутствует, в частности, во многих работах традиционной русистики, посвященных описанию способов выражения актуального членения в русском предложении. Так, например, в классической работе [Ковтунова 1976: 72] предложение (6а) рассматривается как результат деривации базовой структуры в (6б), вызванной необходимостью изменить актуальное членение «от темы к реме»:

(6) а. Сырую свежесть позднего вечера сменила полуночная сухая теплынь.

б. Полуночная сухая теплынь сменила сырую свежесть позднего вечера.

Аналогичные модели описания порядка слов в предложении находим, например, в [Распопов 1961/2009; Сиротинина 1965/2006; Ковтунова 1969; Белошапкина 1977; Земская 1979/1987; Русская грамматика 1980; Николаева 1982; Падучева 1989; Крылова 1992/2009]; из более современных работ — [Всеволодова, Дементьева 1997; Всеволодова 2001; 2004; Янко 2001; Циммерлинг 1999; 2006; 2008]. Эксплицитно инверсия подлежащего для создания широкой ремы со сказуемым обосновывается в работе Е. В. Падучевой [Падучева 2008: (5)]: (7а) анализируется как результат инверсии (7б):

(7) а. Мальчика / | укусила собака \ .

б. Собака / | укусила мальчика \ .

Вопрос о локализации коммуникативно мотивированных передвижений допускает разные варианты ответа. С одной стороны, такие передвижения могут рассматриваться как синтаксические, что подкрепляется их общими свойствами с традиционно синтаксическими передвижениями, такими как А' и А-передвижение. Конечной точкой таких передвижений может выступать либо особая «коммуникативная» позиция в структуре клаузы [Rizzi 1997; Junghanns, Zybatow 1997; Bailyn 1995; King 1995; Kondrashova 1996; Sekerina 1997; Gouskova 2001]), либо доступная функциональная по-

зиция в структуре предложения, не связанная с собственно коммуникативной функцией [Yokooyama 1986; Bailyn 2004a; Pereltsvaig 2004; Слюсарь 2009]). С другой стороны, коммуникативно мотивированный порядок слов можно представлять себе как результат действия постсинтаксических (то есть фонологических) правил, не затрагивающих собственно синтаксическую структуру.

Итак, на уровне клаузы механизм передвижений — в имплицитном или эксплицитном виде — с успехом используется для анализа как грамматически необходимых, так и коммуникативно обусловленных отклонений порядка следования составляющих от базового порядка, диктуемого правилами развертывания синтаксической структуры.

Вопрос, который предполагается обсудить в данной статье — это вопрос о вариативной линейаризации компонентов именной группы. Вообще говоря, порядок слов в именной группе типологически является значительно более жестким, чем порядок слов (или, вернее, составляющих) в клаузе. Тем не менее и в пределах именной группы зафиксированы различные отклонения от базового порядка слов.

Примером грамматически обусловленной линейаризации, нарушающей базовый порядок слов, может служить, например, степенная (*degree*) инверсия (см. [Hendrick 1990; Matushansky 2002; Kennedy, Merchant 2000]) и отрицательная инверсия [Boroff 2000] в английском языке, ср. (8)—(10) из работы [Troseth 2009]:

- (8) а. Jane saw a very tall man.
 б. *A how tall man did Jane see?
 в. [How tall]_i a t_i man did Jane see?
- (9) а. The Seventh Seal is a very serious movie.
 б. *The Seventh Seal is a too serious movie.
 в. The Seventh Seal is [too serious]_i (of) a t_i movie.
- (10) а. Attila is a very good athlete.
 б. *Attila is a not very good athlete.
 в. Attila is [not very good]_i (of) an t_i athlete.

Изменения базового порядка слов в именной группе формальная грамматика традиционно связывает с передвижениями вершины или компонентов именной группы в более высокую позицию в функциональной структуре, в которую вложена группа лексического существительного (NP). Наиболее популярная из таких функциональных оболочек именной группы — группа определителя, или артикля (DP), предложенная в пионерской диссертации С. Эбни [Abney 1987]. Передвижения именной вершины или других компонентов именной группы в узком смысле в проекции, связанные с вершиной D, предлагались как для конструкций в (8)—(10) из английского языка (см., например, [Longobardi 1994; 2001]), так и для целого ряда инвертированных конструкций в семитских [Ouhalla 1988; Siloni

1990; Ritter 1989], скандинавских [Delsing 1988; Taraldsen 1990] и романских [Grosu 1988] языках. Так, например, Т. Таральдсен усматривает в (11б) передвижение именной вершины в группу определителя, создающее инвертированный — по сравнению с (11а) — порядок следования компонентов именной группы и постпозитивный артикль в норвежском языке:

- (11) а. hans bøker om syntaks
его книги о синтаксисе
его книги о синтаксисе
- б. bøke_i-ne hans t_i om syntaks
книги-D его о синтаксисе
(эти) его книги о синтаксисе

Изучение типов инверсии компонентов именной группы в разноструктурных языках показало, что для сохранения деривационного подхода (и универсальной грамматической структуры именной группы) одной функциональной проекции D явно недостаточно. Так, в известной работе [Cinque 1994], посвященной порядку следования составляющих в романской именной группе, убедительно обосновывается существование промежуточных — между N и D — функциональных проекций, в которые и передвигается вершина именной группы, давая характерный романский порядок слов: Артикль — Прилагательное — Прилагательное — ... — Существительное — Прилагательное — Дополнение (пример (12а–в) из итальянского языка):

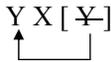
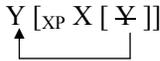
- (12) а. la sola grande invasione italiana dell'Albania
DEF единственный великий вторжение итальянский в-Албанию
единственное великое итальянское вторжение в Албанию
- б. *la sola grande italiana invasione dell'Albania
- в. *la invasione sola grande italiana dell'Albania
- г. la sola grande invasione_i italiana t_i dell'Albania
- д. [D ... [_{AP} A Y [_{AP} A [_{NP} N PP]]]
- ↑

В настоящее время многие формально ориентированные лингвисты защищают гипотезу о наличии в именной группе довольно большого количества функциональных проекций, отвечающих, в частности, за референциальные признаки именной группы, ее специфичность, определенность, количественные характеристики, исчисляемость и т. п. (см. обсуждение в [Franks, Pereltsvaig 2004]). Так, например, в [Svenonius 2008] обосновывается универсальная структура (13); наиболее подробные конфигурации для славянских языков предлагает Г. Раппапорт [Rapaport 1998], для русского — М. Ядров [Yadroff 1999] и Н. В. Исакадзе [1998], см. (14)—(16).

- (13) Dem > Art > Num > unit > Pl/sort > Adj > n > N [Svenonius 2008: (19)].

- (14) $AQE^2 \rightarrow \langle Q \rangle \rightarrow \text{demonstrative} \rightarrow \langle Q \rangle \rightarrow \langle \text{Spec-of-N} \rangle \rightarrow \langle Q \rangle \rightarrow \text{adjective} \rightarrow \text{head} \rightarrow \text{NP}[\text{genitive}] \rightarrow \text{NP}[\text{instrumental/dative}] \rightarrow \langle \text{Spec-of-N} \rangle \rightarrow \text{PrepP} \rightarrow \text{clause (finite or nonfinite)}$ [Rappaport 1998: (61)].
- (15) $[_{DeFP} [_{NumberP} [_{MeasP} [_{RefP} [_{NP}]]]]]$ [Yadroff 1999: 135].
- (16) $[_{QP} [_{DP} [_{NumP} [_{MeasP} [_{PossP} [_{NP} AP [_{NP}]]]]]]]]$ [Исакадзе 1998: 132].

При столь подробно артикулированной архитектуре именной группы довольно просто деривировать разнообразные типы отклонений от базового порядка слов в именной группе, задаваемого иерархией функциональных вершин: например, для инверсии компонентов X и Y достаточно постулировать передвижение Y в проекцию X (17а) или в вышестоящую проекцию Z (17б):

- (17) а. $[_{XP} Y X [\cancel{Y}]]$

- б. $[_{ZP} Y [_{XP} X [\cancel{Y}]]]$

Основной параметр, классифицирующий такого рода теории вариативного порядка компонентов внутри именной группы, — это вопрос о том, проекции какой природы могут служить целью передвижения. Аналогично описанным выше передвижениям составляющих в пределах клаузы можно считать, что передвижение происходит в рамках функциональной структуры, постулируемой по не зависящим от инверсии причинам (ср., например, рассмотренные выше анализы [Taraldsen 1990] и [Cinque 1994]). С другой стороны, делаются попытки ввести особые проекции, связанные с коммуникативной структурой, в первую очередь топиком и фокусом, не только в пределах простого предложения, но и в рамках именной группы [Giusti 1996; Aboh 2004; Haegeman 2004; Isac, Kirk 2008; Cruschina 2009; Aboh et al. 2010], ср. структуру (18):

- (18) $[_{DPfam} [_{FocP/TopP} [_{DPdef} [_{FocP/TopP} [_{NumP} [_{NP}]]]]]]$ [Isac, Kirk 2008].

Далее в этой статье мы оставляем открытым вопрос о том, имеет ли коммуникативная структура синтаксическую репрезентацию (т. е. специальные «коммуникативные» проекции) как в пределах предложения, так и в пределах именной группы. Для наших целей важна лишь сама идея того, что порядок слов (и в том числе порядок составляющих в именной группе) может задаваться грамматической структурой некоторой составляющей (так называемый базовый порядок), а отклонения от него (т. е. вариативность линейаризации компонентов составляющей) могут быть описаны при помощи механизма передвижений.

В цели данной статьи входит исследование различных типов инверсии в русской именной группе. В разделе 2 выделяется группа явлений, которые

² AQE — адъективные квантификаторы (*все, каждый, один, некоторые* и т. п.).

могут быть рассмотрены как именные группы с инвертированным порядком следования компонентов, где именная вершина расположена левее своего — в нормальных случаях препозитивного — модификатора. Обычно виды инверсии в именной группе классифицируются с точки зрения категориальных признаков инвертированных компонентов (например, инверсия существительного и прилагательного, инверсия существительного и количественного числительного). Такой подход имеет своей целью установить, какого рода проекции задействованы в процессе инверсии. В данной статье мы предполагаем показать, что существует значительно более общая дихотомия типов инверсии, во многом ортогональная категориальной классификации. Языковой манифестацией данной дихотомии служит способ акцентуации инвертированной именной группы. В разделе 3 мы обсудим правила акцентуации составляющих в русском языке и покажем, что в инвертированных именных группах выбор акцентоносителя может осуществляться либо «до инверсии», либо «после инверсии», причем эти опции распределены по содержательным типам инвертированных конструкций. Наконец, в заключении (раздел 4) будет предложена теоретическая интерпретация двух типов инверсии именных групп в русском языке.

2. Инвертированные именные группы в русском языке

В данном разделе мы обсудим несколько видов инверсии в русской именной группе. Часть из них получала освещение в литературе и имеет установившееся название, другие же типы предположительно выделены нами из всего множества именных групп с отличным от базового порядком слов на основании единства их дистрибуции и интерпретации. Список обсуждаемых в данной работе видов инверсии не является исчерпывающим; однако, как представляется, этот факт не оказывает влияния на адекватность формулируемых далее обобщений.

Под именной группой мы будем понимать любую конструкцию с именной вершиной, имеющую дистрибуцию существительного. Будем считать, что базовый порядок следования компонентов именной группы описывается иерархией (19) (ср. описательные обобщения в [Русская грамматика 1980], а также приведенные выше иерархии функциональных вершин, предлагаемые в [Исакадзе 1998; Yadroff 1999; Rapport 1998]):

- (19) а. все эти мои/Ванины пять новых аргументов
 б. [Qu [Dem [Poss [Q [A* [N ...]]]]]³

³ Qu — кванторное прилагательное, Dem — указательное местоимение, Poss — притяжательное местоимение или референтное притяжательное прилагательное, Q — количественное числительное, A — прилагательное, N — существительное. Звездочка в схематической записи обозначает возможность рекурсии; правые зависимые имени не указаны. Следуя традициям формальной славистики, количест-

Под инверсией мы будем понимать отступление от указанного порядка следования компонентов, приводящее к тому, что некоторая составляющая X оказывается левее составляющей Y, при том что в схеме (19) фиксирован порядок следования составляющих [Y ... [X ...]]. Так, согласно данному определению, инвертированными оказываются именные группы в (20):

(20) а. <i>бутылок</i> пять <i>бутылок</i> французского вина	N-Q инверсия
б. <i>радость</i> моя <i>радует</i>	N-Poss инверсия
в. <i>дорогой</i> мой <i>дорогой</i> человек	A-Poss инверсия
г. <i>две</i> эти <i>две</i> книги	Q-Dem инверсия

Важно отметить, что при инверсии вариативность линейаризации затрагивает только компоненты именной группы и «целостность» именной группы не нарушается. Инверсию в именной группе следует отличать от разрывных именных групп, когда между компонентами именной группы помещается материал объемлющих ее составляющих. (О разрывных именных группах в русском языке см., например, [Сиротинина 1974; Ковтунова 1976; Крылова, Хавронина 1976; Русская грамматика 1980: § 2170—2173; Земская 1979/1987; Bailyn 1995; Циммерлинг 2006; Pereltsvaig 2008].) Среди разрывов именной группы обычно различают простые разрывы (simple splits, (21a)) и инвертированные разрывы (inverted splits, (21б)).

- (21) а. Клубничного купи варенья! <клубничного ... варенья>
 б. Варенья купи клубничного! <варенья ... клубничного>

Несмотря на то что при инвертированном разрыве именной группы ее компоненты выглядят как подвергшиеся инверсии, анализ инвертированных разрывов как разрывов *инвертированной* именной группы представляется неадекватным (ср. гипотетическую деривацию в (22а)). Обычно для примеров типа (21б) предлагается анализ с извлечением вершины (22б) [van Riemsdijk 1989; Циммерлинг 2006] или анализ с копированием всей именной группы и озвучиванием в каждой из копий некоторых компонентов (22в) [Pereltsvaig 2008].

- (22) а. Варенья купи [~~варенья~~ клубничного ~~варенья~~]!

 б. Варенья купи [клубничного ~~варенья~~]!

 в. [~~Клубничного~~ варенья] купи [клубничного ~~варенья~~]!

Таким образом, мы принципиально исключаем из рассмотрения разрывные именные группы и сосредоточиваемся на изучении инверсии в пределах именных групп.

венным числительным приписывается ярлык Q вместо более распространенного в литературе по другим языкам Num(eral).

Из всех видов инверсии мы рассмотрим только те случаи, когда один из инвертированных компонентов — именная вершина (существительное), а второй — препозитивный модификатор данной вершины. Эти случаи будут сгруппированы по категориальным признакам модификатора: в разделе 2.1 будет описана инверсия существительного с одиночным (неветвящимся) прилагательным; в разделе 2.2 — инверсия существительного с количественным числительным; в разделе 2.3 — инверсия существительного с элементами левой периферии именной группы, к которым мы относим указательные местоимения, притяжательные местоимения и притяжательные прилагательные.

2.1. Инверсия существительного и прилагательного

В [Русская грамматика 1980: § 2152] указывается, что в словосочетаниях существительного с прилагательным обычный порядок компонентов — это препозиция прилагательного по отношению к существительному. Однако существует целый ряд отступлений от этого правила. Следует отметить, что в литературном языке и в разговорной речи конструкции с постпозицией одиночного (неветвящегося) прилагательного имеют разную дистрибуцию. Мы рассмотрим сперва два вида инверсии существительного и прилагательного в русском литературном языке, а затем обсудим специфику разговорной речи в этом отношении⁴.

Начнем с наиболее денотативно мотивированного типа инверсии существительного и прилагательного — так называемой сортовой инверсии. Русская грамматика [1980: § 2152] отмечает, что «постпозиция прилагательного нормальна в терминах при классификации разновидностей объектов, входящих в общий класс. Существительное при этом обозначает родовое понятие, а прилагательное — видовой признак: *шалфей лекарственный, шалфей красный, шалфей мускатный, шалфей луговой*; в наименованиях товаров: *мармелад яблочный, шоколад соевый, масло вологодское, скрепки канцелярские*». Специфика таких именных групп состоит в том, что они имеют родовой, в терминах Е. В. Падучевой [1985/2002], денотативный статус. Именные группы с родовым денотативным статусом имеют ограниченную дистрибуцию. Для них характерны функции называния (23а), позиция подлежащего и компонента именного сказуемого в предложениях классификации (23б), генерические предложения (23в) и позиции аргумента особого типа предикатов, допускающих в эпизодическом употреблении родовой статус своего аргумента (*исчезнуть, вымереть, появиться, редкий* и т. п.) (23г)⁵.

⁴ Следует особо подчеркнуть, что в задачи данной работы не входит выявление всех типов инверсии; таким образом, наше описание не является исчерпывающим.

⁵ Еще один тип контекстов, в которых предположительно встречаются именные группы с сортовой инверсией, — это контекст информационных запросов. Предварительные подсчеты, проведенные на материале справочно-правовой системы «Гарант», показывают, что из 47 396 запросов, представляющих собой сочетание

- (23) а. (подпись к фотографии) Фото Виктора Сазонова. *Очиток едкий* (С. Кляцов. Ниже травы (2003) // «Сад своими руками», 2003.07.15)⁶.
- б. Общероссийским классификатором... *продукция рыбная*, вылов рыбы и других водных биоресурсов (код 989934) отнесены к продукции животноводства... (О порядке применения отдельных положений (2004)).
- в. Во время цветения *очиток едкий* образует ярко-золотистый густой ковер из цветоносов (С. Кляцов. Ниже травы (2003) // «Сад своими руками», 2003.07.15).
- г. *Гагарка бескрылая* исчезла с лица земли в 1844 году [Я].

Ограниченно допустимо использование именных групп с сортовой инверсией в конкретно-референтных контекстах (24); по всей видимости, в таких случаях происходит особый семантический сдвиг: родовая ИГ в функции называния → собственное имя конкретного объекта. Собственно актуализаторы, приписывающие именной группе референтный или универсальный денотативный статус, количественные числительные в именных группах с сортовой инверсией неестественны и создают при употреблении комический эффект (25):

- (24) [Аникеева:] Не трогайте *макака суматранского!* Это же единственный экземпляр у нас в стране! (Х/ф «Гараж»).
- (25) [Шпак:] Все! Все, что нажил непосильным трудом, все же погибло! Три магнитофона... три *кинокамеры заграничных*, три *портсигара*

прилагательного и существительного, примерно одна двадцатая часть запросов — это запросы с инверсией. Большинство инвертированных запросов можно интерпретировать как сортовые именные группы (ср. *лампы люминесцентные, кирпич силикатный, доски аудиторные, вода питьевая, спирт салициловый, аптечка автомобильная*). Впрочем, не вполне понятно, всегда ли инвертированная именная группа в запросе представляет собой результат сортовой инверсии или же образуется по принципу «свободного ассоциативного присоединения частей высказывания по мере их появления в мысли» [Земская 1979/1987: 154], характерному для разговорной речи, когда постпозитивное определение «уточняет значение существительного» (ср. также [Русская грамматика 1980: § 2154]). Возможно также, что некоторые пользователи используют «тезаурусную стратегию» формулирования запроса, и тогда порядок слов в запросе отражает последовательное приближение к нужному таксону, ср. запросы *доверенность судебная, услуги бытовые, премия квартальная*. Вообще вопрос о синтаксической структуре информационных запросов представляет собой отдельную интереснейшую тему, обсуждение которой, однако, выходит далеко за рамки данной статьи.

⁶ Здесь и далее в этой статье примеры с библиографическими ссылками заимствованы из Национального корпуса русского языка; примеры, помеченные [Я], получены при помощи поисковой машины Яндекс; примеры, помеченные [G], — при помощи поисковой машины Google. Примеры без ссылок сконструированы.

отечественных, куртка замшевая... три... куртки... (X/ф «Иван Васильевич меняет профессию»).

При сортовой инверсии прилагательное допускает рекурсию; при этом характерно «зеркальное» расположение прилагательных относительно вершины:

- (26) а. вино белое полусладкое — полусладкое белое вино
 б. масло вологодское сладкосливочное — сладкосливочное вологодское масло
 в. расширитель хирургический малый — малый хирургический расширитель
 г. чай черный байховый — байховый черный чай

Формальный анализ сортовой инверсии в русском языке предложен в работе Х. Тругман [Trugman 2007]. Исследовательница предполагает, что сортовые именные группы возглавляются особой нулевой вершиной D, создающей из группы общего имени обычного предикатного типа индивиду типа «вид» (kind). Тот факт, что сортовые имена не допускают указательных/притяжательных местоимений, объясняется их дополнительной дистрибуцией с сортовым D. Инвертированный порядок слов в сортовой именной группе создается передвижением существительного в сортовое D⁷.

- (27) [_{sortal-DP} [_N *шалфей*] + _{sortal-D} [_{NP} [_{AP} луговой] *шалфей*]
-

Анализ в (27) предполагает, что прилагательные в сортовой именной группе остаются *in situ*. Однако при таком подходе, как отмечает Х. Тругман, проблематично объяснить зеркальный порядок нескольких прилагательных относительно именной вершины, наблюдаемый в (26). Альтернативный анализ опирается на вершинный статус неветвящихся препозитивных прилагательных в русском языке (подобный подход был предложен Г. Чинкве [Cinque 1994] для романских языков и аргументирован для русского в [Pereltsvaig 2006a; 2007]). В такого рода исходной структуре сортовая инверсия может рассматриваться как последовательное передвижение вершин (28):

- (28) [_{sortal-DP} [_N расширитель]+[_A хирургический]+[_A малый]+_{sortal-D} [_{AP} [_N расширитель]+[_A хирургический]+[_A малый] [_{AP} [_N расширитель]+[_A хирургический] [_{NP} [_N расширитель]]]]]

В пользу анализа (28) косвенно свидетельствует тот факт, что сортовые именные группы, в отличие от обычных, не допускают разрывов — ни простых, ни инвертированных, ср. (29). Действительно, если все компоненты сортовой именной группы в результате деривации представляют со-

⁷ Сходный анализ для итальянского языка предлагается в [Longobardi 1994].

бой одну сложную вершину, то ее разрыв (или озвучивание разных частей в разных копиях) не ожидается. Напротив, при анализе вида (27) разные компоненты сортовой именной группы располагаются в разных проекциях, а такие конфигурации допускают разрывное озвучивание в русском языке.

- (29) а. Из средней полосы России исчез шалфей мускатный.
- б. *Шалфей из средней полосы России исчез мускатный.
- в. *Мускатный из средней полосы России исчез шалфей.

Итак, именные группы с сортовой инверсией представляют собой наименования особых объектов — «видов» (kind); с логической точки зрения они являются собственными именами этих объектов, т. е. «видовыми» — в противоположность индивидуальным — константами⁸.

Следующий тип инверсии существительного и прилагательного — это отмечаемая в [Русская грамматика 1980: § 2152] постпозиция прилагательного «при существительном, выполняющем указательную функцию (*человек, люди, женщина, дело, вещь* и под.). Признак приобретает в подобных случаях особую информативную значимость и подчеркивается постпозицией прилагательного», ср. примеры в (30). [Русская грамматика 1980] рассматривает данный случай постпозиции прилагательного как частный случай более общего правила, согласно которому прилагательное следует за существительным «при стремлении выделить и подчеркнуть признак лица или предмета в ряду им подобных» (31).

- (30) а. Актёры — *существа хрупкие*. Их надо щадить (Весенний призыв (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06).
- б. Трошев — *человек активный*, у него есть своя политическая позиция, взгляды (Дмитрий Литовкин, Илья Максаков. Генерал или губернатор? // «Известия», 2003.02.19).
- в. «Прочитать» её по мерцанию и пульсированию мириадов точек прилива крови к работающим нейронам — *задача невыполнимая* (И. Лалаянц. Детектор лжи на молекулярном уровне? Завтра, завтра... послезавтра! // «Знание — сила», № 8, 2003).

- (31) а. Геологическая неоднородность — это неоднородность, обусловленная особенностями геологического строения пласта, *неоднородность статическая* (Интерпретация результатов компьютерного моделирования... // «Геоинформатика», № 1, 2004).

⁸ Сходный тип инверсии мы наблюдаем в не-видовых именных группах, служащих наименованиями индивидов: *Людвик Четырнадцатый, Иван Грозный, Петр Великий, Василий Блаженный, Москва Сортировочная, Ростов Великий, пункт первый, глава вторая* и т. п. Характерно, что такие именные группы предполагают существование определенного индивида с данным именем. Их также можно интерпретировать как (индивидуальные) константы, что объединяет их с ИГ с сортовой инверсией.

- б. *Улица пустая* вообще производит ужасное впечатление, а тут еще где-то под ложечкой томило и сосало предчувствие (М. А. Булгаков. Белая гвардия (1923—1924)).

Мы, однако, предполагаем, что в (30), в отличие от (31), мы имеем дело с особым типом инверсии, который мы в дальнейшем будем называть предикатной инверсией. Для предикатной инверсии характерен целый ряд свойств, отличающих подобные конструкции от конструкций с рематической постпозицией прилагательного.

Во-первых, ИГ с предикатной инверсией обладают ограниченной дистрибуцией. Для них характерна в первую очередь предикативная позиция в составе клаузы (32а), а также в разного рода обособленных оборотах (32б-г), представляющих собой так называемые «малые клаузы». В (32д), очевидно, имеет место подъем подлежащего из малой клаузы, так что в исходной структуре инвертированная ИГ находится в предикативной позиции: *впечатление, (что) он — человек решительный*.

- (32) а. *Я человек решительный, я не люблю полумер* (И. С. Тургенев. Провинциалка (1851)).
б. Президент Толстой, *человек решительный*, возражал против такой, как он выразился, капитуляции перед экстремистами... (А. Лазарчук. Все, способные держать оружие... (1995)).
в. Как *человек решительный*, он уже весной 1653 года стал осуществлять церковную реформу [Я].
г. *Человек решительный*, он пришел в малый бизнес, круто развернув устоявшуюся жизнь [Я].
д. Он производит впечатление *человека решительного*, но на поверку оказывается, что у него нет никакой твердости [Я].

Еще одна группа контекстов для ИГ с предикатной инверсией — это контексты, в которых именная группа имеет нереферентный денотативный статус. В частности, ИГ с предикатной инверсией возможны в контексте предикатов пропозициональной установки (33а), интенциональных предикатов (33б, в), при которых эти именные группы интерпретируются только *de dicto*, в генерических предложениях (33г, д), где переменная, соответствующая инвертированной ИГ, связывается генерическим (или другим неселективным) оператором. Характерно, что такие ИГ не могут интерпретироваться как референтные, ср. (34).

- (33) а. Очень хочется поговорить с *человеком знающим*... [Я]
б. Обо мне. Ищу *человека серьезного* для общения, и не только [Я].
в. В этом вопросе, как я понял, нужен *человек опытный*, так как отказать могут даже за запятую, поставленную вместо точки [Я].
г. *Человека решительного и дерзкого* вряд ли кому-то захочется побить или потолкать [Я].
д. *Человек опытный* всегда сумеет скопировать и сохранить на свой компьютер нужное ему изображение [Я].

- (34) а. Я видел, что *самолюбивая девушка* (**девушка самолюбивая*) сердится на меня за мое вмешательство и немного стыдится бабушкиной плаксивости (А. Куприн. Олеса).
- б. Талантливый хореограф Рева никак не может найти работу в шоу-бизнесе. *Самолюбивая девушка* (**девушка самолюбивая*) отказывается от протекции своего друга Абхи, популярного киноактера [Я].

В целом представляется возможным заключить, что ИГ с предикатной инверсией всегда имеет предикатный логический тип ((e, t)). Такая ИГ либо интерпретируется как предикат, либо связывается вышестоящим оператором, получая в таком случае узкую сферу действия. Учитывая, что группа общего имени представляет собой предикат, а изменение этого логического типа связано с введением в состав ИГ актуализаторов (указательных местоимений, артиклей, кванторов), наиболее естественно предположить, что в ИГ с предикатной инверсией отсутствуют функциональные проекции, отвечающие за референциальные свойства.

Вторая особенность, отличающая ИГ с предикатной инверсией, касается семантики прилагательных в их составе⁹. Для таких именных групп характерны в первую очередь оценочные прилагательные, занимающие, согласно многочисленным типологическим и конкретно-языковым исследованиям, левую позицию в линейно упорядоченной именной группе с множественными адъективными зависимыми (см. некоторые иерархии в [Dixon 1982; Sproat, Shih 1991; Cinque 1994; Scott 2002]). «Правые», близкие к именной вершине относительные прилагательные в конструкции с предикатной инверсией сомнительны, как сомнительны они и в предикативной позиции.

Еще одно свойство прилагательных в конструкциях с предикатной инверсией — это явное предпочтение в ней предикатов индивидуного, а не стадийного уровня, ср. (35). Прилагательные, допускающие как индивидуную, так и стадийную интерпретацию (*больной, печальный, гордый*), в составе ИГ с предикатной инверсией имеют только индивидуное прочтение (36).

- (35) а. Да вы сами-то *девушки невысокие* (**девушки пьяные*) (Разговор в клубе (2006)).
- б. [Ксения, жен, 21] Давай без мата плиз / я девушка ранимая (**девушка усталая*) (Разговоры знакомых (2006)).
- в. Здесь двадцать два русских, все *люди культурные* (**люди расстроенные*) идохнут без русских книг (В. Крейд. Георгий Иванов в Йере // «Звезда», № 6, 2003).
- (36) а. Она слыла *девушкой гордой и неприступной* (И. С. Тургенев. Ася (1858)).

⁹ О корреляции семантического класса прилагательного и его синтаксической позиции см., например, [Гращенков, Кобозева 2001].

- б. Отец — человек *больной* и имеет право на дополнительную площадь... (О. Володеева. Простая история // «Работница», 1989).

Наконец, последнее замечание о семантике прилагательных в конструкциях с предикатной инверсией касается таких прилагательных, которые способны иметь различные интерпретации в зависимости от синтаксической позиции. Наиболее известный пример такого рода — прилагательное *бедный*. В атрибутивной позиции оно возможно в двух значениях: бедный₁ = небогатый (37а) и бедный₂ = несчастный (37б). В предикативной позиции реализуется только значение бедный₁ (37в). Показательно, что в именных группах с предикатной инверсией допустимо только бедный₁, но не бедный₂ (37г):

- (37) а. Актриса тонко передаёт замкнутое глухое презрение богачки к *бедному* жениху, потом к мужу, с которым свела её судьба, когда речь идёт о деньгах (Спасительная эстафета игры (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06).
- б. И что же он увидел своим орлиным взором? *Бедные* звери погибли! (Сергей Седов. Доброе сердце Робина // «Мурзилка», № 7, 2002).
- в. Знаешь старый анекдот: если ты такой умный, то почему такой *бедный*? (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // Новый Мир, № 1—2, 2001).
- г. Это низко! — возмутился Воланд, — вы человек *бедный*... ведь вы человек *бедный*? (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929—1940)).

Таким образом, можно заключить, что с точки зрения семантики обнаруживается существенный параллелизм в дистрибуции и интерпретации прилагательных в ИГ с предикатной инверсией и в конструкциях с полным прилагательным в предикативной позиции.

Еще одно свойство, отличающее конструкции с предикатной инверсией, состоит в том, что прилагательные в их составе неспособны иметь правые зависимые (дополнения либо адъюнкты), ср. примеры в (38):

- (38) а. Я по натуре человек (очень) вежливый (*с окружающими), так что я приветствовал его чем то вроде хрюканья... [Я].
- б. Игорь — человек (весьма) гордый (*своими успехами) и желает достичь всего собственным трудом [Я].
- в. В этой истории Саммер — девушка (на редкость) независимая (*от мнения других), она делает что хочет, гуляет с кем хочет, берет от жизни все [Я].

В [Grashchenkov, Grashchenkova 2007] отмечается, что способность к правостороннему ветвлению отсутствует у полных прилагательных в предикативной позиции, при том что такой способностью обладают как полные прилагательные в составе именной группы, так и краткие прилага-

тельные в предикативной позиции. Примечательно, что это свойство также характерно и для прилагательных в инвертированных конструкциях.

Важно отметить еще одно общее свойство, отличающее прилагательные в предикативной позиции и в именной группе с предикатной инверсией и противопоставляющее их препозитивным прилагательным в обычной именной группе: предикативные прилагательные неспособны к рекурсии вне сочинения:

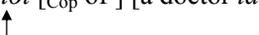
- (39) а. смелый решительный человек
 б. *Он был смелый решительный. (Ср.: Он был смелый, решительный; Он был смелый и решительный.)
 в. *Он — человек смелый решительный. (Ср.: Он — человек смелый, решительный; Он — человек смелый и решительный.)

Рассмотренные нами свойства ИГ с предикатной инверсией позволяют сделать некоторые предположения о синтаксической структуре подобных групп. Во-первых, эти ИГ всегда интерпретируются как предикаты; таким образом, они неспособны объединиться с актуализаторами (в том числе и нулевыми), превращающими ИГ в индивидуальную константу или обобщенный квантор. Во-вторых, прилагательные в их составе имеют свойства предикативных полных прилагательных.

Интересные межъязыковые параллели, позволяющие пролить свет на структуру ИГ с предикатной инверсией в русском языке, можно усмотреть в инвертированных ИГ таких языков, как английский или французский. Речь идет о конструкциях типа (40)—(41):

- (40) а. If only we had *this funny of people* back in december [G].
 Если бы только эти забавные люди вернулись к нам в декабре!
 б. Now, I'm still within *this damned of an existence*, I have started to get more sleep [G].
 Я все еще влачу это проклятое существование, но стал немного больше спать.
 в. I really hope I have *a poor of understanding* of this [G].
 Надеюсь, что я просто плохо это понимаю.
- (41) а. En voilà *un charmant de produit chimique* que je ne voudrais pas avoir dans mon assiette! [G].
 И вот очаровательный химический продукт, который я бы не хотел видеть в своей тарелке!
 б. Il tousse d'*une drôle de façon*. La toux n'a rien d'inquiétant, au contraire [G].
 Он странно кашляет. В этом кашле нет ничего тревожного, напротив.
 в. *Cette drôle de famille de vampires*, qui vient de débarquer dans nos librairies, compte déjà quelques fans sur Facebook [G].
 Эта забавная семейка вампиров, появившаяся в наших книжных магазинах, уже имеет поклонников в Фейсбуке.

В (40)—(41) мы наблюдаем именные группы необычной структуры: между оценочным прилагательным и существительным находится предлог (*of* в английском, *de* во французском); кроме того, во французских именных группах в (41) порядок следования прилагательного и существительного инвертирован (ср. обычные ИГ *le produit chimique charmant* ‘очаровательный химический продукт’, *une façon drôle* ‘странный способ’). Для подобных ИГ предлагался анализ, согласно которому они получены благодаря инверсии предиката в содержащей связку сложной именной группе, как это представлено в (42) (ср., в частности, [Кауне 1994; Zamparelli 1995; Moro 1997; den Dikken 1997; 2006; Bennis et al. 1998]):

- (42) that [*idiot* [_{Сop of}] [a doctor *idiot*]]

 этот доктор-идиот / идиот доктор

Идея существования предикативной структуры в некоторых (или во всех) видах именных групп, содержащих прилагательное, так что вершинное имя и прилагательное образуют составляющую, или малую клаузу, предлагалась и для русского языка, см., например, работу Л. Бэбби [Babby 1973]. Для наших целей принципиальна возможность такого анализа полных прилагательных, при котором в исходной структуре они находятся справа от существительного и образуют с ним (или его копией, или коиндексированным с ним PRO) предикативную составляющую (возможные варианты приводятся в (43)):

- (43) а. [_{PredP} [_{NP человек}] [_{AP решительный}]]
 б. [_{NP человек}]_i [_{AP человек_i решительный}]
 в. [_{NP человек}]_i [_{AP PRO_i решительный}]

В такой структуре полное прилагательное, будучи предикативным, должно обладать всеми свойствами полных прилагательных в позиции именного сказуемого. Можно предположить, таким образом, что ИГ с предикатной инверсией не являются в действительности «инвертированными», но отражают базовый порядок составляющих в именной группе с предикативной структурой. Инверсия, или подъем предиката, имеет место как раз в именных группах с предикативной дистрибуцией и препозитивным оценочным прилагательным, таких как в (44).

- (44) а. При этом он сказал, что Кужель «*опытный человек*, но ей никто не давал полномочий это делать от Партии регионов» [Я].
 б. Рядовой Цацкес, как *более опытный человек*, рассудил, что суетиться им ни к чему, лезть на рожон — тоже [Я].
 в. Только *опытный человек* может правильно пить чай с печеньками [Я].

Если намеченный анализ верен, то ИГ с препозитивным прилагательным могут иметь различную деривационную историю. В составе обычной

ИГ с неограниченной дистрибуцией (45а) препозитивное прилагательное порождается слева от существительного — либо возглавляя соответствующую проекцию, как в (46а), согласно анализу А. Перельцвайг [Pereltsvaig 2007], либо адьюнгируясь в составе группы прилагательного, как в (46а'), согласно анализу Ж. Бошковича ([Bošković 2008]). В предикативных именных группах (45б) прилагательное исходно располагается справа от именной вершины, являясь предикатом в содержащей собственный субъект составляющей (46б). Препозиция прилагательного в такой структуре (45в) возникает благодаря подъему предикативного прилагательного (46в), помещающему прилагательное слева от существительного¹⁰.

- (45) а. В чем счастье? На *этот трудный вопрос* грек мог ответить совершенно точно... [Я].
 б. Поскольку сертификация детского питания — это *вопрос трудный*, то и оформление сертификационных документов имеет свою спецификацию [Я].
 в. Строгость или мягкость? Для многих молодых родителей это *трудный вопрос* [Я].
- (46) а. [DP (этот) [AP трудный [NP вопрос]]]
 а'. [NP [AP (этот)] [AP трудный] [N вопрос]]]
 б. [NP вопрос]_i [AP PRO_i трудный]
 в. [трудный [NP вопрос]_i [AP PRO_i ~~трудный~~]]

Отметим особо, что анализ в (46б, в), в отличие от анализа ИГ с сортовой инверсией (28), не предполагает образования сложных вершин, содержащих прилагательное и существительное. В ИГ с предикативной инверсией существительное и прилагательное находятся в собственных проекциях, что косвенно подтверждается способностью таких ИГ к простым и инвертированным разрывам (47):

¹⁰ Указанный анализ имеет интересные последствия для интерпретации полных прилагательных в предикативной позиции. Дело в том, что согласовательные характеристики полных прилагательных, по всей видимости, указывают на необходимость постулировать при предикативных полных прилагательных нулевую именную вершину, контролирующую признаки рода, числа и падежа полного прилагательного (ср., например, анализ в [Pereltsvaig 2001; 2007]). Однако, если предикативное полное прилагательное представляет собой ИГ типа (46а) с нулевой именной вершиной, специфика предикативных полных прилагательных и их отличие от атрибутивных полных прилагательных (тип интерпретации, неспособность к ветвлению и рекурсии) оказываются необъяснимы (отметим, что сходные аргументы против использования нулевой именной вершины в структуре предикативных полных прилагательных высказываются также в [Grashchenkov, Grashchenkova 2007]). Намеченный нами анализ позволяет сохранить предположение о нулевой именной вершине, уточнив его следующим образом: полные прилагательные в предикативной позиции входят в именную группу со структурой (46б), а не (46а).

(47) а. А вот насчет измерения — согласен, *трудный* это *вопрос* [Я].

б. Мы прекрасно понимаем, что *вопрос* это *трудный*, и мы будем продолжать работу [Я].

Подведем промежуточные итоги. Мы рассмотрели два типа ИГ с инверсией прилагательного и существительного — ИГ с сортовой и предикатной инверсией. ИГ обоих типов имеют специфическую дистрибуцию, отличающую их от обычных ИГ. Особые свойства этих ИГ мы связали с их внутренней структурой. Для ИГ с сортовой инверсией мы предположили, что они возглавляются особым актуализатором — сортовым D, превращающим ИГ в константу типа «вид» и вызывающим последовательное передвижение вершин внутри именной группы, создающее инвертированный порядок следования прилагательных и существительного. ИГ с предикатной инверсией, по нашим предположениям, не содержат актуализаторов и являются именными группами в узком смысле слова (NP). ИГ с постпозитивным прилагательным отражают базовый порядок композиции таких ИГ, в то время как препозиция прилагательного является следствием подъема предиката — процесса, независимо обоснованного для некоторого класса ИГ в других языках.

До настоящего момента мы обсуждали ИГ с инверсией прилагательного и существительного в русском литературном языке. Если для литературного языка «в субстантивных словосочетаниях с прилагательным обычный порядок компонентов — препозиция прилагательного по отношению к существительному» [Русская грамматика 1980: § 2152], то для русского разговорного языка, как отмечается в исследованиях, посвященных порядку слов [Шведова 1960; Сиротинина 1965/2006; 1974; Ковтунова 1976; Крылова, Хавронина 1976; Земская 1979/1987], постпозиция одиночного прилагательного при именной вершине встречается едва ли не чаще, чем препозиция. Инвертированный порядок компонентов в разговорной речи характерен не только для именных групп, но и для составляющих других типов, ср. пример С. В. Кодзасова [Кодзасов 1993]:

(48) Чем будешь завтра заниматься?

а. (литературный язык): Буду [стирать [грязное белье]].

б. (разговорный язык): [[Белье грязное] стирать] буду.

В (48б) мы наблюдаем инверсию в ИГ (*белье грязное vs. грязное белье*), в глагольной группе (*белье стирать vs. стирать белье*), в аналитической глагольной форме (*стирать буду vs. буду стирать*). Таким образом, инверсия прилагательного и существительного в разговорной речи — это лишь частный случай более общего правила, регулирующего словорасположение в этом регистре языка. Отметим также, что инверсия в составляющей одного типа не требует обязательной инверсии в составляющих других типов, ср. (49):

(49) а. Буду стирать белье грязное.

- б. Грязное белье буду стирать.
- в. Грязное белье стирать буду.
- г. Белье грязное буду стирать.

Данные устного подкорпуса НКРЯ показывают, что инверсия прилагательного и существительного в составе именной группы в разговорном языке не ограничена семантическим классом прилагательного (50а—в), синтаксической позицией ИГ (50г—е), нечувствительна к наличию элементов левой периферии (50з), допустима как в составе темы (50д, ж), так и в узкой и широкой реме (50и—л).

- (50) а. *Печка металлическая* посреди вагона / буржуйка // (Разговор за столом об отъезде родителей из Дальнереченска // Дальневосточный ГУ, База данных «Живая речь дальневосточников», 2009).
- б. [Кандидат Цаплин, Василий Уткин, муж., 35, 1972] Господа / я прошу прощения / что вторгаюсь в вашу беседу / но у меня *вопрос важный* (Олег Фомин и др. День выборов, к/ф (2007)).
- в. [Студент1, жен., 21] А / это / вот говорю / в четверг едем покупать *платье свадебное* (Разговоры знакомых // Из материалов Ульяновского университета, 2007).
- г. [Мать, жен.] А вот смотри / *канистры железные* // (В хозяйственном магазине // Из материалов корпуса «Один речевой день», подготовленного группой А. С. Асиновского, 2007).
- д. Ну лучше скажи / *выплата / страховая* / всегда идёт <...> по договору // Да? (Дружеское общение, разговор о подруге // Дальневосточный ГУ, База данных «Живая речь дальневосточников», 2009).
- е. У нее еще *брат старший* есть (Разговор девушек об изучении языков // Из коллекции Ульяновского университета, 2009).
- ж. [Любовь, жен., 50] *Носки чистенькие* с батареи сними (Домашний разговор // Из материалов Ульяновского университета, 2007).
- з. [Ольга, жен., 29] То есть когда он посмотрел на эти *фрески великолепные* / ээ... он... это сподвигло его на создание музыкальных уже шедевров (Рассказ экскурсовода о Пизе (Италия) // практика, 2009).
- и. [Татьяна, жен., 43] Да. Мы вчера купили *чемодан большой* (Разговор о покупках // Из материалов Ульяновского университета, 2007).
- к. [Галина, жен., 74] Купила *галстук дорогой* тоже / ну там вот этот мальчик / который / с которым они там это / гуляли там / не гуляли / а ну в смысле прохаживались (Разговоры дома // Из коллекции Ульяновского университета, 2009).
- л. [Надежда, жен., 45] Полностью все поменяла и сантехнику / и мебель / и отопление / и *машинку стиральную* купила (Домашний разговор (2006)).

Более того, даже идиоматизированные именные группы, состоящие из прилагательного и существительного (*золотая рыбка*), а также идиомы, имеющие в своем составе такие именные группы (*обещать золотые горы*), в разговорной речи допускают инверсию существительного и прилагательного, ср. примеры в (51):

- (51) а. Я *рыбку золотую* поймал!!! Но она в контакт не идет? Может, у неё дефект речи? [Я].
- б. Остаётся успокоить себя тем, что эта самая соль — «*смерть белая*» [Я].
- в. Попутно отстреливая как тех, кто помнил его в начале пути (а тогда он был так, *жеребчик мышинный*), так и тех, кто мог его продать на Запад или просто подвести в ответственный момент [Я].
- г. Скольким ребятам обещали *горы золотые*, довести до топ-клубов и так далее [Я].

Таким образом, инверсия существительного и прилагательного в русской разговорной речи принципиально не ограничена, что радикально отличает ее от рассмотренных выше сортовой и предикатной инверсии литературного языка.

Примечательно, что если ИГ содержит более одного прилагательного, то прилагательные в большинстве случаев располагаются в том же порядке, что и в неинвертированной ИГ литературного языка, а не «зеркально», как это происходит в ИГ с сортовой инверсией (ср. (52)). Допустима также постпозиция прилагательного при группе, состоящей из вершинного существительного и его дополнения (53). Эти факты, как представляется, свидетельствуют о том, что механизм инверсии существительного и прилагательного в разговорной речи отличен от такового у ИГ с сортовой инверсией — существительное (или, вернее, его максимальная проекция, содержащая также дополнения) перемещается на левую периферию именной группы, при том что прилагательные остаются в базовой позиции, как это показано в (54).

- (52) а. [Яна Воробьева, жен., 19] Мне нужен *стол новый компьютерный* / меня этот бесит (Разговор на рынке // практика, 2008) (ср. *новый компьютерный стол*).
- б. [Муж, муж., 1954] и посреди / ээ ну посреди комнаты стоит фляга / с молоком / фляга с мёдом / корзина / такие *корзины большие виноградные* / (Разговор за столом о приезде в Крым // Дальневосточный ГУ, База данных «Живая речь дальневосточников», 2009) (ср. *большие виноградные корзины*).
- в. [Лохматый] Там ещё *череп настоящий* / *человеческий* / похоже / валяется (О. Куваев. Масяня, м/ф (2002—2008)) (ср. *настоящий человеческий череп*).

- (53) а. Берешь *бутылку из-под колы литровую* (оч. умелые ручки), сушишь туда трубочку из радиатора и привязываешь проволокой где-нить слева [Я].
 б. Там еще выложены *фотографии детей прикольные* [Я].
 в. Возникла небольшая идея — вместо «земляного» основания сделать часть брусчатой мостовой с брошенным орудием. Мол, *конец войны самый* [Я].
- (54) а. стол [AP новый [AP компьютерный [NP ~~есть~~]]]
 б. фотографии детей [AP прикольные [NP ~~фотографии детей~~]]

Итак, в этом разделе мы рассмотрели три вида инверсии существительного и прилагательного в русском языке: сортовую инверсию, предикатную инверсию и инверсию в разговорной речи. Обнаруживается, что инвертированные именные группы этих типов имеют различную дистрибуцию и различную внутреннюю структуру. Мы предположили, что именные группы с сортовой инверсией образуются путем последовательного передвижения вершин, вызываемого сортовым D, создающим на основе группы общего имени константы видового типа. ИГ с предикатной инверсией, напротив, всегда имеют логический тип предиката над индивидами; предложенный нами анализ предполагает, что постпозиция прилагательного в таких ИГ отражает базовый порядок композиции составляющих, а предикатные ИГ с препозицией прилагательного образуются путем подъема предиката. Наконец, инверсия существительного и прилагательного в разговорной речи имеет неограниченный характер и проявляет синтаксические признаки передвижения групп, а не вершин.

2.2. Инверсия существительного и количественного числительного

Инверсия существительного и количественного числительного, создающая значение приблизительности [Русская грамматика 1980: § 2160, 2207] получила широкое освещение в формальной литературе под названием аппроксимативной инверсии [Franks 1994; 1995; Yadroff 1999; Billings, Yadroff 1996; Yadroff, Billings 1998; Billings 1995; Bailyn 2004b; Pereltsvaig 2006a, 2006b; Zaroukian 2010]. Аппроксимативная инверсия демонстрируется в примерах (55):

- (55) а. [Жена, жен., 1956] вот и получается *лет восемь* они здесь прожили / и вернулись назад / (Разговор за столом о приезде в Крым // Дальневосточный ГУ, База данных «Живая речь дальневосточников», 2009).
 б. [Михаил, муж., 49] Лучше потерпи еще *минутки две* (Разговоры дома; семейные воспоминания // Из коллекции Ульяновского университета, 2009).
 в. Зараз уносили в мешке *торфин шесть*, если были сыроваты, *торфин десять*, если сухие (А. Солженицын. Матренин двор (1960)).

Аппроксимативная инверсия в русском языке обладает целым рядом нетривиальных свойств. Во-первых, аппроксимативная инверсия встречается преимущественно в контексте структурного падежа (номинатива и аккузатива, ср. (55)); ограниченно допустима аппроксимативная инверсия также в генитивном контексте (ср. (56а, б) и недопустимость (56в, г)):

- (56) а. [Евгений Миронов, муж., 1966] Оказалось / что это Авангард Николаич Леонтьев / который мучил меня в течение / наверно / часов двух (Интервью с актером Е. Мироновым // Т/к «Культура», декабрь 2006, 2007).
- б. [Первый, Сергей Маковецкий, муж., 49, 1958] Кроме одной женщины / которая ехала с ребёнком *лет пяти* / девочкой (Никита Михалков и др. Двенадцать, к/ф (2007)).
- в. *Он был доволен студентами *пятью*.
- г. *Он позвонил коллегам *пяти*.

Во-вторых, при аппроксимативной инверсии правые зависимые именной вершины остаются в базовой позиции:

- (57) а. Набравшись мужества, я вырвал из их сильных музыкальных пальцев *бутылок шесть любимого «Сталинградского» из города Волжский...* (Владимир Казаков. Алкогольные хроники (1997) // «Столица», 1997.11.24).
- б. *Я вырвал из их сильных музыкальных пальцев *бутылок любимого «Сталинградского» из города Волжский шесть*.

В-третьих, неветвящиеся препозитивные прилагательные блокируют аппроксимативную инверсию (примеры из [Pereltsvaig 2007]):

- (58) а. специалистов ~~специалистов~~ *десять* по русскому синтаксису
- б. *специалистов *десять* ~~специалистов~~ *известных* по русскому синтаксису

Учитывая указанные свойства аппроксимативной инверсии, С. Фрэнкс, Дж. Бейлин и А. Перельцвайг развивают анализ, согласно которому аппроксимативная инверсия представляет собой передвижение вершины N в позицию, расположенную выше количественной группы.

Если аппроксимативная инверсия является передвижением вершины, тот факт, что правые зависимые именной вершины не участвуют в инверсии, является вполне ожидаемым. Дихотомия структурных и лексических падежей в отношении аппроксимативной инверсии при таком подходе может быть объяснена различной позицией числительного в синтаксической структуре [Bailyn 2004b]: в случае лексических падежей числительное располагается в вершине Q и блокирует инверсию, в то время как в случае структурных падежей вершина Q нулевая, а само числительное находится в спецификаторе данной вершины. Наконец, для объяснения того, что препозитивное прилагательное блокирует аппроксимативную инверсию, привлекается

анализ неветвящихся препозитивных прилагательных как вершин, ср. (28): препозитивное прилагательное создает «вклинивающуюся» (intervening) вершину, препятствующую передвижению расположенной ниже вершины N.

В рамки предложенного анализа не укладывается единственный факт, связанный с аппроксимативной инверсией в ИГ, вложенной в предложную группу. Действительно, как убедительно показано в [Yadroff 1999], первообразные предлоги, управляющие винительным или родительным падежом, способны «пропускать» аппроксимативную инверсию:

- (59) а. *Человек у пятидесяти* были наши винтовки, остальные за два с половиной месяца боев постепенно обросли немецким оружием — винтовками и автоматами (Константин Симонов. Живые и мертвые (1955—1959)).
- б. Но *минут через пятнадцать* я, обеспокоенная тишиной (уроки мы обычно делаем под музыку, так, чтобы гремело на весь дом), снова иду к его комнате (Елена Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», № 10, 2004).

Поскольку именная вершина в данных конструкциях оказывается левее предлога, можно заключить, что предлог не блокирует инверсию, хотя и является в рассматриваемой конфигурации «вклинивающейся» вершиной.

Таким образом, анализ аппроксимативной инверсии как передвижения вершин сталкивается с существенными сложностями. Альтернативный анализ, предполагающий, что передвижению подвергается именная группа (ср. [Billings 1995; Billings, Yadroff 1996; Yadroff, Billings 1998; Yadroff 1999; Zaroukian 2010]), не способен объяснить ограничение на передвижение других компонентов именной группы, помимо вершины, в синтаксических терминах (для объяснения привлекается фонологическое ограничение «перемещаемая составляющая должна соответствовать одному фонетическому слову», которое также наталкивается на противоречия эмпирического характера). В качестве дополнительной характеристики аппроксимативной инверсии, говорящей скорее в пользу анализа Фрэнкса — Бейлина — Перельцвайг, чем в пользу анализа Биллингса — Ядрова — Зарукян, можно указать следующий факт: конструкции, подвергшиеся аппроксимативной инверсии, не допускают разрывов, что, как мы видели, характеризует комплексы, возникающие в результате передвижения вершин, а не групп.

- (60) а. ... в своей жизни он прочел *книг десять* и то в далеком детстве [Я].
- б. **Книг* в своей жизни он прочел *десять*, и то в далеком детстве.

Действительно, (60б) не может объясняться как разрыв количественной группы, подвергшейся аппроксимативной инверсии, из (60а), поскольку не допускает аппроксимативной интерпретации¹¹.

¹¹ При обсуждении аппроксимативной инверсии можно отметить еще один тип идиоматизированных выражений, в которых значение аппроксимации связано с

2.3. Инверсия существительного и элементов левой периферии

Последний структурный тип инверсии в именной группе, который мы рассмотрим, — это инверсия существительного и элементов левой периферии именной группы — указательных местоимений, притяжательных местоимений и притяжательных прилагательных типа *Петин, мамин* (61).

- (61) а. *Фестиваль этот* был вроде турнира, на котором должны были скрестить копы с одной стороны поэты Москвы, с другой — Питера (Запись LiveJournal (2004)).
- б. *Редактор наш* был добродушным человеком (С. Довлатов. Чемодан (1986)).
- в. *Жизнь мамина* в последние годы была достаточно одинокой (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995—1999)).

Взаимное расположение притяжательного местоимения *мой* и существительного подробно исследовано В. И. Подлесской на материале НКРЯ. Данные В. И. Подлесской ([Подлесская 2011: 2]) показывают, что «соотношение препозиции и постпозиции местоимения чрезвычайно чувстви-

инверсией существительного и числительного, однако не количественного, а порядкового:

- (i) а. Однако, денег не платил. Примерно, зайдешь к нему *числа десятого*. Разведет руками, грустно улыбнется (М. Зощенко. «Скупой рыцарь», цикл «Бледнолицые братья»).
- б. После родов, вопреки советам многочисленных «уже рожавших», мне понадобилась не одежда, которую я носила *«месяце на пятом беременности»*, а одежда, которую я носила *классе в восьмом*, настолько я стала маленькой [Я].
- в. А вот помните *году в 95-м* в программе «Доброе Утро» крутили клип, не знаю как называется, там животные по саванне бегут задом наперёд [Я].

В отличие от аппроксимативной инверсии с количественными существительными, в примерах (i), как кажется, не наблюдается асимметрии структурных и лексических падежей: инверсия существительного и порядкового числительного возможна в контексте любого падежа (ср. *датируй числом десятым* vs. **пометь числами десятью, километре на двадцатом пути* vs. **километрах на двадцати пути*).

Существование такого рода конструкций, хотя и лексически сильно ограниченных (ср. **(зайдешь) мая десятого*, **(остановился) кандидате на пятом*), свидетельствует скорее против анализа аппроксимативной инверсии как передвижения вершин: действительно, порядковое числительное представляет собой препозитивное неветвящееся адъективное зависимое, которое, согласно подходу Фрэнкса-Бейлина-Перельцвайг, не должно «пропускать» именную вершину. Можно было бы предположить, что в конструкции типа *числа десятого* именная вершина передвигается в вершину А, в которой располагается порядковое числительное (как это происходит при сортовой инверсии в анализе Х. Тругман). Однако в таком случае необъяснимы конструкции типа *месяце на пятом*, где порядковое числительное остается *in situ*, а именная вершина оказывается слева от предлога.

тельно к позиции ИГ относительно глагола. Если ИГ предшествует глаголу, то постпозиция местоимения встречается примерно в два раза реже, чем препозиция... Если же ИГ следует за глаголом, то постпозиция местоимения встречается примерно в двадцать (!) раз реже ... Интересно, что соотношение препозиции и постпозиции местоимения получилось для подлежащих и дополнений практически идентичным, при том, что само распределение подлежащих и дополнений по признаку «положение относительно сказуемого» радикально различается: в полном соответствии с базовым порядком слов в русском языке — SOV — в нашей выборке ИГ-подлежащие значительно чаще предшествовали сказуемому, чем следовали за ним...»

Как представляется, характеристика ИГ с подобной инверсией в терминах препозиции/постпозиции относительно глагола может быть уточнена. Мы полагаем, что релевантным в данном случае является не собственно положение ИГ относительно глагола, а ее коммуникативный статус и связанная с этим статусом позиция в предложении. Наши данные показывают, что (за исключением случаев поэтической речи) инверсия существительного и элементов левой периферии ИГ наблюдается, во-первых, в позиции (начальной) темы (ср. примеры (61)) и, во-вторых, в позиции начальной ремы (62).

- (62) а. Кто? — холодно спросил Павел Алексеевич. — *Дворничиха наша*, тётя Лиза (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света // Новый Мир. № 8—9. 2000).
- б. Знаешь, что я вспомнила? — сказала она. — Как мы жили в Подлескове. Кирке было лет семь. *Избу нашу* вспомнила (Ю. Трифонов. Предварительные итоги (1970)).
- в. Понимаете, люди, которые со мной работали на участке, собираются ночью, после выборов, праздновать окончание этого мероприятия. Они уже там режут колбасу, водку выставили! *Сумку мою* отобрали, чтобы я не уехала! (А. Тарасов. Миллионер (2004)).

Как кажется, инверсия в теме возможна в любом регистре речи, в то время как инверсия в реме характерна в первую очередь для разговорной речи. Очевидно, это связано с общими закономерностями словорасположения в разговорном русском языке, основной тенденцией которого, по словам Е. А. Земской, можно считать тенденцию «помещать в начало высказывания то, что наиболее важно для сообщения. Говорящий начинает речь с главного, наиболее существенного элемента сообщения» [Земская 1979/1987: 149]. Естественно, что при такой организации высказывания на левой периферии предложения оказывается рема, а остальной материал предложения образует тему (или вторую рему, подробнее см. [Янко 2001]).

Таким образом, наша гипотеза состоит в том, что инверсия существительного и элементов левой периферии ИГ происходит в коммуникативно выделенной позиции начала предложения. В письменной литературной ре-

чи это позиция темы (или одной из нескольких тем, ср. (63)), в то время как в разговорной речи ИГ в этой позиции часто является ремой.

- (63) а. {_T Родителей моих} {_T в тот вечер} дома не было (А. Ларина (Бухарина). Незабываемое (1986—1990)).
 б. {_T До революции} {_T родители мои} были крестьяне-средняки, занимались сельским хозяйством (В. Белов. Плотничкие рассказы (1968)).

Чрезвычайно характерно, что инвертированные ИГ в тематической позиции могут содержать частицы *-то* и *-же* — маркеры темы:

- (64) а. *Дворик-то этот* был тем и хорош, что всегда был пуст (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929—1940)).
 б. *Парнишка-то твой* не учится, даже семилетку не кончил... (В. Ф. Панова. Кружилиха. Роман (1947)).
 в. А Милентий Егорович, *отец-то мамин*, первый по расчисткам в Русихе был [Я].
 г. *Девушка же эта*, несмотря на неприступный балетно-испанский вид, а может быть, именно благодаря этому, была добра, сострадательна даже к малой чужой тревоге и боли (М. Зайчик. Долг Карабаса // «Звезда», 2001).
 д. *Постановки же Ваши* имеют соприкосновение только со мной и Юрием Львовичем, так что никаких официальных не требуется (Н. Н. Евреинов и др. Переписка (1928—1939)).

Связь такого рода инверсии с определенной коммуникативной позицией в рамках всего предложения отмечается в работах Ф. Р. Минлоса ([Минлос 2008; 2010; 2011], [Minlos 2012]), посвященных порядку слов в именной группе в русских средневековых памятниках. Автор указывает, что тенденция к постпозиции местоименных атрибутов, обнаруженная им на материале Виленской летописи, «имеет аналогию в современном русском языке. Постпозиция атрибутов (обычно местоименных) в современном языке нормальна только в именных группах, стоящих в начале предложения, в предглагольной тематической позиции...» [Минлос 2011: 215]. Таким образом, инверсия существительного и элементов левой периферии может быть условно определена как тематическая (при этом следует иметь в виду, что в разговорной речи она происходит в позиции не только начальной темы, но и начальной ремы).

Вопрос о типе передвижения при тематической инверсии представляет существенную сложность. Действительно, имеет место тенденция к препозиции одиночного существительного, однако и одновременный вынос правых зависимых существительного, и их позиция *in situ*, как кажется, сомнительны:

- (65) а. [?]двоюродный брат мамин vs [?]брат мамин двоюродный
 б. [?]фотографии детей эти vs *фотографии эти детей

в. ?специалисты по синтаксису наши vs ?специалисты наши по синтаксису

Итак, мы рассмотрели несколько видов инверсии в русской именной группе, исходя из категориальных характеристик элементов, подвергающихся инверсии. Эти виды различаются своим вкладом в интерпретацию ИГ, синтаксическими свойствами (передвижение вершин vs. передвижение групп, возможность разрывов), регистром речи, наличием взаимосвязи с коммуникативной структурой всего предложения. В следующем разделе мы покажем, что различные виды инверсии в русской именной группе по-разному ведут себя в отношении такого параметра, как выбор акцентоносителя в инвертированной конструкции.

3. Выбор акцентоносителя в инвертированной именной группе

Вопросу о правилах акцентуации именной группы (и, шире, различных типов составляющих в русском языке) посвящены классические работы [Ковтунова 1976; Николаева 1982; Падучева 1989; Кодзасов 1996а; 1996б; Янко 2001]. Проблема выбора акцентоносителя решена в виде системы правил, определяющих, какой из компонентов коммуникативно нерасчлененной (то есть выступающей как единая коммуникативная составляющая) именной группы получает фразовый акцент. Эти правила апеллируют к синтаксической структуре именной группы. В наиболее общем виде их можно сформулировать следующим образом: в качестве акцентоносителя выбирается самый «вложенный» (и тем самым крайний правый) компонент. Некоторые примеры приводятся в (66) (полу жирным шрифтом выделен акцентоноситель).

- (66) а. [этот **[поезд]**
 б. [наш **[поезд]**
 в. [мамин **[брат]**]
 г. [мамин [старший **[брат]**]]
 д. [брат **[Васи]**]
 е. [поезд [из **[Саратова]**]]
 ж. [пять **[специалистов]**]
 з. [пять [специалистов [по [русскому **[синтаксису]**]]]]]

Т. Е. Янко [2008; 2009; 2010], сопоставляя правила акцентуации в обращениях с базовыми правилами акцентуации, специально отмечает, что выбор акцентно выделенного слова не в обращениях зависит от синтаксической структуры предложения или словосочетания и не зависит от порядка слов. Е. В. Падучева [1989; 2008; 2012] в этой связи различает исходные структуры — те, в которых выбор акцентоносителя (а значит, и синтаксическая структура) соответствует порядку слов, и производные, с инвертированным порядком слов — хотя и с тем же значением, с той же синтаксической и даже коммуникативной структурой.

Учитывая сказанное, можно было бы ожидать, что инверсии в именной группе не должны влиять на выбор акцентоносителя: для всех типов инверсии ожидается появление акцента на том компоненте именной группы, который является самым глубоко вложенным, а значит, крайним правым в неинвертированной конструкции.

Обнаруживается, однако, что инвертированные ИГ ведут себя по-разному в отношении выбора акцентоносителя. Далее в этом разделе мы будем пользоваться следующей описательной моделью. Будем рассматривать неинвертированную конструкцию с базовым порядком слов $X Y$ (67a) и инвертированную конструкцию, полученную в результате передвижения компонента Y влево (67б). Будем исходить из того, что в неинвертированной конструкции действуют базовые правила выбора акцентоносителя; таким образом, в неинвертированной конструкции (67a) акцентироваться должен компонент Y . Если в инвертированной конструкции (67б) акцентоносителем по-прежнему будет являться компонент Y , будем говорить, что выбор акцентоносителя произошел до передвижения (что соответствует тезису Т. Е. Янко о том, что порядок слов не влияет на выбор акцентоносителя или, в терминах Е. В. Падучевой, что образуется структура, в которой выбор акцентоносителя не соответствует порядку слов). Если же в (67б) акцентоносителем окажется компонент X , будем говорить, что выбор акцентоносителя произошел после передвижения, когда наиболее глубоко вложенным фонологически выраженным компонентом именной группы оказался X , и именно он был выбран в качестве акцентоносителя согласно базовому правилу акцентуации составляющих в русском языке.

- (67) а. [X [Y]]
 б. [Y [X [Y]]]
-

В ИГ с сортовой инверсией акцентоносителем является последнее прилагательное (ср. примеры в (68)). Таким образом, выбор акцентоносителя происходит уже после передвижения, в производной структуре (69). Если опираться на анализ сортовой инверсии как передвижения вершин, можно считать, что выбор акцентоносителя в синтаксически сложной вершине аналогичен выбору ударного компонента в сложных словах (70), предположительно полученных в результате инкорпорации исходно правого зависимого, которое традиционно анализируется в синтаксисе как передвижение вершин [Travis 1984; Baker 1988].

- (68) а. шалфей **мускатный**
 б. скрепки **канцелярские**
 в. расширитель хирургический **малый**

- (69) [_{sortal-DP} [_N расширитель]+_A хирургический]+_A **малый**]+_{sortal-D} [_{AP} [_N **расширитель**]+ [_A хирургический]+_A **малый**] [_{AP} [_N **расширитель**]+_A хирургический] [_{NP} [_N **расширитель**]]]]

- (70) а. свеж**замороженный** (← заморозили **свежим**)
 б. самолет**строение** (← строят **самолеты**)

Иначе устроен выбор акцентоносителя в ИГ с предикатной инверсией. Если исходить из того, что в ИГ *вопрос трудный* из примера (71б) прилагательное образует постпозитивное зависимое (72б), оно должно стать акцентоносителем по общим правилам. В ИГ с подъемом предиката (71в)—(72в) прилагательное по-прежнему оказывается акцентоносителем, что можно интерпретировать как выбор акцентоносителя до передвижения. В (71а) — обычной ИГ — прилагательное исходно препозитивное (72а), поэтому акцентоносителем оказывается именная вершина.

- (71) а. В чем счастье? На *этот трудный вопрос* грек мог ответить совершенно точно... [Я].
 б. Поскольку сертификация детского питания — это *вопрос трудный*, то и оформление сертификационных документов имеет свою спецификацию [Я].
 в. Строгость или мягкость? Для многих молодых родителей это *трудный вопрос* [Я].
- (72) а. [DP (ЭТОТ) [[AP трудный [NP **вопрос**]]]]
 б. [NP вопрос]_i [AP PRO_i **трудный**]
 в. [**трудный** [NP вопрос]_i] [AP PRO_i ~~трудный~~]

Известный факт, касающийся ИГ с постпозицией прилагательного в русской разговорной речи, состоит в том, что постпозиция прилагательного не влияет на выбор акцентоносителя (ср., например, [Русская грамматика 1980: § 2156; Бонно 2008]). Как показывают примеры в (73), акцентуируется тот компонент именной группы, который в базовой структуре является самым глубоко вложенным. На примере (73в) особенно хорошо заметно, что для правильного выбора акцентоносителя необходима информация о синтаксической структуре ИГ: действительно, правило постановки акцента нельзя сформулировать ни в терминах «последнее знаменательное слово», ни в терминах «именная вершина». Инвертированные ИГ в русской разговорной речи акцентуются так, как если бы акцентоноситель был выбран по общим правилам до передвижения (ср. анализ в (74)).

- (73) а. Скольким ребятам обещали **горы** золотые...
 б. Мне нужен **стол** новый компьютерный...
 в. Там еще выложены фотографии **детей** прикольные.
- (74) а. **стол** [AP новый [AP компьютерный [NP ~~стол~~]]]]
 б. фотографии **детей** [AP прикольные [NP ~~фотографии детей~~]]

Дополнительные примеры на инверсию существительного и прилагательного в русской разговорной речи, заимствованные из Корпуса рассказов о сновидениях ([Кибрик, Подлесская 2009]), подтверждают наш тезис: акцентоноситель выбирается в базовой структуре, до передвижения (удар-

ный гласный акцентоносителя обозначается в принятой в Корпусе нотации подчеркиванием).

- (75) а. [030z] 39.5 21. ... (0.7) вот эээ(0.5) ..(0.1) \—прибо-оры разные сто-
ло-овые...
б. [031z] 0.0 1. Там была' ..(0.2) пло= ..(0.3) /площадка ... (0.6) \тан-
цевальная,
в. [043z] 2.9 3. что /я нашла свой /\тапочек ..(0.1) \белый.
г. [056z] 9.4 9. ..(0.4) /\Ну-у /одела там /юбку короткую,
д. [109n] 11.1 8. там значит /свет такой \таинственный горит...

Показательно, что позиция акцентоносителя позволяет различить внешне сходные именные группы с постпозицией прилагательного (76): в (76а), где акцентоносителем выступает прилагательное, мы имеем дело с сортовой инверсией, а в (76б), где акцент расположен на именной вершине, — с инверсией существительного и прилагательного в разговорной речи.

- (76) а. козел **африканский** (сортовая инверсия, вид козла)
б. **козел** африканский (инверсия в PPP, напр., инвектива)

Выбор акцентоносителя в ИГ с аппроксимативной инверсией происходит в уже инвертированной конструкции (ср. (77)—(78) и примеры из Корпуса рассказов о сновидениях в (79)). Этот факт объединяет ИГ с аппроксимативной и сортовой инверсией и может служить косвенным свидетельством о том, что их деривация происходит сходным образом. Если сортовая инверсия — это передвижение вершин, то появляется дополнительный аргумент в пользу анализа через передвижение вершин для аппроксимативной инверсии.

- (77) а. В своей жизни он прочел книг **десять**...
б. специалистов **десять** по **синтаксису**
- (78) а. специалистов [**десять** Ø_Q [~~специалистов~~]]
б. специалистов [**десять** Ø_Q [~~специалистов~~ [по **синтаксису**]]]
- (79) а. [029z] 43.0 22. что «Мы сейчас /придём через ..(0.3) минут \десять».
б. [090n] 189.4 123. ... (0.5) У /меня /оставалось /минут —пятнадцать.

Наконец, при тематической инверсии акцентоносителем является инвертированное существительное (ср. (80)—(82)), а значит, выбор акцентоносителя происходит до передвижения. Следует заметить, что, хотя большинство элементов левой периферии ведут себя как клитики, притяжательные прилагательные, также участвующие в тематической инверсии, фонетически самостоятельны, а значит, в принципе могли бы претендовать на роль акцентоносителя. Тем не менее при тематической инверсии они лишены акцента — следовательно, наше обобщение верно.

- (80) а. **Родители** мои были крестьяне-средняки.
 б. **Жизнь** мамина в последние годы была достаточно одинокой.
 в. **Сумку** мою отобрали!
- (81) **жизнь** [мамина [**жизнь**]]
- (82) а. [106n] 16.8 8. 'и·и ··(0.2) чего·то ··(0.2) /'оттуда п= ··(0.2) появился-а''
 (0.2) з= \змея этот.
 б. [125n] 119.1 80. ··(0.6) {ЧМОКАНЬЕ 0.2} стеклянное /-здание,
 121.1 81. как я так \понимала-а,
 122.2 82. ··(0.3) /-университет мой,

Следует отметить еще одно важное последствие тематической инверсии: пост-акцентные компоненты инвертированной ИГ создают атоническую вторую позицию в предложении, как она определяется в [Янко 2001], или присоединяются к ней. Рассмотрим примеры в (83), размеченные в соответствии с нотацией, принятой в работах Т. Е. Янко. В (83а) в примере с неинвертированной начальной тематической именной группой предложение не содержит атонических составляющих. В (83б) начальная именная группа подверглась тематической инверсии, в результате которой в предложении возникла вторая атоническая позиция. Пример (83в) демонстрирует частотный в разговорной речи вынос ремы влево, при котором рематическая группа подвергается атонированию (ср. [Светозарова 1993]). В этом контексте в рематической именной группе также возможна инверсия существительного и элементов левой периферии, при которой в самой именной группе создается атонический материал, примыкающий к атоническому материалу предложения. Наконец, сомнительность инверсии в конечной реме (83г), на наш взгляд, говорит о том, что если атонический материал, возникающий в результате инверсии в именной группе, не приближает предложение к «акцентному идеалу» (акцентно выделенная составляющая — атонические составляющие — акцентно выделенная составляющая), то необходимость в инверсии отпадает.

- (83) а. Мою сумку/ отобрали\
 б. Сумку/ мою₀ отобрали\
 в. Сумку\\ мою₀ отобрали!
 г. ??? Отобрали/ сумку\ мою₀.

Сходные мысли высказывает в своих недавних работах Е. В. Падучева. Она пишет: «...есть основания считать, что принцип расположения слов в теме и в реме не одинаков: у ремы акцентоноситель действительно тяготеет к концу, а что касается темы, то в ней скорее акцентоноситель тяготеет к началу составляющей». Реализацией этого принципа Е. В. Падучева считает левый сдвиг акцента в тематической составляющей, а также тот факт, что «составляющая-рема, если она находится в инициальной позиции, то-

же склонна к левому сдвигу акцента» [Падучева 2012: 2]. Понятно, что обеспечить левый сдвиг акцента в именной группе можно в том числе и при помощи инверсии, передвигающей акцентоноситель влево.

Таким образом, тот факт, что тематическая инверсия происходит в начальной (то есть пред-атонической) позиции в предложении, представляется неслучайным. Более того, можно считать создание атонической позиции движущей силой тематической инверсии. Если это предположение верно, то тематическая инверсия не может быть определена локально, только в контексте именной группы, подвергающейся инверсии: для формулировки соответствующего правила необходимо привлекать информацию о коммуникативной структуре всего содержащего данную именную группу предложения. Тематическая инверсия, таким образом, может быть отнесена к феноменам, описываемым нелокальными правилами в терминологии [Циммерлинг 2008].

Итак, мы рассмотрели правила выбора акцентоносителя в инвертированных ИГ. Мы обнаружили, что в случае сортовой и аппроксимативной инверсии акцентоноситель выбирается в уже инвертированной ИГ, в то время как в других случаях инверсия не влияет на выбор акцентоносителя. Таким образом, мы наблюдаем два типа инверсии в русских именных группах — меняющие акцентоноситель и сохраняющие акцентоноситель. Данная дихотомия ортогональна категориальной классификации инверсии: действительно, инверсии существительного и прилагательного могут относиться как к типу сохраняющих акцентоноситель (предикатная инверсия, инверсия в русской разговорной речи), так и к типу меняющих акцентоноситель (сортовая инверсия). Возможно ли сохранить базовые правила выбора акцентоносителя в именной группе так, чтобы они распространились и на инвертированные именные группы, и какой феномен стоит в действительности за двумя типами инверсии применительно к выбору акцентоносителя — об этом пойдет речь в заключительном разделе.

4. Объяснения и следствия

Представляется, что можно выдвинуть как минимум две гипотезы, предсказывающих наличие двух акцентных типов инверсии именных групп.

Первая гипотеза, которая уже высказывалась в этой статье, состоит в том, что разница между двумя типами инверсии сводится к дихотомии видов передвижения, задействованных при инверсии: передвижение вершин vs. передвижение групп. Мы уже видели, что сортовая и аппроксимативная инверсии — как раз те инверсии, которые относятся к типу меняющих акцентоноситель, — проявляют свойства передвижения вершин: дополнения и другие правые зависимые вершины остаются *in situ*, а образующийся в результате инверсии комплекс оказывается неразрывным. Можно предположить, что при передвижении вершин выбор акцентно-маркированного

компонента образующейся сложной вершины устроен так же, как выбор ударного компонента в сложном слове (ср. (84)), и, таким образом, базовые правила выбора акцентоносителя в композициональной именной группе к именным группам с сортовой и аппроксимативной инверсией неприменимы.

- (84) а. взрывопожар**безопасный**
 б. двухсотпятидесяти**страничный**
 в. двести пятьдесят **шесть**

С другой стороны, сохраняющие акцентоноситель инверсии — предикатная, тематическая, инверсия существительного и прилагательного в разговорной речи — проявляют скорее свойства передвижения групп: передвигающееся существительное способно увлекать за собой свои правые зависимые, а образующаяся инвертированная именная группа не является синтаксически ригидной и может подвергаться разрывам. Если сохраняющие акцентоноситель инверсии основаны на передвижении групп, то можно считать, что при передвижении групп акцентоноситель выбирается на основании исходной синтаксической структуры, то есть фонология при выборе акцентоносителя учитывает самую нижнюю копию группы, хотя и озвучивает при этом верхнюю. Такое предположение позволяет сохранить обобщения Т. Е. Янко и Е. В. Падучевой о релевантности исключительно структурных факторов и нерелевантности порядка слов для выбора акцентоносителя.

Схематически обсуждаемый анализ представлен в (85).

- (85) а. инверсия, меняющая акцентоноситель

X+Y	...	X
очиток+едкий		очиток
часа+два		часа

- б. инверсия, сохраняющая акцентоноситель

XP	...	Y	...	XP
сложный		вопрос		сложный
фотки		прикольные		фотки
жизнь		мамина		жизнь

Другая, более общая гипотеза состоит в том, что исследованные нами инверсии происходят на разных уровнях — синтаксическом и постсинтаксическом. В случаях, когда акцентоноситель выбирается после передвижения, передвижение происходит в синтаксисе. «На вход» фонологического компонента поступает уже инвертированная именная группа, и фонология определяет в ней акцентоноситель по общим правилам — выбирает в качестве акцентоносителя самую глубоко вложенную составляющую инвертированной структуры (86а). Если же передвижение не влияет на выбор акцентоносителя, можно предположить, что фонология получает неинвертированную ИГ, выбирает в ней акцентоноситель и после этого производит передвижение (86б).

(86) а. инверсия, меняющая акцентоноситель

синтаксис	Y ... X	едкий очиток
синтаксис	X ... Y ... X	очиток едкий очиток
фонология	X ... Y ... X	очиток едкий

б. инверсия, сохраняющая акцентоноситель

синтаксис	Y ... X	мамина жизнь
фонология	Y ... X	мамина ЖИЗНЬ
фонология	X ... Y ... X	ЖИЗНЬ мамина жизнь

Такое видение передвижений имеет очевидные теоретические следствия. Инверсии, влияющие на выбор акцентоносителя, происходят в синтаксическом компоненте и вследствие этого влияют на синтаксические свойства и интерпретацию производных именных групп. Инверсии, сохраняющие акцентоноситель, происходят в постсинтаксическом (фонологическом) компоненте. Этот тип передвижения невидим для синтаксического и семантического компонентов и, следовательно, не оказывает влияния на синтаксические свойства и интерпретацию инвертированной именной группы. Указанное следствие находит эмпирические подтверждения в поведении различных типов инвертированных именных групп: действительно, именно те типы инверсии, которые несут семантическую нагрузку и накладывают ограничения на синтаксическое поведение именной группы (сортовая инверсия, аппроксимативная инверсия), при данном подходе оказываются синтаксическими.

Подведем итоги. В данной статье мы исследовали пять видов инверсии в русской именной группе, различающихся как категориальными признаками инвертированных компонентов, так и семантическими, синтаксическими и прагматическими свойствами. Мы обнаружили, что в значительной степени ортогональной к категориальной классификации инверсий выступает базовая дихотомия двух типов инверсии в русской именной группе: сохраняющих и меняющих акцентоноситель. Было высказано два предположения о возможной связи правил выбора акцентоносителя в инвертированной именной группе с ее семантическими и синтаксическими характеристиками. Первое предположение основывается на представлении об инверсиях, меняющих акцентоноситель, как о создающих сложные вершины. Второе предположение состоит в том, что меняющее порядок слов передвижение может происходить как в синтаксисе, так и на постсинтаксическом уровне, причем постсинтаксические передвижения не влияют на выбор акцентоносителя. Если это предположение верно, то позиция акцента может служить косвенным свидетельством о синтаксической структуре до озвучивания. Еще один важный параметр, выявляемый в связи с синтаксическими и постсинтаксическими передвижениями в именной группе, — это параметр локальности правил, действующих при передвижении. Синтаксические передвижения оказываются локальными, что хорошо коррелирует с разделяемым многими синтаксистами тезисом о сущест-

вовании ограничений на синтаксические процессы, связанных с минимизацией области вычисления¹². Постсинтаксические передвижения, как показывает, в частности, тематическая инверсия, могут быть нелокальными и опираться на более широкий просодический и коммуникативный контекст.

В целом, как представляется, материал данной статьи еще раз подтверждает тезис Е. В. Падучевой [2008: 425—426]: «...порядок слов в предложении целесообразно рассматривать совместно с интонацией — в составе единой линейно-акцентной (иначе — линейно-интонационной) структуры предложения». Ровно в той степени, в какой линейный порядок составляющих и связанные с ним передвижения входят в компетенцию синтаксистов, просодическая структура высказывания релевантна для синтаксического анализа. Перифразируя заглавие статьи Т. М. Николаевой [Николаева 2008], можно сказать, что данная работа о том, почему синтаксисты должны любить «порядок интонацию».

Литература

Белошапкина 1977 — В. А. Белошапкина. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.

Бонно 2008 — К. Бонно. Отождествление через проекцию (о постпозиции безударных определений в атрибутивных синтагмах) // Фонетика и нефонетика: К 70-летию С. В. Кодзасова / Под ред. А. В. Архипова и др. М., 2008. С. 457—468.

Всеволодова 2001 — М. В. Всеволодова. Об актуальном членении, интонационных конструкциях, акцентном выделении и порядке слов (практический взгляд синтаксиста на некоторые теоретические проблемы звучащей речи) // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сб. науч. ст. к 80-летию профессора К. В. Горшковой. М., 2001. С. 310—322.

Всеволодова 2004 — М. В. Всеволодова. Понятие об уровнях предложения как аппарат описания модели предложения // Русский язык. Система и функционирование: Мат-лы Междунар. конф. 18—19 мая 2004 г. Ч. 1. М., 2004. С. 5—12.

Всеволодова, Дементьева 1997 — М. В. Всеволодова, О. Ю. Дементьева. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений. М., 1997.

Гращенков, Кобозева 2001 — П. В. Гращенков, И. М. Кобозева. Многоаспектная компьютерная база данных по русским прилагательным EDGE как инструмент анализа лексико-грамматической категории // Русский язык: исторические судьбы и современность: Междунар. конгр. Труды и мат-лы. М., 2001.

Земская 1979/1987 — Е. А. Земская. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979; М., 1987.

Иорданская 1967 — Л. Н. Иорданская. Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза) // НТИ. № 5. 1967. С. 9—17.

¹² Например, в генеративной грамматике предлагались в разное время различные принципы, призванные обеспечить локальность синтаксических процессов: принцип прилегания, ограничивающие узлы, фазы, принцип минимального асимметричного структурного приоритета, принцип минимальности и т. п.

Исакадзе 1998 — Н. В. Исакадзе. Отражение морфологии и референциальной семантики именной группы в формальном синтаксисе: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1998.

Кибрик, Подлесская 2009 — Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. А. А. Кибрика, В. И. Подлесской. М., 2009.

Ковтунова 1969 — И. И. Ковтунова. Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в. М., 1969.

Ковтунова 1976 — И. И. Ковтунова. Русский синтаксис: порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

Кодзасов 1993 — С. В. Кодзасов. Интонация предложений с дискурсивными словами // Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.

Кодзасов 1996а — С. В. Кодзасов. Законы фразовой акцентуации // Просодический строй русской речи. М., 1996. Гл. 7.

Кодзасов 1996б — С. В. Кодзасов. Комбинаторная модель фразовой просодии // Просодический строй русской речи. М., 1996. Гл. 4.

Крылова 1992/2009 — О. А. Крылова. Коммуникативный синтаксис русского языка. М., 1992; 2-е изд. М., 2009.

Крылова, Хавронина 1976 — О. А. Крылова, С. А. Хавронина. Порядок слов в русском языке. М., 1976.

Минлос 2008 — Ф. Р. Минлос. Позиция атрибута внутри именной группы в языке Псковской летописи // Рус. яз. в науч. осв. № 2 (16). 2008. С. 203—216.

Минлос 2010 — Ф. Р. Минлос. Что притягивает притяжательные местоимения? или Линейная позиция атрибутов // Вопросы русского языкознания. Вып. XIII: Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. М., 2010. С. 279—290.

Минлос 2011 — Ф. Р. Минлос. Князь великий или великий князь: параметры варьирования // Слова. Концепты. Мифы: К 60-летию А. Ф. Журавлёва. М., 2011. С. 209—217.

Николаева 1982 — Т. М. Николаева. Семантика акцентного выделения. М., 1982.

Николаева 2008 — Т. М. Николаева. Почему лингвисты не любят «про интонацию»? // Фонетика и нефонетика: К 70-летию С. В. Кодзасова / Под ред. А. В. Архипова и др. М., 2008. С. 43—52.

Падучева 1985/2002 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985; М., 2002.

Падучева 1989 — Е. В. Падучева. К интонационной транскрипции для предложений произвольной синтаксической сложности // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования М., 1989. С. 18—29 (перепечатано в: Е. В. Падучева. Статьи разных лет. М., 2009. С. 259—271).

Падучева 2008 — Е. В. Падучева. Коммуникативная расчлененность и пути ее преодоления: инверсия подлежащего // Фонетика и нефонетика: К 70-летию С. В. Кодзасова / Под ред. А. В. Архипова и др. М., 2008. С. 417—426.

Падучева 2012 — Е. В. Падучева. Тематическая препозиция: акцентные сдвиги и инверсия // Проблемы речевого общения (Десятые Шмелевские чтения). ИРЯ РАН, 24—26 февраля 2012 г. (В печати.)

Подлесская 2011 — В. И. Подлесская. Позиция притяжательного местоимения относительно вершинного имени в зависимости от положения ИГ относительно сказуемого. Мат-лы к разделу: Именная группа. Корпусные данные 2. Русская грамматика (<http://www.rusgram.ru>).

Распопов 1961/2009 — И. П. Распопов. Актуальное членение предложения (на материале простого повествования преимущественно в монографической речи). Уфа, 1961; М., 2009.

Русская грамматика 1980 — Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.

Светозарова 1993 — Н. Д. Светозарова. Акцентно-ритмические инновации в русской спонтанной речи // Проблемы фонетики. Вып. I. М., 1993. С. 189—198.

Сиротинина 1965/2006 — О. Б. Сиротинина. Порядок слов в русском языке. 3-е изд. Саратов, 1965; М., 2006.

Сиротинина 1974 — О. Б. Сиротинина. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.

Слюсарь 2009 — Н. А. Слюсарь. На стыке теорий. Грамматика и информационная структура в русском и других языках. М., 2009.

Циммерлинг 1999 — А. В. Циммерлинг. Порядок слов и синтаксические позиции // Труды Междунар. семинара «Диалог 1999» по компьютерной лингвистике и её приложениям / Под ред. А. С. Нариньяни. М., 1999. С. 63—87.

Циммерлинг 2006 — А. В. Циммерлинг. Отношение свободного порядка слов и модели инверсии // Труды Междунар. семинара «Диалог 2006» по компьютерной лингвистике и её приложениям / Под ред. А. С. Нариньяни. М., 2006. С. 541—544.

Циммерлинг 2008 — А. В. Циммерлинг. Локальные и глобальные правила в синтаксисе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мат-лам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 4—8 июня 2008 г.). Вып. 7 (14). М., 2008. С. 551—563.

Шведова 1960 — Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

Янко 2008 — Т. Е. Янко. Обращения в русском языке. Мат-лы лекции. Летняя лингвистическая школа 2008 / Рукопись. Дубна, 2008.

Янко 2009 — Т. Е. Янко. Вокативные стратегии русской речи // Речевая коммуникация в современной России: Мат-лы I Междунар. конф. (Омск, 27—29 апреля 2009 г.). Омск, 2009. С. 425—432.

Янко 2010 — Т. Е. Янко. Обращения в структуре дискурса // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных культурах. М., 2010. С. 456—468.

Abney 1987 — S. Abney. The English noun phrase in its sentential aspect. Ph. D. dissertation, MIT, 1987.

Aboh 2004 — E. Aboh. Topic and focus within D // *Linguistics in the Netherlands*. 21. 2004. P. 1—12.

Aboh et al. 2010 — E. Aboh, N. Corver, M. Dyakonova, M. van Koppen. DP-internal information structure // *Lingua special issue*. 120. 2010. P. 782—801.

Babby 1973 — L. Babby. The deep structure of adjectives and participles in Russian // *Language*. Vol. 49. № 2. 1973. P. 349—360 (русский перевод: Л. Бебби. Глубинная структура прилагательных и причастий в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985. С. 156—170).

Bailyn 1995 — J. Bailyn. Configuring the 'free word order' in Russian. Ph.D. dissertation, Cornell University, 1995.

Bailyn 2003 — J. B a i l y n. A (purely) derivational approach to Russian scrambling // *Formal Approaches to Slavic Linguistics 11* / B. Partee et al. (Eds.). Ann Arbor (MI), 2003. P. 41—62.

Bailyn 2004a — J. B a i l y n. Generalized inversion // *Natural Language and Linguistic Theory*. 22/1. 2004. P. 1—49.

Bailyn 2004b — J. B a i l y n. The case of Q // *Proceedings of Formal Approaches to Slavic Linguistics. 12. The Ottawa Meeting 2003* / O. Arnaudova et al. (Eds.). Ann Arbor (MI), 2004. P. 1—36.

Baker 1988 — M. B a k e r. Incorporation. A theory of grammatical function changing. Chicago; London, 1988.

Bennis et al. 1998 — H. B e n n i s, M. d e n D i k k e n, N. C o r v e r. Predication in nominal phrases // *The Journal of Comparative Germanic Linguistics*. 1. P. 85—117.

Billings 1995 — L. B i l l i n g s. Approximation in Russian and the Single-word constraint. Ph. D. dissertation. Princeton University, 1995.

Billings, Yadroff 1996 — L. B i l l i n g s, M. Y a d r o f f. Prosodic correspondence in syntax: Russian approximative inversion // *Phrasal phonology* / R. Kager, W. Zonneveld (Eds.). Dordrecht, 1996. P. 45—72.

Boroff 2000 — M. B o r o f f. Degree phrase inversion in the scope of negation. The City University of New York Syntax Supper talk. New York, 2000.

Bošković 2008 — Ž. B o š k o v i ć. What will you have, DP or NP? // *Proceedings of the 37th annual meeting of the North East Linguistic Society*. 2008. P. 101—114.

Cinque 1994 — G. C i n q u e. On the evidence for partial N-movement in the Romance DP // *Paths towards universal grammar* / G. Cinque, J. Koster, J.-Y. Pollock, L. Rizzi, R. Zanuttini (Eds.). Georgetown, 1994. P. 85—110.

Cruschina 2009 — S. C r u s c h i n a. The syntactic role of discourse-related features // *Cambridge Occasional Papers in Linguistics*. 5. 2009. P. 15—30.

Delsing 1988 — L. D e l s i n g. The Scandinavian noun phrase // *Working papers in Scandinavian syntax*. 42. 1988. P. 57—80.

den Dikken 1997 — M. d e n D i k k e n. Predicate inversion in DP // *Possessors, predicates and movement in the determiner phrase* / A. Alexiadou, Ch. Wilder (Eds.). Amsterdam, 1997. P. 177—214.

den Dikken 2006 — M. d e n D i k k e n. Relators and linkers. The syntax of predication, predicate inversion and copulas. Cambridge (Massachusetts), 2006.

Dixon 1982 — R. M. W. D i x o n. Where have all the adjectives gone? and other essays in semantics and syntax. Berlin, 1982.

Franks 1994 — S. F r a n k s. Parametric properties of numeral phrases in Slavic // *Natural Language and Linguistic Theory*. 12/4. 1994. P. 570—649.

Franks 1995 — S. F r a n k s. Parameters of Slavic morphosyntax. New York, 1995.

Franks, Pereltsvaig 2004 — S. F r a n k s, A. P e r e l t s v a i g. Functional categories in the nominal domain // *Proceedings of Formal Approaches to Slavic Linguistics. 12. The Ottawa Meeting 2003* / O. Arnaudova et al. (Eds.). Ann Arbor (MI), 2004. P. 109—128.

Giusti 1996 — G. G i u s t i. Is there a Top/Foc in the NP? // *University of Venice. Working Papers in Linguistics*. 6. 1996. P. 105—128.

Goukova 2001 — M. G o u k o v a. Split scrambling: barriers as violable constraints // *Rutgers Working Papers in Linguistics. Vol. 2* / G. Horwood, Se-Kyung Kim (Eds.). New Brunswick, 2001. P. 49—82.

Grashchenkov, Grashchenkova 2007 — P. G r a s h c h e n k o v, A. G r a s h c h e n k o v a. Argument structure of Russian adjectives / *Manuscript. Moscow State University*, 2007.

Grosu 1988 — A. Grosu. On the distribution of genitive phrases in Rumanian // *Linguistics*. 26. 1988. P. 931—949.

Haegeman 2004 — L. Haegeman. DP periphery and clausal periphery: possessor doubling in West Flemish? Relating nominal periphery to clausal periphery // *Peripheries* / D. Adger, C. de Cat, G. Tsoulas (Eds.). Dordrecht, 2004. P. 211—223.

Hendrick 1990 — R. Hendrick. Operator movement in NP // *Proceedings of the 9th West Coast Conference on Formal Linguistics* / A. Halpern (Ed.). Stanford, 1990. P. 249—264.

Isac, Kirk 2008 — D. Isac, A. Kirk. The split DP hypothesis: evidence from Ancient Greek // *Rivista di Grammatica Generativa*. Vol. 33. 2008. P. 137—155.

Jungmanns, Zybatow 1997 — U. Jungmanns, G. Zybatow. Syntax and information structure of Russian clauses // *Formal Approaches to Slavic Linguistics*. 4 / W. Browne et al. (Eds.). Ithaca, NY, 1997. P. 289—319.

Kayne 1994 — R. Kayne. *The Antisymmetry of syntax* (Linguistic Inquiry Monograph Series. 25). Cambridge, Massachusetts, 1994.

Kennedy, Merchant 2000 — C. Kennedy, J. Merchant. Attributive comparative deletion // *Natural Language and Linguistic Theory*. 18. 2000. P. 89—146.

King 1995 — T. King. *Configuring Topic and Focus in Russian*. Stanford, 1995.

Kondrashova 1996 — N. Kondrashova. *The syntax of existential quantification*. Ph. D. Dissertation. University of Wisconsin, Madison, 1996.

Longobardi 1994 — G. Longobardi. Reference and proper names // *Linguistic Inquiry*. 25. 1994. P. 609—665.

Longobardi 2001 — G. Longobardi. The structure of DPs: some principles, parameters and problems // *The handbook of contemporary syntactic theory* / C. Collins, M. Baltin (Eds.). Oxford, 2001. P. 562—601.

Matushansky 2002 — O. Matushansky. *Movement of degree/degree of movement*. Ph. D. dissertation. Massachusetts Institute of Technology, 2002.

Minlos 2012 — Ph. Minlos. Prenominal and postnominal position of adjective attributes in Old Russian // *Russian Linguistics*. 36/1. 2012. P. 21—40.

Moro 1997 — A. Moro. *The raising of predicates. Predicative noun phrases and the theory of clause structure* (Cambridge Studies in Linguistics. № 80). Cambridge, 1997.

Ouhalla 1988 — J. Ouhalla. *The Syntax of Head Movement: a study of Berber*. Ph. D. dissertation, University College London, 1988.

Pereltsvaig 2001 — A. Pereltsvaig. Syntactic categories are neither primitive nor universal: Evidence from short and long adjectives in Russian // *Formal Approaches to Slavic Linguistics*. 9 / S. Franks et al. (Eds.). Ann Arbor (MI), 2001. P. 209—227.

Pereltsvaig 2004 — A. Pereltsvaig. Topic and focus as linear notions: Evidence from Italian and Russian // *Lingua*. 114/3. 2004. P. 325—344.

Pereltsvaig 2006a — A. Pereltsvaig. Passing by cardinals: In support of Head Movement in nominals // *Formal Approaches to Slavic Linguistics 14: The Princeton Meeting* / J. Lavine, S. Franks, H. Filip (Eds.). Ann Arbor (MI), 2006. P. 277—292.

Pereltsvaig 2006b — A. Pereltsvaig. Small nominals // *Natural Language and Linguistic Theory*. 24/2. 2006. P. 433—500.

Pereltsvaig 2007 — A. Pereltsvaig. On the universality of DP: A view from Russian // *Studia Linguistica*. 61/1. 2007. P. 59—94.

Pereltsvaig 2008 — A. Pereltsvaig. 2008. Split phrases in colloquial Russian // *Studia Linguistica*, special volume on spoken language. 62/1. 2008. P. 5—38.

Rappaport 1998 — G. Rappaport. The Slavic noun phrase. Position paper for Comparative Slavic Morphosyntax Workshop. Spencer, Indiana, 5—7 June 1998 (<http://www.indiana.edu/~slavconf/linguistics/download.html>).

Ritter 1989 — E. Ritter. A head-movement approach to construct-state noun phrases // *Linguistics*. 26. 1989. P. 909—929.

Rizzi 1997 — L. Rizzi. The fine structure of the left periphery // *Elements of Grammar. A Handbook in Generative Syntax* / L. Haegeman (Ed.). Dordrecht, 1997. P. 281—337.

Scott 2002 — G.-J. Scott. Stacked adjectival modification and structure of nominal phrases // *Functional structure in the DP and IP: the cartography of syntactic structures*. Vol. I / G. Cinque (Ed.). Oxford, 2002. P. 91—120.

Sekerina 1997 — I. Sekerina. The syntax and processing of scrambling constructions in Russian. Ph. D. dissertation, The City University of New York, 1997.

Siloni 1990 — T. Siloni. Hebrew noun phrases: Generalized noun raising. Ms., Université de Genève, 1990.

Sproat, Shih 1991 — R. Sproat, C. Shih. The cross-linguistic distribution of adjective ordering restrictions // *Interdisciplinary Approaches to Language* / C. Georgopoulos, R. Ishihara (Eds.). Dordrecht, 1991. P. 565—593.

Svenonius 2008 — P. Svenonius. The position of adjectives and other phrasal modifiers in the decomposition of DP // *Adjectives and Adverbs: Syntax, Semantics, and Discourse* (Oxford Studies in Theoretical Linguistics. 20) / L. McNally, Ch. Kennedy (Eds.). Oxford, 2008. P. 16—42.

Taraldsen 1990 — T. Taraldsen. D-projections and N-projections in Norwegian // *Grammar in progress* / M. Nespors, J. Mascaró (Eds.). Dordrecht, 1990. P. 419—431.

Travis 1984 — L. Travis. Parameters and effects of word order variation. Ph. D. dissertation, Massachusetts Institute of Technology, 1984.

Troseth 2009 — E. Troseth. Degree inversion and negative intensifier inversion in the English DP // *Studia Linguistica*. 26. 2009. P. 37—65.

Trugman 2007 — H. Trugman. Rudiments of Romance N-to-D movement in Russian // *Linguistic Investigations into Formal Description of Slavic Languages* / P. Kosta et al. (Eds.). Frankfurt am Main, 2007. P. 411—426.

van Riemsdijk 1989 — H. van Riemsdijk. Movement and regeneration // *Dialect variation and the theory of grammar* / P. Benincà (Ed.). Dordrecht, 1989. P. 105—136.

Yadoff 1999 — M. Yadoff. Formal properties of functional categories: the minimalist syntax of Russian nominal and prepositional expressions. Ph. D. Thesis, Indiana University, 1999.

Yadoff, Billings 1998 — M. Yadoff, L. Billings. The syntax of approximative inversion in Russian (and the general architecture of nominal expressions) // *Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Connecticut Meeting 1997* / Ž. Bošković, S. Franks, W. Snyder (Eds.). Ann Arbor (MI), 1998. P. 319—338.

Yokoyama 1986 — O. Yokoyama. Discourse and word order. Amsterdam, 1986.

Zamparelli 1995 — R. Zamparelli. Layers in the Determiner phrase. Ph. D. Dissertation, University of Rochester, 1995.

Zaroukian 2010 — E. Zaroukian. Approximative inversion revisited. Paper presented at the 19th annual workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics. University of Maryland, April 23—25, 2010. (<http://mind.cog.jhu.edu/grad-students/zaroukian/presentations/FASLproceedings-DRAFT.pdf>)

E. A. LYUTIKOVA

TWO TYPES OF INVERSION IN RUSSIAN NOUN PHRASES

The paper deals with different kinds of inversion, i. e., change of the basic word order, in Russian noun phrases. Types of inversion differ with respect to their impact on the interpretation of the noun phrase, their syntactic properties (head movement vs. XP movement, availability of splits), discourse register, eventual interaction with the information structure of the whole sentence. The paper argues that the crucial characteristic which splits these types of inversion into two classes is the choice of the phrasal stress bearer.

Keywords: Russian, noun phrase structure, movement, stress bearer.

E. FORTUIN, A. ISRAELI

**MODAL PARTICLES AND ASPECTUALITY:
ZNAJ AND SEBE IN RUSSIAN**

1. Introduction

Consider the following sentences where the verb *guljaet* ‘walk’ is used with the semantically related particles *znaj* and *sebe* and the combination *znaj sebe*¹.

(1) Дома щей и тех нет, а она **знай гуляет** (В. Кавторин. Чужая собственная жизнь).

There is even no soup in the house, yet she just goes out.

(2) Ну, вообще-то, он мог просто купить уже ворованный телефон, тогда получится ни за что нос сломали. А вор **себе гуляет** и пропивает денюжку закалымленную (www2.amit.ru/forum/index.php?allmes=1...1...). Well, of course it could be that he simply bought an already stolen phone, in which case it will mean that they broke his nose for nothing. And the thief is just walking around and toasting his ill-gotten gains.

(3) А в лесу все удивлялись, — и чего ему дома не сидится, все ходит куда-то, бродит — говорили. А Заяц **знай себе гуляет**, лапы в грязюке осенней пачкает (<http://solnce-vorot.blogspot.com>).

And in the forest everyone was surprised, why can't he stay home, he keeps going somewhere, wanders, they say. And the Rabbit just takes walks, dirties his paws in the autumn dirt.

It is generally assumed in the literature that *znaj* and *znaj sebe* are identical in meaning (e. g. [Луценко 1984: 129; Ожегов 1990; Шведова 1960: 101]). The particles *znaj (sebe)* and *sebe* are usually discussed separately (e. g. [Klenin 1975; Weiss 2008] on *sebe* and [Луценко 1984] on *znaj (sebe)*), but Švedova [Шведова 1980: 225] assumes that *sebe* and *znaj (sebe)* are in fact synonymous. The goal of this paper is to provide a semantic analysis of these particles and to show that, despite their semantic similarity, they are *not* identical in meaning.

¹ If not indicated otherwise, the examples are taken from the Russian National Corpus [НКРЯ].

Furthermore, we will show that both particles have interesting aspectual properties. In particular we will explain why *znaj* is inherently combined with imperfective verbs, whereas *sebe* is combined with imperfective verbs in the majority of cases, but also allows for some types of perfective verbs in certain contexts. We will first discuss the particles in the following order: (i) *znaj*, (ii) *sebe*, (iii) *znaj sebe*. The last section is devoted to the aspectual properties of the particles.

2. *Znaj*

The form *znaj* is always non-stressed and occurs with a verb (present tense, past tense, conditional (*by*)² or imperative). The data from the [НКРЯ] show that in most instances the particle occurs before the verb, but sentences where it occurs after the verb are also found, especially with the imperative. The verb with which it is combined is almost exclusively imperfective (its aspectual use will be discussed separately in section 5). An example with an imperative is given below³:

- (4) — Намокнем! — испугалась Таня. [the other person answers:]
 — От такого дождя намокнешь! **Иди знай!** Теперь не зима: высохнешь (С. Н. Сергеев-Ценский. Верховод).
 «We'll get wet!» Tanya got scared.
 «Sure, you would get wet from such a rain! Just walk! It's not winter now, you'll get dry».

² While the conditional is not common, such examples do occur:

- (i) А ведь не отказался б я от сотового — **знай звонил бы** прямо с дачи (Петр Алешковский. Седьмой чемоданчик. 1997—1998). — But I wouldn't've turned down a mobile, would have called straight from the summer house.
 (ii) Если бы мне когда-нибудь в жизни посчастливилось написать одну такую вещь, как повесть Бориса Хазанова «Час короля», — в течение всей остальной биографии не ударил бы пальцем о палец, а **знай слушал бы** музыку и выпивал понемногу, спокойно ожидая, пока принесут на дом Нобелевскую премию (С. Гедройц. Колоколь. Александр Мильштейн. Школа кибернетики. Борис Хазанов, Джон Глэд. Допрос с пристрастием. Харри Мулиш. Зигфрид // «Звезда», 2003). — If I ever had the luck in my life to write a tale like Boris Hazanov's «The King's Hour», during the rest of my whole biography I would not lift a finger, just listened to music, drank a little waiting for the Nobel prize to be delivered to my home.

³ Here we must digress for a moment. In this example there is a sentence stress on *idi*, and *znaj* acts as a clitic. Such uses must be distinguished from the regular imperative use of *znaj* in the expression *иди знай* meaning 'go figure' where *znaj* has the syntagmatic stress:

- (iii) Иди знай, что они там напортачили (<http://www.waronline.org/forum/viewtopic.php?t=3031>). — Go figure out what they bungled.

To our knowledge, the most elaborate analysis of the meaning of this particle is given by Lucenko. According to Lucenko [Луценко 1984: 129] the particle *znaj* (*sebe*) expresses that a «действие продолжает осуществляться, несмотря на наличие каких-либо помех, противоположных процессов, препятствующих обстоятельствам». In his analysis, Lucenko tries to account for the modern use of the particle *znaj* with reference to an older meaning of *znat'*. According to him, in the nineteenth century, *znat'* could be used in the meaning of *deržat'*, *uderživat'*, *ne otpuskat'* in phrases like *znaj pro sebja*, and «*знай про себя можно сопоставить с выражениями держи про себя (при себе), держи в тайне, сдерживайся...*» [Ibid.: 130]. Lucenko therefore concludes that «[н]аша догадка относительно того, что глагол *знать* когда-то мог иметь значение ‘держать, удерживать, не отпускать’ или ‘удерживаться’, подтверждается особенностями употребления слова *знай* как частицы» [Ibid.: 131]. In his view, the element of continuation of the particle use in modern day Russian is very clear in the context of the imperative. In the case of the imperative, he argues, the speaker directs the addressee to *continue* with an action that was already started, in a context where the addressee is inclined to stop doing the action, as is the case for example in (4).

The data from the [НКРЯ], however, show that contrary to Lucenko the action does not need to have started prior to the moment of utterance of the imperative. In many instances the speaker wants the addressee to do a particular action (and nothing else but that action), while expecting the addressee not to be inclined to do it, either because the addressee might not be inclined to follow the instructions of the speaker, or else because he is engaged in an altogether different type of activity. This is the case in (5). In this example the speaker does not use *znaj* to stress that the addressee should continue to run, as is suggested by Lucenko's description, but to reinforce an earlier direction, emphasizing that the addressee should now really start running:

- (5) Взяв рупор, он [Трифонов] закричал на берег:
 — Эй, казак! Беги скоро на кордон, скажи, «Ловца» гнали бы, Трифонов просит.
 — И без рупора слышно, — ответил человек, держа в руке ломоть хлеба и наблюдая, как течение подбивает баркас ближе к нему. Трифонов грозно взмахнул рупором:
 — А ты **беги, знай!** (М. Горький. Жизнь Климса Самгина. Часть 2. 1928).

Taking the megaphone he [Trifonov] shouted toward the beach: «Hey, Cossak! Run quickly to the cordon, tell them to send “Catcher”, Trifonov asks». «I can hear without the megaphone», the man answered holding a piece of bread and watching how the current was carrying the launch closer. Trifonov menacingly shook the megaphone: «You just run, mind you».

Put differently, *znaj* means that all the subject (the addressee) must focus on ('know') is on doing the action, disregarding all other information. In fact, there

are instances where a direct question is not answered; in other words, requested information is being withheld while the speaker is directing the addressee to either begin or continue the action. This is the case in (6)—(9) (in (7) only with regard to the second use):

- (6) — Ну, пойдем, что ли! — выкрикнул кто-то под моим окном. Я приподнялся со стула, выглянул в окошко и увидел Трофимыча...
— А ты поскорей, чтобы к закату поспеть!
— Да куда?
— А ты **знай собирайся!** Я тебя в такие места предоставлю, что и-и-и!.. Мое почтение! (Е. Н. Чириков. С ночевой).
«Well, shall we go, or what?» screamed someone under my window. I lifted myself off the chair, looked out of the window and saw Trofimych...
«Hurry up, so that we make it by sunset!»
«But where to?»
«You just get ready! I'll take you to such places that — wow! You'd be surprised!»
- (7) — Гляди, внук, сколько сапоженок, рубашенок, портков, картузов на берег волны выбросили. Знай собирай в мешок, — говорит дед Гордей и не смеется.
— Да это же раковины, дедушка. Как их наденешь?
— А ты, внук, **знай собирай.** Дома разберемся (Е. Пермяк. Тайна цены).
«Look, grandson, how many booties, shirts, pants, and caps the waves have thrown onto the beach. Just keep collecting them in the bag», says grandpa Gordey and doesn't laugh.
«But these are shells, grandpa. How can you put them on?»
«And you, grandson, just keep collecting. We'll figure it out at home».
- (8) — Эй, земляк, — крикнул Сысоев, — а почему нынче потонуть?
— Дорого не возьму, — ответил лодочник, — **сиди знай!** (Б. Окуджава. Искусство кройки и шитья).
«Hey, fellow [countryman]», Sysoev called, «how much does it cost to drown these days?» «I won't charge much», the boatman said. «Just stay put [sitting]».

A similar meaning occurs in non-imperative constructions, in past tense or present tense utterances. In such instances the subject keeps on doing V (does only V) or focuses only on doing V, where this is either unexpected or contrary to some contextually given norm. In (9) the subject keeps on digging despite losing blood, and in (10) kept on eating *pelmeni* (ravioli) despite the seriousness of the questions:

- (9) Из меня кровища текет, а я, **знай, копаю да копаю** (Б. Васильев. Дом, который построил Дед. 1990—2000).
I am losing blood but I just keep on digging.

- (10) ... и я, забыв про Нату, глазел на пышную сорокалетнюю армянку. Та спрашивала, надеюсь ли я, что в Москве жизнь наладится или здесь тоже пойдет кувырком, как в Баку, в Тбилиси. А я **знай** ел пельмени и пожимал плечами: будет как будет (В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени. 1996—1997).
And I, having forgotten Nata, was eyeing the plump forty-year old Armenian woman. The latter was asking if I hoped that life in Moscow would straighten out or if it would here again go topsy-turvy, like in Baku and in Tbilisi. And I just ate *pelmeni* and shrugged my shoulders: whatever will be, will be.

It should be noted that the idea of «keep on doing V», «do only V», or «focus only on V» should not be interpreted literally in the sense that the subject is only involved in the action modified by the meaning of *znaj*. The idea is that the new information or event does not change the focus of the participant. Therefore the use of *znaj* in (10) does not contradict the idea that the speaker looks at the Armenian woman, but the use of *znaj* emphasizes that he pays no attention to the questions and just shrugs his shoulders while eating.

Note that the element of persevering is often correlated with the use of iteration or reduplication; to emphasize the ongoing long-term action, such verbs as *posmeivat'sja*, *poxoxatyvat'*, *pomalkivat'*, *pomaxivat'* and the like are often used⁴:

- (11) — Дело твое старое, **знай полеживай**, — нам так от тебя безопаснее (О. Д. Форш. Одеты камнем. 1924—1925).
«You have your old folks business, just keep on lying down [on and off], we feel safer from you this way».
- (12) Любо дураку, а кругом собрались, столпились посторонние зрители — французы, англичане, немцы — и только, **знай, посмеиваются** над веселым дураком, а немец еще и подзуживает... (А. Т. Аверченко. Дюжина ножей в спину революции. 1921).
The fool is glad, and around him there have crowded outside spectators — French, English, German — and they just keep on laughing at the cheerful fool, and the German even eggs him on...
- (13) На две-то руки у нас и пошла работа, а купец, **знай, обсчитывает да обсчитывает**... (П. П. Бажов. Тяжелая витушка. 1939).
So we started working in two hands, and the merchant keeps on cheating us (in count) and cheating us...

The same type of use can also occur with an inanimate subject, as in (14) where the action keeps on going, whereas one might expect it to stop, or not to occur at all:

⁴ One reviewer pointed out that verbs like *posmeivat'sja*, *poxoxatyvat'* may refer to a particular type of laughing. Even though this is true, in contexts like these the type of laughing is always open-ended and durative.

- (14) Отвлекал себя (а сердце **знай** подстукивало), шаг за шагом, все ближе к вопросу — к столу, где этот здоровенный малый (В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени. 1996—1997).

I tried to divert myself (yet my heart just kept on beating), step by step, ever closer to the questioning, to the table with that large size guy.

In this sentence we conceptualize the heart as if it has a mind of its own, because it does something, which is not in accordance with what its ‘owner’ wants. In other contexts, *znaj* cannot occur with an inanimate subject. A Google search (18.IX.2010) has revealed a number of examples with *motor znaj sebe* (*určit / revel / bezropotno tjanet / nakručivaet kilometry*), but not a single example with *motor znaj* has been found. We find a similar situation with other inanimate nouns that form utterances with *znaj sebe* but never with *znaj* alone. We will come back to this later.

3. *Sebe*

Now we will turn to the particle *sebe*, which also occurs with a verb (present tense, past tense, imperative, infinitive). The particle can be placed before or after the verb and is never accented.

According to Klenin [1975: 191], «the information that *sebe* provides is that the behavior of the subject is completely self-interested». This is illustrated by the following example:

- (15) Он себе сидит — ‘He just sits’ [Ibid.].

Weiss [2008: 328] adheres to the meaning of *sebe* given by the [MAC]: «себе — (без удар.), частица. разг. Употребляется (обычно постпозитивно) при глаголе или местоимении, подчеркивая, что действие совершается свободно, независимо».

This definition suffers from two formal mistakes: a) if there is a verb in a clause, *sebe* is a particle associated with the verb, and b) it can be used preverbally and postverbally, i. e. prepositively and postpositively. The particle *sebe* cannot be associated with a pronoun. It can be associated with a noun in reduplicated phrases, such as (21) below.

In addition, we would like to propose a more specific meaning of *sebe*: the particle underscores not only that the action is performed freely and independently, as stated in [MAC], but also that it is performed in complete disregard of the outside world from the point of view of the speaker. This can be illustrated by (16), where the subject does not care about the rumors around him and just keeps on working:

- (16) А **мужик себе работает** и хоть бы что. Докторскую защитил, кафедру организовал, по заграницам всё время разъезжает и по бара-

бану ему на все эти сплетни (<http://showtopic.ru/index.php?mod=topic&topic=873359&page=4>).

And the guy keeps on working and it's nothing to him. He defended his second doctoral dissertation, organized a department, travels abroad all the time and he doesn't give a hoot about all this gossip.

So in this case the participant presumably knows about the gossip but does not care and just keeps on working. We find a similar situation with other verbs. In (17) the protagonist lives calmly without letting people's sufferings bother her, while in (18) the father does not care that his wife curses him and continues to sing:

- (17) А их не смущает, что Аня — врач и скрывает это в то время, когда врачи на вес золота. Она **себе живет** спокойно, не думая, что, может быть, кто-то без ее помощи страдает или просто умирает. А она ведь клятву Гиппократа давала (<http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2637218>).

And it does not bother them that Anya is a doctor and hides this fact while doctors are worth their weight in gold. She just keeps on living calmly not thinking that maybe someone is suffering or simply dying without her help. Yet after all she did take the Hippocratic oath.

- (18) — Папа у нас, как напьется, так берет песенник и поет все песни подряд. И все на один мотив, — сказала Невеста, с любовью глядя на отца.

Довольный Отец засмеялся.

— Ну, ты уж скажешь, дочка.

— А что, неправда? Мама его ругает матом, а **он себе поет** (В. Шукшин. Точка зрения).

«As soon as Dad gets drunk, he takes the song book and sings all the songs one after another. And all with the same melody», said the Bride looking with love at her father.

The happy Father started laughing.

«Well things you would say, daughter».

«Isn't it true? Mom scolds him with curses and he keeps on singing».

Such examples are plentiful. One of the most famous uses of this *sebe* depicting disregard of the participant is found in Krylov's fable:

- (19) Слон и моська

По улицам Слона водили,

Как видно, напоказ.

Известно, что Слоны

в диковинку у нас,

Так за Слоном толпы зевак ходили.

Отколе ни возьмись, навстречу

Моська им.

Along the streets Big Elephant was led,

To show him off, most likely.

Since Elephants are not a common

thing to see

A crowd of gapers followed on his heels.

All of a sudden Pug springs up in front

of them.

Увидевши Слона, ну на него	метаться,	And seeing Elephant, it raises a great	rumpus,
И лаять, и визжать, и рваться;		It lunges, barks and howls	
Ну так и лезет в драку с ним.		And does its best to pick a quarrel.	
«Соседка, перестань срамиться, —		«Hey neighbor, stop the fuss»,	
Ей Шавка говорит, — тебе ль		A mutt intones, «You? Deal with	
с Слоном возиться?		Elephant?	
Смотри, уж ты хрипишь,		Look at you barking yourself hoarse,	
а он себе идет		and he just strolls	
Вперед		Nonplussed	
И лаю твоего совсем		And doesn't care one bit about your	
не замечает». —		noise».	
«Эх, эх! — ей Моська отвечает, —		«Ho ho!» Pug says,	
Вот то-то мне и духу придают,		«That's just what I enjoy,	
Что я, совсем без драки,		Since I can be a real tough guy	
Могу попасть в большие забияки.		Without a single blow or bruise.	
Пускай же говорят собаки:		That way, the other dogs will say:	
“Ай, Моська! знать, она сильна,		“To bark at Elephant this Pug	
Что лаёт на Слона!”».		Must be a real strong mug!”»	

(translation: http://web.mmlc.northwestern.edu/~mdenner/Demo/texts/elephant_pug.htm)

In other words, it is not that the Elephant freely performs the action of walking, but that it is walking along despite the barking of the dog, totally disregarding it. And we can see a reference to this fable in a political cartoon with the Elephant representing the crisis that keeps on going no matter what is going on around him or what is done to him.

Бауржан Избасаров (<http://ccra.ru/D21>)

In order to explain the semantic contribution of *sebe*, it is worthwhile to take a closer look at instances where we find the particle in reduplicated constructions with nouns and verbs, as mentioned earlier. Let us compare parallel reduplicated constructions [N *sebe i* N] and [V *sebe i* V], as in *Student sebe i student* and *Živet sebe i živet*. It would be difficult to ascertain that these are fully unrelated *sebe*'s only because we are dealing with different parts of speech. Judging by these two phrases, particularly without any larger context, one could assume that Klenin's definition or definition of [MAC] works for both cases. However, the nominal phrases often occur with inanimate nouns:

- (20) a. Дом себе и дом⁵. — A house, just a house.
 b. Палка себе и палка. — A stick, just a stick.
 c. Конституция себе и конституция. — A constitution, just a constitution.

One could hardly imagine that the stick, the house and even the Constitution are self-interested or acting freely. All of them *serve a purpose* for some particular participants while being ordinary objects. Unlike *dom kak dom* or *palka kak palka*, which simply state the ordinariness of the object, the objects in the above examples had a potential of being more than ordinary objects from the participant's point of view, but they failed to live up to their more unusual potential. Let us examine their larger contexts:

- (21) Посох, прислоненный к стене, не светился — **палка себе и палка**
 (<http://tinwet.livejournal.com/32534.html>).
 The walking stick that was leaning on the wall was not glowing, it was just a stick.

⁵ There is a difference between the constructions [ну N_{nom} и N_{nom}] and [ну N_{nom} себе и N_{nom}]. The latter is less common and for good reason. The first one asserts that N is nothing but N, one cannot expect from N anything beyond its definition. That is why a Google search offers over six thousand examples of «ну дурак и дурак» and only one of «ну умник и умник». The difference between [ну N_{nom} и N_{nom}] and [ну N_{nom} себе и N_{nom}] is that the first construction is a free statement of the speaker, his judgment of a certain person deemed to be a fool:

- (iv) Но и прощали ему при этом тоже все. Мол, какой спрос с убогого?... Ну — дурак и дурак. Какой с дурака спрос (С. Зелинский. Дурак). — But at the same time they also forgave him everything thinking «what can you expect from a wretched one?»... Well, a fool is just a fool. What can you ask of a fool?

The second construction is the answer to another speaker's statement. In this case one speaker called another 'a fool' who in turn replied, saying that as such he should be ignored:

- (v) Но вы себе тут противоречите. Обычно на дурака не обращают внимания. Тем более, если он дурак по определению. Ну, дурак себе и дурак — что с него взять! — But you are contradicting yourself. They usually don't pay attention to a fool, especially if he is a fool by definition. Well a fool is a fool, you cannot expect anything from him!

- (22) Какие ассоциации вызывает слово «дом»? Нечто милое и уютное, мягкие тапочки у порога, занавески в цветочек на кухне. А внешне?.. **Дом себе и дом**. Прямоугольный. С треугольной крышей. Ну, может, что-то в колониальном стиле или, там, хай-тек какой-нибудь (Самые необычные дома в мире. <http://gazeta-pro.ru/poleznostnat/samyie-neobyichnyie-doma-v-mire.html>).

What are your associations with the word «house»? Something nice and cozy, soft slippers at the threshold, curtains with a floral pattern in the kitchen. And on the outside? Just a house. Rectangular. With a triangular roof. Well, maybe something in colonial style or maybe something high-tech.

- (23) Так, **рыбка себе и рыбка**, незатейливая закуска под пиво. Однако у неё есть другое романтическое и загадочное имя — МАКРЕЛЬ. Имя, достойное феи (www.liveinternet.ru/users/1809148/rubric/625243/page2.html).

Nothing much, just a little fish, a simple chaser for beer. However, it has another romantic and mysterious name — MACKAREL. A name worthy of a fairy.

In all of these examples, the *sebe*-objects are simple, even primitive; they either did not live up to the potential of something unusual, romantic, or fantastic or hide inside themselves this possibility while outwardly being simple and primitive. Clearly, a house, primitive or unusual, as the article suggests, is not by itself or for itself, but for its inhabitants, and a fish is for eating, and a glowing walking stick may have some magical powers for others to use. The *sebe*-object failed to rise above ordinariness and carries nothing emotionally charged for the participant who is interacting with the object.

Let us examine similar verbal constructions (*V + sebe + V*) using the larger context.

- (24) А вскоре ты узнаешь, что у него есть ребенок от предыдущего брака, который живет в другом городе с матерью. Ну **живет себе и живет**, но вот настает прекрасный день, когда ребенок приезжает к вам в гости... Как себя вести и что делать? (<http://wwwomen.ru/s.php/2408.htm>).

And soon you find out that he has a child from a previous marriage who lives in another town with her mother. Well, she just lives there no big deal, but one fine day comes when the child arrives to visit you... How should you behave and what should you do?

In this example, the stepmother does not care about the stepchild, who lives somewhere else and who does not bother her, until the moment of the visit arrives and her interaction with the stepchild becomes an issue.

- (25) — ... за прошедшие сутки я тут перетрогала все, что можно, и даже то, что трогать не рекомендуется.

- Например? — с детским любопытством спросил Исмаил-бей.
 — Например кондиционер. **Работает себе и работает**, зачем его трогать? Но мне было интересно... (<http://www.myjane.ru/articles/text/?id=183>).
 «... during the last 24 hours I touched everything possible here as well and even things that are not recommended to touch».
 «For example?» Ismail-bey asked with childish curiosity.
 «For example, the air conditioner. It works and it's okay, why touch it, but I was curious...»

In other words, it [the air conditioner] works and we should stay away from it. The second participant in the narrated event, i. e. the human (the female speaker of the first and third utterances) should not be concerned with the first participant, i. e. the air conditioner.

One may come to a conclusion that this particular meaning is a feature of the reduplicated construction. This is not the case; we can find very similar non-reduplicated examples, which can be seen as regular instances of the use of *sebe* under discussion:

- (26) Хорошо — **кондиционер себе работает**, прохладно, тихо... (<http://mdb61.livejournal.com/4213.html>).
 It's nice, the air conditioner is working, it is cool, quiet...

And in this case, just like in the previous one, everything in the example points to the fact that it is the second participant, i. e. the speaker, whose well-being is in question. And the air conditioner is certainly not working for itself, but for the good of those around it.

Weiss [2008: 331—333] also discusses several examples with non-animate subjects. According to him, one can speak of metaphorization in such cases [Ibid.: 333] or personification [Ibid.: 332]. For some examples, such an analysis can indeed be given:

- (27) И вот сегодня точно такой же снег пошел в Саратове. Вроде бы техника уборочная там быть должна. ... Однако снег **лежит себе** спокойненько, и никто его убирать не собирается. Правда, люди у нас привычные и завтра город будет жить обычной жизнью... (<http://vilianov.com/world/istoriya-kotoraya-povtoryaetsya/>).
 — And today exactly the same kind of snow fell on Saratov. They must have the snow plowing equipment. ... However, the snow is just lying there quietly, and no one is planning to clean it up. It's true however, that our people are used to it and tomorrow the city will live a normal life...

In this case one could argue that the use of *sebe* stresses that the snow is lying around *as if* it is being oblivious to the outside world, not taking into account that the situation is remarkable for us people. However, it is also possible and perhaps even more appropriate to speak of metonymy. The human carelessness

vis-à-vis the snow, not paying enough attention to it and not cleaning it up is transferred onto the snow. A metonymical relation can also be perceived in (26). It is more appropriate to speak of a metonymic relation between the idea of ‘disregarding the outside world, not caring about the outside world’ and cases where the realization of the action is ‘to everyone’s satisfaction’. More specifically, if the subject performs an action, not caring about the outside world, he may very well enjoy this specific action (or put differently, it is because he does not care about the outside world that he is enjoying it so much). In the case of inanimate subjects it is not the subject itself that enjoys the action, but the speaker for whom this action is enjoyable. A similar relation can in fact be found in Dutch, where the adverb *lekker* (lit. ‘tasty’, but used to mean ‘for X’s enjoyment’) can be used both to indicate that the action is pleasurable for the subject, and for the speaker:

- (28) a. Hij is lekker aan het voetballen.
He is playing football (and enjoying it).
b. De kachel staat lekker te branden.
The fire is burning (and we enjoy that).

Let us recapitulate the basic meanings of the various uses of *sebe* that we have discussed above. The *sebe* phrases signify obliviousness of the participant, if it is an animate participant, while in those cases where the participant is inanimate, there are metaphorical or metonymic relations with this basic meaning. Reduplicated constructions where *sebe* occurs should be compared with reduplicated constructions without *sebe*. Those with *sebe* either have a hidden potential or the subject failed to live up to a potential as far as the Speaker is concerned. Those without *sebe* never had such an option from the Speaker’s point of view; they simply underscore the ordinariness of the object or the action. Unlike the examples with *sebe* they have no potential for the other participant/Speaker. The following examples have been deliberately chosen to have the same object *dom* ‘house’ as in (22) and *živet* ‘lives’ as in (24). While in (22) the apparently simple house is actually one of the most unusual houses in the world, the one in (29) is nothing but a promotional photograph. In (24), the girl living in another town has an explosive potential for the protagonists, while in (30) the Speaker and his ex-wife live in close proximity without ever meeting:

- (29) Костя обернулся, посмотрел на фотографию особнячка. Ну, **дом и дом!** Чего тут шеф разглядел? Рекламная картинка, не более того (В. Рыжков. Срочно требуется лох).
Kostya turned around, looked at the photograph of the little villa. Well, just a house. What did the boss see there? A promotional picture, nothing more.
- (30) Петербург — город маленький, разумеется, всю его центральную часть можно пройти — так, без лишней спешки — минут за сорок. ... Лет пятнадцать назад... я развелся... со своей первой женой. ... но с тех пор... я ее уже ни разу не видел. Представляешь, целых пят-

надцать лет — нигде, ни разу, хотя бы мельком. ... Кстати, кто-то мне недавно сказал, что она теперь тоже живет на Васильевском. Ну, **живет и живет**. Вот тебе, пожалуйста, и «маленький город» (А. Столяров. Наука расставаний).

Of course St. Petersburg is a small city, you can walk through its central part without any hurry in about forty minutes. ... About fifteen years ago... I divorced... my first wife ... but since then... I have not seen her a single time. Imagine, the whole fifteen years — nowhere, not once, not even in passing. ... By the way, recently somebody told me that she now also lives on Vasilyevsky island. Well, she lives and never mind. There you have it, some “small city”.

A few words should be said about the relation between the use of *sebe* as a particle and its regular reflexive (dative pronominal) use. Discussing (31) (Weiss’s example (1)) Weiss [2008: 331] states that the non-reflexive meaning of *sebe* is achieved by insertion of *spokojno* ‘calmly’, although the reflexive meaning could not be completely ruled out:

- (31) В одной адвокатской конторе на стене висит картина, точно отражающая сущность данной профессии: двое мужиков спорят, кому принадлежит корова, один тянет ее за рога, другой — за хвост, а адвокат в это время спокойно **себе доит** эту самую корову...

In one lawyer’s office there is a painting on the wall, precisely depicting the essence of this profession: two guys are arguing about who owns the cow, one is pulling it by the horns, the other by the tail, meanwhile the lawyer is calmly milking this very cow...

The situation is, however, more complicated because with verbs like *doit* ‘the pronoun *sebe* is not easily interpreted as a reflexive at all (whereas such an interpretation is much easier with other verbs, for example *nalit’ sebe čaj*). While we do not think there is a possibility of a reflexive reading in example (31), it is important to add that *spokojno* underscores the fact that the verb it accompanies is an Activity in Vendler’s sense, particularly in the case of transitive verbs:

- (32) **Ковал себе спокойно**, нигде не высовывался, но в одну прекрасную ночь уснул кузнецом, а проснулся пророком (www.proza.ru/2002/08/18-58).

He was calmly blacksmithing, not sticking out, but one fine day he went to bed a blacksmith and got up a prophet.

- (33) Мы, например, племяннику манеж покупали в подарок... оказалась полезная штука... мужа сестра ставила его на кухне, накидывала туда игрушек и **готовила себе спокойно еду**, мыла посуду... (<http://forum.natali.ua/viewtopic.php?f=14&t=10164&start=625>).

We for example bought a playpen for our nephew... it turned out to be a useful thing... my husband’s sister would put it in the kitchen, throw a lot of toys inside and keep on calmly cooking food, washing dishes...

In the case of transitive verbs as in (33) the idea of a telos (natural end point) is pushed to the background, and the situation «preparing food» is conceptualized as something durative, not aimed at a specific result. In such sentences the reflexive meaning of *sebe* is ruled out altogether precisely because of the adverbial. Furthermore, Weiss [2008: 335] also mentions that reduplication of the verb can replace these adverbials, for example *komp rabotal sebe rabotal* ‘the computer kept on working’; both devices underscore the Activity quality of the verb within a narrative. There is, however, one difference; reduplication precedes an abrupt interruption, which can happen for two reasons: either something interrupted the action in progress as in (34) or the action accidentally reached its final point of production, as in (35).

- (34) **Работал себе работал комп**, как вдруг завис — картинка на экране, ни на что не реагирует, даже на «Выкл», только на «Ресет» (<http://www.forum-volgograd.ru/archive/topic/28965-1.html>).

The computer kept on working and then all of a sudden froze — the picture on the screen does not react to anything, even to «Off», only to «Reset».

- (35) Это я случайно... **ленил себе ленил** и на тебе, морда получилась (<http://ilkraret.livejournal.com/25533.html?view=103101#t103101>).

This happened by accident... I’ve been molding and molding and there you go: a mug appeared.

Finally, one verb deserves a separate discussion if we are talking about *sebe*: the verb *dumat*’. As has been observed by Švedova [Шведова 1960: 162—163], the meaning of the particle *sebe* if it occurs with the verb *dumat*’ (and verbs with a similar meaning such as *zadumat*’, *podumat*’, *smekat*’) differs from its meaning with other verbs. In our view, there are two types of meanings that a *thinking* verb can acquire in combinations with *sebe*. First, in some sentences *dumat*’ *sebe* means something similar to English ‘think for oneself’ (cf. Švedova’s description «в них подчеркивается внутренний “для себя” процесс мысли»). More specifically, *sebe* stresses that the subject keeps his or her thoughts private. This is the case in examples (36)—(37):

- (36) — **Думай себе что хочешь**, — сказал Данило, — **думаю и я себе** (Н. В. Гоголь. Страшная месть. 1831—1832).

«Think to yourself whatever you want», said Danilo, «I also think to myself».

- (37) «Он любит Марьяну, — **думал себе** Оленин, — а я бы мог любить ее» (Л. Толстой. Казаки).

«He loves Mariana», Olenin thought to himself, «yet I could love her».

Švedova [Шведова 1960: 162] argues that this meaning can be seen as a derived, «weakened» use of the regular particle meaning of *sebe*. Weiss [2008: 338] sees a diachronic relation with the meaning of «segregation» that was part of Old Russian Dative *sobě* (‘independently’, ‘separately’), and argues that in

modern Russian this use of the particle *sebe* has become almost fully semantically bleached. Diachronic research would be necessary to investigate these hypotheses. It should be noted, though, that these uses seem to be more typical of nineteenth century Russian than contemporary Russian, and are rather old-fashioned.

The second type of meaning is exemplified by sentences where *dumat'* *sebe* occurs with the interrogative form *čto*. This type usually occurs in questions, even though non-interrogative sentences occur as well:

- (38) Родимый ты мой батюшка, **что** ж ты **себе** думал, что ты над нами сделал? (И. Бунин. Худая трава).
My dear old man, what were you thinking, what did you do to us?
- (39) Но таким Скелетам папиросок не вставляют, неудобно как-то, потому что — жил ведь человек, жил, может быть, даже **чего-то себе думал** (www.erlib.com/Дмитрий_Горчев/План_спасения/10/).
But they don't insert cigarettes to such Skeletons, it's somehow embarrassing, because after all a man lived and lived, and maybe even thought of something.
- (40) «С этих молодых дураков, — сказал он про нас с Эмилом, — станется, но вы-то, старый, прожжённый еврей, **о чём себе думаете?** Вас же просто посадят!» (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий. 1995—1999).
«One could expect it from these young fools», he said about Emil and me, «but you are an old seasoned Jew, what are you thinking? You'll simply get arrested».

In such sentences the speaker expresses that he does not know and/or disagrees with what the subject is thinking (cf. [Weiss 2008: 338—339]). This is due to the opaque nature of the action described by the verb *dumat'* and other thinking verbs; an outsider can surmise what the subject was thinking if and only if the subject produced some action as a result of thinking. These uses are related to the first, mostly nineteenth century type of *dumat' sebe*, discussed above, because of the opacity.

Finally, there are also sentences with *dumat'* where the particle *sebe* occurs in its regular, prototypical meaning:

- (41) Он опустился на колени и молча слепил заново все разрушенное [песочные домики]. Больше в тот день он никого не трогал. Лежал на диване у телевизора и думал: мазохист он или садист? **Думал себе**, грустил, а рано утром пошел и повырывал с корнями все цветы в саду соседа (<http://2lib.ru/getbook/3485.html>).
He dropped to his knees and silently made anew all [the sandcastles] that he had destroyed. That day he did not touch anyone anymore. He lay on the couch by the TV set and thought: is he a masochist or a sadist? He just thought, grieved and early in the morning he went to pull out all the plants with roots in his neighbor's garden.

In (41) the verb *dumat* ' is clearly intransitive, in contrast to the previous examples where it appears with a regular transitive object. In this sentence, *sebe* is used to stress that the subject was actually spending some time thinking, that he was doing it quietly, being oblivious to the outside world.

4. *Znaj* versus *sebe*, *znaj sebe* and *pust' sebe*

We have discussed the meanings of the particles *znaj* and *sebe* and shown that they are semantically comparable, yet not identical and even to some extent opposite. Let us compare parallel examples:

- (42) Но даже в самый благоприятный 1913 год будущие революционеры изумлялись: почему это они пашут до седьмого пота, а их хозяин **знай сидит** в кабинете и только то и делает, что гоняет косточки на счетах (<http://1stolica.com.ua/5852-2.html>).

But even in the most favorable year of 1913 the future revolutionaries were astonished: why is that that they slave breaking their backs while their master just sits in his office and does nothing but move stones on the abacus.

- (43) В общем, если раньше Слона просто не любили, то теперь его стали по-настоящему ненавидеть. «Хорошо было бы, если бы этого отвратительного толстого слона вообще не существовало на свете», — думали некоторые работники зоопарка, а самые злобные думали так: «Стреляли бы в него не слоноусыпляющими, а настоящими разрывными снарядами!» А слону — хоть бы хны! **Сидит себе и сидит**, уши развесив (<http://ezhe.ru/ib/issue1041.html>).

So if previously they simply didn't like the Elephant, now they started hating him for real. «It would have been nice if this disgusting fat elephant did not exist at all», thought some of the zoo workers. The most evil ones thought: «If only they shelled him with real explosive shells and not with elephant somniferous». But the elephant does not give a hoot! He keeps on sitting with his ears hanging.

Clearly, in the former example with *znaj* it is inferred that the revolutionaries perceived the owner as not doing anything else other than sitting in his office and fooling around with his abacus, as if that is all he knows how to do. In the second example with *sebe*, it is stated that the elephant kept on sitting despite the loud explosions around him and all the commotion.

In the following example, which combines *znaj* and *sebe*, one can see that the protagonist does not know anything other than sitting in the room and does not care about anything else:

- (44) Когда Семен Аркадьевич поутру нажал на «switch on», телевизор показывал уже совсем не рыжего карлика, а бегущих бурундуков. «Сломался», — с бурым ужасом на лице, подумал Морштейн. С этим словом он отыскал отвертку, открыл заднюю крышку теле-

визора и принялся ковыряться во внутреннем устройстве, в тайной надежде увидеть на экране рыжего клоуна. Он бы ковырялся целую вечность, вот только его тряхануло током. Он отлетел к стене да там и сник.

С тех пор Морштейн Семен Аркадьевич не музицирует, а к работе в канцелярии и вовсе не пригоден. **Знай, сидит себе** в закрытой камере и в потолок глядит. На языке одни рыжие клоуны крутятся, но доктора говорят, что это лечится. Не скоро, но вроде бы лечится (<http://www.kovmax.idknet.com/index5.php>).

When in the morning Semen Arkadievich pushed the «switch on» button, the TV no longer showed the red-haired midget at all, but running chipmunks. «It's broken», Morshtein thought with brown horror on his face. With this word he found a screwdriver, opened the back panel of the TV set and started poking in the inner mechanism with the secret hope of seeing the red-haired clown on the screen. He would have poked there forever, except that he got zapped. He got knocked back to the wall and collapsed there.

Since then Morshtein, Semen Arkadievich does not play music and is totally not fit for office work. He just sits in the closed chamber and looks at the ceiling. He speaks only of red-haired clowns, although doctors say that this can be cured. Not soon, but it can be cured, sort of.

Such examples are plentiful. The particles *znaj* and *sebe* can be separated by the verb, as in (44), but they can also both precede or both follow the verb, as in (45)—(46):

- (45) **Знай себе** паши и собирай урожай! (В. Ляпоров. Контракт нерезидента (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.03.03).
Just plough and harvest.
- (46) Пиши **себе знай** (К. М. Станюкович. Жрецы. 1897).
Just keep on writing.

The particle *znaj* tends to precede the particle *sebe*. In [НКРЯ] we find four examples of «*sebe znaj*» and 106 examples of «*znaj sebe*». In all of the examples «*znaj sebe*» precedes the verb.

Going back to the very first examples:

- (47) — Дома шей и тех нет, а она **знай гуляет** (В. Кавторин. Чужая собственная жизнь) ((1) repeated).
There is even no soup in the house, yet she just goes out.
- (48) Ну, вообще-то, он мог просто купить уже ворованный телефон, тогда получится — ни за что нос сломали. А вор **себе гуляет** и пропивает денюжку закалымленную ((2) repeated).
Well, of course it could be that he simply bought an already stolen phone, in which case it will mean that they broke his nose for nothing. And the thief is just walking around and toasting his ill-gotten gains.

- (49) А в лесу все удивлялись, — и чего ему дома не сидится, все ходит куда-то, бродит — говорили. А Заяц **знай себе гуляет**, лапы в грязюке осенней пачкает (<http://solnce-vorot.blogspot.com/>) ((3) repeated). And in the forest everyone was surprised, why can't he stay home, he keeps going somewhere, wanders, they say. And the Rabbit just takes walks, dirties his paws in the autumn dirt.

The difference in meaning is that in (47) she knows only one thing (going out), and indeed, the larger quote talks about her emotions regarding her date:

- (50) — Явилась! — сказала она Ольге. — Дома шей и тех нет, а она **знай гуляет**. Не слушая, прошла за ширмочку. Ее била дрожь. Наверное, уже поднимался жар, но казалось, что это дрожь обиды (В. Кавторин. Чужая собственная жизнь).
«There you are», she said to Olga. «There is even no soup at home, yet she just goes out». Without listening she went behind the screen. She was shivering. She probably already had a fever, but it seemed that it was from being offended.

Example (48) means that the thief could not care less about the events. And (49) means the combination of those two meanings: the Rabbit does not want to know nor does he care about the negative sides of autumn. Here is the extended quote:

- (51) Один Заяц очень любил осень. Он любил ее со всеми ее невзгодами и непогодами. И воющий осенний ветер, и серые тяжелые облака, и дождь с грозой, и слякоть, и листопад. Частенько Заяц гулял по лесу даже в самую ненастную погоду. А в лесу все удивлялись, — и чего ему дома не сидится, все ходит куда-то, бродит — говорили. А Заяц **знай себе гуляет**, лапы в грязюке осенней пачкает. Only the Rabbit liked autumn very much. He liked it with all of its hardship and bad weather. He liked the howling autumn wind, the heavy grey clouds, the rain with storms, the slush, and the falling leaves. Oftentimes the Rabbit took walks through the woods even in the most foul weather. And in the forest everyone was surprised, why can't he stay home, he is always going somewhere, wanders, they said. And the Rabbit just kept on taking walks, dirtying his paws in the autumn dirt.

Our view that *znaj sebe* can be seen as the combination of *znaj* and *sebe* differs from Ožegov [Ожегов 1990], who argues that «[з]най себе то же, что *знай*». Our hypothesis is corroborated by the fact we noted earlier at the end of section 2, that *znaj* can only combine with inanimate subjects in very specific contexts, whereas *znaj sebe* freely combines with inanimate subjects. This feature of *znaj sebe* can be explained with reference to *sebe*, which can combine with inanimate subjects, as we discussed in the preceding section.

Finally, what is interesting in the opposition of *sebe* and *znaj* is that *sebe* frequently combines with *pust'* or *puskaj*, while *znaj* never does, for example:

- (52) Но и распускать никого нельзя: чуть-чуть послабь — сразу почувствуют. — Пасмотрым, — устало ответил Сталин и моргнул. — Нэ знаю. — Ну, **пусть себе едет** (А. Солженицын. В круге первом. Т. 1. Гл. 1—25 (1968) // «Новый Мир», 1990).

But you cannot let anyone loose either: just let them a tiny bit loose, they will feel it immediately. «We shall see», Stalin answered tiredly and blinked. «Don't know». «Well let him just go».

This can be explained based on the semantics of the particles. Since *sebe* means not caring (emotionally) about the outside world and not bothering the outside world, *pust' sebe* means 'I allow him to emotionally disregard me (and other people and things) and do V (it does not bother me and/or I do not care)'.

- (53) «А что старик? Он своё прожил, его не переделаешь. **Пусть себе сидит пишет**» (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 3. 1978).

«What about the old man? He lived his life, you can't change him. Let him sit and write».

If the subject is inanimate, *pust' sebe* also signals that the speaker does not want to block the action, and does not care:

- (54) Он журчал, щебетал, чирикал. Он точил, расточал. Федору Филатовичу было всё равно. **Пусть себе течёт**, пусть надорвётся, пусть разорвётся этот кран! ... Федор Филатович ничего этого уже не слышал, потому что он умер (И. Грекова. Фазан. 1984).

It was babbling, twitting, chirping. It was exuding, it was wasting. Fedor Filatovich did not care. Let it flow, let it break, let this faucet break! ... Fedor Filatovich did not hear any of it, because he had died.

Znaj presupposes that the speaker views the subject's action negatively, as in (55), or his/her inability to do what is supposed to be done instead of action V, as in (56):

- (55) — Твоя судьба Недоля — белоручка. Она **знай спит** днем и ночью, так что ты обречен на бедность (Девы судьбы. <http://www.rusizn.ru/pred84.html>).

Your fate Badlot is a shirker. She only sleeps day and night, so that you are doomed to be poor.

- (56) — **Спи знай**, спи, — сказал я. Он послушно замолчал, затих и скоро заснул (<http://bortmehanik.ru/desyat-chasov/o-vas-vse-zabyli.html>).

«Just go to sleep, go to sleep», I said. He obediently stopped talking, became quiet and soon fell asleep.

The negative view of the subject's actions cannot combine with the permissive *pust'*⁶.

5. *Sebe* and *znaj* and aspectuality

As we have already mentioned, both particles are strongly associated with the imperfective aspect. This can be explained with reference to the meaning of the particles, which presuppose a durative action. *Znaj* expresses that the subject focuses or should focus, in the case of imperative, only on doing V. This is clearly in full accordance with the idea of durativity because it implies focusing on one action and realizing just one action without consideration of the natural endpoint of the action. Similarly, the particle *sebe* expresses that the subject realizes just one action, while being oblivious to the outside world. Again, this meaning is in full accordance with the idea of durativity.

However, there are some interesting differences between the two particles. While the particle *znaj* occurs almost exclusively with imperfective verbs (based on the Russian National corpus), we found one perfective verb that combines with *znaj* — verbum dicendi *zaladit'* meaning 'starting to repeat':

(57) А тот **знай заладил**: «Порядок один — обеспечь свободный проезд!» (М. Бонч-Осмоловская. Рождественский романс).

And he started repeating one thing: «There is one rule: ensure free passage!»

However, this does not present an aspectual contradiction; the inchoative *zaladit'* signifies the beginning of an atelic action, which has an inherent durative meaning lexically because of the concept of repetition. As we noted earlier, the use of long-term actions, or habitual actions such as *posmeivat'sja* are typical for *znaj*.

The particle *sebe* also typically occurs with imperfective verbs. However, the [НКРЯ] data show that the particle *sebe* can be combined with perfective verbs more easily than *znaj*. There are three types of instances that we can distinguish. First, sentences with *pust'* *sebe* with perfective delimitative and perdurative:

⁶ Interestingly, some examples can be found on the internet with *znaj sebe* and *pust'*, for example:

(vi) Вот тут многие рассуждают типа «стрелять я и сам умею, а жена **пусть знай себе** меня, любимого, обслуживает» (<http://popgun.ru/viewtopic.php?f=335&t=361044&start=210>). — Here many people are discussing things like «Shooting I can do myself, so let the wife serve me, her loved one».

In this example, the speaker does not only express that he is fine with his wife serving him (in fact, it seems to be the husband rather than the wife that wants this), but he also wants her to focus on doing only that. The exact same meaning could not have been expressed by *pust' sebe* without *znaj*. This use seems to corroborate our hypothesis that the combination of the two modal particles cannot be seen as identical to *znaj*.

- (58) Поэтому осторожность прежде всего... Пусть уж там **себе полежит**. Надо выждать, выждать... (Ф. М. Достоевский. Крокодил).
Therefore carefulness is above all... Let it lie there a bit. We must wait it out, wait it out...
- (59) «Ну и **пусть себе погуляет**, главное, чтобы не ушла», — забыв о гордости, решил любящий муж (<http://gazeta-dona.ru/gizn/1302-kovarstvo-i-lyubov.html>).
«So let her fool around a bit, the main thing is that she should not leave», thought the loving husband, forgetting his pride.
- (60) Вот я и подумал — **пусть себе потренируется** (Тропой Койота. http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=313723).
That's why I thought: let him get practiced a bit.
- (61) **Пусть себе прогуляется** по Владимирке (В. А. Дьяченко. Драматические произведения).
Let him take a walk along Vladimirka [the road by which prisoners went to Siberia].

The prefixes all denote a particular extension in time and are in accordance with the idea of durativity.

Second, the perfective is possible with past tense verbs of motion, to indicate the beginning of an action:

- (62) Положил Иван Романыч деревянный крест сверху карт, перекрестил обоих — и **пошёл себе** (Е. И. Замятин. Север. 1918).
Ivan Romanych put the wooden cross on top of the cards, made the sign of a cross over both and went away.
- (63) Он огляделся вокруг и, до земли поклонившись могиле, — словно бы прощался с нею, — встал и **побрел себе** по тропинке (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в шести частях. Ч. 6. 1867).
He looked around and after he bowed low to the grave, as if saying good-bye, got up and wandered off along the path.

In these contexts the perfective verb has an ingressive⁷ meaning, and the particle refers to the (instantaneous) reaching of the telos and its resulting state.

Third, there are cases which are neither ingressive nor inchoative, but just perfectives of verbs of motion and verbs of position change, for example:

- (64) — Что же было потом?
— Да ничего, — развела руками старушка, — «Скорую» вызвали.
— А куда «Мерседес» подевался?

⁷ We follow Zaliznjak and Šmelev's [Зализняк, Шмелев 2000] distinction between inchoative and ingressive actions.

— Уехал.

...

— Я в окно высунулась и давай кубиками в нее швырять, только толку? Сели и **уехали себе**.

— Их двое было? (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки. 2004).

«What happened afterwards?»

«Nothing», the old woman shrugged her shoulders. «Called the ambulance».

«And where did the Mercedes disappear?»

«It left».

...

«I looked out the window and started to throw toy blocks at her, only what for? They got into the car and drove off».

«There were two of them?»

- (65) **Развалился себе** на постели и только трубку снимает да кнопки свои жмет (Э. Лимонов. Подросток Савенко. 1982).
He reclined at ease in bed and only picks up the receiver and punches his buttons.

The same aspectual context for *sebe* can also be found with state changing verbs, such as *prosnut'sja*, *zasnut'* and *umeret'*:

- (66) А он **проснулся себе** тихонечко, даже ни пискнул, и пошел осваивать территорию вниз головой. В коляске спать боюсь оставлять — он на ножки встает уже... (edem.2x2tv.tv/forum-f51/tema-t58-15.htm).
He woke up quietly, did not even squeak, and went to familiarize himself with the territory head first. I am afraid to leave him sleeping in the stroller, he can already stand up.
- (67) Ты сама и **заснешь себе** во гробе (Ю. Мамлеев. Конец света / Прыжок в гроб. 1997).
You yourself will fall asleep in the coffin.
- (68) Его смерть с ней связать они никак не могли, потому что она стерла всю переписку с ним. Свидетелей их знакомства тоже не было. Ну, **умер себе** человек в своей кровати, во сне и умер (http://www.mamba.ru/diary/post.phtml?user_id=125516207&post_id=808).
They could not in any way connect his death with her because she erased all correspondence with him. There also weren't any witnesses of their being acquainted. So a man quietly died in his bed, died in his sleep.

As in the other examples with the verbs of motion, *sebe* refers to (instantaneous) reaching of the telos and its resulting state. In the example with *prosnut'sja*, the particle *sebe* stresses that the baby has woken up quietly, without a fuss. The perfective is used because it is the instantaneous event of waking up to which *sebe* refers.

The verb *umeret* 'to die' deserves a more elaborate discussion. Weiss [2008: 333—334] discusses the unusual usage of *umeret* 'sebe' / *umirat* 'sebe'. He argues that this use emphasizes that the dying of the subject is realized without any disturbance, without the presence of any outside force. In some cases, he argues, the use may also have an ironic character, even though such uses are rather infrequent according to him. We would like to add that in our view the aspect of the verb also plays an important part. Based on the data that we found on the Internet, we conclude that the perfective *umer* *sebe* is much more common than the imperfective *umiraet* *sebe* and especially *umiral* *sebe*. The meaning of the particle *sebe*, as we have outlined it earlier, explains the discrepancy. Since the particle means 'disregard for the outside world' *umer* *sebe* means in most sentences 'died without any concern for those left behind'. Present tense imperfective process *umiraet* *sebe* means virtually the same thing, except one cannot reasonably suggest that a person is deliberately dying to spite or disregard the other people's wishes or interest:

- (69) ... **а он себе умирает** и в ус не дует ... (http://offtop.ru/smoon/v7_119511_.php?of2609=e606620440c373e0297a0fd94c3d40fc).
... and he is dying and does not give a hoot ...

One can imagine black humor statements similar to the following:

- (70) Детям не в чем ходить, а он **себе умирает**.
The children have nothing to wear, while he is dying (and doesn't give a hoot).

The second example that we found exhibits a metonymy, which is not surprising since this is a dream; it is others who do not care about his dying:

- (71) А во сне происходит следующее: обычно те, кто в реале считают его хорошим человеком, сидят за столом, а **он себе умирает** (со стонами и хрипами), а они не обращают внимания, или спокойно комментируют:
— Так он же давно был неизлечимо болен. Нормально, что умирает. Фиг с ним (<http://socionics.org/forums/thread/259786.aspx>).
And in the dream the following is going on: those who in real life usually consider him a nice person are gathered around the table, and he is dying (with moans and groans), and they pay no attention, or comment calmly:
— Well, he has been terminally ill for a long time. It's normal that a person dies. To hell with him⁸.

⁸ The verb *umirat* also provides us with an insightful difference between *sebe* and *znaj*. As one reviewer remarked, one can say *Oni sidjat, vypivajut, a on sebe umiraet*; but not **Oni sidjat, vypivajut, a on znaj umiraet*. The explanation, as we see it, is that only *sebe* contains the element «despite the outside world, not caring (emotionally) about the outside world», which is an essential element here, even its ironic or metonymical use.

6. Conclusion

We have demonstrated that semantically the particles *znaj* and *sebe* are different and that the difference is two-fold: focus and combinatory ability with the particle *pust'*. The meaning of the utterances with the particles could be summarized as follows:

- X znaj V*: all that *X* focuses on ('knows') is doing *V*, disregarding all other information.
X sebe V: *X* realizes *V*, disregarding the outside world, despite the outside world, not caring (emotionally) about the outside world.

If we view the situation schematically, with *W* symbolizing the outside world, *znaj* designates the emphasis on the action (*V*): +*V* (*W*), while *sebe* designates the negative emphasis on the outside world: –*W* (*V*).

Sentences with *sebe* can occur with non-animate subjects, in which case there is a metaphoric or metonymic relation with the basic meaning given here. Such cases indicate that the action is performed despite the outside world, which is either evaluated positively or negatively. In contrast to that, similar instances with inanimate subjects are very rare with *znaj*. This is because this particle presupposes an entity that can actually focus or think or know only one thing. This would require a personified inanimate object with a mind of its own. Another entity instance of difference is the combinatory possibility with the particle *pust'* 'let'; it can combine with *sebe* but not with *znaj*.

What both particles (and their combination) have in common is the aspectual — durative, imperfective — nature of the verb that combines with them, the verb primarily indicating an activity or a state in Vendler's terms. The particle *sebe*, however, does combine more easily with some perfective verbs.

There are two directions for further research that we would like to mention. First, there seem to be differences in style and register with respect to the particles we discussed (*znaj*, *sebe* and *znaj sebe*). Further research could focus more on this issue. Second, we have argued that the meaning of *znaj sebe* can be seen as the combination of the meanings of *znaj* and *sebe*. Even though we have provided several arguments for this claim, further research could test our hypothesis, for example by conducting a survey with native speakers to see if there are preferred contexts for *znaj sebe* as opposed to *znaj* or *sebe*.

References

- Зализняк, Шмелев 2000 — А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.

Znaj would suggest that the subject deliberately and consciously focuses on dying, which is rather absurd.

Луценко 1984 — Н. Луценко. О глаголе *знать* и частице *знай* // Русская речь. 1984/1. С. 128—132.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957—1961.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (<http://ruscorpora.ru>).

Ожегов 1990 — С. И. Ожегов. Словарь русского языка. 22-е изд. М., 1990.

Шведова 1960 — Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

Шведова 1980 — Н. Ю. Шведова. Русская грамматика. Ч. 2: Синтаксис. М., 1980.

Klenin 1975 — E. Klenin. The Pronoun *sebjja*, Particle *sebe*, and Affix *-sja* // The Slavic and East European Journal. 19/2. 1975. S. 188—199.

Weiss 2008 — D. Weiss. *Živi sebe normal'nenko!* Zur Lexikalisierung von russ. *sebe* als Partikel // Schweizerische Beiträge zum XIV. Internationalen Slavistenkongress in Ohrid, September 2008. Bern; Frankfurt am Main, 2008. S. 327—344.

Э. ФОРТЕЙН, А. ИЗРАЭЛИ

**МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ И АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ:
ЗНАЙ И СЕБЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье рассматривается семантика и грамматические особенности частиц *знай* и *себе*, а также сочетания *знай себе*, до недавнего времени мало исследованных и обычно считающихся синонимичными. Обе частицы и их комбинация используются при глаголе несовершенного вида длительного значения. Однако, несмотря на видимое сходство, частицы *знай* и *себе* различаются семантически и должны считаться квазисинонимами. На основании исследования данных Национального корпуса русского языка мы продемонстрировали, что семантические различия проявляются в (не)возможности использования при неодушевленном подлежащем, в сочетании с частицей *пусть*, а также с глаголом совершенного вида.

Ключевые слова: модальные частицы, квазисинонимия, семантика.

Е. А. САВИНА

КОНТАКТОПОДДЕРЖИВАЮЩИЕ КОНСТРУКЦИИ КАК ЧАСТЬ СИСТЕМЫ КОММУНИКАТИВНОГО УРОВНЯ ЯЗЫКА

В настоящей работе мы хотели бы, на примере некоторых употребительных контактоподдерживающих конструкций, показать, какое место занимает каждая из них в системе коммуникативного уровня языка, и попытаться определить те семантические параметры, которые различают их и предопределяют их выбор в речи.

Коммуникативный уровень языка, как известно из работ М. Г. Безяевой и исследователей ее школы [Безяева 2002; 2005], — это особая система языковых средств и закономерностей их функционирования. Он отражает соотношение позиций говорящего, слушающего, осознаваемой и оцениваемой ими ситуации и противопоставляется номинативному уровню, вводящему информацию о действительности. Под позицией говорящего и позицией слушающего понимаются «физические, ментальные, коммуникативные действия участников общения как некая обобщенная данность», а под ситуацией — «некие обстоятельства, которые воспринимаются говорящим, осознаются и оцениваются им в том или ином аспекте, на который реагирует язык при формировании значения конструкции» [Безяева 2005: 214].

Основным понятием коммуникативного уровня является целеустановка — «языковой тип воздействия говорящего на слушающего, говорящего на говорящего, говорящего на ситуацию, либо фиксация типа воздействия слушающего или ситуации на говорящего» [Там же: 23]. Каждой целеустановке соответствует вариативный ряд конструкций, ее выражающих.

Среди целеустановок можно выделить группу фатических: это целеустановки установления контакта, размыкания контакта, перехвата речевой инициативы и поддержания контакта активным и пассивным (на данной стадии) участниками коммуникации. Все они организуют коммуникацию, реализуя фатическую функцию — одну из шести функций языка, выделенных Р. О. Якобсоном [Якобсон 1975], — и мало связаны с номинативным содержанием.

Общую целеустановку поддержания контакта со стороны более пассивного участника коммуникации (которого мы будем называть говорящим, так как именно его фатические высказывания составляют предмет нашего

исследования) можно определить так: **‘говорящий сигнализирует собеседнику о том, что он воспринял вербально выраженную информацию, удовлетворяя коммуникативные ожидания собеседника и демонстрируя сходство позиций и отсутствие перехвата речевой инициативы’**. Именно такая реакция способствует комфортному продолжению коммуникации с прежним распределением активной и пассивной ролей.

Многие конструкции, входящие в вариативный ряд с этой целеустановкой, коммуникативно многозначны, т. е. могут реализовать и другие, нефатические, целеустановки, которые даже представляются для них первичными, «исходными», коммуникативно переосмысливаемыми при фатическом употреблении; входят одновременно в другие вариативные ряды, служащие «донорами» для контактоподдерживающего ряда.

Вариативный ряд поддержания контакта пассивным коммуникантом может быть разделен на следующие группы (ряды) конструкций: 1) конструкции уяснения (*Понятно, Вот оно что, Да, да, подхваты* и т. п.), 2) конструкции десемантизированного фатического согласия (*Точно, Не говори* (с ИК-7 по Е. А. Брызгуновой [Брызгунова 1980]) и т. п.), 3) уточняющие и развивающие тему вопросы и побудительные структуры (*И что же? Ну, ну* и т. п.) и, наконец, 4) эмоционально-оценочные конструкции заинтересованности, реагирующие на отклонение обсуждаемой ситуации от нормы, т. е. на высокую информативность (содержание новой информации) сообщения собеседника, а также на ее бенефактивность/небенефактивность. На последней группе остановимся подробнее.

Для конструкций заинтересованности уточним формулировку контактоподдерживающей целеустановки, которая объединяет их и в то же время отличает от других групп: **‘говорящий сигнализирует о том, что он воспринял вербально выраженную информацию, которая произвела на него воздействие (впечатление), на которое рассчитывал собеседник, при этом он определенным образом квалифицирует и оценивает обсуждаемую ситуацию или ценность информации о ней, демонстрируя сходство позиций и отсутствие перехвата речевой инициативы’**.

Контактоподдерживающие конструкции заинтересованности можно, в свою очередь, разделить на две большие группы. Первая группа — это конструкции, актуализирующие сам момент приема сообщения говорящим и связанные с выражением сомнения в его истинности (которое, однако, в фатике трансформируется в заинтересованность) с преодолением разрыва между позициями коммуникантов. Это конструкции с исходным значением недоверия и «запросы об истинности». Вторая группа — оценка уже принятого сообщения как содержащего непрогнозируемую информацию (выражение удивления) и как бенефактивного или небенефактивного для говорящего, собеседника или третьего лица — субъекта обсуждаемой ситуации.

Выражение недоверия, удивления и «запросы об истинности» — достаточно близкие целеустановки, особенно при использовании их в фатической функции, при фатическом коммуникативном сдвиге; исследователи

часто смешивают их. Мы предлагаем различать их и соответствующие им подгруппы конструкций по следующим семантическим параметрам: **соотношение позиций коммуникантов по отношению к содержанию сообщения; отнесение момента приема информации ко времени до, в процессе или после момента речи.**

Реакция недоверия возникает, когда новая частная информация вступает в конфликт с прежними более общими представлениями говорящего о мире, его позицией, которую ему необходимо изменить, чтобы усвоить сообщение собеседника. Произносятся реплики недоверия, говорящий еще не принимает сообщения, но и не отказывается от него: с ее помощью он каузирует собеседника на подтверждение информации, которое и поможет ему в конце концов принять ее (или на отмену сообщения, что позволило бы ему избежать этих усилий). Поскольку цель сообщения собеседника — изменить информационную базу говорящего, а нередко и произвести на него впечатление, то конструкции недоверия часто используются для поддержания контакта: подчеркивают успешность сообщения, соответствуют ожиданиям собеседника и демонстрируют не только конфликт, но и сходство позиций — в том, что информация ценна, нова для говорящего и в высокой степени достойна быть содержанием сообщения. (Следует отличать недоверие, которое может быть фатическим, от неверия, которое имеет очень мало общего с контактоподдерживающей целеустановкой.)

К группе конструкций с «исходным» значением недоверия мы относим такие, как *Не может быть, Врешь, Да ладно, Да что ты говоришь, Да ты что, Неужели, Да ну* и некоторые другие.

«Запросы об истинности» (*Да? Правда? Seriously? В самом деле?* и т. п., повторы-переспросы) тоже маркируют несоответствие прежней позиции говорящего услышанному и позиции собеседника, но выражают большую готовность говорящего изменить ее. Они фиксируют тот факт, что высказывание собеседника было произнесено, услышано и в данный момент происходит принятие его говорящим. Таким образом, их произнесение совпадает с моментом принятия сказанного, тогда как при использовании конструкций недоверия этот момент подается говорящим как еще не наступивший, но предстоящий в ближайшее время.

Конструкции же удивления (*Удивительно, С ума сойти, Ты подумай, Вот это да, Ничего себе* и т. п.) показывают, что момент принятия сообщения уже в прошлом, позиции коммуникантов одинаковы и в отношении к истинности информации, и в высокой оценке ее информативности. Это объединяет их с конструкциями положительной и отрицательной оценки воспринятой обсуждаемой ситуации (*Здорово, Какая прелесть, Замечательно; Ужас, Безобразия, Жалко* и др.) и ее участников (*Молодец, Сволочь* (о 3 лице, каузировавшем небенефактивную для собеседника ситуацию), *Бедняжка* и др.); если это именно та оценка, на которую мог рассчитывать собеседник и которая совпадает с его отношением к ситуации, такие конструкции тоже реализуют контактоподдерживающую целеустановку.

Контактоподдерживающие конструкции заинтересованности рассматриваются автором в диссертационном исследовании и в ряде статей [Савина 2002; 2004; 2006; 2006а; 2007; 2008; 2010]. Здесь мы покажем на нескольких примерах наш подход к анализу отдельных конструкций и выявлению тех параметров, которые различают их внутри одной из выделенных подгрупп — например, подгруппы с исходным значением недоверия.

Начнем с конструкции *Не может быть*. Как показывает материал, говорящий реагирует ею на **введение такой информации, которая совершенно не вписывается в систему его прежних представлений и норм, не находит себе места в ней, так как он прежде даже не задумывался о возможности существования такой ситуации, как обсуждаемая**. Это — одна из целеустановок недоверия, однако она подразумевает высокую оценку информативности сообщения и может использоваться для поддержания контакта.

В следующем примере конструкция выражает типичное (без фатического сдвига) недоверие и в то же время отчасти выполняет контактоподдерживающую функцию, так как соответствует целям собеседника, которому нужно поразить, ошеломить собеседницу и резко изменить ее представления о третьем лице; ее реплики показывают, что он достигает этого, и вдохновляют его на продолжение:

- ...А потом она украла в музее шкуру тигра, оделась в нее и по ночам грабила одиноких прохожих.
- **Не может бы-ть!**²³
- Даю тебе слово. Так вот, когда ее ловили, она искусила трех милиционеров!
- **Не может быть!**²³
- Может. Пришлось делать прививки от бешенства!
- **Не может быть.**²
- Не надо осуждать Алису. Девочке надо помочь! Она тяжело больна!
(х/ф «Гостя из будущего»)

Разумеется, конкретное значение реплики формируется не только ее словесным составом, но и его взаимодействием с суперсегментными средствами, с реализациями их инвариантных параметров. Так, здесь удлинение гласного указывает на впечатление, произведенное информацией на говорящую; ИК-2³ вводит параметр ориентированности на собеседника, а именно — каузирует его либо отменить, либо подтвердить свое сообщение (что он и делает), а ИК-2 в последней реплике подчеркивает неизбежность именно такой реакции.

В примере ниже информация собеседника не так сильно отклоняется от нормы, и суперсегментное оформление более «спокойное» — ИК-2, быстрое и негромкое произнесение, но и здесь говорящий показывает своей

репликой (на этот раз вполне фатической), что не только не ждал, не предполагал, но даже не задумывался о том, что такая ситуация возможна, и именно этим подчеркивает новизну, информативность, успешность сообщения собеседника:

— *Владимир Васильевич уехал в командировку, на его место назначен товарищ Огурцов.*

— *Не ²мóжет быть!*

— *Да.*

(х/ф «Карнавальная ночь»)

Возможна и иная — ироническая, антонимическая — реализация параметров:

— *Мама, я сегодня три пятерки получил!*

— *Не ⁵может быть!*

(разговорная речь)

Здесь наша конструкция выражает заинтересованность, но не обязательно глубокое эмоциональное воздействие, произведенное информацией на говорящего, а может даже иметь целью несколько охладить восторг ребенка: ‘ты думал, что в моей системе представлений нет возможности существования такой ситуации и твое сообщение поразит меня; но в ней была такая возможность, и я не считаю это таким уж (параметр степени, присутствия ИК-5) отклонением от нормы’. Как это свойственно единицам коммуникативного уровня, конструкция здесь реализует свои семантические параметры антонимически, по-разному разворачивая их по позиции собеседника и говорящего (подробнее об алгоритме разворачивания семантических параметров коммуникативных средств см. в работах М. Г. Безяевой).

Некоторые другие конструкции недоверия, активно работающие на поддержание контакта, относятся не к самой возможности существования обсуждаемой ситуации, а к данному повороту, или варианту, развития ситуации, в целом представлявшей говорящему до сих пор вполне нормальной.

Конструкция *Что ты (вы) говоришь(те)* используется как **реакция на такую информацию, которая, по мнению говорящего, отклоняется от нормы, должного и является наименее вероятным и ожидаемым вариантом развития ситуации из возможных.**

[Хозяйка — гостю, жениху дочери:]

— *Так что вы говорили о роботах?*

— *Мы начали выпуск робота для рыбной ловли. Я принимал участие в разработке.*

— *Что ²³вы говорите!*

(х/ф «Интердевочка»)

Яркий пример этикетного поддержания контакта через выражение заинтересованности: говорящий подчеркивает своей репликой непрогнозируемость данного поворота обсуждаемой ситуации (можно было предположить любую другую функцию робота, но не рыбную ловлю), его воздей-

ствии на себя и тем самым успешность сообщения собеседника. Конструкция *Не может быть* здесь вряд ли была бы уместна.

— *Н-ну это ведь североамериканский кролик.*

— *Конечно.*

— *А он прекрасно лазит по деревьям.*

— **[Ш]то вы говорите!** (х/ф «День радио»)

Это имитация общения в прямом радиоэфире; собеседник импровизирует, а ведущая изображает заинтересованность отклоняющимся от нормы поворотом темы, причем неадекватно сильную (ИК-5, назализация, усиленная артикуляция начального согласного) из-за своего нетрезвого состояния.

— *...Потом она хотела покончить самоубийством.*

— **Что вы говорите!**

— *Если бы вы знали, как я с ней намучился.*

— *Как я вас понимаю.* (х/ф «Безымянная звезда»)

Более сложная, но также контактоподдерживающая реализация конструкции: намерение молодой женщины покончить самоубийством выглядит как отклонение от нормы и неожиданный поворот событий для собеседника, так что реплика полноценно выполняет контактоподдерживающую функцию, выражая именно такую оценку этого, т. е. демонстрируя сходство позиций; однако для говорящего это, наоборот, входит в норму ее поведения и является вполне предсказуемым и вероятным поворотом, так что параметры конструкции раскрываются одновременно и прямо — для собеседника, и антонимически — для говорящего. Это отражается и в контрасте ИК-5 и ослабленной артикуляции. Конструкция *Не может быть* не выражала бы здесь всех этих оттенков.

В свою очередь, конструкция *Неужели?* используется в фатике в близком, но не тождественном значении: она выступает **реакцией на сообщение о таком варианте развития ситуации, который говорящий, исходя из своих знаний об этой ситуации или о норме ее развития, мог считать менее вероятным, чем противоположный** (иногда, при антонимическом развертывании, — более вероятным). Например:

Аннунциата. *И наконец король махнул рукой на все и стал увлекаться плохими женщинами, и только они не обманули его.*

Ученый. **Неужели?**

А. *Да, да! Уж они-то оказались воистину плохими женщинами.*

(Е. Шварц. Тень)

Выбор конструкции подчеркивает, что более вероятным было бы противоположное развитие ситуации (плохие женщины обманули короля), а значит, сообщение собеседницы очень информативно, парадоксально, интересно.

[Миссис Уизли — появившемуся в ее доме другу сыновей, которых она только что отругала:]

— Ну, а ты кто?

— Я Гарри. Гарри Поттер.

— $\overset{1}{\text{Г}}\text{осподи! } \overset{5}{\uparrow}\text{Неужели?} \overset{2}{\text{?}}$ (х/ф «Гарри Поттер и тайная комната»)

Эмоциональная реакция (а также предыдущая реплика) показывает, что героиня скорее могла бы предположить появление кого-то столь же «неблагонадежного», как и ее сыновья, а вместо этого обнаруживает Гарри, которого считает героем, Избранным, и чрезвычайно быстро (как это вообще свойственно ей во всех фильмах цикла) перестраивается на противоположную эмоционально-оценочную волну. Конструкция *Что ты говоришь* здесь невозможна, а *Не может быть* выражала бы несколько иной смысл — что героиня вообще не считала мыслимым, возможным появление Гарри у себя в доме.

— А вам идет, когда вы сердитесь.

— $\overset{2}{\text{Неужели?}}$ (х/ф «Военно-полевой роман»)

Этот обмен репликами — комплимент и реакция на него, иронически обыгрывающая недоверие ввиду избыточности информации (= ‘странно было бы предположить высокую вероятность противоположного варианта’) и произнесенная с четкой артикуляцией, кокетливо, вызывающе, — оказывается первым проявлением взаимного интереса и завязкой романа между персонажами (всплеск тона в предцентре привлекает внимание зрителей к следствиям из вводимой информации).

Таким образом, даже на этих немногих примерах мы можем видеть, что, при единой фатической целеустановке, конструкции данного вариативного ряда имеют разные семантические параметры, как общие для целых групп и подгрупп конструкций, так и различающие, противопоставляющие конструкции внутри подгрупп; они реализуются в соответствии с законами функционирования единиц коммуникативного уровня. Как и любой другой, вариативный ряд поддержания контакта представляет собой семантическую систему, где значение каждой единицы (конструкции) определяется соотношением со всеми другими единицами. Это неотъемлемая часть системы коммуникативного уровня языка.

Л и т е р а т у р а

Безяева 2002 — М. Г. Безяева. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.

Безяева 2005 — М. Г. Безяева. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII. М., 2005.

Брызгунова 1980 — Е. А. Брызгунова. Интонация. Основные понятия // Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.

Савина 2002 — Е. А. Савина. Божба и ругательства как контактоподдерживающая реакция на сообщение в русском и английском языках // Слово. Грамматика. Речь. Вып. IV: Сб. науч.-методич. ст. по преподаванию РКИ. М., 2002.

Савина 2004 — Е. А. Савина. Русские и английские реплики-реакции с глаголом *verum/believe* и отрицанием // Вопросы русского языкознания: Сб. Вып. XI: Аспекты изучения звучащей речи: Сб. науч. ст. к юбилею Е. А. Брызгуновой. М., 2004.

Савина 2006 — Е. А. Савина. Контактоподдерживающие реплики с прилагательными положительной оценки в форме на -о (ед. ч. ср. р.) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VIII: Сб. науч.-методич. ст. по преподаванию РКИ. М., 2006.

Савина 2006а — Е. А. Савина. Русские и английские реплики-реакции на сообщение с экспликацией невозможности обсуждаемой ситуации и их контактоподдерживающее употребление // Традиции и новации в преподавании русского языка как иностранного: Междунар. науч.-практич. конф. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 22—24 ноября 2006 г.: Тез. докл. М., 2006.

Савина 2007 — Е. А. Савина. «Запросы об истинности» и их контактоподдерживающие возможности // Русский язык: исторические судьбы и современность.: III Междунар. конгр. исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. фак-т, 20—23 марта 2007 г.): Труды и мат-лы. М., 2007.

Савина 2008 — Е. А. Савина. Контактоподдерживающие структуры, эксплицирующие положительную оценку (с параметром невключенности говорящего) // Рус. яз. в науч. осв. № 1. 2008.

Савина 2010 — Е. А. Савина. Параметр вовлеченности vs отстраненности в русских контактоподдерживающих конструкциях // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Междунар. конгр. исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. фак-т, 20—23 марта 2010 г.): Труды и мат-лы. М., 2010.

Якобсон 1975 — Р. О. Якобсон. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

E. A. SAVINA

SUPPORTIVE CONSTRUCTIONS AS A PART OF THE COMMUNICATIVE LEVEL OF LANGUAGE

Phatic constructions of support are systematically organized and form a part of the communicative level of language. They have definite semantic parameters; some of them unite the constructions into the groups, others form oppositions within the groups. The parameters are realized according to the laws of the communicative level.

Keywords: communicative level of language, phatic intention, support, semantic parameters of constructions.

B. H. PARTEE, V. BORSCHEV

***DVA STAKANA MOLOKA: SUBSTANCES AND CONTAINERS
IN GENITIVE OF MEASURE CONSTRUCTIONS IN RUSSIAN****

**1. Container nouns and the Russian «genitive of measure»:
Introduction and examples**

Our topic is the Russian «genitive of measure» construction(s), studied in [Апресян 1999¹; Боршев, Парти 1999; 2011; Borschev, Partee 2001; 2004; Partee, Borschev 2012], and [Rakhilina 2004]. These are a family of closely related constructions all of which can be instantiated by a simple phrase like *stakan moloka* ‘glass of milk’, with a container noun like *stakan* ‘glass’ followed by a genitive NP like *moloka* ‘milk’. The basic meaning of a container noun like

* We are grateful for discussions of parts of this work with Elena Paducheva, Ekaterina Rakhilina, Louise McNally, Susan Rothstein, Per Anker Jensen and Carl Vikner, and to audiences and participants in the Mathesius Lectures in Prague in 2002, the Possessives Workshop at UMass Amherst in 2002, an Ontology Workshop in Copenhagen, 2006, the Conference on Concept Types and Frames in Language, Cognition, and Science at the Heinrich Heine Universität of Düsseldorf in 2007, and in 2010 at the École Normale Supérieure in Paris, at the Conference on Semantics and Formal Modelling JSM10 in Nancy, and in the Workshop on Bare Noun Phrases at Bar Ilan University. Thanks to Georgy Moroz for finding some of the Russian examples in Section 5, and to two anonymous referees for valuable comments and suggestions. We especially thank one of the referees, whom the editors now have kindly identified to us as Maria Kholodilova, for many detailed suggestions and comments, and we have responded to and/or incorporated as many as we could in the time available. All remaining inadequacies are our own.

This work was supported by the NSF under grants to Partee and Borschev: BCS-9905748 «Integration of Lexical & Compositional Semantics: Genitives in English and Russian», 1999—2003, and BCS-0418311 «The Russian Genitive of Negation: Integration of Lexical and Compositional Semantics», 2004—2008.

¹ In his article [Апресян 1999], which appeared at the same time as our article [Боршев, Парти 1999], Aprsjan discusses similar examples, but with a slightly different point of view. More information about the differences in our approaches can be found in [Боршев, Парти 2011].

stakan ‘glass’ is sortal, but in these constructions it is sometimes sortal, sometimes relational, and sometimes functional.

And when we compare ‘canonical’ genitive constructions with relational nouns, like (1), the «genitive with obligatory third term» construction in (2), and the constructions studied here, in (3), we find three compositionally different organizations of the semantic parts.

- (1) брат Пети
- (2) человек среднего роста

In (1), the relational noun is the head and the genitive phrase is its argument. In (2), the “obligatory third term” construction, the complex genitive NP forms a modifier. And in the constructions with container nouns, we will see that a container noun may be a sortal head, it may be a relational head, and may shift to a functional reading which forms the core of a measure-phrase modifier of the NP in the genitive phrase. These readings arise as the container noun goes through a progression of semantic shifts from a concrete sortal noun through several steps until it becomes an *ad hoc* unit of measure, and for some nouns, like Russian *stakan* ‘glass’ and English *cup*, it may undergo a further shift to become a lexicalized standard unit of measure. The focus of our previous work has been these shifts in the container noun and in the semantics of the construction; in this article we pay additional attention to the bare noun complement *moloka* ‘milk-GEN’ (section 5).

Prototypical examples of the construction we are concerned with are given in (3). The construction resembles the English pseudopartitive (Selkirk [1977] and many others since).

- (3) а. два стакана молока
- б. ящик яблок
- в. машина дров
- г. полкорзины грибов

The genitive of measure examples in (3) are a distinguishable subclass of a broader class of genitive constructions which also includes examples such as those in (4).

- (4) два литра молока
- полкилограмма яблок
- моток проволоки
- охапка дров
- стадо овец

The interpretation common to the larger class is, roughly, a quantity of some substance or a collection of objects, where the substance or the objects are named by the Genitive NP. The English analogue of the broader class is studied in [Dodge, Wright 2002]. Formal semantic analyses of measure constructions like *two liters of milk* in English and other languages can be found in [Krifka

1989a; 1989b; Landman 2004; Rothstein 2009a; 2009b; Schwarzschild 2002; 2006]. We will draw particularly on Landman's and Rothstein's work in what follows.

2. Four readings: From Container to Measure

Rothstein [2009a; 2009b] concentrates on a two-way ambiguity in English *three glasses of water*, which she characterizes as an *individuating* reading, in which the DP denotes plural objects consisting of three individual glasses of water, and a *measure* reading, in which the DP denotes quantities of water which equal the quantity contained in three glasses [Rothstein 2009a: 106—107, italics added]. She shows that the two Hebrew constructions for expressing *three glasses of water*, one of them unambiguously individuating and the other ambiguous, support the analysis of the English ambiguity offered by Landman [2004].

The distinctions argued for by Rothstein are close to the semantic distinctions argued for in the case of Russian container-noun constructions in some of our earlier work [Борщев, Парти 1999; 2011; Borschev, Partee 2001; 2004]. In [Борщев, Парти 1999; Borschev, Partee 2001; 2004] we distinguished a *Concrete Portion* reading from a *measure* reading, describing the *Concrete Portion* reading as close to Pustejovsky's «dotted type» reading, referring simultaneously to the container and the substance in it (see Section 2.1), although we had no way to formalize that notion, and instead represented it as a predicate true of a portion of matter (quantity of substance) filling a container of the given sort. Later, in an unpublished handout for a conference in Düsseldorf in 2007, we explicitly distinguished and gave a partial formalization of three readings: QUANT + CONTAINER, QUANT, and MEASURE, where the QUANT + CONTAINER reading is a predicate of the container together with the substance it contains; the QUANT reading applies to a particular quantity of substance that fills a container, and the MEASURE reading applies to a standard quantity of the substance, corresponding to a conventional standard size of containers of the given kind. Our QUANT and MEASURE may be considered subtypes of Rothstein's *measure* readings. Her *individuating* reading is close to our QUANT + CONTAINER reading.

Most recently in [Борщев, Парти 2011; Partee, Borschev 2012] we have further split our «QUANT» reading, making a three-way distinction within Rothstein's *measure* readings, giving four readings in all.

For example (3a), we distinguish four readings of the construction, which we refer to as follows:

- the *Container + Contents* reading: Rothstein's «individuating», Pustejovsky's «dotted type», a predicate applying simultaneously to the glass(es) and the milk (Sec. 2.1);
- the *Concrete Portion* reading: a predicate applying to a «concrete» quantity of milk that fills some given glass(es) (Sec. 2.2);

- the *Ad Hoc Measure* reading: a predicate applying to a quantity of milk that would fill some given glass(es) (Sec. 2.3);
- the *Standard Measure* reading: (Rothstein’s «measure»), where *stakan* ‘glass’ has developed a lexicalized sense as a standard unit of measure like *litr* (Sec. 2.4).

For the four readings of the construction, we propose four related but distinct meanings for the container-noun. The first is closest to the basic meaning of the container-noun, and the last is closest to measure-nouns like *litr*. We start by describing the four distinct readings informally in this section. Their differences are summarized in Table 1 below².

Table 1

Properties of the four readings of the construction *dva stakana moloka*

	CONTAINER + CONTENTS	CONCRETE PORTION	AD HOC MEASURE	STANDARD MEASURE
admissibility in contexts that are usually characteristic for words such as <i>stakan</i> , but not for words such as <i>moloko</i>	+	–	–	–
free co-occurrence with fractional numerals	*	*	OK	OK
if more than one container of substance, can the containers be of different sizes?	+	+	–	–
standard size for the container	–	–	–	+
lexically limited	–	–	–	+

In Section 3 we discuss some of the main puzzles and problems we have encountered in drawing these distinctions. In Section 4 we formalize and compare the *litr-of* construction and all four of the genitive of measure constructions, improving on our earlier formalizations by drawing heavily on the Landman-Rothstein analysis. In Section 5 we discuss issues concerning the category, type, and interpretation of the genitive *moloka* ‘milk’ and of non-bare-noun genitives in these constructions.

2.1. The Container + Contents reading

The *Container + Contents* reading of *dva stakana moloka* combines reference to the container(s) and reference to the concrete amount of the substance in the container(s) as in (6).

² We are grateful to Maria Kholodilova for summarizing our diagnostics in this table, which we have copied from her referee’s report.

- (5) **CONTAINER + CONTENTS reading: a predicate true of some container(s)** together with a substance that fills it/them.
- (6) a. Он принес бутылку водки.
b. Поставь этот ящик яблок в угол.

This construction is similar to the English one discussed by Selkirk [1977] under the label «pseudopartitive construction». Pustejovsky (1993) introduced the notion «dotted type» (reminiscent of the Cartesian «dot product») to represent the sort of an expression that simultaneously incorporates two distinct sorts, where «sorts» are ontological/linguistic semantic classes that play a role in co-occurrence restrictions (*sočetaemost'*), such as *animate*, *inanimate*, *human*, *liquid*, *institution*, *location*, *building*, etc., and in our case *container* and *substance* for the container and its contents. So whereas in Rothstein's analysis, one reading of *glass of milk* has the sort *container* and the other reading has the sort *substance* or *liquid*, on the *Container + Contents* reading, if one wants to argue that we can refer simultaneously to the container and the substance contained in it, it could be said to have the Pustejovskian dotted type *container *substance*.

Dodge and Wright [2002] discuss factors that favor reference to the container vs. reference to the contents without suggesting that one can sometimes refer to both simultaneously. Accompanying verbs may select for one or the other, as in (7). But as Pustejovsky (1993) emphasized, «copredication» is possible for dotted-type objects, showing that both sorts are simultaneously accessible. The examples in (8) are from [Asher, Pustejovsky 2005: 7]; (9) is a comparable example for our construction.

- (7) a. Мы выпили бутылку (полбутылки) шампанского.
b. Мы разбили бутылку (*полбутылки) шампанского.
- (8) a. Mary picked up and mastered three books on mathematics.
b. Lunch was delicious but took forever.
- (9) Он выпил стакан молока, который стоял на столе.

When Rothstein [2009a] discusses the reading which refers to the container together with its contents as the «individuating» reading, she does not attempt to give it a «dotted type», but takes it to refer to the complex entity consisting of the glass together with its contents. When she formalizes it (for English and for Hebrew), it turns out to actually refer to the glass, which is characterized as containing contents of a given kind.

In her referee report, Maria Kholodilova offered a useful argument in favor of something like a «dotted type» analysis of such a *Container + Contents* reading. She notes that when one looks at which verbs freely co-occur with various container nouns used in isolation, not all of those co-occurrences are possible when the container noun is used with a Genitive of Measure complement. So while (7b) is normal, (10) is not.

- (10) ???сломать ящик яблок

And she makes the reasonable suggestion that the relevant difference between (7b) and (10) is that in the case of (7b), when the bottle is broken, the champagne is also affected — it will all spill out — whereas in the case of (10), it's quite possible that the apples are not affected when the box is broken. As she suggests, if this explanation for the difference holds up under further research³, it could serve as additional indirect evidence that the described object in (7b) is really the bottle plus the champagne, and not just a bottle that happens to be filled with champagne. See also the contrasting example (13) below.

For Russian, it would be slightly too weak to just say in an example like (9) that the glass «contains» milk; we must rather say that the glass is filled with milk⁴. There is a different construction, illustrated in (11), which clearly denotes the container and describes it as containing (and not necessarily filled by) contents of a certain sort. Likewise there is a separate construction, illustrated in (12), that picks out just the contents, described as being in a container of a certain sort.

(11) стакан с молоком

(12) молоко в стакане

The two constructions in (11) and (12) unambiguously denote the container and the contents respectively, and neither is a 'measure phrase'. The construction in (9), on the other hand, denotes both the container and the contents together. Kholodilova, who noted the contrast between example (10) and example (7b), notes that the further contrast between the nearly impossible (10) and the only slightly degraded (13) adds additional support to the claim that the construction in (11) and (13) denotes just the container, while that in (9) and (10) denotes both the container and the contents.

(13) ?сломать ящик с яблоками

But adding dotted types to a formal semantic theory is not easy (see brief discussion in Section 3), and since we do not have a formal theory of dotted

³ Our intuitions are that this explanation will hold up. We can add one supporting example: while (10) seems quite degraded, (i) below strikes the second author as fine, imagining a context where some very heavy object falls and crushes the box together with the apples in it.

(i) раздавить ящик яблок

⁴ Susan Rothstein (p.c.) counters that when we speak, for instance, of a glass of wine on this reading, the glass is rarely full; it is only when using a glass or cup as a measure that we normally require it to be full. But at the same time Russian speakers we have consulted have clear intuitions of a difference between *kastrjulja vody* 'pot of water' and *kastrjulja s vodoj* 'pot with water': the first must be relatively full, while the second just has to have some water in it. We believe, as Rothstein herself suggests (p. c.), that the answer lies in the vagueness and context-dependence of the notions of 'fill' and 'full'; a glass of wine on the *Container* + *Contents* reading is relevantly full when it contains a normal serving of wine, while on a measure reading it should be full to the brim.

types, our formalization in Section 4 approximately follows Rothstein's analysis, amending it to specify that the container is filled by, and does not merely contain, contents of a given sort. This will leave some of the puzzles concerning «dotted types» open⁵. In our prose discussion, we maintain our conclusion that the construction refers both to the container and contents.

The biggest difference between the *Container + Contents* reading and the three other readings described below is that on the *Container + Contents* reading, *a glass of milk* is *a glass*, whereas on the other three readings, *a glass of milk* is *milk*. The same distinction holds between Rothstein's two readings; it is in that sense that the three readings described below are all variants of Rothstein's measure reading.

As a corollary of this basic distinction, the use of numbers like *half* or *two and a half* is more restricted for the *Container + Contents* reading than for the measure readings. It is not impossible to use fractional numbers with the *Container + Contents* reading, but it is not usual, and it may entail implausible real-world states of affairs. Normally cardinalities are expressed by whole numbers, and many formalisms make that obligatory; but there are approaches such as those of Hackl [2001] and Krifka [1989a], discussed by Kennedy and Stanley [2009], which treat the counting of (at least some) count nouns as analogous to the measuring of mass nouns, so as to account for the possibility of fractional numbers used with count nouns of suitable «divisible» sorts, as in (14).

- (14) a. John ate two and a half sandwiches for lunch.
 b. We burned two and a half logs in the fireplace last night.

If one uses fractional numbers with the *Container + Contents* reading, it would seem that there must be «fractional containers» involved; there is no such restriction when fractional numbers are used with measure readings. So while (15) is normal in either of the measure readings discussed in Sections 2.3 and 2.4 below, (16) would require the existence of some salient container that counts as a «half glass» — perhaps a cut-off glass, perhaps a half-filled glass being referred to metaphorically as a half glass⁶.

- (15) Он выпил два с половиной стакана молока.
 (16) ??Он уронил с подноса два с половиной стакана молока.

⁵ Recent work by Nicholas Asher on dotted types is beyond the scope of this paper but might in principle solve our problem; we discuss it briefly in [Partee, Borschev 2012].

⁶ But a sentence like *On prines polkorziny gribov* 'He brought half a basket of mushrooms', is judged intuitively to refer to a half-full basket together with the mushrooms in it. Note that neither of the constructions in (11) and (12) allow «half a glass» in Russian unless it really is a cut-off glass. The second co-author finds sentences like (16) ungrammatical; the first co-author considers them to be grammatical, but anomalous because they presuppose the existence of a very implausible kind of object, a container that is literally a half of a glass.

2.2. *The Concrete Portion reading*

The *Concrete Portion* reading and the *Ad Hoc Measure* reading of *dva stakana moloka* were not distinguished in our earlier work; either could be a case of «QUANT» in [Borschev, Partee 2001; 2004]. In this section we discuss the *Concrete Portion* reading, which describes a portion of matter, and characterizes its quantity in terms of some concrete containers it actually fills. In Section 2.3 we describe the *Ad Hoc Measure* reading in which the substance need not be in any container, but its quantity is described using some actual or potential container as a measure, a container that it ‘would fill’. In Section 2.4 we describe the *Standard Measure* reading, which involves a lexical shift, not a formally derivable one like the others discussed here.

All three of these readings have a similar syntactic and semantic structure, which we make explicit in Section 4; in all of them the ‘substance’ phrase in the genitive is the head⁷, perhaps surprisingly, and the ‘measure expression’ phrase (in whatever case the position of the whole NP in the sentence requires) is a modifier. While it may seem surprising that the semantic head of the phrase is in the genitive, that is not so surprising for Russian, where many numerals demand genitive case on the noun, and where genitive may be used to express partitivity even without any overt quantifier or measure expression⁸.

(17) **CONCRETE PORTION reading: a predicate true of concrete quantities** of the substance which are/were in the given container(s).

On this reading, when we say *dva stakana moloka* ‘two glasses of milk’, we are talking about milk that fills two («concrete») glasses. On this reading, like the previous one, we don’t normally expect to be able to talk about fractional glasses of milk, unless the glasses themselves are somehow «fractional».

We call this reading the «concrete» quantity reading, because the modifier has a semantics which refers to some actual container(s), and characterizes the substance in terms of its occupying those containers. Because of the «concreteness» of the containers, this reading allows for examples like (18a, b), where *two pots* or *two mugs* can involve one large pot (mug) and one small one. That can

⁷ We thank Maria Kholodilova for bringing it to our attention that a very similar conclusion about the headedness of such phrases was reached in [Гращенко 2006], partly on the basis of the same kinds of arguments, and partly with the support of other facts, and with a broader typological perspective relating the containers in Genitive of Measure constructions to container-like words used in «numerative» expressions and as classifiers in various languages.

⁸ Some Russian nouns have two distinct genitive forms, a standard genitive which can be used in any genitive construction, and an unambiguously partitive genitive which may be used only with partitive interpretation. The noun *čaj* ‘tea’ has standard genitive form *čaja* and partitive genitive form *čaju*. A Google search on the two variants in the construction *dva stakana čajalčaju* ‘two glasses of tea’ yields results of the same order of magnitude (87 100 for *čaja*, 39 400 for *čaju*), which confirms that the substance noun in container constructions is indeed construed as a partitive.

also happen with the *Container + Contents* reading, but not with the measure readings we will discuss in Sections 2.3 and 2.4.

- (18) a. Он сварил две кастрюли супа, большую для нас и маленькую для кошки.
 б. Он нацедил из бочки две кружки пива, большую для себя и маленькую для сына.

In (18a), the two pots of soup could be of the ‘same’ soup or different kinds of soup in each; in (18b), since the two mugsfuls come from the same barrel, it’s clearly two mugs of the same kind of beer. For (18b), a measure reading would be especially plausible for the first half of the sentence, but is then blocked by the mention of two containers of different sizes. And it’s clearly not a *Container + Contents* reading, since it’s beer, not mugs, that’s being drawn from the barrel.

An example like (19a) would probably be interpreted as involving a «concrete portion», since the definiteness and plurality suggest that the milk is in two particular glasses; it might even be interpreted as involving the *Container + Contents* reading⁹. Sentence (19b), on the other hand, would probably be more readily interpreted as the Ad Hoc Measure reading, although many examples are undoubtedly ambiguous or indeterminate between the two.

- (19) a. Выпей эти два стакана молока.
 б. Выпей рюмку водки.

This *Concrete Portion* reading arises from the reference to the container by a form of metonymy which has become conventionalized for all container-words, from container to contents. The container word, together with any preceding numeral phrase, is reinterpreted so as to contribute a modifier; the whole phrase denotes milk or soup contained in a glass or pots, not the glass or pots.

2.3. The Ad Hoc Measure reading

We now subdivide our earlier «QUANT» reading into the *Concrete Portion* reading described above and an *Ad Hoc Measure* reading. The *Concrete Portion* reading can be thought of as primarily a «contents» reading, and only incidentally as specifying an amount. On the *Ad Hoc Measure* reading of *dva stakana moloka* ‘two glasses of milk’, some ordinary glass is considered as a unit of measure, and *dva stakana moloka* then holds of a quantity of milk that fills, or would fill, that glass two times. That is, we make a shift from the contents of a concrete glass to a measure of the volume of milk that glass can hold. And with the glass construed as a measure, it is perfectly natural to speak of fractional

⁹ Given the semantics we propose below, it is easier to account for the definite determiner if the primary reference is to the glass, as in the *Container + Contents* reading. And Pustejovsky’s ‘dotted type’ examples suggest that it is very easy to shift verb uses as well, so that *drink* might be applied to *glass* with a metonymic shift. One can even say *Drink that glass*, with no mention of the contents; see discussion in Section 3.

glassfuls (as with the English word *glassful*, in fact), as in the example in (15) above, and those in (21).

- (20) **AD HOC MEASURE reading: a *measure* predicate true of a quantity** of the substance that would fill a given container of the given sort a given number of times.
- (21) a. За ягодный сезон я собрал, наверное, два с половиной ведра черники и полведра брусники.
b. На эту поездку нам потребуется два бака бензина.

This reading is very close to the *Standard Measure* reading to be discussed next, and both are quite similar to the interpretation of *liter*. The difference is that this Ad Hoc Measure reading is available for all sorts of containers¹⁰ whether they have any «standard» versions used for measuring or not: an *ad hoc* unit of measure is created based on a concrete container, such as a particular glass.

2.4. The Standard Measure reading

The shifts we have discussed so far, yielding the first three readings of *dva stakana moloka* ‘two glasses of milk’, can be considered ‘formal’ shifts: we can define the semantics of the shifted uses of the container word in terms of its original sortal meaning. The last shift, from the *Ad Hoc Measure* reading to the *Standard Measure* reading, is on the one hand a small step, but on the other hand this one is a non-compositional lexical shift that is only undergone by some nouns, those for which there is a notion of a «standard» volume associated with that kind of container. This is the case for Russian *stakan* ‘glass’ and English *cup*¹¹. It is not the case for Russian *kastrjulja* ‘pot’ or for English *glass*. Of course ‘standards’ may be context-relative and temporary, and some containers may be used as standard measures at a certain time and place even if not conventionally for the language as a whole. And conventional standards are a cultural as well as a linguistic matter: in the parts of the English-speaking world that use metric units, *cup* is presumably not a standard unit.

On the *Standard Measure* reading, *cup of milk* in English or *stakan moloka* ‘glass of milk’ in Russian has a meaning and use fully parallel¹² to *liter of milk*.

¹⁰ Louise McNally (p. c.) observed that in several languages, it is hard to get this reading for things that are not ‘normally’ used as containers. As she notes, one can equally speak of *two spoons of ice cream* or *two spoonfuls of ice cream*, and of *two forkfuls of spaghetti* but not *#two forks of spaghetti*. It is similarly difficult in Russian to use *vilka* ‘fork’ as an *Ad Hoc Measure* without somehow enriching the context so as to coerce a shift of *vilka* into the sort ‘container’. See discussion in [Borschev, Partee 2004] of the possibility of coercing hats and rooms (in Russian) into containers by adding modifiers like ‘full’ and numerals.

¹¹ See [Partee, Borschev 2012] for some notes on the history of *cup* and of the measure word *gallon*.

¹² Maria Kholodilova (referee report) questions whether *stakan* is «fully parallel» to *litr*, and indeed that may be more true for English *cup* than for Russian *stakan*. As she

- (22) **STANDARD MEASURE reading: a *measure* predicate true of a standard quantity** of the substance, corresponding to a conventional standard size of containers of the given kind.

Example (23) is a typical cookbook instruction.

- (23) Возьмите два стакана муки.

Landman and Rothstein, in their interpretation rules for their measure reading, which corresponds to our *Standard Measure* reading, use expressions like «GLASS-FUL» without attempting to define them in terms of «GLASS». We distinguish two measure readings, depending on whether one is appealing to the existence of some glass (the *Ad Hoc Measure* reading, definable from the sortal noun meaning) or to the existence of a standard (the *Standard Measure* reading, requiring a lexical shift).

3. What is clear and what is not so clear

The lines between these different interpretations of expressions like *dva stakanana moloka* ‘two glasses of milk’ are admittedly not entirely easy to draw, and the lines as we have drawn them here have been influenced in part by issues that have arisen as we have worked out how to formalize them. Our earlier «QUANT» meaning was split into two in part because any attempt to formalize our earlier QUANT meaning for *stakan moloka* ‘glass of milk’¹³ in a way that made a place to add *dva* ‘two’ required a decision as to whether we were counting the glasses in which the milk was contained (which normally could not be a fraction), or the number was indicating how many times a certain glass could be

notes, pots may be described in Russian as having a volume of two liters but not as having a volume of six glasses; but in English a container may be said to have a volume of six cups. And as we noted in [Partee, Borschev 2012: fn. 15], whereas American «measuring cups» are calibrated in fractions of a cup, their Russian analogs are calibrated in milliliters or centiliters. So there are clearly fine-grained differences within the family of what we have called the *Standard Measure* reading, and these differences are not captured in our analysis. She notes further differences in linguistic behavior of *litr* and *stakan* which merit further study, which we must leave for future work. To cite one interesting example which she found in the Russian National Corpus, a recipe can call for a less than full *stakan* of flour, something that never happens with *litr*:

- (i) «Ушки»: замесить тесто из 1 яйца, 1 ч. ложки растительного масла, **1 неполного стакана муки** [Фирменный рецепт (2004) // «Приазовский край», 2004.10.07] (НКРЯ).

¹³ Our formula for *stakan moloka* ‘glass of milk’ on the QUANT (quantity) reading in [Борщев, Парти 1999; Borschev, Partee 2001] was: $\lambda x[\text{substance}(\text{moloko}) \ \& \ \text{quantity}(\text{moloko})(x) \ \& \ \exists z(\text{stakan}1(z) \ \& \ \text{fills}(z)(x))]$; this formula uses *moloko* for the e-type name of the kind ‘milk’, and *stakan1* as a predicate true of individual glasses.

filled by the given portion of milk — a true ‘measure’ reading, easily allowing fractional results. Admittedly, the distinction is easier to perceive theoretically than in examples.

One foundational problem area concerns Pustejovsky’s ‘dotted types’. It is not clear how to make the *Container + Contents* meaning actually denote *both* the container and the contents. We cannot take the mereological sum of the glass(es) and the milk contained in them, because then counting would make no sense; and yet we very easily count glasses of milk in those uses, and we do it by counting the glasses. We have followed Rothstein in formalizing this reading as referring to glasses that contain milk, modifying it to specify that the milk fills the glasses, which distinguishes it from the Russian construction in (11), *stakan s molokom* ‘glass with milk’, which better fits the interpretation Rothstein gives to ‘glass of milk’. So we do have a distinction between the *Container + Contents* reading and the ‘glass with milk’ construction, but that still does not capture the «dotted type» reading that the *Container + Contents* construction is felt to have. Native speakers’ intuitions are that unlike the constructions in (11) and (12), *stakan moloka* ‘glass of milk’ on its *Container + Contents* meaning denotes the glass and the milk together, but how to formalize that has long been a mystery. Asher [2008] offers a theory of dotted types that appears to avoid the difficulties encountered by previous attempts at formalization. The core of the theory involves complicating the notion of predication, so that one predicates something not of an object as a ‘bare particular’, but of an object ‘under a certain conceptualization, or aspect’ [Asher 2008: 165]. Asher’s approach handles the ‘copredication’ evident in examples like (7), (8), and (9). We believe it would handle the cases discussed here, but because the formalism goes considerably beyond simple type theory, we did not try to implement it in [Partee, Borschev 2012]; the non-dotted-type analysis we give below should be considered a placeholder for a more adequate formalization.

A related puzzle concerns the selectional restrictions of verbs and their shiftability. Some of the main tests for different readings that are frequently appealed to in the literature concern selectional restrictions: you cannot drink a container, and you cannot break liquid. But actual usage seems to be rather flexible in such matters; even when there is only a word for a container or a word for a substance present, one often finds perfectly natural uses of *prima facie* violations of selectional restrictions, as in the English examples in (24).

- (24) a. Stir the pot every 10 minutes or so. [What is stirred is the soup, not the pot.]
 b. Please put a lid on the soup. [The lid goes on the pot, not the soup.]
 c. Set the juice on my desk, please. It shouldn’t be sitting on the windowsill. [Setting and sitting are applicable to solids, not liquids.]
 d. He drank the whole glass in one gulp. [Maybe, but more likely the contents.]
 e. Keep the wine on its side, not vertical. [Only makes sense for the bottle.]

These all seem to involve metonymy that can go in either direction between a container and its contents, meaning that even if we can clearly distinguish meanings for *stakan moloka* that pick out the glass or the milk, it won't be easy to find simple tests for identifying which meaning we have in a given example, because such metonymic shifts could reverse the results. It's not even completely clear where to localize the shifts in (24); are they all shifts in the noun phrase, or might some of them be shifts in the verb or other predicate? These metonymy phenomena make it harder to give criteria for distinguishing among the different meanings we have claimed to distinguish, and they may also be at the root of the phenomena underlying Pustejovsky's theory of «dotted types», although that is only a conjecture at this point. We believe that Asher's recent work [Asher 2008] supports the idea that on a dotted type reading, one can apply predicates that hold of the given 'complex entity' under any of its 'aspects'. But his work does not settle the question of how to tell when there is further metonymy at work in a given example.

But some things are relatively clear, we believe. The *Container + Contents* reading is different from all the others in that it most clearly refers to the container (as well as the contents); and on that reading the container-word has shifted to a normal relational noun meaning which takes the complement substance term as its argument. On that reading, as the tree in (27) below represents, the container word is the head noun, and any number preceding it is counting entities, just as with a sortal. Hence that construction most clearly resists fractional numbers and most straightforwardly combines with verbs that apply to concrete objects. This is Rothstein's *individuating* reading. The only big puzzle remaining about it is the puzzle of dotted types.

The *Standard Measure* reading is also clearly distinguishable from the others, in that on that reading, the container word has shifted to a unit of measure similar to *liter*, and there is no requirement that any actual container be involved at all — *dva stakana moloka* 'two glasses of milk' on that reading is just milk in a certain amount. This is Rothstein's *measure* reading, unless perhaps her *measure* reading is indeterminate between this one and what we are calling the *Ad Hoc Measure* reading.

The *Ad Hoc Measure* reading is indeed close to the *Standard Measure* reading; both describe milk of a certain quantity, and neither requires the milk to be in a container of the mentioned sort. The difference is in whether some particular glass is being used as a measure — perhaps only on a single occasion — something that could in principle be done with any container any time; or whether a standard has become conventionalized, perhaps so far as to become lexicalized. These two measure readings have a vague boundary, since there is no sharp line between the *ad hoc* or occasional use of some container as a unit of measure and a conventionalized appeal to a container of a certain size as a standard unit of measure.

The *Concrete Portion* reading is not easy to discriminate from all the others; it shares properties with the *Container + Contents* reading on the one hand and

with the *Ad Hoc Measure* reading on the other. Like the *Container + Contents* reading, it requires that the substance be in the container, but as on the *Ad Hoc Measure* reading, the whole phrase *dva stakana moloka* ‘two glasses of milk’ is a predicate that applies to milk, not to glasses, a fact that is reflected in its syntax, which is like that of both of the measure readings, and unlike that of the *Container + Contents* reading¹⁴.

4. Formalizing the semantics of *liter* and the four container constructions

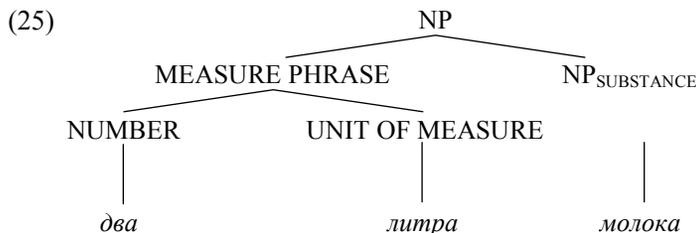
In this section we formalize the semantics corresponding to the different meanings of the container constructions described in the previous section. We begin with the semantics of pure measure phrases like *two liters of milk*, which have been well studied. The structure given for *two liters of milk* also fits for all three measure-like readings of *dva stakana moloka* ‘two glasses of milk’; for the *Container + Contents* reading, we also need a different syntactic structure, which we will provide. As we formalize the readings, we will note open problems that remain.

Measure phrases like *two liters of milk* involving *Standard Measure* words like *liter* are not ambiguous, since pure measure units like *liter* have no alternative interpretation as sortal nouns: they are unambiguously functional nouns of a special sort. There are several approaches to formalizing their syntax and semantics; see [Brasoveanu 2008; Champollion 2009; Ionin, Matushansky, Ruys 2006; Krifka 1989a; 1989b; Landman 2004; Rothstein, 2009a; 2009b; Schwarzschild 2002; 2006]. Here we build on [Landman 2004; Rothstein 2009a; 2009b], and our work in [Борщев, Парти 2011].

4.1. Formalizing *liter*

The tree in (25), from [Борщев, Парти 2011], is a slight simplification of the structure proposed by Landman [2004] and used by Rothstein [2009a; 2009b].

NP is to be understood as «common noun phrase»; the NP below can also be the sole constituent of a DP (which would be understood as indefinite), or can be made into a DP by the addition of a determiner such as *voi* ‘your-FAM.PL’ or *èti* ‘these’.

¹⁴ It is possible that on the analysis of Asher [2008], there might not be any need to have a separate *Concrete Portion* reading; it could be just one of the «aspects» of the dotted type *Container + Contents* reading.

Numerals are given their own type n by Landman; they could also be treated as a distinguished subsort among the entities. *Moloka* ‘milk’ is a sortal (mass) common noun, type $\langle e, t \rangle$, a predicate¹⁵ of portions of milk, which we represent as $MILK_{\langle e, t \rangle}$.

The measure unit *litr* ‘liter’ is assigned a basic lexical meaning as a measure function, a function of type $\langle e, n \rangle$ which applies to a measurable entity (some quantity of substance whose volume can be measured in liters), and whose value is the number of liters of the volume of that entity. We write this basic meaning as $LITER_1$. In order for the measure phrases that occur in NPs to be interpreted as modifiers, *litr* is shifted to a derived meaning, *litr*₂, of type $\langle n, \langle e, t \rangle \rangle$, which takes a number as argument and returns a predicate of portions of matter. (Schwarzschild [2005] discusses further shifts undergone by unit-of-measure terms as they occur in other constructions.)

Because not everything can be measured in liters, there are presuppositions corresponding to definedness conditions for the function, but we will not try to represent those explicitly¹⁶.

The semantic derivation for *dva litra moloka* then proceeds as shown in (26).

- (26) (i) *litr*: *litr*₂: Type $\langle n, \langle e, t \rangle \rangle$. Meaning: $LITER_2$, defined as follows:
 $LITER_2 = \lambda n [\lambda x [LITER_1(x) = n]]$
 (ii) *dva*: Type n . Meaning: 2.
 (iii) *dva litra*: Type $\langle e, t \rangle$. Meaning: $\lambda x [LITER_1(x) = 2]$
 (iv) *moloka*: Type $\langle e, t \rangle$. Meaning $MILK_{\langle e, t \rangle}$
 (v) *dva litra moloka*: Type $\langle e, t \rangle$. Meaning: $\lambda y [LITER_1(y) = 2 \ \& \ MILK_{\langle e, t \rangle}(y)]$

Note that measure functions like the $LITER_1$ function can return rational numbers, not just cardinal numbers. This is one of the formal distinctions between those readings which involve a standard or *ad hoc* unit of measure, and those that involve counting concrete containers.

Also note that although *moloka* is genitive, and *litr* is a functional noun, in the semantics we don’t have *moloka* as an argument of *litr*. Rather *moloka* is a common noun (phrase) (NP), type $\langle e, t \rangle$, and *dva litra* is also of type $\langle e, t \rangle$, and they combine by the Predicate Modification rule of Heim and Kratzer [1998]. As mentioned above, the fact that the noun occurs in the genitive case is evidently related to the use of genitive with numbers and for expressing partitivity.

With this analysis of the pure measure constructions as background, we now go through the four readings of the container construction; as before, we start

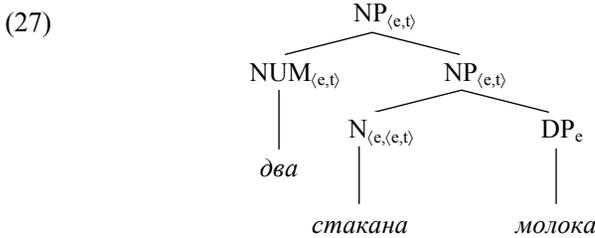
¹⁵ Like Rothstein, we assume that $MILK_{\langle e, t \rangle}$ and $MILK_e$ are related by Chierchia’s ‘up’ and ‘down’ operators.

¹⁶ There is explicit discussion of the definedness conditions for various measure expressions in [Krifka 1989a; 1989b] and more recently Schwarzschild [2002; 2006] makes a case for including measure dimensions like *volume* and *length* more explicitly as well.

with the one closest to the basic sortal meaning of the container, and end with the one most similar to the *litr* construction.

4.2. Formalizing the Container + Contents reading

The syntactic tree for *dva stakana moloka* on this reading is shown in (27), annotated with semantic types. Again we draw the tree only up to NP, although this could be a non-branching DP as well.

On the *Container + Contents* reading, the types and meanings of the basic constituents and the compositional derivation are shown in (28). We call this derived meaning of *stakan* ‘glass’ *stakan+*, where + is mnemonic for *Container + Contents*. We defer to Section 5 discussion of the decision to use (like Rothstein) the kind-denoting e-type $MILK_e$ here, and the interpretation of formulas where it is an argument of a relation like *fill*.

- (28) (i) *stakan+*: Type $\langle e, \langle e, t \rangle \rangle$. Meaning: $\lambda y[\lambda x[\text{glass}(es)(x) \ \& \ y \text{ fills } x]]$
 (ii) *moloka*: Type e. meaning $MILK_e$ (a kind-denoting term)
 (iii) *stakan+ moloka*: Type $\langle e, t \rangle$. Meaning: $\lambda x[\text{glass}(es)(x) \ \& \ MILK_e \text{ fills } x]$
 (iv) *dva*: Type $\langle e, t \rangle$. Meaning: $\lambda x[|x| = 2]$
 (v) *dva stakana+ moloka*: Type $\langle e, t \rangle$. Meaning: $\lambda x[\text{glass}(es)(x) \ \& \ MILK_e \text{ fills } x \ \& \ |x| = 2]$

The meaning for *stakan+* is a shift from the sortal meaning of the container word to a relational meaning expressing the relation between the container and its contents. But this clearly does not give a «dotted type» reading. Like Rothstein’s individuating reading, we have the literal interpretation of the expression apply to a plurality of glasses that are two in number and that are filled with milk. On the issue of the dotted types, we would try in further research to incorporate something like the analysis of Asher [2008].

Even without a formalization of dotted types, we do have an account for the difference in meaning between *dva stakana moloka* ‘two glasses of milk’ and *dva stakana s molokom*, ‘two glasses with milk’: the former requires glasses filled with milk, while the latter requires only that the glasses contain some milk.

4.3. Formalizing the Concrete Portion reading

The syntactic tree and the semantic types for the *Concrete Portion* reading and two measure readings that follow will all be like tree (25) for *litr*, so we will

not draw them. We call the shifted *stakan* in this reading *stakan_{CQ}*. The semantic derivation is shown in (29).

- (29) (i) *stakan_{CQ}*: Type $\langle n, \langle e, t \rangle \rangle$. Meaning: $\lambda n[\lambda x[\exists y. \text{glasses}(y) \ \& \ x \ \text{fills } y \ \& \ |y| = n]]$
 (ii) *dva*: Type n . Meaning: 2.
 (iii) *dva stakana_{CQ}*: Type $\langle e, t \rangle$. Meaning: $\lambda x[\exists y. \text{glasses}(y) \ \& \ x \ \text{fills } y \ \& \ |y| = 2]$
 (iv) *moloka*: Type $\langle e, t \rangle$. Meaning $\text{MILK}_{\langle e, t \rangle}$
 (v) *dva stakana_{CQ} moloka*: Type $\langle e, t \rangle$. Meaning: $\lambda x [\text{MILK}_{\langle e, t \rangle}(x) \ \& \ [\exists y. \text{glasses}(y) \ \& \ x \ \text{fills } y \ \& \ |y| = 2]]$

So on the *Concrete Portion* reading, *dva stakana moloka* ‘two glasses of milk’ is a predicate true of milk that fills two glasses; unlike the two measure readings that follow, on this reading there could be a big glass and a small glass. Thus this ‘quantity’ reading is not exactly a «measure» reading.

One could make this subtler by allowing ‘glass-stages’, so that the milk could fill the same glass at different times OR different glasses. We ignore such subtleties concerning counting and individuation.

4.4. Formalizing the Ad Hoc Measure reading

We call the shifted *stakan* in the *Ad Hoc Measure* reading *stakan_{AHM}*. The semantic derivation is shown in (30).

- (30) (i) *stakan_{AHM}*: Type $\langle n, \langle e, t \rangle \rangle$. Meaning: $\lambda n. \lambda x. \exists y[\text{glass}(y) \ \& \ x \ \text{fills}^{17} \ y \ n \ \text{times}]$
 (ii) *dva*: Type n . Meaning: 2.
 (iii) *dva stakana_{AHM}*: Type $\langle e, t \rangle$. Meaning: $\lambda x. \exists y[\text{glass}(y) \ \& \ x \ \text{fills } y \ 2 \ \text{times}]$
 (iv) *moloka*: Type $\langle e, t \rangle$. Meaning $\text{MILK}_{\langle e, t \rangle}$
 (v) *dva stakana_{AHM} moloka*: Type $\langle e, t \rangle$. Meaning: $\lambda x [\text{MILK}_{\langle e, t \rangle}(x) \ \& \ \exists y[\text{glass}(y) \ \& \ x \ \text{fills } y \ 2 \ \text{times}]]$

This meaning is probably the same meaning that applies to the productive English *-ful* suffix, as in *truckful*, *spoonful*, *bowful*, which is also not restricted to standard measures.

4.5. Formalizing the Standard Measure reading

We have finally reached the *Standard Measure* reading, Rothstein’s *measure* reading, which is exactly parallel to the measure construction with *litr* ‘liter’, which involves a lexical shift that occurs with Russian *stakan* ‘glass’ and English *cup*. For this meaning of *stakan* we write *stakan_{SM}*. The meaning of *sta-*

¹⁷ We intend for this use of «fills» to have a modal component — e. g. «would fill» under suitable conditions.

kan_{SM} is not formally derived from the meaning of sortal *stakan*, but is a basic measure of volume like *liter*. Like *liter*, its basic type is $\langle e, n \rangle$, a function from entities to numbers that gives the volume of that entity in number of glasses. We denote that function by *stakan-units*. The type for $stakan_{SM}$ as used in this construction is $\langle n, \langle e, t \rangle \rangle$, defined in terms of *stakan-units*, combining with a number to make an amount modifier.

The derivation is in (31).

- (31) (i) $stakan_{SM}$: Type $\langle n, \langle e, t \rangle \rangle$. Meaning: $\lambda n. \lambda x [stakan-units(x) = n]$
 (ii) *dva*: Type n . Meaning: 2.
 (iii) *dva stakana_{SM}*: Type $\langle e, t \rangle$. Meaning: $\lambda x [stakan-units(x) = 2]$
 (iv) *moloka*: Type $\langle e, t \rangle$. Meaning $MILK_{\langle e, t \rangle}$
 (v) *dva stakana_{SM} moloka*: Type $\langle e, t \rangle$. Meaning: $\lambda x [MILK_{\langle e, t \rangle}(x) \ \& \ stakan-units(x) = 2]$

This completes the formalization of the four readings; we compare them in Section 4.6.

4.6. Comparing the four shifted meanings of container-words

If we compare the four different shifted meanings of *stakan* presented above, we can see that they form a sort of scale: the most concrete is the *Container + Contents* reading, $stakan+$, denoting a glass together with its contents; then comes the *Concrete Portion* reading $stakan_{CQ}$; then the *Ad Hoc Measure* reading reading $stakan_{AHM}$; and finally, the most abstract measure-like reading, $stakan_{SM}$, the *Standard Measure* reading (which does not exist for all container nouns).

We repeat the four definitions below in (32) for ease of comparison.

- (32) a. $stakan+$: Type $\langle e, \langle e, t \rangle \rangle$.
 Meaning: $\lambda y [\lambda x [\text{glass}(es)(x) \ \& \ y \text{ fills } x]]$
 b. $stakan_{CQ}$: Type $\langle n, \langle e, t \rangle \rangle$.
 Meaning: $\lambda n [\lambda x [\exists y. \text{glasses}(y) \ \& \ x \text{ fills } y \ \& \ |y| = n]]$
 c. $stakan_{AHM}$: Type $\langle n, \langle e, t \rangle \rangle$.
 Meaning: $\lambda n. \lambda x. \exists y [\text{glass}(y) \ \& \ x \text{ fills (can/would fill) } y \ n \text{ times}]$
 d. $stakan_{SM}$: Type $\langle n, \langle e, t \rangle \rangle$.
 Meaning: $\lambda n. \lambda x [stakan-units(x) = n]$

In this comparison, it is easy to see that numbers like the *dva* in *dva stakana moloka* ‘two glasses of milk’ play a very different role with $stakan+$ than with the other three constructions. With $stakan+$, it is simply counting concrete glasses. In the *Ad Hoc Measure* construction and the *Standard Measure* construction, the number is related to a unit of measurement. In the *Concrete Portion* reading, it enters the construction in the same way as with the two measure readings, but there is quantification over glasses internal to the construction, and the milk is measured by counting those glasses.

5. The genitive *moloka* in the four constructions

In [Partee, Borschev 2012], as in Rothstein's work, the genitive *moloka* is an NP of type $\langle e,t \rangle$ in the *Concrete Portion* and both *Measure* constructions: *dva stakana* 'two glasses' in each case is a modifier which combines intersectively with *moloka*, and the whole expression is an $\langle e,t \rangle$ predicate true of portions of milk. In the *Container + Contents* reading, *moloka* is an e-type DP denoting a kind; the resulting construction is a predicate true of glasses that are filled with milk. On a 'dotted type' analysis, we would want the whole expression to be able to be predicated both of glasses and of portions of milk, so at least the 'resulting' expression should have a component similar to $\langle e,t \rangle$ -type *milk*.

Of course, technically, the 'milk' inputs to any of these constructions could be either e-type or $\langle e,t \rangle$, since we could use Chierchia's 'up' and 'down' operators to shift them to the other type. But we should have linguistic motivation for the choices we make. Before examining the properties of *moloka* in these constructions, let us pause to note an important difference in the status of *stakan* and that of *moloka*.

5.1. Lexical constraints on *stakan*, non-lexical constraints on *moloka*

At various points above we have noted constraints on the 'container' nouns that can participate in the four constructions. For the *Standard Measure* reading, only specific measure-nouns are possible; and some of those have arisen more or less recently from names of containers. For the other readings, virtually any noun denoting a kind of container is possible, and sometimes a non-container noun can be coerced into a container reading (see discussion of *polnaja šljapa gribov* 'full hat of mushrooms' in [Borschev, Partee 2004]). We have also noted that some languages can productively derive measure nouns like *forkful*, *truckload*, etc. In the trees for all three *QUANT* or *measure* constructions, we see that the N in the position of *stakan* 'glass' must be a measure noun; this explains why there are lexical constraints on that position. In the case of the *Container + Contents* reading, we have a relational noun of a particular sort and its DP complement; here it is not that the 'construction' is 'constrained', but that it is just for container nouns that we get a conventionalized shift to this particular relational reading.

The genitive *moloka*, on the other hand, is in a position that is not lexically constrained, and we don't know of any languages that have productive morphological derivation of special forms for the nouns in the 'substance' position in these constructions. This is not surprising, because *moloka* is in a DP or an NP position; it is not in an N position. In the *Container + Contents* reading, the genitive complement is presumably a DP, and is so analyzed both in Rothstein's work and in our papers. In the other three readings, it is an NP. What is worth noting is that in the *Concrete Portion* and the two *measure* readings, while the genitive NP must be a predicate of measurable stuff or things, that is an 'ontological' requirement that a function places on its argument, not a lexical one, as seen from the examples in (33).

- (33) а. ложка какого-то лекарства
 б. стакан какой-то гадости
 в. бутылочка «Эль де Пердри»

5.2. NP and DP *moloka*

When *moloka* occurs as a bare noun in these different constructions, what is its type and its interpretation?

For measure readings: type ⟨e,t⟩

We can see from the semantics given in Section 4 that in all three of the «measure» constructions (*Concrete Portion*, *Ad Hoc Measure*, *Standard Measure*), *moloka* should be of type ⟨e,t⟩; it serves as a predicate of portions of stuff (or ‘things’) whose quantity is being measured. But we do find expressions in that position whose basic meanings are e-type, and which refer to definite (‘maximal’) quantities of stuff or things, just as in the English examples in (34) and in (35a); (35b-c) are similar but probably refer to kinds rather than to a definite quantity.

- (34) а. Two kilos of the flour that I bought (Rothstein handout Oct 6, 2010, p. 15).
 б. On the table were two glasses of what used to be in the porcelain pitcher.
- (35) а. Туда же выливаем примерно стакан того, что осталось в кастрюле (from <http://www.drive2.ru/users/vovchique/blog/4899916394579116440/>).
 б. Налей стакан того, что пил вчера (from akak.ru/recipes/248-kak-izbavitsya-ot-pohmelya).
 в. Они просили принести вам стакан того, что вы пьете, и включить его стоимость в счет их родителей (from <http://lib.rus.ec/b/117424/read>).

In these cases we assume that the semantics of the construction coerces a very common «partitive» shift from a maximal sum of stuff or things (type e) to a predicate of the stuff or things making it up (type ⟨e,t⟩). So it would also be possible to start with $MILK_e$ and coerce it to shift to the predicate $MILK_{\langle e,t \rangle}$.

For *Container + Contents* reading: type e, but maybe additional types too

Many kinds of complements apparently occur in the *Container + Contents* reading; what are the constraints on them and how are they interpreted? Let’s check with English; Russian seems relevantly like English in this construction, apart from the absence of articles and the controversies concerning DP vs. NP, etc.

- (36) On the table were two glasses of ...
 а. wine
 б. a rare liquid
 в. #rare liquid

- d. something I made today
 e. what had been in the porcelain pitcher

A rare liquid in (36b) is an indefinite NP or DP kind term, and one can shift down to a predicate of stuff which instantiates a rare kind, much as one can shift down from the kind $MILK_e$ to a predicate of stuff which instantiates that kind, $MILK_{\langle e,t \rangle}$.

Why is (36c) anomalous? Why should it be impossible to shift from the predicate of kinds *rare liquid* to a predicate of the stuff that instantiates some rare kind, when something so similar seems to happen in (33b)? The answer seems to be that kind-predicates are all count nouns, even when the kinds they describe are massy kinds; this accounts for the indefinite article in (36b) as well as the familiar pluralization found in *those wines were too expensive for us*. Hence *#rare liquid* as an NP is always anomalous, not only in this construction.

To analyze example (36d), *two glasses of something I made today*, we need to figure out the interpretation of *something I made today*. As with other indefinites, there are various possible theories. If we consider all indefinites to be born in type $\langle e,t \rangle$, we might arrive at a meaning as in (37i); as a generalized quantifier, it could be as in (37ii); or we could treat it as a specific indefinite using a choice function as in (37iii).

- (37) i. $\langle e,t \rangle: \lambda x_e. \text{made}(I, x)$
 ii. $\langle \langle e,t \rangle, t \rangle: \lambda P_{e,t}. \exists x_e [\text{made}(I, x) \ \& \ P(x)]$
 iii. $e: f_c (\lambda x_e. \text{made}(I, x))$

When we work out the interpretation given earlier for *dva stakana moloka* on its *Container + Contents* reading, if we use the formula (28v) arrived at there and just substitute in the e-type interpretation (37iii) above, the result will not be quite what it should be.

- (38) $\| \text{two glasses of something I made today} \|$, according to (28v) and (37iii):
 $\lambda x_e [\text{glass}(es)(x) \ \& \ |x| = 2 \ \& \ \text{fills}(f_c (\lambda y_e. \text{made}(I, y)), x)]$

The only thing seriously wrong with this result is that it says that what I made today fills the two glasses; that is not right. In the original example formula (28v), we had the statement that $MILK_e$ fills two glasses, and we assumed that automatic coercion would interpret that as saying that something that instantiates the kind $MILK$ fills the two glasses (cf. Chierchia's derived kind predication). But in (37iii) we have an e-type interpretation for *something I made today* which denotes an entity (possibly a plurality of things, or a sum of massy stuff), which should not need any coercion. Similarly if I speak of *two glasses of the sumac juice I made today*, I don't imply that *the sumac juice I made today fills two glasses*; I may have made a gallon or more.

So let us reconsider the interpretation given for *stakan+* in (28i), repeated below

- (28i) *stakan+*: Type $\langle e, \langle e,t \rangle \rangle$. Meaning: $\lambda y [\lambda x [\text{glass}(es)(x) \ \& \ y \ \text{fills } x]]$.

Evidently, if we take the complement of *stakan+* to be of type *e*, we need to build partitivity into the interpretation. Let us revise (28i) as follows, using \sqsubseteq for the mereological ‘part of’:

- (39) *stakan+*: Type $\langle e, \langle e, t \rangle \rangle$. Meaning: $\lambda y[\lambda x[\text{glass}(es)(x) \ \& \ \exists z[z \sqsubseteq y \ \& \ z \text{ fills } x]]]$

Then the interpretation of (36d) will come out correctly:

- (40) $\|two \ glasses \ of \ something \ I \ made \ today\|$, according to (39) and (37iii):
 $\lambda x_e[\text{glass}(es)(x) \ \& \ |x| = 2 \ \& \ \exists z[z \sqsubseteq f_c(\lambda w_e. \text{made}(I, w)) \ \& \ \text{fills}(z, x)]]$

This correctly says that part of something I made fills two glasses. (It needn’t be a proper part, but that is a likely implicature.)

Example (36e) will also come out right with the change proposed in (39) and wrong with the original formula, which would predict that it asserted that what had been in the porcelain pitcher would fill two glasses.

Another interesting property of (36e) is that like (36d), by itself it could refer to a single entity as well as to a plurality or a mass sum; but the sortal preconditions imposed by the $\langle e, \langle e, t \rangle \rangle$ -type *container* function (discussed in [Borschev, Partee 2004]) require that what is in the container be a substance, by which we meant something massy or plural.

Returning to (37i-iii): Above we worked out the interpretation of *two glasses of something I made today* on the *e*-type interpretation of *something I made today*, but ignored the $\langle e, t \rangle$ and $\langle \langle e, t \rangle, t \rangle$ type interpretations. We will not work through them here; we believe that the same amendment to make partitivity explicit is needed in the $\langle \langle e, t \rangle, t \rangle$ case, and probably even for the $\langle e, t \rangle$ case, since the property we have there is not a property that holds of parts of things I made today, but only of things I made today. The type-shifts will undoubtedly all be familiar ones; the moral of this exploration is that we had to look at an example that shouldn’t have needed to shift at all to see that the meaning we originally assigned to *stakan+* was not quite right.

5.3. *Contrasting genitive construction(s) with stakan s molokom ‘glass with milk’*

We mentioned earlier that the Russian genitive constructions with container nouns contrast with two other ‘neighboring’ constructions, one of which is worth discussing in connection with the role of *moloka* in these constructions, namely the construction *stakan s molokom* ‘glass with milk’. In some of our earlier work, and also in [Rakhilina 2004], there is discussion of how the availability of that construction apparently blocks some possibilities for the genitive construction: in Russian one does not say **vaza cvetov* ‘vase of flowers’, but *vaza s cvetami* ‘vase with flowers’. The *s* ‘with’ construction does not translate perfectly simply into English; it seems to have some properties of *N with x* and some properties of *N containing x*.

Let us contrast *glass of ...* and *glass containing ...* in English and the *stakan moloka* and *stakan s molokom* constructions in Russian. What we find is that there is one clear contrast shared by the two languages, and another contrast that is almost as strong in English but apparently much weaker in Russian.

First contrast: *is filled by* vs. *contains*

When we say ‘There are two glasses of wine on the tray’, we implicate that the glasses are full to a relevant degree. (See footnote 3 above concerning our discussion with Susan Rothstein. Our mutual conclusion was that in the case of *Standard Measure* readings, the container normally has to be really full, whereas in Rothstein’s individuating reading, our *Container + Contents* reading, what counts as full is vague and context-dependent. Restaurants, for instance, have their own conventions about how much wine is to be put into a glass when wine is ordered by the glass; it’s never actually full. But a customer familiar with that restaurant can complain that he didn’t receive a full glass if he got less than the conventional glass of wine served by that restaurant.) But when we say ‘There are two glasses containing wine on the tray’, then there is no claim at all about how much wine is in them. That’s probably clearer in a pair like the following:

- (41) a. There are two glasses of wine still on the table.
 b. There are two glasses containing wine still on the table.

The second would be appropriate if one finds two glasses that are not empty; the first implies that they are full (to the conventional degree).

This distinction also applies to the Russian genitive construction vs. the Russian *s* construction; recall the example in footnote 4 above about a pot of water vs. a pot with water. A confirming example from the internet is (42).

- (42) Китайские археологи сделали сенсационную находку: они раскопали кастрюлю с супом, приготовленным... 2 400 лет назад. Закупоренную бронзовую чашу на трех ножках выкопали неподалеку (от) древнего города Сиань, что в провинции Шэньси. В ней нашли останки жидкости и костей животных, сообщает телеканал News One (<http://mignews.com.ua/ru/articles/54819.html>).

We take this contrast as an added reason to have ⟨fills⟩ rather than ⟨contains⟩ in the meaning of the genitive construction; otherwise we would not capture this distinction between the two constructions.

Second contrast: absence or presence of a maximality implicature with respect to an e-type complement

We discovered in Section 5.2 that the genitive construction on its *Container + Contents* reading has ‘partitivity’ as part of its meaning: it may take an e-type genitive complement, but then it does not entail that all of the denotation of that complement is filling the container(s), and in fact it often implicates that what is filling the container(s) is only a proper part of the whole.

The English expressions with *containing* seem to have a reverse implicature; compare

- (43) a. I found a bag of your mother's jewels.
 b. I found a bag containing your mother's jewels.
- (44) a. I found two bags of the missing money.
 b. I found two bags containing the missing money.

It may not be a strict entailment in either case, but the (a) examples seem to the first author to implicate that the bagful of jewels does not exhaust your mother's jewels, and the two bags of the missing money do not constitute all of the missing money. The (b) examples do seem to implicate maximality. Note also that the 'containing' idiom works fine with single entities as well: *a bottle containing a ship; a porcelain pitcher containing a small key*.

Russian data give partly similar results.

- (45) a. Я нашел мешочек (шкатулку) драгоценностей твоей мамы.
 b. Я нашел мешочек (шкатулку) с драгоценностями твоей мамы.
- (46) a. Я нашел два мешка пропавших денег.
 b. Я нашел два мешка с пропавшими деньгами.
- (47) a. При разборке старого сарая у моей бабушки был найден пакет моих старых игрушек (*chibisl.pp.ua*).
 b. При разборке старого сарая у моей бабушки был найден пакет с моими старыми игрушками.

The second author's intuitions for Russian agree with the first author's for English in the case of the genitive in (45a—47a), although the implicature seems weaker. But in the case of the Russian construction in (45b—47b), when the complement is something that potentially has a maximum, like 'your mother's jewels', '(the) missing money', 'my old toys', the second author does not perceive a maximality implicature; the context might independently suggest it, but on its own the construction definitely does not.

This may very well reflect a difference between the English verb *contains* and the Russian preposition *s* 'with'. (We can't test *containing* in Russian, because the corresponding participle is much more awkward to use).

5.4. Open problems

There are many open questions for further research, including the issue of how best to formalize 'dotted types', and how to best understand and capture the apparent ease with which intuitively clear selectional restrictions relating to containers and their contents seem to be violated. Progress on those difficult, and probably closely related, topics could have an impact on the question of how many readings of container constructions should be described as distinct. And it is far from settled whether two different syntactic structures are needed for the four readings, or even whether four is the right number of readings to treat as linguistically distinct. The role of sorts and of metonymy deserves further study. And progress on all of these matters may help clarify the mechanisms and con-

straints on type-shifting and other meaning-shifts, and with them the bigger question of the interplay of compositionality and context-dependence.

References

Апресян 1999 — Ю. Д. А п р е с я н. Семантическая мотивация несемантических свойств лексем // *Die Grammatischen Korrelationen* / Ed. B. Tošović. Graz, 1999. С. 96—116.

Борщев, Парти 1999 — В. Б. Бор щ е в, Б. Х. П а р т и. Семантика генитивной конструкции: разные подходы к формализации // *Типология и теория языка: от описания к объяснению: К 60-летию А. Е. Кибрика* / Ред. Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец. М., 1999. С. 159—172.

Борщев, Парти 2011 — В. Б. Бор щ е в, Б. Х. П а р т и. Генитив меры в русском языке, типы и сорта // «Слово и язык»: Сб. ст. к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна / Ред. И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. М., 2011. С. 95—137.

Гращенков 2006 — П. В. Г р а щ е н к о в. Синтаксис и типология генитивной группы: Дис. ... канд. филол. наук. Московский гос. ун-т. М., 2006.

Asher, Pustejovsky 2005 — N. Asher, J. Pustejovsky. Word meaning and commonsense metaphysics // Ms.: Type Selection and the Semantics of Local Context. European Summer School in Logic, Language and Information 2005 (semanticsarchive.net/Archive/TgxMDNkM/asher-pustejovsky-wordmeaning.pdf).

Asher 2008 — N. Asher. A Type Driven Theory of Predication with Complex Types // *Fundamentae Informaticae*. 84/2. 2008. P. 151—183.

Borschev, Partee 2001 — V. Borschev, B. H. Partee. Genitive modifiers, sorts, and metonymy // *Nordic Journal of Linguistics*. 24. 2001. P. 140—160.

Borschev, Partee 2004 — V. Borschev, B. H. Partee. Genitives, types, and sorts: The Russian genitive of measure // *Possessives and Beyond: Semantics and Syntax* (University of Massachusetts occasional papers in linguistics 29) / Ji-yung Kim, Y. A. Lander, B. H. Partee (Eds.). Amherst (MA), 2004. P. 29—43.

Brasoveanu 2008 — A. Brasoveanu. Measure noun polysemy and monotonicity: evidence from Romanian pseudopartitives // *Proceedings of the 38th Meeting of the North East Linguistic Society*. Amherst (MA), 2008.

Champollion 2009 — L. Champollion. A unified account of nominal distributivity, for-adverbials, and measure phrases (handout for invited talk). Ms. Stanford University, Palo Alto (CA), 2009.

Dodge, Wright 2002 — E. Dodge, A. Wright. Herds of wildebeest, flasks of vodka, heaps of trouble: An Embodied Construction Grammar approach to English measure phrases // *Proceedings of the 28th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society* / J. Larson, M. Paster (Eds.). Berkeley, 2002. P. 75—86.

Hackl 2001 — M. Hackl. Comparative quantifiers and plural predication // *Proceedings of the 20th West Coast Conference on Formal Linguistics* / K. Megerdooian, L. A. Bar-el (Eds.). Somerville (MA), 2001. P. 234—247.

Heim, Kratzer 1998 — I. Heim, A. Kratzer. *Semantics in Generative Grammar*. Oxford, 1998.

Ionin, Matushansky, Ruys 2006 — T. Ionin, O. Matushansky, E. G. Ruys. Parts of speech: Toward a unified semantics for partitives // *Proceedings of the North-*

Eastern Linguistic Society 36 / C. Davis, A. R. Deal, Y. Zabbal (Eds.). Amherst (MA), 2006. P. 357—370.

Kennedy, Stanley 2009 — Ch. Kennedy, J. Stanley. On ‘Average’ // *Mind* 118.471. 2009. P. 583—646.

Krifka 1989a — M. Krifka. Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics // *Semantics and Contextual Expression* / Eds. R. Bartsch, J. van Benthem, P. van Emde Boas. Dordrecht, 1989. P. 75—115.

Krifka 1989b — M. Krifka. Nominalreferenz und Zeitkonstitution. Zur Semantik von Massentermen, Pluraltermen und Aspektklassen: Studien zur Theoretischen Linguistik. München, 1989.

Landman 2004 — F. Landman. Indefinites and the Type of Sets: Explorations in Semantics. Oxford, 2004.

Partee, Borschev 2012 — B. H. Partee, V. Borschev. Sortal, relational, and functional interpretations of nouns and Russian container constructions // *Journal of Semantics Advance Access published April 3, 2012*, doi:10.1093/jos/ffs009.

Pustejovsky 1993 — J. Pustejovsky. Type coercion and lexical selection // *Semantics and the Lexicon* / J. Pustejovsky (Ed.). Dordrecht, 1993. P. 73—94.

Rakhilina 2004 — E. Rakhilina. On genitive and ‘stability’: evidence from Russian // *Possessives and Beyond: Semantics and Syntax* (University of Massachusetts occasional papers in linguistics 29) / Ji-Yung Kim, Y. A. Lander, B. H. Partee (Eds.). Amherst, MA, 2004. P. 45—58.

Rothstein 2009a — S. Rothstein. Measuring and counting in Modern Hebrew // *Brill’s Annual of Afroasiatic Languages and Linguistics*. 1. 2009. P. 106—145.

Rothstein 2009b — S. Rothstein. Individuating and Measure Readings of Classifier Constructions: Evidence from Modern Hebrew. Ms.: Handout for a Conference «Atoms and Laws of the NP», Utrecht University. Utrecht, 2009.

Schwarzschild 2002 — R. Schwarzschild. The grammar of measurement // *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory XII* / B. Jackson (Ed.). Ithaca, NY, 2002. P. 225—245.

Schwarzschild 2005 — R. Schwarzschild. Measure phrases as modifiers of adjectives // *Recherches Linguistiques de Vincennes 34: L’adjectif* / O. Matushansky, P. Cabredo Hofherr (Eds.). Paris, 2005. P. 207—228.

Schwarzschild 2006 — R. Schwarzschild. The role of dimensions in the syntax of noun phrases // *Syntax*. 9/1. 2006. P. 67—110.

Selkirk 1977 — E. Selkirk. Some Remarks on Noun Phrase Structure // *Formal Syntax* / P. W. Culicover, T. Wasow, A. Akmajian (Eds.). New York, 1977. P. 285—316.

Б. Х. ПАРТИ, В. БОРЩЕВ

**ДВА СТАКАНА МОЛОКА: СУБСТАНЦИИ И КОНТЕЙНЕРЫ
В РОДИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ МЕРЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Наша тема — конструкции типа *стакан молока* в русском языке, т. е. конструкции генитива меры, содержащие имена контейнеров. *Стакан молока* может обозначать количество молока в стакане или одновременно и молоко, и стакан (Pustejovsky [1993] использует термин «dotted type» для такого рода значений); *стакан* может обозначать единицу меры, аналогичную *литру*. Мы описываем се-

мантические сдвиги от значения конкретного контейнера до значения соответствующей ему меры, выделяя таким образом четыре значения конструкции. Обсуждаются различные сочетания значений числовых выражений, имен контейнеров и особенно имен субстанций в этих четырех значениях на примере выражения *два стакана молока*. Разделы 1—4 в значительной мере пересекаются с [Partee, Borschev 2012]; раздел 5 — это новый материал.

Ключевые слова: родительный падеж, партитив, мера, онтология, контейнер, субстанция, русский язык, английский язык, псевдопартитив, сорта, формальная семантика, лексическая семантика, сдвиг значения, семантический сдвиг.

А. С. КУЛЕВА

КРАТКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И ПРИЧАСТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ АВТОРСКОГО СЛОВАРЯ

(Из опыта работы над «Словарем языка русской поэзии XX века»)*

Роль авторской лексикографии в изучении идиостиля трудно переоценить, однако создание словаря, который бы адекватно отражал художественный мир писателя, требует решения многих принципиальных вопросов.

Важной проблемой, встающей перед составителем словаря, можно назвать определение начальной формы слова, присвоение слову грамматических и стилистических помет, а это во многом зависит от избранных в начале работы принципов составления словарной статьи, в частности от выбора формы заглавного слова. Некоторые грамматические формы (причастия и деепричастия, краткая и усеченная формы прилагательного, формы степеней сравнения) в позиции заглавного слова выступают в авторских словарях редко, что соответствует подходу, принятому в общезыковых словарях. Однако в художественной речи (особенно в поэтической) такие формы более самостоятельны и выразительны. Как представляется, в авторской лексикографии объединение в одной словарной статье ряда форм нивелирует оттенки значения и особенности употребления слова, что ограничивает возможности исследователя, обращающегося к словарю, тем более, если это словарь языка поэзии. Отметим такие примеры подачи прилагательных в авторских словарях:

В качестве форм одного и того же слова рассматриваются: <...> 2. Формы рода, числа и падежа, а также краткие и усечённые формы у имён прилагательных. Примечание: Форма сравнительной степени прилагательного выделяется в отдельное слово.

Заголовок словарной статьи <...> 2. У имён и местоимений, изменяющихся по родам, — именительный падеж единственного числа мужского рода, причем у прилагательных, имеющих, кроме полных форм, краткие или усечённые, — именительный падеж полной формы, и у прилагательных, имеющих только краткие формы, — форма мужского рода, например: *рад*.

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика».

Формы слова ⟨...⟩ 3. В именах прилагательных и причастиях указываются полные формы, потом краткие, которые даются после перечня всех полных форм и отделяются от них знаком \. При этом при кратких формах никаких указаний на падеж не даётся, за исключением случаев, когда краткие формы употребляются в фольклорных выражениях типа “на добра коня”, “добра молодца”, “красну девицу”. Например: *Мн.П. добрых...; \ добр...; добра...; добро...; В. добра...; добры...* Усеченные формы имён прилагательных и причастий рассматриваются как варианты полных форм и за знак \ не выносятся [Словарь языка Пушкина 1956—1961, I: 12—18].

Если в «Словаре языка Пушкина», который остается образцом авторского словаря толкового типа, разграничение форм проводится внутри тщательно разработанной статьи и иллюстрируется контекстами, то едва ли удачен названный подход в словарях-указателях, частотных словарях, конкордансах, где часто приводится только начальная форма, контексты отсутствуют или недостаточны, вследствие чего грамматическая информация оказывается недоступной исследователю. Например:

Части речи представлены таким образом: ⟨...⟩ прилагательные только в полной форме муж. рода ед. числа, краткие формы подводятся под полные; прилагательные в простой сравнительной степени и в превосходной даются как самостоятельные слова... [Паршина 1983; Русская авторская лексикография 2003: 317].

В качестве форм одного слова рассматриваются: ⟨...⟩ 2. Формы рода, числа и падежа, а также краткие и усеченные формы имен прилагательных [Кольцов: Указатель 1991; Русская авторская лексикография 2003: 240], см. также [Васильев 2001; Васильев, Жаткин 2009] и др.

Значительная роль грамматических форм в поэтическом языке отмечается в «Словаре поэтического языка Марины Цветаевой»:

Столь же существенным является раскрытие грамматики и словопроизводства поэтического языка М. Цветаевой. Мы опирались на то, что словарь репрезентирует дискурс. Дискурсную грамматику М. Цветаевой характеризуют, например, такие глагольные формы, как *глядено, закачены* (от *закачать*), *ждан* (от *ждать*), *бархачены* (от *бархатить*), *ведно* (от *ведать*), деепричастия *знав* и *ждав*, причастия *занемелый* и *отверделый*, *изжаждавшаяся* и *заспанная* (рука); краткие формы прилагательных *злостен* и *бессонен*, *блуден* и *бродяч*, усеченные *вита лестница*, *веска длань*, *бедну дитятку* и *замочну скважину*... [Словарь языка Цветаевой 1996—2004, I: 6].

Однако и в этом словаре грамматические формы не разводятся: «Краткие формы прилагательных включены в словарные статьи полных прилагательных, причастия и деепричастия — в словарные статьи соответствующих глаголов» [Там же: 41]. Так, слово *нечеловец* находим в статье НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ, хотя, заметим, разные значения многозначных слов выносятся в разные статьи (ср., например, 11 статей ВСТАВАТЬ: ‘принимать стоячее положение...’, ‘ото сна’, ‘всходить’, ‘воскресать’ и др.).

Иной подход принят в «Словаре языка русской поэзии XX века» (СЯРП).

СЯРП — это сводный словарь поэтического языка конкретной эпохи, вмещающий в себе черты конкорданса и толкового словаря. Статьи Словаря включают в себя стихотворные строки из произведений десяти выдающихся русских поэтов: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой. На данный момент это один из немногих авторских словарей, где в отдельные словарные статьи выделены причастия и деепричастия, краткие формы прилагательных и причастий, формы степеней сравнения:

В Словаре приняты следующие правила подачи слов разных частей речи: <...> б) у прилагательных заглавной формой является форма им. п. ед. ч. муж. р., за исключением слов типа **АЗОРСКИЕ** (о-ва). Краткие прилагательные выделяются в отдельные статьи (например: **АЛ**, **АВТОМАТИЧЕН**, **БАГРОВ**, **ВЕРОЛОМЕН**), прилагательные в сравнительной и превосходной степени — тоже (например: **АЛЕЕ**, **АРОМАТНЕЙ**, **ВЕЛИЧАЙШИЙ**); <...> д) у причастий заглавная форма та же, что у прилагательных; причастия (в том числе краткие) наст. и прош. времени оформляются в самостоятельные статьи (например: **АЛЕВШИЙ**, **АЛЕЮЩИЙ**, **ВДАВЛЕННЫЙ**, **АТАКОВАН**, **ВДЕТ**); <...> ж) в некоторых случаях в качестве заголовочных слов выступают отмечаемые в произведениях словоформы окказионального характера (например: **АРОМАТНЫ-ЛЕГКИ**) [СЯРП, 1: 12].

Этот подход оправдан материалом. Как неоднократно отмечалось (см., например [Григорьев 1979; Шестакова 2011] и др.), названные грамматические формы в художественной речи отличаются большей самостоятельностью, чем в общем языке, нередко несут значительную смысловую нагрузку. Выделение таких форм в отдельные статьи связано с прагматическим аспектом: это облегчает пользователю словаря восприятие значительного массива текстовых примеров, наглядно представляет особенности употребления слова в поэтическом языке (например, позволяет отметить выбор поэтом той или иной вариативной формы в соответствии с ее значением, стилистической окраской и т. п., ср.: *набрав/набравши, острый — остёр/остр*). Поскольку ряд слов в творчестве десяти поэтов иллюстрируется очень большим числом контекстов, при объединении всех форм в одной словарной статье некоторые примеры могли бы просто потеряться; так, в СЯРП помимо статьи **БЕЛЫЙ**, занимающей более семи страниц первого тома, включены статьи **БЕЛ**, **БЕЛЕЕ**, **БЕЛЕЙ**, **БЕЛЕЙШИЙ**, **БЕЛЫЙ** [*субст.*], **БЕЛЫЙ** [Андрей Б.], **БЕЛЫЙ-БЕЛЫЙ** и др. Тем самым выделение таких форм в отдельные статьи дает исследователю возможность проанализировать специфику их употребления в языке поэзии, но при этом ставит новые задачи перед составителями Словаря.

К настоящему времени опубликованы четыре тома СЯРП, подготовлен к печати пятый, материалы которого используются в данной статье (некоторые примеры отражают процесс работы над словарем, составление и редактирование статей).

Установка на выделение отдельных статей порождает необходимость более пристального внимания к статьям на прилагательные и причастия.

Так, требуется следить за тем, чтобы правильно было выделено заглавное слово, не оказывались в одной статье разные формы слова (полная и краткая, краткая форма и наречие) и т. п. Это тем более необходимо, поскольку нередко ошибки возникают при компьютерной обработке и преобразованиях текста; см. примеры (в последнем примере причиной выделения двух статей вместо одной стало то, что при машинной обработке дефис был распознан как тире):

НЕТЯЖКО вм. **НЕТЯЖЕК** Нетяжко бремя, Всей жизни бремя прожитой, *АБ913 (III,284)*; ...

ОБЛАЧЁН вм. **ОБЛАЧЕН** Хотя осенний свод, как нынче, Был о., и лес далеко, А вечер холоден и дымчат, Однако это был подлог, *П923,28 (I,273)*

?НЕИЗРЕЧЕННО Как мне усвоить, расколдовать Речь твою — Роза? Н. — нежная мать Эроса — Роза! *Цв921 (II,49.2)* и **НЕИЗРЕЧЕННО-НЕЖНЫЙ** [*нов.*] Благоухала целую ночь В снах моих — Роза. Н.-нежная дочь Эроса — Роза. *Цв921 (II,49.2)*¹

В пятый том СЯРП вошло более 7 тыс. словарных статей (Н — около 3,2 тыс., О — 3,4 тыс., П—Паяц — 0,5 тыс.). Прилагательные и причастия на буквы Н и О представлены в 2376 статьях.

Рассмотрение такого отдельного блока статей позволило сделать ряд наблюдений.

Ограниченность материала не позволяет говорить о том, что те или иные слова в языке поэзии Серебряного века употреблялись только в полной или только в краткой форме, но можно отметить некоторые тенденции.

Среди слов на букву Н только в полной форме употреблено 871 (*надмирный, наивный, народный, небывалый, невкусный, неземной*); только в краткой форме — 123 (*набросан, неглубок, нелюб, непокрыт, нечуток*), в краткой и полной — 208, из которых 84 соотносятся и с наречием: *надежен\надежно\надежный, нечаян\нечаянно\нечаянный, неясен\неясно\неясный, нуден\нудно\нудный*.

Среди слов на букву О только в полной форме употреблено 597 (*обалделый, обеденный, общественный, осенний, островерхий, очумелый*); только в краткой форме — 96 (*обглодан, опьянителен, ошибочен*), в краткой и полной — 137, из которых 24 в соотношении с наречием: *обиден\обидно\обидный, облачен\облачно\облачный, огнен\огненно\огненный, открыт\открыто\открытый*.

¹ Здесь и далее в примерах из СЯРП используются некоторые условные обозначения: шифр контекста, содержащий указание на автора и год написания произведения, его расположение в выбранном источнике (так, *АБ913 (III,284)* означает: А. Блок, 1913 г., Собр. соч., т. 3, с. 284), а также ряд сокращений (*нов.* — новое слово, *Ирон.* — ироническое употребление, *ib.* — там же и т. п.). В контекстах слово в начальной форме (т. е. совпадающее с заголовочным) сокращается до одной буквы. Многие статьи даны не полностью. Подробнее см. [СЯРП: 14—17].

В статьях на букву Н 1070 полных прилагательных и причастий. Из них 477 собственно прилагательных; 63 лексемы, которые по формальным признакам не могут иметь нормативных кратких форм (превосходная степень, прилагательные с суффиксом -ск-, субстантивированные формы: *наимедленнейший, наполеоновский, Надеждинская* и др.), а также 142 действительных причастия (*набегающий, набежавший*). Страдательных причастий настоящего времени 101. К страдательным причастиям прошедшего времени по форме можно отнести 287 слов, хотя значительная часть этих лексем по значению скорее относится к прилагательным. Именно потому, что нередко формальные признаки причастий присущи словам, функционирующим как прилагательные (*несведущ*), в нашем материале прилагательные и причастия рассматриваются вместе.

Кратких форм на букву Н — 339 (если исключить из рассмотрения шесть притяжательных форм): прилагательных 159, 116 страдательных причастий прошедшего времени (часть этих форм следует признать прилагательными — это подтверждается, в частности, слитным написанием с НЕ: *неограничен, нетронут, неузнан*, всего 28 форм), страдательных причастий настоящего времени 55. Особо отметим «усеченные» формы: *не-знам, нечеловецк*.

Похожим образом распределяются формы в статьях на букву О. Поскольку лексический состав слов на Н и О различается довольно сильно (так, среди слов на Н значительную долю составляют формы с отрицанием), в этом можно видеть подтверждение закономерности наблюдаемой картины.

В статьях на букву О — 730 полных прилагательных и причастий, из которых 209 прилагательных, 40 слов из разрядов, не имеющих кратких форм (*одинадцатый, очаковский*), 216 действительных причастий (*обгорающий, окунающий*). Страдательных причастий настоящего времени всего 13. К страдательным причастиям прошедшего времени можно отнести 252 слова.

Кратких форм на букву О — 237: прилагательных 42, 184 страдательных причастий прошедшего времени, страдательных причастий настоящего времени 6.

Рассмотренный материал позволяет высказать некоторые предположения о различиях в употреблении полных и кратких форм прилагательных и причастий в языке поэзии.

На первый взгляд, среди полных форм больше индивидуально-авторских образований, чем среди кратких (*нагловзорый, надсмеяльный, небоглазый*). Так, среди полных значительно чаще встречаются образованные сложением основ новые слова с дефисным написанием: на Н — 33 полных (*невинно-детский, нарядно-белый, невинно-строгий, нежившие-свежий, нежно-ледяной, неумолимо-грустный* и др.) и 4 кратких (*небесно-худ, нежно-зыбок, непонятен-понятен, нежно-желанен*); на О — 12 полных (*обветшалло-серый, облачно-заносчивый, облачно-лиловый, огнисто-льдистый, омыто-голубой, осенне-зябкий* и др.) и 4 кратких (*обиженно-строг, обманно-стыдлив, обут-одет*, а также *океан-велик*).

С другой стороны, краткие формы, рассмотренные отдельным блоком, демонстрируют значительное своеобразие. Отметим, что в большинстве случаев необычность краткой формы связана с преодолением грамматической нормативности. Но частотны и окказиональные авторские употребления:

НААЛКОГОЛЕН [нов.] О, белый Валаам, Воспетый Скорпионом С кремлевских колоколен, О, тайна Далай-Лам, Зачем я здесь, не там, И так н., Что даже плыть неволен По бешеным валам, О, белый Валаам, [из пародии на стих. К. Д. Бальмонта] *Шутл. Анн900-е (210.1)*

НАЛОБЛЕН [нов.] Серебряной зазубриной В окне — звезда мальтийская! Наласкано, налоблено, А главное — натискано! *Цв924 (III,33.2)*

НЕИССЛЕЖЕН [нов.] Снег н. и цел. *П925-26 (I,301)*

НЕМАРКСИЧЕН [нов.; см. МАРКС] Спрашивает / папу / Фия: / «Клара Цеткин — / это фея?» / Братец Павлик / фыркнул: / «Фи, как / немарксична эта Фийка! / Политрук / сказал же ей — / аннулировали фей». *РП М928 (337)*

НЕОСКАЗУЕМ [нов.] «Восстань, прозри и вижди! Н. рок. Кто все живит и зиждет — Тот знает час и срок. (...)» *РП Ес917 (I,283)*

ОБЕЗЖЕМЧУЖЕН [нов.] Так — только Елена над брачной бойней, В сознании: наготой моей Четыре Аравии обеззноено И обезжемчужено пять морей. *Цв924 (II,240.2)*

ОБЕССЫНЕН [нов.] Мясо, не знающее жалости, Не знающее жалобы, Бросает рука Мировой наживы, Игривее шалости. Страна обессынена! [о войне] *Хл921 (336)*

ОМАМАЕН [нов.; см. МАМАЙ] Пусть сосны бурей омамаены И тучи движутся Батыя, Идут слова, молчаний Каины, — И эти падают святые. *Хл[915] (99)*

ОТРОЩЕН [нов.] Ирония судьбы! Мы все отропщены. Над старым твердо Вставлен крепкий кол. Но все ж у нас Монашеские общины С «аминем» ставят Каждый протокол. *Ес924 (II,199)*

Возникает принципиальный вопрос: в какой степени подобные формы должны признаваться неологизмами и сопровождаться в словаре пометой *нов.*? Можно утверждать, что выделение в СЯРП кратких форм в качестве отдельных статей позволяет наглядно представить яркие словоупотребления, характеризующие язык выбранных авторов:

НЕОБЫДЕН Берег, еще не без пятен Путь, — но уже н. И, как беда, необъятен. *П922 (I,237)*

НЕОТВРАТЕН [здесь в знач.: неотвратим] Но ярости пугаясь вод, Я не дерзал смотреть обратно; Казалось, смерть в пучине ждет, Казалось, гибель — неотвратна. *Куз908 (55)*

НЕСКУЧЕН [см. НЕСКУЧНЫЙ (сад)] Он тоже — сад. В нем тоже — скучен Набор уставших цвeтьe порoд. Он тоже, как и сад, — Н. От набережной до ворот. *П917 (I,205.1)*

Особенности функционирования кратких форм можно наблюдать при сопоставлении их с соответствующими полными формами, а также с наречиями. Отметим, что все три формы могут встречаться как у одного и того

же, так и у разных авторов (это относится и к словам, которые представлены только одним употреблением):

НЕЯСЕН Но н. и смутен ответ. *АБ901 (I,93); ...*

НЕЯСНО Стою на царственном пути. Глухая ночь, кругом огни, — Н. теплятся они, А к утру надо все найти. *АБ901 (I,118); ...*

НЕЯСНЫЙ Спаси меня от призраков неясных, *АБ899 (I,22); ...*

НЕОГЛЯДН [*нов.; вар. к неогляден*] Все так же, так же в морскую синь — Глаза трагических героинь. В сей зал, бесплатен и н., Глазами заспанных Ариадн *Цв923 (II,213)*

НЕОГЛЯДНО Вот отчего вы дали н. Мне лучшего из ваших сыновей. [*рфм. к жадно*] *Ахм922 (170.2)*

НЕОГЛЯДНЫЙ Неоглядная Сайма струилась потоками лавы, *ОМ908 (262.2)*

При составлении словарной статьи нередко возникает вопрос: так ли велики различия между полной и краткой формой, чтобы это требовалось отражать в зоне значения словарной статьи? Поскольку СЯРП имеет черты толкового словаря, зона значения — одна из факультативных зон словарной статьи — очень важна в словаре: она может содержать как сведения энциклопедического характера (объяснения имен собственных и иных реалий), так и разнообразную лингвистическую информацию. Некоторые слова необходимо сопровождать не только грамматическими или стилистическими пометами, но и толкованием — и не только в тех случаях, когда лексема является устаревшей, малоупотребительной, иноязычной. Самые трудные (и, как представляется, наиболее важные) случаи связаны с тем, что некоторые слова, которые мы, читая стихотворение, воспринимаем как общеупотребительные и не отмечаем особо, могут в языке поэзии Серебряного века — сравнительно близкого нам периода — иметь несколько иное значение или иную стилистическую окраску. Незначительный сдвиг, вызванный тем, что привычное для читателя слово используется в значении, мало актуальном сейчас или даже не отраженном в словарях современного языка, может привести к сдвигу в восприятии поэтического текста, увести от авторского замысла. См.:

ОДОЛЕН [*сущ.; обл.; приворотная трава*] [*В е т е р.*] Чары белые лелею, Опрокинутые ивами. Одоленом одолею Непокорство шаловливое. *РП Хт919,21 (261)*

ОПЕРАТОР [*устар.; хирург*] С точностью сбирра и оператора Все мои раны — сон перерыл! *Цв924 (II,244)*

МАРШЕВЫЙ [*прил. к марш (походное движение войск)*] Растягивались в эшелоны Телятники маршевых рот. [*маршевая рота — рота, отправляемая из запасных войск в действующую армию для пополнения*] *П925 (I,265)*

Если непривычно употребленные существительные читатель, как правило, замечает, то особенности функционирования в поэтическом тексте прилагательных требуют большего внимания. Как представляется, необычность образования кратких форм следует отмечать в зоне значения, см.:

ОБЪЕМЛЕМ [см. **ОБЪЕМЛЕМЫЙ**] И дева пройдет при встрече, Объемлема власами своими, *Хл911* (73)

ОБЪЕМЛЕМЫЙ Так-то о. дух его же обнявшему телу Властно законы дает, тело наполнив собой. *АБ900* (I,462.2); Твой обетован поцелуй Твоей о. рукой. *Хл911-12* (206)

ОТЧ [см. **ОТЧИЙ**] Чин зван мечем навзничь. Голод, чем меч долог? Пал, а норов худ и дух ворона лап. А что? Я лов? Воля отча! *Хл912* (79); Что же мне делать, слепцу и пасынку, В мире, где каждый и отч и зряч, Где по анафемам, как по насыпям — Страсти! где насморком Назван — плач! *Цв923* (II,185.2)

ОТЧИЙ [поэт.] ...; И она, окрылясь, полетела **из отчей тюрьмы** — На воздушном пути королева полет свой стремится. *АБ905* (II,61); Сын осеняется крестом. Сын покидает о. дом. *АБ906* (II,108); ...; Струятся небеса сиянием, Эфир мерцает легким сном, Как перед сладостным свиданием, Когда уж видишь о. дом. *Куз916* (163); ...; Грустит наша дума об отрочьих днях. **За отчею сказкой**, за звоном стропил Несет ее шорох неведомых крыл... *Ес917* (I,271); ...; Я сорву кругом **траву отчую** И тебя кормлю, ею потчую. *Хл922* (173); ...; Нет, не гулять нам, Певчая братья, В теле как в ватном **Отчем халате**. *Цв925* (II,254); Один идет прямым путем, Другой идет по кругу И ждет возврата в о. дом, Ждет прежнюю подругу. *Ахм940* (227.1)

Можно отметить, что необычные по форме краткие прилагательные и причастия отличаются от полных и в других аспектах. Так, в статье **ОТЧИЙ** из 30 контекстов все, кроме четырех (см. выше), содержат это слово в устойчивом обороте *отчий дом* и его вариантах (*отчий кров / край / порог / отчая весь*), тогда как краткая форма *отч* употребляется в прямом значении в свободных сочетаниях. Ср. употребления в поэзии XVIII в.: *Великая Петрова дочь / Щедроты отчи превышает* (Ломоносов); *гнев Отч; Так и рожденная Царевны, / Чтоб Отча в ней душа цвела* (Державин). Отметим, что без сопоставления с такими примерами форму *отч* можно было бы интерпретировать как авторский окказионализм и сопроводить пометой *нов*.

В ряде случаев поэтические контексты иллюстрируют то, как краткая форма отличается от полной оттенками значения:

ОБЕТОВАН [устар.] Как дуновенье поздних струй И сна обещанный покой, Твой о. поцелуй Твоей объемлемый рукой. *Хл911-12* (206)

ОБЕТОВАННЫЙ [о. и О., обетóванный и обетовáнный; обещанный (устар.) и желанный] Природа ждет лучей обетованных: Цветы поднимут влажный лик, И вновь в моих садах благоуханных Раздастся птичий крик. *АБ899* (I,411.2); Но труден путь — шумит вода, Чернеет лес, молчат поля... Обетованная земля — Недостижимая звезда... *АБ901* (I,118); Пускай хоть в небе — Вера с нами Смотри сквозь тучи: там она — Развернутое ветром знамя, Обетованная весна. *АБ910* (III,190); Вишу, как каменный покойник, У темной пропасти прикованный За то, что, замыслом разбойник, Похитил разум о.. *РП Хл911-13* (447); Но, ни единым взглядом не моля, Вперед, вперед, с сожженными губами, Пока Обетованная земля Большим горбом не встанет над горбами. *Цв917* (I,375.1); Но больше всего / мне / понравилось — / это: / это / белее лунного света, / удобней, / чем земля обетованная, / это — / да

что говорить об этом, / это — / ванная. М928 (319); В заветных ладанках не носим на груди, О ней [родной земле] стихи навзрыд не сочиняем. Наш горький сон она не берedit, Не кажется обетованным раем. Ахм961 (251.1)

Так, приведенные контексты иллюстрируют два значения слова *обетованный*: *обетованный* ‘обещанный’ (устар.) и ‘благословенный, счастливый’ в составе фразеологизма *земля обетованная* — разница подчеркивается и ударением. Краткая форма (единственное употребление в нашем материале) соотносится только с первым значением. Ср. в поэтическом подкорпусе Национального корпуса русского языка: только *обетованный* в 25 примерах из поэзии Серебряного века (*Они взойдут в красе желанной / И возвестят с высот небес, / Что день настал обетованный, / Что Бог воистину воскрес!* (Бунин) и др.) и один пример на краткую форму *обетован*: *Ты же, скован заклинаньем, обетован послушаньем, / Пред созданием готовым, перед словом, мастер, встань* (Меркурьева) (НКРЯ).

Чаще разница между полной и краткой формой состоит, скорее, в стилистической окраске, чем в лексическом значении. Так, в нашем материале отсутствует краткая форма *неважен*, но при этом во всех контекстах полная форма *неважный* имеет не более прямое, нейтральное сейчас значение ‘незначительный, несущественный’, а более разговорное ‘посредственный, плохой’:

НЕВАЖНЫЙ [разг.] Свела / промозглость / корчею — / н. / мокр / уют / сидят / впотьмах / рабочие, / подмокший / хлеб / жуют. М929 (376); Неважная честь, / чтоб из этаких роз / мои изваяния высились / по скверам, / где харкает туберкулез, / где б.... с хулиганом / да сифилис. М929-30 (600)

Это же значение мы видим в примерах из поэтического подкорпуса НКРЯ (где краткие формы также отсутствуют): *Орда — неважный композитор* (Заболоцкий); *Довольство — / неважное зрелище; Каждый знает: / водопады бумажные // для смычки / с деревней / почва неважная* (Маяковский). Отметим, что в Словаре Ушакова оба значения оцениваются как разговорные. Можно предположить, что именно разговорность в данном случае препятствует образованию краткой формы, поскольку известно, что в стилистическом отношении краткие формы отличаются от полных, являясь более книжными.

Тяготение кратких форм к повышению стиля можно отметить в употреблении страдательных причастий настоящего времени (наиболее редких и книжных из причастий): полных форм 101 из 1070 на Н и 13 из 730 на О, кратких — 55 из 339 и 6 из 237, соответственно 10 % и 2 % против 16 % и 3 % (*нагнетаем, ненарушим, несъединим, объемлем, осыпаем*).

В следующих примерах более высокая стилистическая окраска краткой формы в сочетании с другими словами служит средством создания комического, в связи с чем возникает вопрос, как это должно комментироваться в словарной статье (постановка помет *Шутл.* или *Ирон.* не всегда уместна в контексте всего произведения):

НЕЗДЕШЕН Отсутствуют профили римлян И как-то — н. beau monde. *П913 (I,433)*; Вид индейцев таков: / пернат, / смешон / и н. / Они / приезжают / из первых веков / сквозь лязг / «Пенсильвэния Стейшен». *Ирон. М926 (209)*

ср.:

НЕЗДЕШНЕ В примории Нила Священно омылся, Н. томился К вечерней звезде. *Куз921 (253)*

НЕЗДЕШНИЙ Могу ли думать я о радости нездешней Щедрот Твоих и благодати Твоей? [*рфм. к вешней*] *АБ898 (I,391.2)*; ... Что мне приснится, что вспомнется В последнем блеске бытия? На что душа моя оглянется, Идя в нездешние края? *Куз916 (163)*; ... И голос вечности зовет С неодолимостью нездешней. [*рфм.: черешней*] *Ахм958 (234.2)*

Можно считать, что о более высокой стилистической окраске краткой формы призвана свидетельствовать помета *устар.*, ср.:

ОГНИСТ [*устар.*] Так с нити порванной в волненьи иногда, Средь месячных лучей, и нежны и огнисты, В росистую траву катятся аметисты И гибнут без следа. *Анн900-е (126.2)*

ОГНИСТО И чтоб не знойные лучи Сжигали грани аметиста, А лишь мерцание свечи Лилось там жидко и о. *Анн900-е (98.1)*

ОГНИСТЫЙ Ты всё еще на темных нивах О. оставляешь след. *АБ901 (I,465.2)*; Передо мною шел о. столп. *АБ902 (I,155)*; Мчась по текучему лучу, Летит без воли мотылек. Он грудью пламени коснется, В волне огнистой окупнется, *Хл911-12 (74)*; И я, как камень неба, несся Путем не нашим и огнистым. [*рфм. к свистом*] *Хл[912] (77)*; Я вся горю! Горя и ноя, Живу, в о. бубен чувств звеня. *РП Хл912 (230)*; И в ночной огнистой чаре, В общей тяге к небылицам Дико блещущие хари, Лица цвета кумача *Хл919,21 (263)*

Возможен и обратный случай, когда краткая форма оказывается стилистически сниженной по сравнению с употреблением полной формы:

НЕДОБЕР [*прост.*; см. НЕДОБРЫЙ] В опасные места меж ребер Он [воин Востока] наносил удар н.. *Хл921 (342)*

НЕДОБРОЕ [*субст. прил.*] И мчатся толпою, н. чуя, До двери высокой, дубовой и темной, И плачет дружинник, ключ в скважину суя, Суровый, сердитый, огромный. *Хл[909-12] (62)*

НЕДОБРЫЙ [*прил.*] Мы оба любили, как дети, Дразня, испытуя, играя, Но кто-то недобрые сети Расставил, улыбку тая — *Цв910 (I,58)*; Но чем внимательней, твердыня Notre Dame, Я изучал твои чудовищные ребра, — Тем чаще думал я: из тяжести недоброй И я когда-нибудь прекрасное создам... *ОМ912 (83.2)*; И кто-то, чернильницей взгляда н., Упал, плетнем смерти подняв свои ребра. *Хл915-19-22 (460.16)*; ... Не огорчить отца Недобрым образом иль мыслей недобором, *ОМ937 (311)*; Тот ветер, проникший под ребра И в душу, в течение лет Недоброю славой и доброй Помянут в стихах и воспет. *П956 (II,98.2)*

Более того, особенности краткой формы могут привлечь внимание к функционированию в поэтическом тексте полного прилагательного или

причастия. Так, в следующих примерах произношение и стилистическая окраска кратких форм не вызывают сомнений; в отсутствие кратких форм полное причастие, безусловно, должно иметь вид **ОБУЧЕННЫЙ**, хотя в сопоставлении с этими контекстами строки Хлебникова можно прочитать и как *обучённые людскому бегу*. Это подтверждается и тем, что в Словаре Ушакова формы *обученный* и *обучённый* даются как равноправные варианты, без помет:

ОБУЧЁН [*прост.*] Это — детская наука, Я китайской обучена. *Цв920 (III,216)*; — В сочельник крещенский, Что ль, парень, рожден? У баб деревенских, Что ль, врать обучён? *Цв920 (III,227)*

ОБУЧЕННЫЙ [*возм., обучённый*] И, обученные людскому бегу, Там водят молнии телегу *Хл919,21 (263)*

Стилистические различия полных и кратких форм могут вести к постановке различных помет в СЯРП. Так, слово *ослабелый* в Словаре Ушакова оценивается как просторечное, в МАС имеет помету *разг.*, в Словаре Ожегова пометы не имеет. Согласно разным словарям, краткая форма отсутствует, в поэтическом подкорпусе НКРЯ также находим только один пример из стихотворения Анненского, что позволяет, во-первых, усомниться в просторечности краткой формы, во-вторых, признать ее авторским употреблением:

ОСЛАБЕЛ [*нов.*] Облака повисли с высей, Помутнелы — ослабелы, Точно кисти в кипарисе Над могилой сизо-белы. *Анн904 (167.2)*

ОСЛАБЕЛЫЙ [*прост.*] Но люблю ослабелый От заоблачных нег — То сверкающе белый, То сиреневый снег... *Анн900-е (114.2)*

И другой пример: слово *надобный* (*надобно*) в словарях имеет помету *устар.* или *устар. и прост.* [Ушаков; Ожегов; Шведова]. Как представляется, для статей СЯРП следует выбрать разные пометы — ср. контексты:

НАДОБЕН [*устар.*] Чтобы греть пресыщенное тело, Им надобны слезы мои... Для того ль я, господи, пела, Для того ль причастилась любви! *Ахм914 (79.3)*

НАДОБНО [*устар.; в знач. сказ.*] ...; И, отвернув куда-то взгляд горячий, Он говорит про бедную вдову... Что н. любить Иегову... И что не надо плакать мне — как плачу... *Цв916 (I,314.1)*; Богу лишнего не н., Конь мой — мощь моя и крепь. Слышу я, как ржет он жалобно, Закусив златую цепь. *Ес918 (II,62)*; В глазах бурлят луга, как медь В отеках белого каленья. И шутка ль! — Н. уметь Не разрыдаться в испушеньи. *П918 (I,256)*; ...

НАДОБНЫЙ [*прост.*] Наконец-то встретила Надобного — мне: У кого — то смертная Надоба — во мне. *Цв936 (II,340.3)*

Определенные различия в оттенках значения или стилистической окраске можно отметить при появлении вариативных кратких форм:

ОСИЯН [*книжн.; см. тж. ОСИЯНЕН*] И над матерью звенели Голоса израильтян. Я проснулся в колыбели — Черным солнцем о.. *ОМ916 (114.1)*

ОСИЯНЕН [*вар.* к ОСИЯН] Лунным светом Шираз о., Кружит звезд мотыльковый рой. Мне не нравится, что персияне Держат женщин и дев под чадрой. *Ес925 (III,16)*

С другой стороны, при выделении двух статей в соответствии с двумя вариантами краткой формы возникает сложность в распределении форм других лиц и чисел по двум статьям (отметим, что современные словари, в отличие от Словаря Ушакова, трактуют формы *остр* и *остёр* как равноправные варианты):

ОСТЁР [*разг.*; *вар.* к ОСТР] Там дамы щеголяют модами, Там всякий лиценст о. — Над скукой дач, над огородами, Над пылью солнечных озер. *АБ906 (II,187)*; О., как мои лета, Мой шаг молодой и четкий. И вся моя прavoта Вот в этой моей походке. *Цв915 (I,236.2)*; ...

ОСТР [*см. тж* ОСТЁР] Так слушай, как память остра, — Недаром я в смертном бреду... Вчера еще были, вчера Заветные лес и гора... *АБ905 (II,87)*; Сладко вести полночные беседы, Слышит любовь небесные слова. Утром вместе пойдем мы на победы — Меч будет о., надежна тетива. *Куз908 (54)*; Мы быстры и наготове, Мы остры. В каждом жесте, в каждом взгляде, в каждом слове. — Две сестры. *Цв913 (I,183.1)*; Черных ангелов крылья остры, Скоро будет последний суд, И малиновые костры, Словно розы, в снегу цветут. *Ахм914 (86.1)*; Громовень подняли волки: «Мы ль трусовики! Когти остры, зубы колки — Разорвем в клоки!» *РП Ес914 (I,100)*; ... Как глупый художник / в мадонну музея / вонзает глаз свой, / влюблен и о., / так я, / с поднебесья, / в звезды усеян, / смотрю / на Нью-Йорк / сквозь Бруклинский мост. / Нью-Йорк *М925 (228)*

При определении стилистической окраски и грамматической нормативности формы, встретившейся в языке поэзии Серебряного века, необходимо обращать внимание на исторический аспект. Здесь большую помощь нередко оказывает словарь Ушакова, отражающий состояние языка наиболее близкое нашим авторам, а также словарь Даля. Так, возникает желание назвать слова *ограян*, *отчален*, *охлопан* индивидуально-авторскими употреблениями и сопроводить пометой *нов.*:

ОГРАЯН [*обл.*; *кр. ф. прич.* ограянный (от ограять — каркать, подняться на кого-н. со всех сторон)] В те дни у сырмятничских окраин Был полудеревенский аромат, Пластался снег и, галками о., Был только этим карканьем примят. *П925-31 (I,368)*

ОТЧАЛЕН С ранних лет нам близок, кто печален, Скучен смех и чужд домашний кров... Наш корабль не в добрый миг о. И плывет по воле всех ветров! *Цв906-08 (I,9.2)*

ОХЛОПАН [*устар.*] Но я подхожу / и губми шевелю — / как будто / через стекло / разговариваю по-английски. / «Сидишь, / глазами буржуев охлопана. / Чем обнадежена? / Дура из дур». / А девушке слышится: / «Опен, / опен ди дор». *М925 (212)*

В современных словарях эти формы отсутствуют [МАС, Ожегов]. Однако глагол *ограять* есть в словаре Даля (часть толкования включена в зо-

ну значения статьи СЯРП); формы *отчален* и *охлопан* есть в словаре Ушакова (ср.: *охлопанный*, *-ан* от *охлопать* ‘наградить, приветствовать аплодисментами’), так что, хотя Маяковский явно употребляет слово в ином значении, грамматическая форма для его времени нормативна. Особо отметим, что *охлопанный* имеет в словаре Ушакова помету *устар.* Согласно поэтическому подкорпусу НКРЯ, два слова встречаются еще по одному разу: *И ладья моя в сумрак отчалена: / Видишь огненный след от челна?* (Вяч. Иванов); *Даже с берега, даже около, / Галькой твоей озраян* (Сельвинский); форма *охлопан* у других поэтов не встречается (*охлопать* есть только в «Евгении Онегине»). Следует полагать, что на примере отдельных слов в поэтическом языке мы имеем возможность проследить их общезыковую динамику.

С другой стороны, в более новых словарях можно отметить тенденцию указывать краткую форму для тех прилагательных, для которых ранее она признавалась нехарактерной или ненормативной. Так, для слова *нечаянный* словари [Ушаков, МАС, БТС] ограничивают образование кратких форм (Ушаков: «кратк. нечаянна, нечаянно, мужск. не употр.»), а словарь Ожегова дает все формы. Ср. поэтические контексты:

НЕЧАЯН Значит — в жизнь? Значит — в повесть о том, Как н. конец? Об уморе, Смехе, сутолоке, беготне? *РП П913,28 (1,57)*

НЕЧАЯННЫЙ И в пустырях нечаянных игралиц Терялись вы, ваш целившийся глаз. *П909-20-е (1,598)*; От нечаянного счастья Маша глазки подняла И застывшими руками Крупный жемчуг собрала. *Ес914 (1,106)*; Но вот н. звонок: «Мы погибоша аки обре!» *Хл[919] (116)*; Шалуний смех, нечаянная давка, Проказой пролитая лейка. *Хл919,21 (263)*; Какая вдумчивая чтица Пред смыслом строк отступится на шаг, Прочтя нечаянные строки: Осенняя синь и вы — в Владивостоке? *Хл922 (363)*; Серебряные капли, Нечаянные речи В ладонях донести, — *Хл922 (363)*; Нечаянная радость-с, как сказано у Блока. *РП М923 (429)*

В поэтическом подкорпусе НКРЯ находим еще два примера: *Юный принц вошел нечаян / В этот дом глухих рыданий, / И испуганный хозяин / Очутился на аркане* (Гумилев); *Но за окном стоит Домохозяин; / И кто узнал Его чрез дებрь и ночь, — / Зрит окрест — Храм, негадан и нечаян* (Вяч. Иванов).

В ряде случаев лексическое значение и стилистическая окраска слова, употребленного в поэтическом тексте, нуждаются в уточнении. Ср.:

НАМАЛЁВАН [разг.] И лежу я околдован, Разве тем и виноват, Что на белый циферблат Пышный розан н.. *Анн900-е (123)*

НЕДОМАЛЁВАН Недомалеваны вуали, И в этом солнечном развале Уже хозяйничает шмель. [о картине художника] *ОМ932 (188.2)*

Если в первом случае разговорный статус слова не вызывает сомнений, то во втором можно предположить употребление, связанное с профессиональной речью художников (ср. *подмалёвок* ‘основной слой в живописи’). Постановка одинаковой пометы в этих двух статьях тогда была бы неверной.

В появлении в поэтическом языке стилистического акцента на краткой форме заметную роль играет синтаксис, а именно употребление архаичных конструкций, например:

ОБОДРАН [здесь: *устар.*] «(...) **Быть** / Керёнскому **биту** и **ободрану!** / Уж мы / подыдем / с царевой кровати / эту / самую / Александру Федоровну». *РПМ927 (534)*

Характерно для поэтов Серебряного века и использование так называемых «усеченных» прилагательных. Для составителя словаря такие формы представляют собой дополнительную трудность. Если употребленная форма совпадает с начальной, удобно поместить ее в соответствующую статью, т. е. сделать заголовочным словом (как это принято в СЯРП для кратких форм):

НЕВЕЛИК Ризу накрест обвязав, Свечку к палке привязав, Реет ангел н., Реет лесом, светлолик. *АБ912 (III,368.2)*

НЕЧЕЛОВЕЦК [*нов.*] В вечном огне. Перси — в багрец! Сердце — к груди! Н. Свет! — Не гляди! *Цв922 (III,327)*

Но поскольку традиционно такие формы рассматриваются как особый вариант полных форм, их логично приводить в соответствующих статьях с добавлением комментария. Это удобно и потому, что для многих индивидуально-авторских употреблений трудно образовать начальную форму мужского рода:

?НЕЛЮДСК

НЕЛЮДСКОЙ Исыхающая нива — Божескому, нелюдскý. Бури чудному персту. [здесь: усеч.] *Цв928 (II,327)*

?НЕЖИЛ или **НЕЖИЛА** [*прост.*; см. НЕЖИЛОЙ]

НЕЖИЛОЙ [нежилу *Цв928,29-38*] Сердце темное измаялось В нежилом дому твоём. *Ахм911 (48)*; И хрупкой раковины стены, — Как нежилого сердца дом, — *ОМ911 (76.2)*; Эх, любо-дорого — к нам как в гости Всё-то, да в хату-то в нежилу! [*рфм.*: на валу; здесь: усеч.] *Цв928,29-38 (III,153)*

Однако отдельная усеченная форма частотного слова теряется в большой словарной статье (чтобы этого не происходило, нерегулярные формы выносятся в СЯРП в зону значения):

ОКЕАНСКИЙ [океанска *Цв928*] ... Медью блещет о. пароход. Край далекий, новых путников встречай! *Куз920 (197)*; ... Уж ты по младенцу — Новобранцу — Слеза деревенска, **Океанска!** [здесь: усеч.] *Цв928 (II,272)*; ... А теперь в Париже, в Шартре, в Арле Государит добрый Чаплин Чарли, — // В океанском котелке с растерянню точностью На шарнирах он куражится с цветочницей... *ОМ937 (245)*

С другой стороны, во многих случаях мы видим не образование новых форм, а архаичное атрибутивное употребление кратких форм, ничем не отличающихся от нормативных предикативно употребленных вариантов:

НАГ Бьет пять часов — пора домой; И наг, и тесен угол мой... *Анн900-е* (196.2); Ночь благая, сон дарит бедным страдальцам, Но не властен сонный мак, призрак измены. Где, любовь, топаза глаз, памяти панцирь? Отчего я слаб и наг, призрак измены? *Куз908* (134); Замок с дверей, на землю сбит, упал И свет свечей чертой дрожащей круга Явил очам высокий пьедестал, — И отрок **наг** к нему привязан туго. [здесь: усеч.] *Куз908* (145); ... В ее [Венеры] глазах светла отвага И страсти гордый, гневный зной: Она пред ним стояла **нага**, Блестя роскошной пеленой. *Хл912* (230); Гонят люди палками того, кто наг и нищ, Охраняют граждане добро своих жилищ. *ОМ913* (341.4); Гол и **наг** лежит строй трупов, Песни смертные прочли. Полк стоит, глаза потупив, Тень от летчиков в пыли. *Хл915* (94); Горят, горят иголки, — Удар стеклянных шпаг, — В клубках нечистой смолки Прямится облик **наг**. *Куз917* (182); ... Священным трепетом листвы И гнусным шелестом бумаги Они [архивяне] питаются — увы! — Неуважаемы и наги... *Шутл. ОМ934* (361.2)

Особо отметим случаи полупредикативного употребления кратких форм. С одной стороны, они должны приводиться в статье на краткие формы, хотя с другой стороны, по ряду признаков они могут быть ближе «искусственным» усеченным формам. Так, форма *непочат* в словарях отсутствует:

НЕПОЧАТ Ты от губ моих кубок возьмешь н., [рфм. к молчат] *Анн900-е* (111.1); Подумал, что мир для сохи н. И много есть в старого силах. [рфм. к ввучат] *Хл911-13* (449)

Отдельную проблему представляет различие в акцентуации (которую подсказывает стихотворный размер). Формы с ударением на основе принято считать более книжными в силу их архаичности [Зализняк 1985: 290—291], тогда как для «усеченных» прилагательных именно ударение на основе принято называть одним из признаков их искусственности: *И, темны, смутны и круглы, Над полем кружатся орлы.* (Хлебников); *Круглы сутки все одна я. Расстегну тугой свой лиф... Яблонь, яблонька родная! Мой малиновый налив!* (Кузмин). Ср.:

НЕМ [немь и нёмы] ... Наши маски улыбались, Наши взоры не встречались И уста наши немы. [рфм.: не мы] *Куз906* (23); И **немы** сердцу моему Мои ль желанья, твои ли. *Куз911* (100); Ведь взоры воинов морозны, А их уста немы и грозны. *Хл911-12* (215); О, всё тогда — в кольце поэмы: Опалины опалых роз, И тайны тех, кто — тайно **нёмы**, И тех, кто всходят восходом гроз; *П913* (I,432); Гвоздимые строками, стойте **немы!** [рфм.: поэмой] *М922* (99); Гора говорила, мы были **немы**. Представляли судить горе. [рфм. к демон] *Цв924,39* (III,26.2); Мы без суда осуждены и **немы**, А обнесенный будет вечно трезв. [рфм. к поэма] *П925-31* (I,344.2); Нема — доска, а все рассказывает! *Цв934* (II,323.1); Вся — в ослепительном одном виденье. Безмолвна песня, музыка нема, [рфм.: зима] *Ахм964* (259.2)

Здесь также отметим два контекста с полупредикативно употребленной необособленной формой, которые при автоматической обработке текста чуть не потерялись, поскольку были отнесены к статье ОН:

Если я в церковь иду, Там становлюсь с фарисеем. // С ним упадаю я **нем**, С ним и воспряну, ликуя... Только во мне-то зачем Мытарь мятется, тоскуя?... *Аллюз. Анн900-е (188.2)*; Пока / перетряхиваю / стихотворную старь / и **нем** / ждет / зал, / газеты / «Северный рабочий» / секретарь / тихо / мне / сказал... *М927 (294)*

Можно было бы давать усеченные формы в одной статье с полными при отсутствии у данного прилагательного или причастия нормативных кратких форм, но, как отмечалось выше, вопрос о нормативности краткой формы не всегда решается однозначно. Например, для слова *огненный* Словарь Ушакова и МАС не дают кратких форм, в Словаре Ожегова они есть. Ср. контексты в статье:

ОГНЕН Ее факел был о. и ал, *Анн900-е (104.1)*; Протекет тогда река огненна По всей земле по черной, *Куз903 (152)*; Поглотит тогда река огненна В муку вечную отсылаемых, А святых души засветятся, И пойдут они в пресветлый рай. *ib.*; Гля — нул: обмер! Та — бун о.! *Цв922 (III,315)*; Конисани-возжи-гривы, Верста огненна! О — гонь в пламя! *ib.*; Мало ль, много ли — Дроги поданы! Проходи со мной Муку огненну! *Цв922 (III,270)*; Ты, Азия, — родина родин! Вместилище гор и пустынь... Ни с чем предыдущим не сходен Твой воздух — он о. и синь. *Ахм944 (327)*; Но он превратился в гранатовый куст, И был небосклон над ним о. и пуст. *Ахм960 (361.1)*

Таким образом, различное словарное отражение форм, одинаково или очень похоже функционирующих в поэтическом языке, приводит к непоследовательности в подаче материала и может затруднить работу исследователя, обращающегося к словарю. А это требует от лексикографа постановки и поиска путей решения теоретических вопросов (например, о месте усеченных форм по отношению к полным и кратким).

Отметим, что усеченные прилагательные наиболее характерны для языка поэтов, в творчестве которых важную роль играет стилизация, с чем связана и стилистическая нагрузка таких форм: в поэзии Кузмина и Хлебникова это высокий стиль, архаизация (*отрок наг, чернь неблагодарна*), высокий стиль для создания комического эффекта у Маяковского (*Перед нэпачкой баба седа \ отторговывает копеек тридцать*), просторечие у Анненского и Цветаевой (*Втору сотню загребаем*), фольклорность у Есенина, Цветаевой и Блока (*До синя утра*).

Особенно интересно, что идиостилевой чертой оказывается употребление не только подобных редких форм, но и кратких форм вообще. Так, при известном различии в материале на буквы Н и О соотношение кратких и полных форм у разных авторов приблизительно совпадает:

	<i>Н</i>	<i>Н</i>	<i>Н</i>	<i>О</i>	<i>О</i>	<i>О</i>
	<i>Кратк.</i>	<i>Полн.</i>	<i>соотношение</i>	<i>Кратк.</i>	<i>Полн.</i>	<i>соотношение</i>
<i>Анн.</i>	45	151	3,4	27	82	3,3
<i>Ахм.</i>	72	413	5,9	43	200	4,7
<i>АБ</i>	156	1218	7,9	127	541	4,4

	<i>Н</i>	<i>Н</i>	<i>Н</i>	<i>О</i>	<i>О</i>	<i>О</i>
	<i>Кратк.</i>	<i>Полн.</i>	<i>соотношение</i>	<i>Кратк.</i>	<i>Полн.</i>	<i>соотношение</i>
<i>Ес.</i>	52	334	6,7	23	208	9
<i>Куз.</i>	112	407	3,6	74	177	2,5
<i>ОМ</i>	81	373	4,6	65	233	3,6
<i>М.</i>	54	246	4,6	44	222	5
<i>П.</i>	114	507	4,4	121	413	3,4
<i>Хл.</i>	97	426	4,4	112	271	2,4
<i>Цв.</i>	217	916	4,2	119	249	2,2
<i>форм</i>						
<i>9342</i>	1000	4991	4,9	755	2596	3,4
<i>лексем</i>						
<i>2376</i>	339	1070	3,2	237	730	3,1

В среднем полные формы в языке десяти поэтов употребляются в 3—5 раз чаще, чем краткие. Разброс довольно велик: Цветаева, Кузмин, Хлебников используют краткие формы всего в 2—4 раза реже, чем полные, тогда как максимальное различие — 1 : 9. При этом мы видим, что велика доля кратких форм в поэзии авторов, склонных к стилистическому разнообразию, стилизации (Кузмин, Хлебников, Цветаева, а также Анненский и Пастернак), тогда как предпочитают полные прилагательные Блок (стиль которого скорее нейтрален), Есенин (книжные краткие формы не органичны в фольклорных стилизациях), акмеисты Ахматова и Мандельштам; Маяковский занимает здесь промежуточную позицию.

Можно было предположить обратное (что кратких форм должно быть много у Блока и Ахматовой), если исходить из версификационных особенностей кратких форм — более лаконичных, часто имеющих ударение на последнем или предпоследнем слоге и легко рифмующихся со словами других частей речи (нетрудно заметить, что краткие формы оказываются в рифменной позиции значительно чаще полных). Приведенные цифры и примеры позволяют предположить, что стилистический фактор в отношении кратких прилагательных и причастий в поэтическом языке играет не меньшую роль, чем версификационный.

Итак, краткие прилагательные и причастия в поэзии Серебряного века интересны с точки зрения словотворчества, стилистической окраски и т. п. На примере их употребления заметны изменения, произошедшие в языке за время, которое отделяет нас от Серебряного века. Если о трудностях, возникающих при чтении классической литературы, сказано и написано уже немало ([Еськова 1999] и многое другое), то необходимость исторического подхода к изучению языка, который считается современным, только сейчас становится все более очевидной. Подтверждением этому, в частности, может служить тематика докладов и обсуждений прошедшего в декабре 2011 г. расширенного научного семинара «Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина»» (Ин-

ститут русского языка им. В. В. Виноградова РАН). Таким образом, работа в области авторской лексикографии не только показывает, как важен вопрос о постановке стилистических помет, заполнении зон значения и комментариев в словарных статьях, содержащих прилагательные и причастия, не только позволяет анализировать особенности идиостиля поэта, но и побуждает обратиться к серьезным теоретическим вопросам, таким как история прилагательных и причастий в русском литературном языке последних трех веков, проблема соотношения полных и кратких прилагательных и причастий, функционирование в поэтическом языке архаичных форм.

Л и т е р а т у р а

БТС — Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2004.

Васильев 2001 — Н. Л. В а с и л ь е в. Словарь языка А. И. Полежаева. Саранск, 2001.

Васильев, Жаткин 2009 — Н. Л. В а с и л ь е в, Д. Н. Ж а т к и н. Словарь языка А. А. Дельвига. М., 2009.

Григорьев 1979 — В. П. Г р и г о р ь е в. Поэтика слова. М., 1979.

Даль — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1—4. М., 1998.

Еськова 1999 — Н. А. Е с ь к о в а. Хорошо ли мы знаем Пушкина? М., 1999.

Зализняк 1985 — А. А. З а л и з н я к. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Кольцов: Указатель 1991 — А. В. К о л ь ц о в. Указатель слов и форм слов в поэтических произведениях / Под ред. Р. К. Кавецкой. Воронеж, 1991.

МАС — Словарь русского языка. Т. 1—4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981—1984.

Ожегов — С. И. О ж е г о в, Н. Ю. Ш в е д о в а. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Паршина 1983 — В. А. П а р ш и н а. Указатель слов в поэтических произведениях Н. А. Некрасова: Учебное пособие. А—Г. Ярославль, 1983.

Русская авторская лексикография 2003 — Русская авторская лексикография XIX—XX веков: Антология / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Отв. ред. чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. М., 2003.

Словарь языка Пушкина 1956—1961 — Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1956—1961.

Словарь языка Цветаевой 1996—2004 — Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: В 4 т. / Сост. И. Ю. Белякова, И. П. Оловянникова, О. Г. Ревзина. М., 1996—2004.

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века / Сост.: В. П. Григорьев (отв. ред.), Л. Л. Шестакова (отв. ред.), В. В. Бакеркина, А. В. Гик, Л. И. Колодяжная (ред.), А. С. Кулева (ред.), Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева. Т. I: А—В. М., 2001; Т. II: Г—Ж. М., 2003; Т. III: З—Круг. М., 2008; Т. IV: Кругл—М. М., 2010.

Ушаков — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I—IV. М., 1935—1940.

Шведова — Н. Ю. Шведова (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2007.

Шестакова 2011 — Л. Л. Шестакова. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.

A. S. KULEVA

**SHORT-FORM ADJECTIVES AND PARTICIPLES
THROUGH THE PRISM OF AN AUTHOR'S DICTIONARY**
(working on the *Dictionary of the russian poetic language of XXth c.*)

The *Dictionary of the Russian Poetic Language of the Twentieth Century* has individual entries for short form adjectives and participles. The dictionary makes it possible to analyze the usage of these forms in the poetic language of individual authors of the Silver Age. The article deals with semantic and stylistic properties of these forms.

Keywords: adjective, participle, short form, poetic language, lexicography.

D. E. COLLINS

**THE STRENGTH OF THE CASE:
INTERPRETING THE НАРАХ LEGOMENON ДОУЖЕБОУ
IN NOVGOROD BIRCHBARK 855***

1.0. Novgorod birchbark 855, dated ca. 1140—1160, was written in the aftermath of a brawl involving the servants of a prominent boyar and six other men. It was discovered in Plot E of the Trinity Excavation; in the mid-twelfth century, this was the site of a large complex of judicial-administrative buildings, probably including the joint court of the prince's representative and the elected mayor. Indeed, N855 is one of several law-related birchbarks that Janin [Янин 2001: 10—11; 2003: 20] cites in demonstrating that the site had a judicial function.

The beginning of N855 is missing; the surviving portion is given in (1), and its standard Modern Russian (Ru) translation in (2)¹.

(1) ... н[ъ]не
[въ горъ]дъ но не леґо ѿ дѣа : а зѡубъ въѣбитъ
а нежаѣтниници отроки били шѣсть : :хъ а доу-
жебоу а испралѡу : :мъ [НГБ-11: 69; ДНД: 325]².

(2) ⟨...⟩ [следовало бы ехать] ныне в город, но не позволяет дѣак. А вы-
бит зуб. Нежатиничевы отроки били их шестерых. А [что касается
денег на] лечение, то я выплачу им [НГБ-11: 69; ДНД: 326].
⟨...⟩ [should have come] now to the city, but the *d'jak* [judicial clerk—
DEC] does not permit it. And a tooth was knocked out. Nežatinič's lads

* A preliminary version of this article was presented at the conference «Язык и культура древней Руси» (Novgorod, August 2011). My thanks go to A. A. Gippius, A. Timberlake, A. A. Zaliznjak, and V. M. Živov for their feedback on the presentation, and to J. Schaecken for his comments on the written version.

¹ [НГБ-11] and [ДНД] use square brackets for letters whose interpretation is not completely certain [ДНД: 232]. To distinguish my own interpolations, I use [...—DEC]. English translations are mine unless otherwise indicated.

² In the drawing of N855, interpuncts can be seen in the words **леґо** and **нежа.ѣ.т.иници** and **шѣсть** (see [НГБ-11: 68—69]; gramoty.ru/index.php?no=855&act=full&key=bb, accessed October 29, 2011); these are not indicated in the transcriptions published in [НГБ-11] or [ДНД].

beat six of them [or ‘the six of them’—DEC]. And [as for the money for] recovery, I will pay it off for/to them.

There is a lacuna of some 30 letters before the partially legible first word **н[ъ]нѣ**, judging from the number of letters in the second and third lines (32 and 33, excluding punctuation). Because the incipit is missing, the author and addressee are unknown; the only name preserved is *Nežatinič* ‘Nežatinič-POSS.M.NOM.PL’. *Nežatinič* (a patronymic) was evidently the son of the boyar *Nežata*, known from texts of ca. 1090—1140 [ДНД: 266; Янин 2001: 98, no. 14].

As Janin [Янин 2001: 10] notes, N855 recalls § 68 of the Extended *Russkaja Pravda* (RP), the lawcode of medieval Rus’, which specifies penalties for violence causing damage to teeth: «If they knock out a tooth, and blood is visible in his [the victim’s] mouth, then 12 *grivnas* as a fine, and for the tooth a *grivna* [to the victim]» (Synodal copy, 1282 [ПП, 1: 128]). Indeed, the link between N855 and the RP may go even farther. Not only does the birchbark deal with battery, the subject of §§ 23—31 in the lawcode, but, as I will argue, the hapax legomenon **ДОУЖЕВОУ**, read as *лечение* (‘recovery, cure’) in (2), may be reinterpreted in connection with a Rus’ian (OR) legal concept of ‘strength’ or ‘strength-fine’, mentioned in § 27 of the Extended RP.

It will take several steps to demonstrate this connection. While the authors of (2) interpret **ДОУЖЕВОУ** as ‘recovery, cure’ based on its cognates, its meaning cannot be established by etymology alone; its synchronic usage must also be considered. Thus the first step will be to get the clearest reading of its context. I will begin in § 2 by identifying the possible resolution(s) of **:ѠМЪ** ‘them-DAT.PL’ in the final clause in order to define its relation to referential items in the prior text. The different referential scenarios identified in this way will imply different relations between the first-person author and the third-person referents, each of which can be evaluated in terms of sociopragmatic plausibility. On this basis, I will show that the verb **испралоу**, the word translated as *выплатчу* (‘pay off-PRS.ISG’) in (2), should be reinterpreted; I will discuss two plausible interpretations in §§ 3—4.

The reinterpretation of **испралоу** will provide a new context for understanding **ДОУЖЕВОУ**. Thus the next step (§ 5) will be to examine the cognates of the hapax in order to reconstruct the range of meanings conveyed by its root, and to determine which can be plausibly colligated with the newly identified senses of the verb. In § 6, I will show how **ДОУЖЕВОУ** denotes a concept in the same semantic field as an etymologically different noun, **вѣкъ**. As will be shown in § 7, the unexpected semantic affinities between these two nouns will challenge prevalent interpretations of passages in the RP, the 1229 Smolensk Treaty, and other texts. Thus, beginning with a single difficult phrase in N855, the discussion will ultimately lead to a better understanding of certain OR legal terms and new readings of major OR and Middle Russian (MRu) documents.

2.0. The antecedent of the final word of N855, the anaphoric pronoun **:ѠМЪ**, presumably appears in the penultimate clause. If it occurred in a more distant

clause, the resulting referential complexity and ambiguity would border on incoherence; the actual antecedent would be less accessible than with two competing referring expressions, **НЕЖАТИНИЦИ ОТРОКИ** ‘Nežatinič’s lads’ and **ШЬСТЬ :I:ХЪ** ‘(the) six of them’. In OR, the tendency was to use demonstratives rather than anaphoric pronouns in situations involving this kind of switch-reference.

Moreover, in the surviving text, there is no clear antecedent for **:I:МЪ** outside the penultimate clause. In the third clause from the end, the only referring expression is **ЗОУБЪ**—probably ‘tooth-NOM.SG’ (*zubъ*), but possibly ‘teeth-NOM.PL’ (*zube*) (see [НГБ-11: 70]); however, the latter would be an unlikely antecedent for dative **:I:МЪ** on semantic grounds. In the fourth clause from the end, the only referential item is **ДЪА**, which has been treated as **ДЪ[АК]А** or **ДЪА[КА]** ‘judicial clerk-GEN.SG’ [Там же: 69—70; ДНД: 326]. Alternatively, it could be interpreted as **ДЪА[КЪ]** GEN.PL; if so, it would be a potential antecedent for **:I:МЪ**, though again a relatively inaccessible one³. Conceivably, there could be a referential chain going through the penultimate clause: **ДЪА[КЪ]** → **ШЬСТЬ :I:ХЪ** → **:I:МЪ**; or {X-PL + **ДЪ[АК]А/ДЪА[КЪ]**} → **ШЬСТЬ :I:ХЪ** → **:I:МЪ**, where X is a referent from the missing text.

Given, then, that **:I:МЪ** is likely to refer to an antecedent in the penultimate clause, it has three possible resolutions—**НЕЖАТИНИЦИ ОТРОКИ** (3a); **ШЬСТЬ :I:ХЪ** (3b); or the sum of the two (3c)⁴.

- (3a) **А НЕЖАТИНИЦИ ОТРОКИ_i БИЛИ_i ШЬСТЬ :I:ХЪ_j А ДОУЖЕБОУ А ИСПРАЛОУ :I:МЪ_i**
And Nežatinič’s lads_i beat_i six of them_j, and I will pay the доужьба to/for them_i.
- (3b) **А НЕЖАТИНИЦИ ОТРОКИ_i БИЛИ_i ШЬСТЬ :I:ХЪ_j А ДОУЖЕБОУ А ИСПРАЛОУ :I:МЪ_j**
And Nežatinič’s lads_i beat_i six of them_j, and I will pay the доужьба to/for them_j.
- (3c) **А НЕЖАТИНИЦИ ОТРОКИ_i БИЛИ_i ШЬСТЬ :I:ХЪ_j А ДОУЖЕБОУ А ИСПРАЛОУ :I:МЪ_{i+j}**
And Nežatinič’s lads_i beat_i six of them_j, and I will pay the доужьба to/for them_{i+j}.

³ [НГБ-11: 69] and [ДНД: 326] do not discuss the possibility that **ДЪА** could be GEN.PL; they offer two readings, both GEN.SG—**ДЪ[АК]А** and **ДЪА[КА]**—but prefer the former on the grounds that the spelling *vowel letter* + **А** would be a Slavonicism in a text with no other Slavonic features. Note that the spelling **ДНАКУ** occurs in a roughly contemporary birchbark, N739 (1120—1140) [ДНД: 291—292], which likewise has no other Slavonic features.

⁴ Anaphora to multiple antecedents is common in OR; cf. the 1176 entry in the First Novgorod Chronicle: «и яша князя Глѣба_i и съ сыномъ_j и Мъстислава_k съ братомъ Яропѣлкомъ_i, порубиша я_{i+j+k+1}» («and they_i captured Prince Gleb_i and his son_j and Mstislav_k with his brother Jaropolk_i [and] imprisoned them_{i+j+k+1}» [ПСРЛ 3: 35]).

The published interpretation (2) is compatible with (3b), where **:1:мъ** refers to the closer antecedent, **шѣсть :1:хъ**, and with (3c), where it refers to the sum of the previous two antecedents. Scenario (3a), where it is an anaphor of the farther antecedent, **нежатиници отроки**, is more doubtful. While anaphoric pronouns are usually co-referential with the nearer of two possible antecedents (see above), this tendency can be overruled if the referent is highly salient in the discourse; however, the use of a full noun phrase (**нежатиници отроки**) instead of a shorter reference (**отроки**) or an anaphoric pronoun suggests that the given referents have not been established as major topics.

2.1. The reason why it is important to establish the possible referential scenarios is that they imply specific relationships between the author, as first-person subject/agent of the verb in the final clause, and the referents of the anaphoric pronoun **:1:мъ**, which are critical for the interpretation of the verb and, ultimately, **доужебоу**. In the published translation (2), **испраллоу**, PRS.1SG of the polysemous verb **исправити**, is interpreted as ‘pay off’; the meaning ‘pay; settle accounts’ is attested in other birchbarks (see [ДНД: 745]). Accordingly, the author of N855 is undertaking financial responsibility to/for the referents of **:1:мъ** (a dative of recipient, like the dative valence of Ru *выплатить*, or a dative of beneficiary). The only possible referents seem to be the culprits in the battery (3a), the victims (3b), or all the participants of the brawl (3c).

According to the norms of OR law (see [Kaiser 1980: 81]), it was the culprits who were liable for the financial penalties (fines and victim’s compensation) in acts of violence. If the culprits had gone missing or were unable to pay, liability fell on their close associates—e. g., kin or community—in accordance with cultural assumptions of collective responsibility⁵. Thus, in the reading in (2), the only sociopragmatically plausible explanation is that the author is party to the crime, either directly or by close association with the culprits.

The crux of the interpretation, then, is why the author should be liable to or for the referent of **:1:мъ**. Scenario (3a) is entirely implausible, because the author would be paying the perpetrators of the battery, Nežatinič’s lads, rather than the victims. Scenario (3c) is likewise dubious, since the author would be taking responsibility for the perpetrators as well as the victims; moreover, there is nothing in the text to indicate that Nežatinič’s lads were injured so that they would need some form of cure. While scenario (3b) involves payment to/for the victims only, it remains unclear why the author has to pay at all. The culprits are associates of Nežatinič, but it is clear from the third-person reference that the author is not Nežatinič himself. Indeed, given the use of the full noun phrase **нежатиници отроки**, it would seem that the author is not familiar with them. Thus it is puzzling that he should have any legal responsibility for them.

⁵ On collective responsibility in medieval Russian law, see [Dewey, Kleimola 1970; 1982; 1984].

2.2. While one can assume liability voluntarily, this altruistic scenario can be ruled out for N855 because of the absence of a subject pronoun in the final clause. In OR, such pronouns were obligatory whenever the subject is emphasized—e. g., in focus with an element in another clause [ДНД: 170—171], a condition that favors subject pronouns in modern Slavic languages with unmarked pro-drop like Cz and Sk. If the author of N855 were paying *nolens volens* for someone else's crime, we would expect contrastive focus and hence a subject pronoun: *а испралоу or *испралоу а 'I will pay'. That very situation occurs in N421. All the subjects in this letter can be inferred from person marking on the verbs; while the first four are implicit, the last two (underlined) are expressed by personal pronouns because they are in focal contrast:

- (4a) + Ѡ брѠтѠтѠѠ кѠ нежилоу понди соуноу (sic!) домовъ свободне еси пакѠ ли не идеши а послоу^н тѠ ѠбѠтъникѠ а заплаатиѠ .к. грѠвнѠ а ты свбонѠ (ca. 1120—1140) [ДНД: 293].
 + From Bratjata to Nežil. Go home, son; you are free. If you aren't going, I'll send a court-official (*jabetnik*) against you. I have paid the 20 *grivnas*, and you are free.

For N855, another factor that might have favored a subject pronoun in the last clause is the fact that the author does not mention himself in the previous three clauses. While the first person is always available as a potential discourse topic, explicit pronouns are preferred over null anaphora in birchbark letters when the topic changes [ДНД: 171]. This is illustrated by N717:

- (4b) поклонанне Ѡ нгоуменне кѠ офросенне присли привитѠкоу и повонци ти многи повон а присли до Ѡти повон а а ноугене пецалоуца (sic!) цереницами простригати въ борозе томоу дан попытан есте ли мафеї оу манастири (ca. 1160—1180) [ДНД: 396].
 A bow from the abbess to Ofrosenija. Send the habit and wimples. If [you have] a lot of wimples, send up to five wimples. [As for me,] I am very busy taking care of the nuns; they have to be tonsured soon. Therefore, do find out if Mafej is at the monastery.

In principle, the person-marking on пецалоуца 'take care of-PRS.1SG' should have been enough to convey the switch from second to first person in N717. The pronoun а 'I-NOM' is not conveying contrastive focus, new information, or special emphasis. Its function is purely pragmatic—to signal a change in footing or in empathy perspective; at that point, the abbess shifts from her institutional role—ordering property for the convent—to her private concerns—asking for a favor that will lighten her workload.

Similarly, a personal pronoun would be expected in the last clause N855 if the author were signalling his move into an unexpected role (voluntarily taking on someone else's liability), especially given the accompanying shift of discourse type from narrative to performative (commissive speech act). The absence of a personal pronoun suggests that the author is not moving into an unex-

pected role; that is, it was not out of the ordinary for him to perform the act denoted by **испралоу** in the given situation. The likely explanation for this is that the act was a normal part of his social role.

2.3. Thus it appears that the reading in (2), «А [что касается денег на] лечение, то я выплачу им» («And [as for the money for] recovery, I will pay it off for/to them»), invokes a sociopragmatically implausible situation. The anaphoric pronoun **:имъ**, the dative argument of the verb **испралоу** in the final clause, must co-refer with one of the expressions in the penultimate clause. If the verb **испралоу** meant ‘I will pay (off)’, this would entail that the referent of its subject — the author himself — bore liability to/for the referent of the dative, i. e., was culpable in the battery described in the birchbark. While the absence of a first-person pronoun in the final clause suggests that the author has not been put on an unexpected footing, the form of the referring expressions in the penultimate clause shows that he was not closely associated with the aggressors in the beating. The only way out of this dilemma is to find an alternative reading for the verb **испралоу** and, consequently, a new interpretation of the final clause.

3.0. As noted above, **исправити**, the verb in the final clause, was polysemous; the major historical dictionaries assign it 7–10 main definitions (with subsenses in some cases). Only two of these meanings have been identified thus far in the birchbark corpus — ‘settle accounts (with); pay’, hereafter **исправити-PAУ**; and ‘discharge (an obligation, a promise)’, hereafter **исправити-DISCHARGE** [ДНД: 745]. Both these senses can be ruled out for N855 on the grounds given in § 2.1: they would entail that the agent of **испралоу** (the author) had a social obligation to perform the given action for the referent of the dative **:имъ**. This obligatory nuance can be seen in sharp relief in (5), an excerpt from birchbark N644 (ca. 1100–1120)⁶.

- (5) **Ѡ нѣжеке ко завидѹ чемоу не восолешн чето ти есемо водала ковати · Ѡ дала тобѣ а нѣжатѣ не дала [...—DEC] а не сестра Ѡ вамо оже тако дѣлаете не исправитѣ ми ничето же [...—DEC]** [ДНД: 267]).
 From Nežka to Zavid. Why won’t you send what I gave you to forge? I gave [it] to *you*; I didn’t give it to Nežata [...—DEC] Am I not your sister, that you should do thus? You won’t discharge anything for me [...—DEC].

⁶ Other cases of the meaning ‘discharge’ occur in N849 (mid-twelfth century) [ДНД: 318], involving some kind of official action, and N749 (extra-stratigraphically 1380s–1450), where the addressee is ordered to uphold an agreement (**слово то** ‘that word’ [ДНД: 635]). (On legal meanings of **слово**, see [Schaeken 2011a: 3–4].) In N344 (1300–1320), **правити** appears in the related sense ‘act in accordance with (an obligation)’; the nuance of obligation is made explicit by the phrase **по сомолове** ‘according to the agreement [**сѣмълава**]’ [ДНД: 526].

The author of this birchbark draws specific attention to her addressee's social obligations. First, she stresses that she has entrusted the task to him rather than another brother («I gave [it] to *you*; I didn't give it to Nežata»); then she reminds him of the duties of kinship («Am I not your sister»; the plural possessive extends her reproach to all her brothers). Given this contextual emphasis, it is not surprising that **исправити**-DISCHARGE takes a dative of beneficiary (ми 'me-DAT').

3.1. In OR, **исправити** is the perfective of **правити** (as well as certain derived imperfectives). In birchbarks, **правити** can denote 'appropriate; collect as payment'. As this meaning is telic, it was undoubtedly possible for **исправити** as well; indeed, this is evidently attested in N724 (1161—1167), roughly contemporary with N855 (6a); and N615 (ca. 1280—1300) (6b):

- (6a) **Ѓ савѣтъ поклананне кѣ братьи и дрѹжине оставили ма бѣли людѣ да остатъ дани исправити бѣло имѣ досени [...—DEC] [ДНД: 350].**

From Sava, a bow to [my] brethren and companions. The people have left me, and they were supposed to collect the rest of the tribute before spring...

- (6b) + поклананне · **Ѓ ла{ха}ха · кѣ Хларевн · исправилъ ли еси · десатъ гривень : на рѹсилѣ · съ микѹлою послн семо · или еси не исправилъ · а исправи и кланяюса · а дѣцьскни прнма · [ДНД: 498—499].**

Greetings from Ljax to Flar. If you have collected the ten *grivnas* from Rusila, send [them] here with Mikula. If you haven't collected [them], collect [them] — and I bow [to you] — having obtained a *detskij* [bailiff].

In context, the given meaning (hereafter **исправити-EXACT**) can be paraphrased either as 'receive material commodities', where the subject/agent is a creditor, or as 'confiscate from a debtor and transfer to the lawful owner', where the subject/agent is «an intermediary, usually a representative of state power» [Зализняк 1986: 176]. Although 'exact' and 'pay' seem like antonyms, they are both contextual realizations of a more general sense—'cause a transfer of material goods to take place in accordance with the law' [Ibid.].

If we posit that **испралоу** in N855 means 'exact' rather than 'pay', we get a reading that avoids the pragmatic problems discussed in § 2. We should still exclude referential scenarios in which **:1:мѣ** is co-referential with **нежатиници отроки**, cf. (3a), or the sum of the preceding referents, cf. (3c), since they involve the cultural anomaly of the culprits being rewarded for their crime. (The OR dative has directional rather than ablative meaning, which excludes the possibility that **:1:мѣ** referred to the party from whom the fine is to be collected.) However, the scenario in which **:1:мѣ** is co-referential to **шьсть :1:хъ** alone, cf. (3b), makes good sense (7):

(7) Nežatinič's lads_i beat_i six of them_j, and I will collect the **ДОУЖЬБА** for them_j.

Here the pronoun **ѡ:мъ** functions as a dative of beneficiary, as in (5), above. The referents from whom the money is to be taken (cf. **НА РУСИЛѢ** in N615) are left implicit, but they could be easily inferred from the context and from the cultural knowledge that culprits have to pay penalties.

The reading in (7) leads to one immediate conclusion about the hapax *legomenon* **ДОУЖЬБА**: as the object/patient of a verb meaning 'collect, exact', it cannot be interpreted in any direct sense as a *nomen actionis* meaning 'recovery, cure'. Rather, it must refer to a transferable object—some form of payment—either directly or by metonymy in this specific context.

4.0. For the commissive speech act in the final clause to be felicitous, the author has to believe that he has the power to perform the promised action. Given the new interpretation in (7), that means that he feels prepared to collect something from Nežatinič and/or his lads, who are known to be belligerent and probably armed (thus [ДНД: 326]). Presumably, then, the author can count on support from the law. He may have in mind the services of a bailiff like the one mentioned in (6b), but it is also conceivable that he is himself a court official empowered to execute justice and collect fines, perhaps with the help of an armed posse.

There are two arguments in favor of the author being a court official. First, as noted in § 1.0, N855 was unearthed at the site of the main court of twelfth-century Novgorod. This is a logical site to find a report by a court official; it would be merely random if the author of N855 were a private party. (A private individual might send the court a petition, complaint, or denunciation, but these possibilities are ruled out by the commissive speech act at the end.) Second, the hypothesis that N855 was written by an official has the value added that the birchbark can be assigned to a recognizable genre of judicial-investigation reports, which also includes N247 and N907 (see [ДНД: 239—240, 255—257; Schaeken 2011b]). Though interpersonal, these texts are not private letters but official communications. Note that the law-related content in N855 is not limited to the account of the brawl; the word **ДЪ[ЛК]А** probably refers to a type of court official—a meaning attested in Novgorod even in the eleventh century—rather than a cleric⁷.

⁷ Cf. two inscriptions from Holy Wisdom Cathedral [Медынцева 1978: 252, plates 75—76]. Inscription no. 143 [Ibid.: 94] reads [пѣ]тръ псалъ | [ос]тромиръ | [д]накъ а[м]и[н]ъ («Peter wrote [this], Ostromir's *d'jak*. Amen»). Medynceva's interpretation of no. 144 [Ibid.], as corrected by A. A. Gippius and S. M. Mixeev (personal communication), reads (про)х(о)ръ псалъ | остромиръ дѣакъ («Proxor wrote [this], Ostromir's *d'jak*). Ostromir, who died in 1054 or 1057 [Хорошев 2009: 374], was the prince's viceroy; thus it is likely his *d'jaki* were court officials rather than deacons.

4.1. If the author of N855 is a court official, there is another meaning of (ис)правити to consider—‘restore justice; establish the correct position’ (hereafter **исправити-JUDGE**). This is a clear-cut extension of the primary meaning ‘make correct, put right’; the verb is a causative from the root *prav-* ‘right; correct’. In legal contexts, **исправити-JUDGE** can denote ‘determine the truth by investigation; judge; adjudicate’, as in (8a—b)⁸. (The investigation and the verdict were stages of the same legal process, conducted by the same official.)

(8a) ... помини о осуженыхъ ѿ тебе, и **исправн** кто кого **вклеветалъ**, и самъ **разсжди** (Epistle of Metropolitan Nicephoros to Vladimir Monomach, 1113—1121, in a copy of ca. 1500 [Понырко 1992: 70; Срезневский s. v. **исправити**; СРЯ s. v. **исправити** 4]).

... remember those condemned by you, and **investigate** who has slandered whom, and render judgment yourself.

(8b) ... **сѣтополкъ князь всадилъ баше в погребъ. два мѹжа нѣ в которои винѣ хоудѣ окована. и не **испр^авнвѣ** нѣ послушавѣ облыгающихѣ** (Tale of Boris and Gleb, Sil’vestrov Miscellany, fourteenth century [Срезневский 1860: fol. 136b3—8]).

... Prince Svjatopolk had put two men in the dungeon, because of some bad guilt, shackled, and without **having investigated**, but having listened to liars...

This is probably also the meaning of **исправн** in birchbark N4 (1310s—1360s)⁹. Cf. the cognate noun **исправа** ‘judicial investigation; decision made as a result of an investigation’ in N480 (1300—25) [ДНД: 498] and N361 (turn of the fourteenth century; probably 1380—1400) [Ibid.: 614]¹⁰.

There are two major ways in which **исправити-JUDGE** differs from **исправити-EXACT**. First, the subject/agent is establishing the position of the law rather than executing it; his determinations are a prerequisite for a legal confiscation or fine. Second, the direct object can refer to an accusation, case, or question: *investigate the battery, judge whether X committed battery, determine/adjudicate the damages*. Cf. the colligation of the (near-)synonym **судити** ‘judge’ with objects such as **вещь**, **орудьк**, and **дѣло** ‘case’ [Срезневский s. v. **судити**].

As noted in § 3.1, the only referential scenario compatible with **исправити-EXACT** is the one in which the pronoun **:имѣ** refers to the victims of the battery (7).

⁸ See [СДЯ s. v. **правити** 6; СРЯ s. vv. **исправити** 4, **правити** 9; Срезневский s. v. **правити**]. This meaning may date to prehistory; it is also attested for the cognate in medieval BCS [RHSJ s. v. *ispraviti* 1d].

⁹ In Zaliznjak’s reconstruction [Зализняк 1986: 182], the author of N4 had acted as surety on a loan on which the debtor had defaulted; the imperative **исправн** began his request for the addressee to settle the legal wrangle.

¹⁰ [СДЯ s. v. **изправа** 1; СРЯ s. v. **исправа** 2; Срезневский s. v. **исправа**, first definition].

By contrast, if the meaning in N855 is ‘investigate’, **Ѹ:мѣ** most probably refers to the sum of the antecedents (9a), because the scenario presupposes that guilt or innocence has not yet been established. If **исправити** has the subsense ‘judge, adjudicate’, **Ѹ:мѣ** can refer either to one of the antecedents or to their sum (9b).

(9a) Nežatinič’s lads_i beat_i six of them_j, and I will investigate the **доужьба** for them_{i+j}.

(9b) Nežatinič’s lads_i beat_i six of them_j, and I will judge the **доужьба** for them_{i/j/i+j}.

In these readings, the function of the dative can be either recipient or beneficiary. In OR, judgment is something that can be metaphorically ‘given’ (**да(ва)ти соудъ/исправоу**) to a recipient in the dative; thus the verb **соудити** ‘judge’ has dative valences in several of its subsenses [Срезневский s. v.]. Alternatively, judgment can be ‘done’ or ‘rendered’ to someone, that is, created by the judge’s action with some effect on a dative beneficiary—hence the dative valence with **(оу)чинити исправоу** [СДЯ s. v. **изправа**].

5.0. On the basis of the evidence examined thus far, the readings with **исправити-EXACT** and with **исправити-JUDGE** seem equally valid. One factor that may decide the case is how well each meaning combines with plausible interpretation(s) of the object **доужьбоу**. As noted above, [НГБ-11] and [ДНД] treat this hapax as a *nomen actionis* denoting ‘recovery, cure’ («лечение»), based on the meanings of apparent cognates (see 5.1, below). If this is correct, the noun would be unable to colligate with either **исправити-EXACT** or **исправити-JUDGE** except as a metonymy; hence the interpolation ‘[money for] healing’ in the published translation. However, it seems questionable to assume metonymy when the direct meaning of the word has yet to be established.

We should begin by considering whether **доужьбоу** meant directly ‘money for healing’. In the Short RP, reflecting eleventh-century norms, a victim of battery injured so severely that he cannot avenge himself is to receive «payment for the healer»; a separate fine of three *grivnas* is paid to the prince (10a)¹¹. The Extended RP, reflecting somewhat later norms, only mentions such a fee in cases of battery by sword causing incised or penetration wounds (10b).

(10a) ... **ОЖЕ ЛИ СЕБЕ НЕ МОЖЕТЬ МЪСТИТИ, ТО ВЪЗЪТИ ЕМОУ ЗА ОВНДОУ 3 ГРИВНѢ, А ЛѢТЦЮ МЪЗДА** (Academy I Copy, 1440s, § 2 [ПІ, 1: 70]).

If [the victim] is unable avenge himself, then he is to take for the offence 3 grivnas, and also payment for the physician [Kaiser 1992: 15].

¹¹ There has been debate about whether the three *grivnas* in the Short Redaction (10a) were compensation or a fine, as in the Extended Redaction (10b) (see [ПІ, 2: 59—64; ПРІ 1: 87—88; Kaiser 1980: 80—81]).

(10b) **Аже оударитъ мечемь, а не оутнетъ на смертъ, то 3 гривны, а самомоу гривна за раноу, оже лѣчебноу; потынетъ ли на смертъ, то вѣра** (Synodal Copy, 1282, § 30 [PI, 1: 125])¹².

If he strikes [the victim] with a sword but does not cut him to the death, then [the fine is] 3 *grivnas*, and to [the victim] himself a *grivna*, and also [*or*: which is] a leech-fee; if he cuts him to the death, then [he is subject to] the bloodwite.

The «payment for the physician» in (10a) and the «leech-fee» (ЛѢЧЬБНОУ; cf. ЛѢЧЬБА ‘healing; medicine’) in (10b) may be linked with the ancient Indo-European institution of *sick-maintenance*, which is known from Hittite, Germanic, Old Irish, and Indic law. This was a penalty separate from the victim’s compensation; it was imposed on the culprits when the victims’ healing was a protracted process (see [Binchy 1934; Watkins 1976; Oliver 2008]).

It is tempting to interpret ДОУЖЕВОУ as an alternative term for ‘leech-fee’. As noted in [НГБ-11] and [ДНД], some of the East Slavic derivatives of the root *dug-* denote concepts from the semantic field of health. However, as will be shown in 5.1, the root is also well attested in other semantic fields. In any case, there is no evidence that the author of N855 was a physician who would be entitled to a leech-fee, and in general it seems odd that he should focus on a tertiary sanction rather than the fine or victims’ compensation. Moreover, the leech-fee, judging from (10b), would have been irrelevant for the injuries described in N855. In the Extended RP, it is mentioned solely in the context of penetrating wounds, which medieval leeches could in principle treat; it is not mentioned in the context of blunt-force trauma (§§ 23—26, 31), broken teeth (§ 68), or mutilations (§§ 27—28) — injuries for which leeches could do little or nothing.

5.1. While etymology alone is insufficient for determining the meaning of a hapax, it can provide a good starting-point¹³. In the subsequent discussion, I will adopt the etymology proposed in [НГБ-11: 70] and [ДНД: 326], which links ДОУЖЕВОУ with reflexes of CSI **dug-* (PSI **doug-*, PIE **dheugh-*) and **dog-* (PSI **dong-*, PIE **dheng-*)¹⁴. I will assume, following Shevelov [1965: 321—22]

¹² Similarly in most other manuscripts [PI, 1: 106, 151, 170, 189, 218, 248, 263, 303, 331, 349, 374]. One copy has metathesized ЦЕЛЕВНОЕ (cf. ЦѢЛЬБА ‘medicine; healing’), which is synonymous with ЛѢЧЬБНОУ [Ibid.: 303, n. 7].

¹³ The following abbreviations are used: *BCS* Bosnian/Croatian/Serbian; *Bg* Bulgarian; *BR* Belarusian; *CSl* Common Slavic; *Cz* Czech; *dial* dialect; *Mc* Macedonian; *MBR* Middle Belarusian; *MRu* Middle Russian; *MUk* Middle Ukrainian; *OCS* Old Church Slavonic; *OCz* Old Czech; *OPo* Old Polish; *OR* Old Rus’ian (Old East Slavic); *PIE* Proto-Indo-European; *Po* Polish; *PSl* Proto-Slavic; *Ru* Russian; *Sk* Slovak; *Sl* Slovenian; *Uk* Ukrainian.

¹⁴ For PIE **dheugh-*, cf. Greek τέχῃω ‘prepare’, Old Irish *dúal* ‘fitting’, Gothic *daug* ‘it is useful’, Old English *gedēgan* ‘endure’, Old High German *tuht* ‘power’, Old Norse *duga* ‘be useful’, Lithuanian *daũg* ‘much’. For PIE **dheng-*, cf. Sanskrit *dagh-* ‘achieve’,

and Vasmer [Фасмер s. v. -*дыз*], that these originally separate roots underwent a prehistoric merger in Slavic. As far as *ДΟΥЖЕВОУ* is concerned, they would have the same outcome in any case because of the East Slavic merger of **ϕ* and tautosyllabic **ou*¹⁵.

Semantically, the reflexes of **dug-*/*dog-* cluster around the concept of ‘physical strength’, where the denotatum is a state, rather than ‘healing, recovery’, where it is an action or change of state¹⁶. The meaning ‘physical strength’ is actually attested for the root, and the other senses can be derived from that by one-step extensions. By contrast, taking one of the other meanings (e. g., ‘health’) as the starting-point would involve a larger and more complicated set of shifts.

The unsuffixed noun **dug-ь* is preserved only in Cz and Sk, primarily in the idiomatic prepositional phrases *k duhu*, *v duh* ‘beneficial/useful to’ (11a). It is plausible to interpret *duh* in these idioms as ‘strength’; cf. English *go to the strength of* ‘work to the benefit of’¹⁷. In any case, numerous derivatives of **dug-*/*dog-* in East and West Slavic reflect the meaning ‘physical strength’ directly (11b), while others reflect connotations like ‘strength to endure’ (11c), ‘strength to engage in labor’ (11d), and ‘health’, i. e., ‘strength of constitution’ (11e)¹⁸.

- (11a) Cz dial *jít (byt) v duh*, Sk *íst’ (byt’) k duhu* ‘be of use’ (lit. ‘go (be) to strength’); Cz dial *sloužit (jít, prospívat) k duhu* ‘benefit’ (lit. ‘serve (go, avail) to strength’).

Greek *ταχύς* ‘quick’, Old Irish *daingen* ‘strong’, Old English *denczan* ‘knock, dent’, Old Norse *dengja* ‘hammer’, Lithuanian *danginti(es)* ‘move’. See [Pokorny s. vv.; Orel 2003: 68; ЭССЯ s. v. **džiti*, **dugь*, **dužiti*, **dužьь*, **nedogь*/**nedoga*, *nedožьe*; Фасмер s. vv. -*дыз*, *недыз*].

¹⁵ Vasmer [Фасмер s. v. -*дыз*] cites Bg *недыз*, Po *duży* (**ou*) vs. Bg *недыз*, Po *dążyć* (**on*) as evidence that **dog-* was an allomorph of **doug-* with a nasal infix. Conversely, Machek [1968 s. v. *neduh*] and Fiedlerová [1973] treat **dug-* as a back formation from **nedog-*. This does not explain Vasmer’s doublets and is implausible, given the large number of non-negated derivations in North Slavic. See also [ЭССЯ s. v. **nedogь*/**nedoga*].

¹⁶ Cf. *e*-grade reflexes like Ru dial *дыга* ‘strength; growth’, *дылный* ‘strong; healthy; well-grown; working’, *дыгнуть* ‘get strong; recuperate; grow’ [СРНГ s. vv.; ЭССЯ s. vv. **dęga*, **dęnoti*].

¹⁷ V. Rosa (died 1689) glosses *duh* as ‘strength, freshness, liveliness’ [Rosa 2008 s. v.], and Jungmann as ‘power, strength’. M. Benešovský (1587) defines *duh* as *vegetativa vis*, one of the Aristotelean «souls», along with *duch* ‘spirit’ (*vis sensitiva*) and *duše* ‘soul’ (*vis rationalis*) [Zibrť 1906: 198]. While probably a figment of Benešovský’s imagination, this suggests that he associated *duh* with Latin *vis* ‘strength, power’.

¹⁸ Soft initial /d’/ is non-etymological. See [Bartoš s. vv. *duh*, *duží*, *dužný*; БРС s. v. *дужэць*; ЭССЯ s. vv. **dugь*, **dužati* (*se*), **dužiti*, **dužьь*; ЕСУМ s. v. *дужий*; SP s. v. **dužь*; Jungmann s. v. *duh*; Machek s. v. *neduh*; PSJČ s. vv. *duh*, *duží*, *dužný*; СРЯ s. v. *дюжий*; СРНГ s. vv. *дужий/дужой*, *дюжий/дюжой*, *дюжеть*, *дюжить*].

- (11b) Cz dial *duží, dužný*, Sk *dúži*, Po *duży*, Uk (no) *дужий*, BR *дужы*, MRu **дѹжнѹ**, Ru dial *дужий, дюжий/дюжей* ‘strong’; Cz dial *dužet*, Sk (*z*)*duž(n)iet’*, Uk *дужати*, BR *дужэць*, Ru dial (*вы*)*дюжеть, одюжи(ва)ть* ‘become strong’; Cz dial *dužiti* ‘strengthen’; Sk *dúže*, Po *dužo*, Uk *дуже, дужо*, BR *дужа*, Ru dial *дуже, дужо, дюже, дюжо* ‘strongly; very’.
- (11c) Cz *duží*, Po *duży*, Ru dial *дюжий/дюжей* ‘durable; tough’; Ru dial *дюжить, выдюжить* ‘resist wear’; Ru dial (*вз-, вы-, на-, о-*)*дюжи(ва)ть* ‘endure; withstand’.
- (11d) Ru dial *дюжить* ‘work tirelessly; remain able to work (of the elderly); stay serviceable (of things)’; Ru dial *отдюжить* ‘do heavy labor, enduring all its hardships’.
- (11e) Po *duży*, Uk *дужий* ‘healthy’ (*бездужний* ‘ill’); Uk dial *дужати*, BR *дужэць*, Ru dial *сдужать* ‘be healthy’; Uk *видуж(ув)ати, одуж(ув)ати*, Ru dial *одюжи(ва)ть, отдюжить, вздюжеть, одюжи(ва)ть/одюжать, отдюжеть* ‘recuperate’, etc.

The formation found in **дѹЖЕВОУ**, with the suffix *-ьb-*, is also attested in the OCz deadjectival abstractum *dužebnost*, cited by Jungmann from an unknown manuscript¹⁹. Jungmann glosses this as ‘strength; digestive power’ (‘Stärke, Verdauungskraft’), but the second meaning is probably contextual. In Jungmann’s only example, *dužebnost* is modified by *žaludka* ‘stomach-GEN.SG’ and conjoined with *zažiwnost* ‘power of digestion’. This suggests that the lexeme did not inherently refer to alimentation: «*zažiwnost i dužebnost žaludka zemdljwá*» («the digestive power and strength of the stomach declines [*sic*]»).

The converse of the complex of meanings in (11a—e) appears in compounds of **dug-/*dɔg-* with the negative prefix (‘non-strength’), which date to the CSI period (12). These denote not a passing sickness but a lasting debility—a state that can be caused not only by chronic ill-health but, in various Slavic languages, also by bad luck, underdevelopment, or incompetence.

- (12) OCS **недѹжѣ**, Bg *недѣг*, Mc, BCS *недуг*, Cz, Sk *neduh*, OR **недѹжѣ** ‘infirmary’; OR **недѹжѣк** ‘illness; misfortune’, Sl *nedôžje* ‘misfortune’; OPo *nieduży* ‘sick; lazy’, Po dial, Sk dial *ñeduži* ‘weak; underdeveloped’, OR **недѹжнѹ** ‘incompetent; useless’, MUK *недужий* ‘sickly; unfortunate’, Ru dial *недюжий* ‘sickly; weak’; etc.²⁰

Many of the other derivatives of **dug-/*dɔg-* reflect metonymic extensions from ‘physical strength’ to states or changes of state culturally associated with

¹⁹ Jungmann’s source («Ms. bib. 121») cannot be identified, but its language was no earlier than the late fifteenth century [Černá, Stluka 2005]. Jungmann’s headword *dužebný* was his own back-formation from *dužebnost*.

²⁰ [ЭССЯ s. vv. **nedɔgь/*nedɔga, *nedɔžьje, *nedɔžьjь/nedužьjь*; Фасмер s. v. *-дуг*]. The OCS, Bg, and Sl forms unambiguously reflect **dɔg-*, and the OPo and Pol **dug-*; the other forms are ambivalent.

strong entities, e. g., ‘large size’ (13a); ‘heftiness’ (13b); and ‘maturation’ (‘growing to full strength’) (13c)²¹.

- (13a) Po *dužy*, Sk *dúži*, BR dial *дужы*, Ru dial *дюжий/дюжкой, дюжный* ‘big; well-grown’; Sk *dužiet*, Ru dial *(вы)дюжет, одюжи(ва)ть* ‘grow; get big’
 (13b) Po *dužy*, Cz dial *duží*, Sk *dúži* ‘heavy’; Cz dial *dužný* ‘fat’, *dužit se* ‘get fat’.
 (13c) Po *dužy*, Ru dial *дюжий/дюжкой* ‘mature’; Ru dial *одюжи(ва)ть* ‘reach manhood’.

The complex of senses in (13c) may also explain why **ДОУЖИИ/ДЮЖИИ** is used to signify ‘legally competent’ (‘old enough to be legally independent’) in some copies of the Extended RP (§ 99)²².

Still other derivatives of **dug-/*dɔg-* involve metonymic extensions from ‘physical strength’ to ‘use of strength’, either to achieve desired ends (14a) or to engage in acts of force (14b)²³.

- (14a) Po *dążyć* ‘strive’; Po *dążność* ‘effort’; Uk *здужати, подужати, при-дужати*, Ru dial *(вз-, за-, на-, о-)дюжить* ‘have the strength (to do something)’; Ru dial *дюжить* ‘lug’; Ru dial *надюж(ив)аться* ‘exert oneself to the utmost’; Ru dial *надюжатъ* ‘overburden’.
 (14b) BR *дужаць*, Ru dial *(о-, с-)дюжить, вздужетъ, одюж(ив)ать* ‘overcome’; Uk *дужатися*, BR *дужацца* ‘struggle’; Uk dial *подуга* ‘victory’; BR *дужанка* ‘sword- or knife-fight’; Ru dial *(за)дужить* ‘rob, assault’, *дугач* ‘assailant’.

The complex of meanings in (14a) may perhaps explain the use of Ru dial *дюжий/дюжкой* in the sense ‘skillful, artful’. The complex in (14b) can be com-

²¹ Cf. also Ru dial *дюжить* ‘get juicy; ripen’; Cz dial *dužný* ‘fleshy (of fruit)’; Cz dial *duž(n)ina* ‘flesh of fruit’. See [ЭССЯ s. vv. **dužati (se), *dužiti, *dužьbь*; ЕСУМ s. v. *дужий*; SP s. v. *dužь*; PSJČ s. vv. *dužiti se, dužný, dužnina*; СРНГ s. vv. *дюжий, дюжкой, дюжетъ, дюжный*].

²² Minors whose mothers are remarrying are said to be **НЕ ДУЖИ САМИ СОБОЮ ПЕЧАЛОВАТИ** («not competent to take care of themselves») in the 1493 Solovki V copy of the Archaeographic Redaction [ПП, 1: 313, n. 6]; similarly in the Tixonravov copy of the Mjasnikov Redaction, the Bal’zerov, RGB II, and Undol’skij III copies of the Museum Redaction, and, with **ДЮЖИ**, the Tolstoj IV copy of the Abridged Redaction [Ibid.: 198, n. 11, 386, n. 23, 272]. Four other copies of the Archaeographic Redaction have reinterpreted **ДОУЖИ** as a non-agreeing verb **ДОУЖИ СЯ** ‘be strong-PRS.3SG’ [Ibid.: 313]. Other manuscripts have the corruption **ДЪЖИ** or different lexemes in this passage.

²³ [БРС s. vv. *дужанка, дужаць, дужацца*; ЭССЯ s. vv. **dugъ, *dužiti*; Миртов s. v. *дугач*; ЕСУМ s. v. *дужий*; СРНГ s. vv. *дюжий, дюжкой, дужить, дугач*]. Cf. e-grade reflexes like Sk *d’ah* ‘path; direction’; BR dial *дзяжыць* ‘run’ [ЭССЯ s. vv. **dęga, *dęgnōti*]. The Po forms unambiguously reflect **dɔg-*; the East Slavic forms are ambivalent.

pared to English *with strength* (obsolete) ‘violently’; *force* (noun) ‘unlawful violence’, (verb) ‘assault sexually’; cf. also the metaphors *strong arm* «physical force or violence», «a criminal who resorts to violence; one who is employed or hired to use force against persons», and *strong hand* «the exercise of superior power or strength; the use of force» (OED s. vv.).

5.2. Clearly, not all of the meanings discussed in § 5.1 would be good fits for the final clause of N855. If **ДОУЖЕБОУ** denoted an abstracted quality like ‘physical strength’, ‘durability’, ‘ability to work’, or ‘health’ (11a—d), it would presumably only colligate with the meaning ‘investigate’ (**ИСПРАВИТИ**-JUDGE); the author of N855 would be preparing to assess the victims’ physical condition. However, this reading assumes a periphrastic, elevated style that would be incongruous with the practical orientation and straightforward wording of the rest of the birchbark. It is even less likely that **ДОУЖЕБОУ** conveyed some measurement of size, weight, or age (13a—c); such meanings would be hard to combine with any of the attested senses of **ИСПРАВИТИ** in a pragmatically coherent way, nor would they make sense in the overall context.

In fact, if the realizations of *dug-* in § 5.1 run the gamut of its meanings, the only plausible option is that **ДОУЖЕБОУ** denoted an act of force or some closely related concept. Accordingly, **ДОУЖЕБОУ** could have meant ‘brawl’, that is, a description of the incident discussed earlier in N855 (15a). This sense (hereafter **ДОУЖЬБА**-*BRAWL*) can be analyzed as ‘act of mutual force’; cf. other *nomina actionis* with the suffix *-ьб-* like **БОРЬБА** ‘fist-fight’, **ТАТЬБА** ‘(act of) theft’ (*tat-* ‘thief’) and **СОУДЬБА** ‘(act of) judgment’ (*sud-* ‘court’)²⁴. Alternatively, **ДОУЖЕБОУ** could have been a term for ‘battery’, i. e., a classification of the breach of peace discussed earlier in the birchbark (15b). Depending on how the dative pronoun is read, this sense (hereafter **ДОУЖЬБА**-*BATTERY*) can be further analyzed as a ‘(mis)use of strength’ by an agent (15c) or an ‘act causing loss of strength’ to a patient (15d).

(15a) Nežatinič’s lads_i beat_i six of them_j, and I will investigate/judge the brawl for them_{i+j}.

(15b) Nežatinič’s lads_j; beat_i six of them_j, and I will investigate/judge the battery for them_{i+j}.

(15c) Nežatinič’s lads_j; beat_i six of them_j, and I will investigate/judge the battery [done by] them_i.

(15d) Nežatinič’s lads_j; beat_i six of them_j, and I will investigate/judge the battery [done to] them_j.

In (15a—b), the dative pronoun **:I:МЪ** can have a recipient or beneficiary function. The readings in (15c—d) assume that the noun **ДОУЖЬБА** has arguments (elaboration sites), like other *nomina actionis*, and that the pronoun is ad-

²⁴ See [Meillet 1961: 272—273; Горелова 1969: 30—33; Kiparsky 1975: 277; Ефимова 2006: 177].

nominal. In (15c), *:и:мъ* is a subject argument and refers to the agent of the battery; in (15d), it is an object argument and refers to the experiencer or patient (cf. [Eckhoff 2007: 81, 158—162]). However, there is debate about whether adnominal datives were characteristic of vernacular Rus'ian; they are uncommon outside the Slavonic register (see [Ibid.: 38—40, 300—302]). Hence (15a—b) seem more probable than (15c—d).

There is no difficulty in getting a coherent reading when either *ДОУЖЬБА-BRAWL* or *ДОУЖЬБА-BATTERY* is colligated with *ИСПРАВИТИ* in the meaning 'judge' ('investigate' or 'render judgment on'). Similar colligations, in which verbs meaning 'investigate' or 'judge' take objects denoting crimes or charges (accusations of crimes), are well attested in medieval East Slavic texts. This is illustrated by (16), from § 10 of the fifteenth-century Novgorod Judicial Charter.

(16) А кто на ком поищет наезда, или грабежа в земном деле: ино судити наперед наезд и грабеж: а о земли после суд [ПРИП, 2: 213].

And should someone accuse someone of an attack or robbery during a land lawsuit, then [the judge is] to investigate/judge the [charge of] attack and robbery first, and the trial about the land is [to be held] afterwards.

5.3. Unlike *ИСПРАВИТИ-JUDGE*, *ИСПРАВИТИ-EXACT* is difficult to reconcile with either *ДОУЖЬБА-BRAWL* or *ДОУЖЬБА-BATTERY*; however, that meaning would presumably combine readily with a term for a legal payment. Indeed, it is worth considering whether *ДОУЖЕВОУ* in N855 denoted a financial sanction imposed on the guilty party in a battery trial—either a fine paid to the prince or compensation given to the victim; the Extended RP provides for both types of penalties in cases of battery (§§ 27—28, 30) [ПИ, 1: 124—25]. The proposed sense, hereafter *ДОУЖЬБА-PENALTY*, can be analyzed as 'price for strength', a one-step metonymic extension from 'strength'—the quality lost by the victim(s)—to 'payment for that (lost) quality'. A parallel can be found in Greek τιμή 'honor, social status', which already in Homeric could denote 'compensation for (the loss of) honor' [LSJ s. v.; Buck 1949: 1447]. In such a metonymy, the concept of 'loss' does not have to be explicit, as it is presupposed by the very fact that compensation is warranted; cf. the interchangeability of English *avenge one's honor* and *avenge one's loss of honor*.

If *ДОУЖЬБА-PENALTY* is the correct meaning, the noun would belong to a group of legal terms formed with the suffix *-ьб-* that denote payments for the action, quality, or entity denoted by the roots. Cf. *ЛѢЧЬБЬНОК* 'leech-fee' (*lĕk-* 'heal'), discussed in § 5.0; *ВАЗЬБА, ВАЗЬБЬНОК* 'fee for detaining a fugitive' (*vāz-* 'bind'); and *ВѢСЬБЬНОК* 'duty based on weight' (*vĕs-* 'weight')²⁵. Likewise, in Rus'ian legal language *ТАТЬБА*, otherwise '(act of) theft', can signify a 'thief-fee', compensation equal in value to stolen property, which the commu-

²⁵ [СДЯ s. vv. *ВАЗЬБЬНЫИ, ЛѢЧЬБЬНЫИ*; СРЯ s. vv. *ВѢСЬБНОЕ, ЛѢЧЬБНОЕ*; Срезневский s. vv. *ВѢСЬБЬНОК, ВАЗЬБА, ЛѢЧЬБЬНЫИ*].

nity has to pay the victim if it fails to produce the thief (Extended RP § 77) [ПИ, 1: 131]²⁶.

If **ДОУЖЬБА**-PENALTY combines with **ИСПРАВИТИ**-EXACT, the author of N855 can be seen as a proxy exacting compensation for the victims (17a) or an official charged with appropriating the fine for the prince (17b), like the **ВИРЬНИКЪ** ‘weregild-collector’ in cases of homicide (Short RP § 42 [ПИ, 1: 73]; Extended RP § 9 [Ibid.: 122—123]). It is also conceivable that **ДОУЖЬБА**-PENALTY is colligated with another meaning, **ИСПРАВИТИ**-JUDGE; this combination may be paraphrased as ‘determine by investigation the payment (that is legally warranted)’. In this second scenario (17c), the author would play the same role in the legal process as in (15a—c).

- (17a) Nežatinič’s lads_i beat_i six of them_j, and I will exact the financial sanction for them_j.
 (17b) Nežatinič’s lads_i beat_i six of them_j, and I will impose the financial sanction on them_i.
 (17c) Nežatinič’s lads_i beat_i six of them_j, and I will adjudicate the financial sanction for them_{i+j}.

5.4. Because of the polysemy of **ИСПРАВИТИ**, there is no way to be certain whether **ДОУЖЕВОУ** in N855 denoted ‘battery’ or ‘sanction for battery’. Such uncertainty is to be expected, since Rus’ian law tended to penalize the guilty with financial sanctions rather than other forms of punishment (see [Kaiser 1980: 90—91]). Thus, in law texts, terms for crimes can be extended to denote penalties; for example, as noted above, **ТАТЬБА** ‘theft’ is used to mean ‘thief-fee’ in § 77 of the Extended RP. Conversely, terms for penalties can be extended to denote accusations of the crimes that they are intended to punish. Thus in (18a—b), **ВИРА** ‘bloodwite’ (the fine for homicide) is used to mean ‘homicide charge (which, if proven, would entail the bloodwite)’.

- (18a) **А ОЖЕ СЪВЕРЖЕТЬ ВИРОУ, ТЪ ГРИВНА КОУНЪ СЪМЕТНАГА ШТРОКОУ...** (Extended RP, Synodal copy, 1282, § 20 [ПИ, 1: 124])²⁷.
 And if [someone] removes the bloodwite [sc. proves his innocence in the homicide], then [he pays] a «removal» *grivna* of *kunas* to the bailiff...
 (18b) **АЩЕ БЪДЕТЬ НА КОГВ ПОКЛЕПНАГА ВИРА, ТО ЖЕ БЪДЕТЬ ПОСАДЪХОВ 7, ТО ТИ ВЪВЕДАТЬ ВИРОУ...** (Extended RP, Trinity I copy, fourteenth century, § 18 [Ibid.: 106]).
 If there is a bloodwite [sc. a homicide accusation] against someone based on suspicion alone, and there are 7 witnesses [to vouch for him], then they take away the bloodwite [sc. find him innocent of the charge].

²⁶ [Срезневский s. v. **ТАТЬБА** («cost of the stolen thing»); ПП, 1: 131 («the losses caused by the robbery»)].

²⁷ «If (someone) removes the suspicion of homicide from himself» [ПП, 1: 123].

Notwithstanding the uncertainty, there is some value added in interpreting **ДОУЖЕБОУ** as a type of victim's compensation. Though N855 is thus far the only record of the word **ДОУЖЕБОУ**, it may not be the only OR text to contain a reference to payments for «strength» in the context of battery. As I will show below, such payments are also mentioned in the Extended RP and in other texts with legal content; the term that designated them was **ВЪКЪ**, which meant, inter alia, 'strength'.

6.0. The three major dictionaries of OR [СДЯ; СРЯ; Срезневский] give two separate headwords for **ВЪКЪ**; in so doing, they are making the claim that the two entries were separate lexemes²⁸. The first lemma, hereafter **ВЪКЪ-TIME**, includes robustly attested nouns with temporal denotations, e. g., 'lifetime', 'age', 'millenium', 'eternity'. The second, hereafter **ВЪКЪ-HARM**, contains a few tokens glossed as *увечье* ('maiming/crippling'), a derivative of the same root²⁹. Collectively, the dictionaries cite only three cases of **ВЪКЪ-HARM**; for [СДЯ], these were the only tokens in a corpus of 784 texts (eleventh—fourteenth centuries).

While one could conjecture a chain of unattested meanings connecting **ВЪКЪ-TIME** and **ВЪКЪ-HARM**, it would be a wild-goose chase; **ВЪКЪ-HARM** is a figment of lexicographic imagination. Properly interpreted, the tokens in the dictionaries mean virtually the opposite of 'crippling'; they reflect the concept 'physical strength', or what could be called, in view of the etymology (see § 6.1), 'fighting fitness'. This meaning (hereafter **ВЪКЪ-STRENGTH**) has been noted in a few older sources³⁰. However, it has mostly been overlooked in more recent publications. Therefore, I will begin by showing that **ВЪКЪ** could indeed denote 'strength' (§ 6); then I will examine specific instances of **ВЪКЪ** as evidence for the concept of strength-fine (§ 7). The existence of such a concept would provide evidence for the interpretation of **ДОУЖЕБОУ** given in this section.

6.1. While OR **ВЪКЪ**, like its cognates in other Slavic languages, could have various temporal senses, the archaic meaning of PSI **uoi-k-os* was 'strength'.

²⁸ In putting **ВЪКЪ-TIME** and **ВЪКЪ-HARM** in separate lemmas, [СДЯ] and [СРЯ] violate their own criteria for distinguishing polysemes (grouped under a single lemma) from homonyms: polysemes have the same etymology and belong to the same part of speech [СДЯ 1: 10; СРЯ 1: 9].

²⁹ The main part of [Срезневский] does not gloss **ВЪКЪ**² and puts a question mark after the headword; however, the Supplement glosses it as 'увечье' (vol. 6, separate pagination, col. 70). The same meaning is posited by [Дьяченко: 940; Кочин 1937: 42; Тихомиров 1953: 142; Szeftel 1963: 222 («mutilation»); Черных 1993: s. v. *век*: «maiming, traces of the application of force on the body of a person»]; see also [Ibid. s. v. *увечье*; Черных 1956: 27].

³⁰ [Востоков s. v. **ВЪКЪ** («health, wholeness of the limbs»); Miklosich s. v. **ВЪКЪ** («vigor»); Преображенский s. v. *вѣкъ* («strength»); Unbegaun 1958: 173 («vigor, bodily force»)]. Other etymological dictionaries cite 'strength' only as a prehistoric meaning to explain *увечить* 'cripple' [Черных 1993 s. vv. *век* and *увечить*; Фасмер s.v. *увечить*].

PIE **ueih₁-* denoted ‘show strength, be vigorous’; cf. Greek ἰς ‘strength, force’, Latin *vīs* ‘strength, force, vigor, energy’, Sanskrit *váyas-* ‘energy, strength, health, vigor’, etc. [Olsen 2003: 313, 321]³¹. This was extended by metonymy to ‘fight’ (an expression of strength): OCS **вои** ‘soldiers’ (sg **воинѣ**), **воина** ‘war’. (Cf. figurative *fight* for ‘strength’ in English, e. g., *he still has some fight in him*.) Besides PSI **uoi-k-os*, derivatives with the stem extension **-k-* occur in Italic, Celtic, Germanic, and Baltic; these can reflect either ‘strength’ or ‘fight’: Latin *vinco* ‘vanquish’, *vix* ‘with difficulty’ (i. e., ‘requiring strength’); Old Irish *fichid* ‘fights’, *fecht*, Old Welsh *guith* ‘hostile expedition’; Welsh *gwyth* ‘wrath’; Gothic *weihan*, Old High German *wīgan*, Old Norse *vega* ‘fight’, *vīgr* ‘able to fight’; Lithuanian *apveikti*, Latvian *veikt* ‘overpower’³².

Prehistorically, PSI **uoi-k-os* underwent several metaphorical or metonymic (whole-for-part) extensions: ‘strength’ > ‘vital force’ > ‘lifetime’ (the period during which vital force endures; cf. Lit *viėkas* ‘strength; lifetime’) > ‘generation’ > ‘long period’ > ‘eternity’. All of these survived into the historical period in one or other Slavic language [Unbegaun 1958: 174]. In addition, the word underwent a further shift to ‘century’ in some Slavic languages under the influence of Greek αἰών or La *saeculum* [Ibid.: 174—176; Buck 1949: 956].

The archaic meaning ‘strength’ is attested in all three branches of Slavic. In West Slavic, it is reflected as a simplex in OCz *věk*, e. g., *věkem* (INS.SG) ‘hardly; with difficulty’ (sc. ‘only by strength/force’, cf. La *vix*), *za měho věku* (‘during my strength’ = *me florente*).³³ In South Slavic, there is a likely token in John the

³¹ This is Pokorny’s second sense; the first is “attack, charge; go in a straight direction; strive, long for, want” (s. v. 3. *uei-*, *ueiə-*). According to Olsen [2003: 313—321], the meaning of the reflexes develop from connotations such as (a) ‘virility’ (Old Irish *fer*, Gothic *wair*, Lithuanian *vyras* ‘man’, Tocharian A *wir* ‘strong, vigorous man’, Sanskrit *vīrā-* ‘brave man; hero’, Avestan *vīra-* ‘man; hero’, Latin *vir* ‘man; one possessing manly virtues’, *virtūs* ‘manliness; valor; special property, power’; *virāgō* ‘manlike woman’); and (b) ‘liveliness; freshness’ (Tocharian A *wir* ‘youthful; fresh’, Latin *virēre* ‘be green; thrive; be full of vigor’, *virgō* ‘young girl’; *virga* ‘slender green branch’).

³² [Pokorny s. v. 2. *ueik-*; Walde s. v. *ueiq-* («energetic, especially hostile manifestation of force»); Watkins 1985 s. v. *weik-*³ («fight, conquer»); Borys s. v. *wiek* («show strength»)]. Baltic cognates with the *k*-extension can also reflect the connotation ‘liveliness’: Lithuanian *vaikas* ‘boy; child; young animal; descendent’, *vėikus* ‘quick; brisk’, *vikrūs* ‘lively’, *veikti* ‘make, do’; Latvian *vaiks* ‘youth’ [Pokorny s. v. 2. *ueik-*; Fraenkel s. v. *vaikas*].

³³ See Cards 2099, 2109 of Gebauer’s OCz dictionary (vokabular.ujc.cas.cz/kartoteky.aspx?db=2, accessed November 24, 2011); [Machek s. v. *věk*; Unbegaun 1958: 175]. Card 2109 quotes Miklosich’s *Lexicon*, but without any OCz examples. Kott [s. v. *věk*] cites NOM.SG *věk* ‘robur’ (‘strength’) from Genesis 49:3, as quoted by V. Zikmund (either *Sklaďba jazyka českého*, 1863, or *Grammatika jazyka českého*, 1865). I have not been able to find this wording in the available editions of the OCz Bible. I am grateful to Lukáš Záborský for directing me to the online Gebauer card-catalogue and for other help in looking for this example.

Exarch [Miklosich s. v.; Востоков s. v.]. In addition, *vek* ‘strength’ is attested in Sl, beginning in sixteenth-century Bible translations, where it was used not only of strength and power (19a), but also of the potency of salt (19b)³⁴.

(19a) Ruben moj p̄rvorojeni Syn, ti li moj **vĕk**, inu moja p̄rva muzh (Genesis 49:3; Dalmatin).

Reuben, my first-born son, you are my **strength**, and my first might.

(19b) Dobra rezh ie ta Sul, kadar pag ta ful nee **uek** [gubi, lzhim to bote ui fazhinali? (Mark 9:50; Trubar).

A good thing is salt: but if the salt has lost its **strength**, with what will you season it?

In Dalmatin’s 1584 Bible and Megiser’s 1592 dictionary, *vek* is identified as the Carniolan equivalent of *moč* ‘strength’ in other dialects (cf. Megiser’s *vek dajatj* ‘give strength’ and *k veku perpraviti* ‘strengthen’)³⁵. Subsequent dictionaries continue to gloss the simplex *vek* as ‘strength’ up to the early twentieth century; they also note derivatives such as *večen* ‘strong’, *nevečen* ‘weak; faint’ (lit. ‘not strong’), *malovečen* ‘weak’ (lit. ‘of little strength’), *odvĕknoti* ‘strengthen’, *odvĕk dati* ‘restore’, *slabovečen* ‘infirm’ (lit. ‘of weak strength’)³⁶. Similarly, in BCS *vĕčan*, *vĕječan* can denote ‘strong enough to; sufficiently large; capable of’ [Речник s. v.], and *slabòvječan*, *slabovĕčan* ‘infirm’ (lit. ‘of weak strength’) [Skok s. v. *vĕjek*]³⁷.

6.2. Though the simplex **вѣкъ** is not glossed as ‘strength’ in the main historical dictionaries of Ru, that meaning undoubtedly persisted in MRu into the seventeenth century, as shown by (20a), a seventeenth-century proverb; (20b), a *čelobitnaja gramota* (petition) of 1600; and (20c), from the 1446 entry in the Nikonian Chronicle, in which Metropolitan Iona implores Prince Dmitrij Šemjaka to release his newly blinded rival, Grand Prince Vasilij II (20c).

³⁴ In (19a), *vek* corresponds to the Vulgate’s *fortitudo* [Colunga, Turrado 1983] and Luther’s *Kraft* (www.biblos.com, accessed August 1, 2011). Other examples of *vek* ‘strength’ appear in 2 Chronicles 20:6 (Dalmatin), Judith 4:13 (Dalmatin) and Psalms 68:36 (Trubar, Dalmatin). In his version of (19b), Dalmatin has *slanuft* (*slanost*) ‘salinity’; the same word appears in the equivalent verse in Matthew 5:13 (Dalmatin and Trubar) and Luke 14:34 (Dalmatin; Trubar has *shmah* (*šmah*) ‘taste’). Primož Trubar’s Psalter (1566) and New Testament (1582) and Jurij Dalmatin’s Bible (1584) are cited from www.biblija.net/biblija.cgi?l=sl (accessed August 1, 2011).

³⁵ [Lägreid 1967: 150, 193, 230, 231, 266, 269; Megiser 1977: 211].

³⁶ *Dictionarium latino-carniolicum* (1680—1685) and M. Cigale (1860), cited by [Lägreid 1967: 150]; [Miklosich s. v. **вѣкъ**; Bartel s. v. *Kraft*; Hubad 1908 s. vv. *vek*, *vĕčĕn*; Pleteršnik s. vv. 2. *vĕk*, *vĕčen 1*, *nevĕčen*, *nevĕčnost*]. The meaning *nevĕčen* ‘sleepy’ probably stems from ‘weak’ by a folk-etymological association with *veko* ‘eyelid’.

³⁷ The meaning ‘strength’ is not recorded for BCS *v(ij)ek* itself in [Daničić; Речник; RHSJ]. Skok (s. v. *vĕjek*) derives *slabòvječan* from a temporal meaning, comparing it to the phrase *ni dūgoga vika* ‘not of long lifespan’.

negative prefix *ne-*, implying the absence of the positive quality denoted by the root ('no strength'): BR (*з*)*нявечиць, знявечиць* 'cripple by causing physical injuries; render useless'; MRu *невѣченъ* 'sickly; weak'⁴². In addition, there are a number of derivatives with the prefixes *iz-* and *u-*, which convey separation from the quality denoted by the root ('away from strength'): Ru (*из*)*увечить*, dial *извековать, извечить* 'cripple'; *извековаться, извечиться* 'be crippled by doing/carrying something beyond one's strength'; *извековатый* 'crippled, maimed', (*об*)*увечить* 'be spoiled; be crippled' [СРНГ s. vv.]. While these derivatives do not prove that the lexeme *вѣкъ* continued to denote 'strength' during the historical period, they do show that the morpheme *věk-* could have that sense, among others, at the time of the formations. By contrast, there are no East Slavic derivatives in without an ablative or privative prefix in which the root has a meaning like 'maiming/crippling'.

6.3. The notion that OR *вѣкъ* meant 'maiming/crippling' may spring from the sense of the prefixed stem reflected in *оувѣчник (оувѣчъкъ)* 'maiming/crippling', *оувѣчънъ* 'maimed/crippled', known from Muscovite law codes, and Ru (*из*)*увечить* 'maim/cripple', unattested in medieval texts⁴³. Given the prefixation, these derivations are evidently deverbal. If the stem *u-věč-* meant 'cause harm (*věk-*) to', it would belong to the subclass of denominal causatives denoting 'cause X_{OBJ} to experience Y', where Y is the denotatum of the root, and where the prefix *u-* appears in a non-spatial meaning: OR *оуврѣдннн* 'cause harm (*vrěd-*) to-PFV', *оуранннн* 'cause a wound (*ran-*) to-PFV', *оуяззннн* 'cause a wound (*jazv-*) to-PFV', *оусилннн* 'strengthen-PFV' ('cause a feeling of strength (*sil-*) in-PFV'), *оустрашннн* 'cause fear (*strax-*) in-PFV', etc.⁴⁴

However, that cannot be the correct path of derivation. The causatives of the given class are all perfectives; they are paired either with unprefixated verbs (e. g., *врѣдннн, ранннн*) or with derived imperfectives (e. g., *оусилати, оустрашати, оуязвлати*). By contrast, the causative verb from *věk-* is imperfective and forms derived perfectives by further prefixation; cf. Ru *изувечить*. This puts the stem reflected in *оувѣчъкъ* in a handful of archaic denominal formations in which the prefix *u-* appears in a spatial (ablative) meaning⁴⁵. It is a close parallel

СРЯ s. v. *безвѣкий*; СРНГ s. vv. *безвече, обезвекнуть, обезвековать*]. The suffixless formation in *безвѣкъ* also occurs in *безбогъ* 'godless' (*bog-* 'God'), *бестоудъ* 'shameless' (*stud-* 'shame'), and *всечадъ* *besčadъ* 'childless' (*čad-* 'child') [Срезневский s. vv.].

⁴² See [ТСБМ s. vv. *нявечиць, знявечиць, знявечиць*; СРЯ s. v. *невѣчный*].

⁴³ [Черных 1993 s. vv. *век, увече*; Греков 1952: 26, 148 (Law Codes of 1497, § 52, and 1550, § 26)].

⁴⁴ The OR verbs come from [Срезневский s. vv.]; I have paraphrased the glosses to bring out the causative meaning.

⁴⁵ Cf. [Фасмер s. v. *увечить*; Крылов s. v. *век*]. Суганенко [Цыганенко s. v. *век*] states that the prefix has a «negative» meaning and that the original meaning of the verb was «to deprive of strength, of the capacity to work».

to OR **оубожник** (**оубожникъ**) ‘poverty (i. e., deprivation from wealth)’, **оубожити** ‘deprive of wealth-IPFV’ [Срезневский s. vv.], which reflect an archaic sense of the root *bog-* as ‘wealth, fortune’ rather than ‘god’; cf. the derived perfectives **пооубожити са** ‘become poor-PFV’ [СДЯ], Ru dial *изубожить* ‘impoverish; uglify-PFV’, *заубожиться* ‘start to pretend poverty’ [СРНГ s. vv.]⁴⁶. Likewise, **оувѣчьк** can be analyzed as ‘deprivation from’ the property denoted by the root *vĕk-*. Clearly, ‘deprivation from maiming/crippling’ would make little sense, while ‘deprivation from lifetime’ (or any other temporal sense) would imply that the patient had died rather than experiencing non-lethal grievous bodily harm. However, all of the attested meanings of **оувѣчьк** and its modern cognates can easily be derived from the notion ‘deprivation from strength’.

6.4. In sum, there is firm evidence that the lexeme **вѣкъ**-STRENGTH survived, at least in Ru dialects, into the seventeenth century⁴⁷. In addition, the morpheme *vĕk-* undoubtedly continued to mean ‘strength’, among other senses, in the historical period. On the other hand, there is no warrant for positing that either the lexeme **вѣкъ** or the morpheme *vĕk-* ever denoted a type of harm or injury. In § 7, I will demonstrate that the tokens of **вѣкъ** interpreted as ‘maiming/crippling’ in previous works were assigned that meaning due to a loose reading of the larger contexts in which they occur. Correctly understood, these tokens seem to denote the same concept as **доуژهбоу** in N855 or a closely related one.

7.0. The token of **вѣкъ** in (21), from § 27 of the Extended RP, is read as **вѣкъ**-HARM in the three major dictionaries of OR and in every modern translation that I have been able to consult⁴⁸.

(21) **Аче ли оутнеть роукоу, и штпадеть роука или оусъхнеть, или нога, или вко, или не оутънеть, тъ полъ вирты 20 гривенъ, а томоу за вѣкъ 10 гривенъ** (Synodal Copy, 1282 [PII, 1: 124])⁴⁹.

⁴⁶ Though none of the simplex reflexes of **bog-* preserve this initial meaning, it occurs not only in **оубогъ** but in OR **богатъ** ‘rich’ (with pan-Slavic cognates) and the theonym **дажьбогъ** ‘give-wealth’. Cf. the Indo-Iranian cognates reflecting the meaning ‘apportion’: Sanskrit *bhāgas* ‘Giver (epithet of Savitr)’, Avestan *baγa-*, *baga-* ‘good fortune; share’ [Pokorny: 107; Фасмер s. vv. *бог*, *богатый*, *Дажь(д)ьбог*, *убогий*; Polomé, Dexter 1997: 211].

⁴⁷ At least one example can be cited from modern Ru dialects. Old settlers in the Irtysk area used the following saying: *век есть, так и лекарство поможет, а веку нет, так и ничё не поможет* ‘If one has strength medicine will help him, if one has not nothing will help’ [СРСГСР: 88].

⁴⁸ The modern translations are (a) «maiming» [Kaiser 1992: 22; СЦСРЯ s. v. *вѣкъ*; Sokolov s. v. *вѣкъ*; Свердлов 2011; Szeftel 1963: 72]; I. N. Boltin, S. F. Platonov, V. N. Storožev, M. F. Vladimirskij-Budanov, J. F. G. Ewers, L. K. Goetz, cited in [PII, 2: 346—347; PPII, 1: 123, 150]; (b) «disfigurement» [Востоков s. v. *вѣкъ*]; (c) «wound» (J. Rakowiecki, cited in [PII, 2: 346]); (d) «injuries» [Vernadsky 1947: 39]; and (e) «lost health» [СЦСРЯ s. v. *вѣкъ*; Соколов s. v. *вѣкъ*; Востоков s. v. *вѣкъ*].

If [someone] cuts [someone else's] arm/hand, and the arm/hand falls off or withers — or a leg/foot or an eye — or if he does not cut [it but harms it in some other way], then [he must pay] half the bloodwite, 20 *grivnas*, and to that [victim] 10 *grivnas* for **вѣкъ**.

This passage undoubtedly deals with grievous bodily harm, so it is easy to understand why **вѣкъ** has been taken as a form of injury. If that were the meaning, **за вѣкъ** would be parallel to the many prepositional phrases in the RP where the object is a noun denoting some kind of harm, and the preposition **за** 'for' has the contextual meaning 'as penalty/ compensation for inflicting': **за раню** 'for the wound' (§ 30), **за обиду** 'for the offense' (§§ 23, 34, 47), **за соромъ** 'for the shame' (§ 65), **за мучкоу** 'for the torture' (§ 85), etc. [PII, 1: 124—125, 127, 131—132]. Indeed, the phrase *за увечие* 'for the maiming/crippling' (see § 6.3, above) is actually attested in the Muscovite law code of 1550 (§ 26) [Греков 1952: 148].

In the language of early East Slavic law, the preposition **за** also frequently occurs in statements of penalties with nouns that denote not the damage inflicted but the things damaged. In such cases, **за** has the contextual meaning 'as penalty or compensation for (the loss of)': **за голову** 'for a life' (lit. 'head', § 1); **за кобылоу** 'for a mare' (§ 45); **за зювѣ** 'for a tooth' (§ 68); **за челнъ** 'for a dugout' (§ 79); etc. [PII, 1: 123, 126, 128, 131]. Similarly, the phrase **за вѣкъ** in (21) can be interpreted as 'for (the loss of) strength'; it can be compared, in particular, with **за голову** and **за зювѣ**, which likewise involve inalienable possessions of the human victim.

A point in favor of this interpretation is the particular list of injuries that entail compensation **за вѣкъ** — irreparable damage to an arm or hand, a leg or foot, or an eye. In § 27, the culprit must pay the authorities 20 *grivnas*, a penalty equal to half the bloodwite for killing someone outside the prince's service (defined in § 1), and give the victim a payment **за вѣкъ** equal to a quarter of the bloodwite⁴⁹. In all probability, the injuries mentioned in § 27 are counted as the punitive equivalents of half a homicide because they disable the victim for fighting or other labor that requires strength or physical functionality. (Cf. the earliest attestations of the derived adjectives **везвѣчныи**, **оувѣчныи** 'crippled' in fifteenth-century law codes, which refer to witnesses who are not physically fit enough fight judicial duels⁵¹.) By contrast, wounds that can be healed or do not

⁴⁹ Similarly in other copies [PII, 1: 106, 151, 169, 188, 218, 247, 284, 302, 331, 349, 373]. In a few late copies, **за вѣкъ** is reinterpreted as **за вѣтъ** [Ibid.: 373, n. 27], perhaps because **вѣкъ**-STRENGTH was moribund or obsolescent.

⁵⁰ In the articles on battery, the crime is stated in a conditional clause; the punishment is specified in conjoined clauses, the first of which establishes the fine, the second the victim's compensation. The culprit, as major topic, is conveyed by null anaphora, and the victim contrastively by forms of the demonstrative **тъ** or the pronoun **самъ**.

⁵¹ Pskov Judicial Charter, § 21 [PIPI, 2: 289]; Law Code of Ivan III, 1497, §§ 49, 52 [Греков 1952: 26].

involve the loss of functionality, which are covered in §§ 28—31, carry a smaller fine and a smaller compensation for the victim [П, 1: 124—25].

7.1. In (21), the meaning of *за вѣкъ* would be the same regardless of whether *вѣкъ* itself were read as ‘maiming’ or ‘strength’ because of the underspecification of the preposition *за*. However, in other examples the meaning assigned to *вѣкъ* can be critical for the interpretation of the larger context. This is the case in a second purported example of *вѣкъ*-HARM (22) cited by Sreznevskij, which occurs in a letter of ca. 1451 from Metropolitan Iona to Prince Mixail Andreevič:

- (22) и тѣтъ попь с теми твоими горо^Аскими лю^Ами... двор^А мон^Х. пере[ви]ли: а вили, сказывають, на см(ε)ртъ. Но милостию пр(ε)-ч(и)^Стыи, всѣ, да^А в(о)гъ, живы^И, а впрокъ дван и [sc. два и^Х или — DEC] три вез вѣка (formulary edition of ca. 1535 [ACBP, 3: 25].

And that priest, along with the people of your city... beat my agents; and they were beating them, they say, to death. But by the mercy of the Virgin, they are all — God sent — alive, but two of them or three are without вѣкъ forever.

In [Срезневский, Supplement: 70 (separate pagination)], this example is glossed as «maiming». However, it is unlikely that Iona would trouble to report the good news that his servants were «without maiming»; that would have been impolitic, since it would mitigate the very crimes that he was denouncing. (Cf. his claim that the culprits were beating his servants «to death», i. e., with the intent to kill them.) Furthermore, the notion that the victims were «without maiming» is hard to reconcile with the use of the adverb *въпрокъ* ‘for the remaining time; forever; for the future’ (see [Срезневский s. v. прокъ]). It is more plausible to interpret the final two clauses in an adversative sense: Iona’s servants are alive, but some are disabled («without strength»).

The sense of unfitness for work (with or without actual crippling) can also be seen in derivatives of *věk-* recorded in obsolete or dialectal Ru (see § 6.2), which denote debility caused by illness, overwork, depression, or bad luck⁵². While these could be metaphorical extensions from ‘cripple’, a more straightforward derivation goes from the general meaning ‘weaken, cause disability’ to the particular senses ‘cripple’ (‘disable permanently’), ‘make ill’ (‘disable permanently or temporarily’), and ‘exhaust’ (‘disable temporarily’)⁵³. In all these cases, the person who has lost the quality denoted by *věk-* is no longer «fighting fit» or

⁵² See [Даль s. vv. безвѣчье, безвѣчить, обезвѣчиться, обезвѣкнуть, увѣчить; САР s. vv. увѣчить, увѣчный; СЦСРЯ s. v. увѣчиться; Соколов s. v. увѣчный; СРНГ s. vv. безвечить, безвечиться; ССРЛЯ s. v. увечный].

⁵³ Other senses are metaphorical: *увечить* ‘damage, spoil; distort, pervert (facts, reality, etc.)’, *увечный* ‘detrimental’ [ССРЛЯ s. vv.]; *обезвечить*, ‘deflower’ (i. e., ‘unfit for marriage’ in peasant culture) [СРНГ s. v.].

functional in expected activities. Cf. the maxim «Съ ремесломъ и увѣчный хлѣба добудеть» («With a craft, even a cripple will get his bread» [Даль s. v. *увѣчный*]), where the subject has not lost the ability to work per se but the ability to do peasant agricultural labor.

7.2. The third putative case of **вѣкъ**-HARM, cited in [Срезневский; СДЯ], occurs in § 3 of the Gotland redaction of the 1229 Treaty of Smolensk with Riga and Gotland (23).

- (23) **Аже кого оуранать · полуторгы гривны серебра · аже боудѣте без вѣка** ∴ **Тако платити · оу смолѣнске · и оу ризѣ · и на гочкомъ берѣзѣ** ∴ (Copy A, ll. 20—22 [Schaeken 2000]; see also [Аванесов 1963: 21]).

If they wound someone, [the penalty is] one and a half *grivnas* of silver, if [he/it] is without **вѣкъ**. Thus one must pay in Smolensk and in Riga and on the Gotland Coast.

The somewhat later Riga redaction has a different phrase, **а хромоты на телѣ не боудеть** («and there will be no lameness on [his] body»)⁵⁴. Assuming this is a close paraphrase, «no lameness» fills the slot of «without **вѣкъ**». Thus the word-index to Avanesov's edition [Там же: 97] translates the token in (23) as «maiming» and puts it in a separate lemma from **вѣкъ** 'perpetuity'⁵⁵.

Example (23) seems, *prima facie*, to support the existence of **вѣкъ**-HARM. To be sure, one can get an intelligible reading by interpreting **без вѣка** in (23) as 'without strength': «If someone is wounded, [the penalty is] one and a half *grivnas* of silver, if [the victim] is without strength». The problem is that battery causing the functional loss of a body part—the context in which **за вѣкъ** occurs in the RP — is covered in the previous article of the treaty⁵⁶. Presumably, then, we would expect crimes that permanently damage the victim's «strength» to be discussed in § 2, not in the article that actually contains the term **вѣкъ**. Moreover, even though the hypothetical victim in § 3 may be bleeding, contused, concussed from blunt-force trauma, or suffering from a penetration wound likely to require protracted healing, he is undoubtedly «without maiming» *sensu stricto*.

In reality, there is no need to take **без вѣка** in the 1229 Treaty as evidence for **вѣкъ**-HARM. Rather, it can be interpreted as a metonymic extension of

⁵⁴ This reading comes from Copy D, dating from 1270—1277 [Аванесов 1963: 36, ll. 33—34]. On the dating of the redactions and copies, see [Ibid.: 62]. The wording «and there will be no laming on [his] body» is also found twice in a treaty between Smolensk and Riga and Gotland from ca. 1223—1225 [Ibid.: 11].

⁵⁵ L. K. Goetz (cited in [Schaeken 2000]) translated *bez věka* as «ohne Verstümmelung».

⁵⁶ Copy A, ll. 16—18 [Schaeken 2000; Аванесов 1963: 21]. The specified fine of one-and-a-half *grivnas* in § 3 is half of the lowest penalty stated in § 2 (for knocking out a tooth). Goetz (1916) labels § 2 as «Verstümmelung» («Mutilation») and § 3 as «Kör-perverletzung» («battery») (cited in [Schaeken 2000]).

ВѢКЪ-STRENGTH with the meaning ‘penalty or compensation for (the loss of) strength’ (hereafter **ВѢКЪ**-PENALTY). This produces a plausible reading, in which the less injurious battery in § 3 is carefully delineated from the mayhem discussed in § 2: «If they wound someone, [the penalty is] one and a half *grivnas* of silver, if it is without payment for [the victim’s] strength» — that is, only if the provisions in § 2 do not come into play. Another benefit of this interpretation is that **ВѢКЪ**-PENALTY may be compared with **ДОУЖЕВА**², one of the senses proposed for **ДОУЖЕБОУ** in N855 (see § 5.2).

7.3. The proposed shift from ‘strength’ to ‘payment for strength’ may have been facilitated by the ambiguity of the preposition **ЗА**. With terms for taxes or fees, **ЗА** could convey ‘(serving) in payment of’, as in (24a—b) (not to be confused with the sense ‘in exchange for’, where the object would be a commodity received by the payer). Thus **ЗА ВѢКЪ** ‘in compensation for strength’ could potentially undergo covert reanalysis to ‘in payment of the **ВѢКЪ**’.

(24a) **АЧЕ ЖЕ И КРЪВАВЪ ПРИДЕТЬ, ИЛИ БОУДЕТЬ САМЪ ПОЧАЛЪ, А ВЪСТОУПАТЬ ПОСЛОУСИ, ТО ТО КМОУ ЗА ПЛАТЕЖЪ, УЖЕ И ВИАИ** (Extended Redaction of the RP, Synodal Copy, 1282, § 29 [РП, 1: 124—125].

If he does come in bloody, if he started [the fight] himself, and witnesses come forth, then it [will suffice] him for payment that they beat him.

(24b) **АТЬ КМЛЕТЬ ПИСКОУПЪ ЗА ДЕСАТИНОУ Ѡ ВНРЪ И ПРОДАЖЪ. Ѡ ГРИВЕНЪ НОВЫХЪ КОУНЪ** ‘let the bishop take 100 *grivnas* of new *kunas* from the wergilds and fines as tithe-money’ (Church Rule of Svjatoslav Ol’govič, 1137, in a copy of the mid-fourteenth century [СДЯ s. v. **ЗА**, meanings II.8 and II.9]).

Whatever the mechanism, there is strong evidence that a shift to **ВѢКЪ**-PENALTY actually occurred. In the *Pravosud’e mitropolič’e*, a supplement to the RP probably compiled in the fifteenth century, it is stipulated that assailants who cause permanent damage to an eye must pay a penalty called a **ПОЛЪВѢКА** ‘half-*věky*’ (25):

(25) **УКО Ч(Е)Л(ОВЕ)КОУ СОУ^А(И)ТЬ^С(А) ЗА ПО^АВѢКА — 40 ГРИ^ВНЫ** (*Pravosud’e mitropolič’e*, early sixteenth century [АСБР, 3: 23]).

[The loss of] a person’s eye is judged at a **half-*věky***: 40 *grivny* [is the penalty].

Clearly it makes no sense to interpret **ПО^АВѢКА** in (25) as ‘half a maiming’, even metaphorically; an injury causing the loss or blindness of an eye is a whole maiming. Thus, paradoxically, **ПО^АВѢКА** has been recognized as a type of penalty even in sources that treat **ВѢКЪ** itself as ‘maiming’⁵⁷. Logically, if the term *half-*

⁵⁷ An exception is [СРЯ s. v.], which interprets **ПО^АВѢКА** as «bodily harm for which half a fine is imposed».

вѣкъ denoted a monetary sanction, the term **вѣкъ** must have denoted a larger monetary sanction at the time of the derivation⁵⁸.

8.0. In this article, I have suggested that N855 was not a private letter but a field report by a judicial officer. In addition, I have provided a variety of pragmatic and lexical evidence for new interpretations of the final clause in the birchbark. As shown in § 2, the published translation, while coherent, entails a socio-pragmatic incongruity; thus it is preferable to read the verb **испраоу** in a meaning other than ‘I will pay’ — either ‘I will collect’ or ‘I will investigate/judge’ (§§ 3—4). In combination with these meanings of the verb, the hapax legomenon **доуژهоу** is unlikely to denote ‘recovery, cure’, as suggested in the published translation; rather, it can be understood as a term for either a financial penalty or a type of crime. Both of these senses permit fully coherent, socio-pragmatically plausible readings. Moreover, both meanings can be derived from the meaning ‘strength’, established for the root *dug-* by comparative reconstruction and analysis of other derivatives of the same root (§ 5). As shown in §§ 6—7, there is independent evidence that the concept of ‘strength’ was invoked in Rus’ian law in cases of battery, though the term used in other texts was **вѣкъ** (*věk-*). The fact that *dug-* and *věk-* both denote ‘strength’, at least in some of their attested forms, makes it plausible to interpret **доуژهоу** as an alternative term for ‘strength-fine’, the payment imposed for damaging the victims’ ‘strength’. While there is no proof positive for this reinterpretation, there is a preponderance of evidence in its favor.

References

Аванесов 1963 — Смоленские грамоты XIII—XIV веков / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963.

АСВР Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3 / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1964.

Борковский, Кузнецов 1965 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1965.

БРС — Белорусско-русский словарь. Т. 1—2 / Ред. К. К. Атраховича. 2-е изд. Минск, 1988.

Востоков — Словарь церковно-славянского языка, составленный А. Х. Востоковым. Т. 1—2. СПб., 1858—1861.

⁵⁸ In N382 (later fourteenth century), [НГБ-6: 82] reads **лѣвѣканивѣка** as ‘forever and ever’. However, A. A. Gippius (personal communication) has reinterpreted the phrase as **(по)лѣвѣка и вѣка** ‘half-*věkь* and *věkь*’. He points out that ‘forever and ever’ would be **вѣкы и вѣкы**, not ***вѣка и вѣка**. (M.NOM/ACC.PL -*á* is not attested in Novgorodian and only appears in other dialects in the later fifteenth century. See [ДНД: 109—110; Борковский, Кузнецов 1965: 212].

Горелова 1969 — И. В. Горелова. Из истории отвлеченных существительных с суффиксом *-ба* // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1969. С. 29—42.

Греков 1952 — Судебники XV—XVI веков / Под ред. Б. Д. Грекова. М., 1952.

ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1—27 / Гал. рэд. А. І. Жураўскі. Мінск, 1982—.

Даль — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4 / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Репринт 3-го изд. М., 1903—1909/1998.

ДНД — А. А. Зализняк. Древненогородский диалект. 2-е изд., перераб. М., 2004.

Дьяченко — Г. Дьяченко. Полный церковнославянский словарь. М., 1899.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Т. 1—7 / За ред. О. С. Мельничука и др. Київ, 1982—2006.

Ефимова 2006 — В. С. Ефимова. Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006.

Зализняк 1986 — А. А. Зализняк. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1977—1983 годов). М., 1986. С. 89—219.

Кочин 1937 — Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря Древней Руси. М., 1937.

Крылов 2004 — Г. А. Крылов. Этимологический словарь русского языка. СПб., 2004.

Медынцева 1978 — А. А. Медынцова. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI—XIV вв. М., 1978.

Миртов — А. В. Миртов. Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков. Репринт. изд. Leipzig, 1929/1971.

НГБ-6 — А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1958—1961 гг. М., 1963.

НГБ-11 — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1997—2000 гг. М., 2004.

Понырко 1992 — Н. В. Понырко. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI—XIII вв.: Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992.

Преображенский — А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. 1910—1914. Репринт. изд.: Etymological Dictionary of the Russian Language. New York, 1951.

ППП — Памятники русского права. Т. 1—8 / Изд. подгот. С. В. Юшков и др. М., 1952—1961.

ПСРЛ 3 — Полное собрание русских летописей. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего извода / Под ред. А. Н. Насонова. Репринт. изд. М., 1950/2000.

ПСРЛ 8 — Полное собрание русских летописей. Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку / Под ред. А. Ф. Бычкова. Репринт. изд. М., 1859/2001.

ПСРЛ 12 — Полное собрание русских летописей. Т. 11—12: Патриаршая, или Никоновская летопись / Под ред. С. Ф. Платонова. Репринт. изд. М., 1897—1901/1965.

ПСРЛ 25 — Полное собрание русских летописей. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века / Под ред. М. Н. Тихомирова. Репринт. изд. М., 1949/2004.

Речник — Речник српскохрватског књижевног и народног езика / Ред. А. Белич и др. Београд, 1959—.

РП — Правда русская. Т. 1—3 / Под ред. Б. Д. Грекова. М., 1940—1963.

САР — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Т. I—VI. СПб., 1806—1822.

Свердлов 2011 — М. Б. С в е р д л о в. Русская Правда (Пространная редакция) // www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4947. Accessed August 20, 2011.

СДЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) Т. 1—8. М., 1988—2008.

Соколов — П. С о к о л о в. Общий церковно-славяно-русский словарь. Т. 1—2. СПб., 1834.

Срезневский — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III. СПб., 1893—1912. Репринт. изд. М., 1989.

Срезневский 1860 — И. И. С р е з н е в с к и й. Сказания о святых Борисе и Глебе: Сильвестровский список. СПб., 1860.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—41— М.; Л., 1965—2007—.

СРСГСП — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья (А—З). Ч. 1 / Под ред. Г. А. Садретдиновой. Томск, 1992.

СРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—29— М., 1975—2011—.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка Академии наук СССР: В 17 т. М.; Л., 1948—1964.

СУМ — Словник української мови. Т. 1—11 / За ред. І. К. Білодіда. Київ, 1970—1980.

СЦСРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка имп. Академии наук. Т. 1—4. 2-е изд. СПб., 1867—1868.

Тихомиров 1953 — М. Н. Т и х о м и р о в. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.

ТСБМ — Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 1—5 / Ред. К. К. Атрахович. Мінск, 1977—1984.

Фасмер I—IV — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1986—1987.

Хорошев 2009 — А. С. Х о р о ш е в. Остромир-Иосиф // Великий Новгород. История и культура IX—XVII веков: Энциклопедический словарь / Под ред. В. Л. Янина. СПб., 2009. С. 374.

Цыганенко — Г. П. Ц ы г а н е н к о. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1970.

Черных 1956 — П. Я. Ч е р н ы х. Очерк русской исторической лексикологии: Древнерусский период. М., 1956.

Черных 1993 — П. Я. Ч е р н ы х. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1—2. М., 1993.

ЭССЯ 1—36 — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1—36. М., 1974—2010.

Янин 2001 — В. Л. Я н и н. У истоков новгородской государственности. Новгород, 2001.

Янин 2003 — В. Л. Я н и н. Берестяные грамоты как исторический источник // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 15—23.

Bartel — A. B a r t e l. Deutsch-slovenisches Hand-Wörterbuch. 5th ed. Prevalje, 1921.

- Bartoš — F. Bartoš. Dialektický slovník moravský (Archiv pro lexikologii a dialektologii 6). Prague, 1906.
- Binchy 1934 — D. A. Binchy. Sick-maintenance in Irish Law // *Ériu* 12. 1934. P. 78—134.
- Boryś — W. Boryś. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- Buck 1949 — C. D. Buck. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages: A Contribution to the History of Ideas. Chicago, 1949.
- Černá, Stluka 2005 — A. M. Černá, M. Stluka. Lexém *vetech* ve staré češtině // *Naše řeč* 88/2. nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?lang=en&art=7830. Accessed December 3, 2011.
- Colunga, Turrado 1983 — Biblia sacra, iuxta Vulgatam Clementinam (Biblioteca de autores cristianos, 14). 6th ed. / A. Colunga, L. Turrado (Eds.). Madrid, 1983.
- Daničić — Đ. Daničić. Rječnik iz književnih starina srpskih. 2 vols. 1863—1864. Reprint. Graz, 1962.
- Dewey, Kleimola 1970 — H. W. Dewey, A. M. Kleimola. Suretyship and collective responsibility in pre-Petrine Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 18. 1970. P. 337—354.
- Dewey, Kleimola 1982 — H. W. Dewey, A. M. Kleimola. From the kinship group to every man his brother's keeper: Collective responsibility in pre-Petrine Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 30. 1982. P. 321—335.
- Dewey, Kleimola 1984 — H. W. Dewey, A. M. Kleimola. Russian collective consciousness: The Kievan roots // *Slavonic and East European Review*. 62/2. 1984. P. 180—191.
- Eckhoff 2007 — H. M. Eckhoff. Old Russian Possessive Constructions: A Construction Grammar Account. Ph. D. Dissertation, University of Oslo, 2007.
- Fiedlerová 1973 — A. Fiedlerová. Z čtvrtého sešitu Staročeského slovníku // *Naše řeč* 56/4. 1973. nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?lang=en&art=5713. Accessed December 1, 2011.
- Fraenkel — E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. 2 vols. Heidelberg, 1962—1965.
- Hubad 1908 — Anton Janežičev slovenko-nemški slovar. 4th ed. / F. Hubad (ed.). Klagenfurt, 1908.
- Jungmann — J. Jungmann. Slovník česko-německý. 5 vols. 1834—1839. Reprint. Prague, 1989—1990.
- Kaiser 1980 — D. H. Kaiser. The Growth of Law in Medieval Russia. Princeton, 1980.
- Kaiser 1992 — The Laws of Rus' — Tenth to Fifteenth Centuries (The Laws of Russia, I: Medieval Russia 1) / D. H. Kaiser (Ed.). Salt Lake City, 1992.
- Kiparsky 1975 — V. Kiparsky. Russische historische Grammatik. Vol. 3: Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975.
- Kott — F. Kott. Českoněmecký slovník zvláště grammatikofraseologický. Vol. 4. Prague, 1884.
- Lägreid 1967 — H. Megiser. Slovenisch-Deutsch-Lateinisches Wörterbuch (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes 7) / A. Lägreid (Ed.). Wiesbaden, 1967.
- LSJ — The Online Liddell-Scott-Jones Greek-English Lexicon. www.tlg.uci.edu/ljsj/-eid=1&context=lsj. Accessed August 1, 2011.
- Machek 1968 — V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Prague, 1968.

Megiser 1977 — H. Megiser. Thesaurus polyglottus, iz njega je slovensko besedje z latinskimi in nemskimi pomeni za slovensko-latinsko-nemski slovar (Razred za filološke in literarne vede, Classis II: Philologia et litterae, 32. Institut za slovenski jezik, 12) / J. Stabéj (Ed.). Ljubljana, 1977.

Meillet 1961 — A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Vol. 2. 2nd ed. Paris, 1961.

Miklosich — F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. 1862—1865. Reprint. Aalen, Germany, 1963.

OED — OED Online. 2011. www.oed.com.proxy.lib.ohio-state.edu. Accessed August 21, 2011.

Oliver 2008 — L. Oliver. Sick-maintenance in Anglo-Saxon Law // The Journal of English and Germanic Philology. 107. 2008. P. 303—326.

Olsen 2003 — B. A. Olsen. Fresh Shoots from a Vigorous Stem: IE **u_hró-* // Language in Time and Space: A Festschrift for Werner Winter on the Occasion of his 80th Birthday (Trends in Linguistics Studies and Monographs 144) / Brigitte L. M. Bauer, G.-J. Pinault (Ed.). Berlin, 2003. P. 313—330.

Orel 2003 — V. Orel. A Handbook of Germanic Etymology. Leiden, 2003.

Pleteršnik — M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar. 2 vols. Ljubljana, 1894.

Pokorny — J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Bern, 1959.

Polomé, Dexter 1997 — E. C. Polomé, M. R. Dexter. Fortune // Encyclopedia of Indo-European Culture / Ed. J. P. Mallory and D. Q. Adams. Chicago, 1997. P. 211—212.

PSJČ — Příruční slovník jazyka českého. 8 vols. / O. Hujer et al. (eds.). Prague, 1935—1957.

RHSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. 23 vols. / Đ. Daničić, et al. (Eds.). Zagreb, 1880—1976.

Rosa 2008 — V. J. Rosa. Thesaurus Linguae Bohemicae / Ed. D. Boudová et al. Praha, 2008. bara.ujc.cas.cz/slovníky/rosa/rosafst263.html. Accessed December 1, 2011.

Schaeken 2000 — J. Schaeken. The 1229 Treaty between Smolensk, Riga and Gotland (version A). 2000. www.schaeken.nl/lu/research/online/editions/1229/1229atxttuf.html. Accessed August 1, 2011.

Schaeken 2011a — J. Schaeken. Don't Shoot the Messenger: A Pragmaphilological Approach to Birchbark Letter no. 497 from Novgorod // Russian Linguistics. 35. 2011. P. 1—11.

Schaeken 2011b — J. Schaeken. Sociolinguistic Variation in Novgorod Birchbark Documents: The Case of no. 907 and Other Letters. Russian Linguistics. 35. 2011. P. 351—359.

Shevelov 1965 — G. Y. Shevelov. A Prehistory of Slavic: The Historical Phonology of Common Slavic. New York, 1965.

Skok — P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T. I—III. Zagreb, 1971—1973.

SP — Słownik prasłowiański. 8 vols. // F. Slawski (Ed.). Wrocław, 1961—2001.

Szeftel 1963 — M. Szeftel. Documents de droit public relatifs à la Russie médiévale. Brussels, 1963.

Unbegaun 1958 — B. O. Unbegaun. Un parallèle sémantique greco-slave // Sybaris: Festschrift Hans Krahe zum 60. Geburtstag am 7. Februar, 1958. Wiesbaden, 1958. P. 173—176.

Vernadsky 1947 — Medieval Russian Laws / G. Vernadsky (trans.). New York, 1947.

Walde — A. Walde. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Berlin, 1927—1932.

Watkins 1976 — C. Watkins. Sick-maintenance in Indo-European // *Ériu*. 27. 1976. P. 21—25.

Watkins 1985 — The American heritage dictionary of Indo-European roots / C. Watkins (ed.). Boston, 1985.

Zibrt 1906 — Č. Zibrt. Matouše Benešovského Philonoma Knížka slov českých vyložených, odkud svůj počátek mají, totiž jaký jest jejich rozum 1587 // *Český lid*. 15. 1906. S. 195—199.

Д. Э. КОЛЛИНС

**СИЛА В СУДЕБНОМ ДЕЛЕ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
НАРАХ LEGOMENON ДОУЖЕБОУ
В НОВГОРОДСКОЙ БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТЕ № 855**

В статье автор выдвигает предположение, что новгородская берестяная грамота № 855 была донесением судебного исполнителя, и предлагает новые интерпретации для последней фразы грамоты. Он предполагает, что глагол **испралоу** означал или 'я соберу', или 'я расследую/рассужу' и что при глаголе с такой семантикой **нарах legomenon доужебоу** может быть понят как термин, обозначающий либо денежный штраф, либо разновидность преступления. Оба значения выводятся из значения 'сила', которое устанавливается для корня *dug-* в результате сравнительной реконструкции. Автор показывает, что древнерусское законодательство апеллировало к понятию 'сила' при побоях, однако в других памятниках использовался термин **вѣкъ**. Тот факт, что и *dug-*, и *věk-* означали 'сила', позволяет интерпретировать **доужебоу** как еще один термин для 'штрафа за силу', платежа за нанесение ущерба 'силе' жертвы.

Ключевые слова: новгородские берестяные грамоты, гапакс **доужебоу**, значение др.-рус. **вѣкъ**.

Е. А. МИШИНА

«СИТУАЦИЯ НАПРАСНОГО ОЖИДАНИЯ» И ОТРИЦАНИЕ

Настоящая статья посвящена описанию особенностей функционирования некоторых форм от глаголов совершенного вида (далее СВ), а именно имперфектов и действ. причастий наст. времени, в отрицательных контекстах на материале ранних восточнославянских памятников письменности.

В др.-рус. период сфера функционирования глаголов СВ была шире по сравнению с современным русским языком (далее СРЯ)¹. В СРЯ практически во всех типах контекстов, допускающих конкуренцию видов, несовершенный вид (далее НСВ) является основным (нейтральным) средством выражения, а СВ оказывается вытесненным на периферию: либо его употребление практически невозможно (как в наст. историческом), либо ограничено по сочетаемости (напр., так называемый «презенс напрасного ожидания»), либо стилистически маркировано (напр., наглядно-примерное употребление). Однако, на наш взгляд, было бы преувеличением утверждать, что в др.-рус. период глаголы, которые уже можно считать глаголами СВ, употребляются как-то принципиально иначе по сравнению с СРЯ. Следует признать, что все те явления в употреблении видов, которые мы наблюдаем с СРЯ, как тенденции имели место уже и в др.-рус. языке, иначе говоря, все те особые случаи употребления СВ, которые мы находим в др.-рус. памятниках, уже в ранний период встречаются очень редко по сравнению с употреблением НСВ в тех же типах контекстов. Таким образом, они, как правило, представляют собой исчезающие явления, что принципиально важно для нашего понимания видо-временной системы древнейшего периода.

Прежде чем перейти к анализу конкретного материала, необходимо сказать несколько слов о состоянии видовой системы в ранний др.-рус. период, так как в настоящее время этот вопрос можно считать одним из наиболее дискуссионных: исследователями высказываются прямо противоположные точки зрения. На наш взгляд, применительно к др.-рус. периоду мы уже можем говорить о различии совершенного и несовершенного видов, хотя видовая система еще и находилась в стадии формирования (ана-

¹ Об особенностях функционирования глаголов СВ в сфере неактуального настоящего и настоящем историческом в др.-рус. период см. [Мишина 1997; 2001; 2002].

логичное мнение высказывается, напр., в [Зализняк 2004: 177]). Главным (но, разумеется, не единственным) отличием от современного состояния является неполный охват лексики. Так, многие глаголы (прежде всего бесприставочные, но также и довольно широкий ряд приставочных) выражали значения обоих видов; по-видимому, еще не существовало чисто видовых пар, хотя процесс их формирования очевидно имел место. Тем не менее в видовое противопоставление уже были втянуты вторичные имперфективы (маркированно процессуальные) и приставочные глаголы с предельной семантикой, большинство из которых, по-видимому, уже выражало семантику СВ, во всяком случае, их аспектуальное поведение мало чем отличается от поведения глаголов СВ в современном русском языке². Следует также подчеркнуть, что и среди бесприставочных глаголов некоторые уже имели определенную видовую характеристику. В дальнейшем при анализе материала мы будем пользоваться терминами СВ и НСВ по отношению к др.-рус. глаголам, прежде всего имея в виду их аспектуальное поведение.

А. А. Зализняком на материале берестяных грамот, а также других письменных источников др.-рус. языка был выделен и описан особый тип употребления презентных форм от глаголов СВ в сфере неактуального настоящего, названный «презенсом напрасного ожидания» [Зализняк 1990; 1993]. «Под этим условным наименованием объединяются случаи, когда презенс от глагола совершенного вида, выступающий с отрицанием, получает значение типа ‘упорно отказывается сделать’, ‘все никак не сделает’, например, *не даст* ‘упорно не дает’, ‘не хочет дать’, ‘все никак не дает (не даст)’» [Зализняк 2004: 178]. Этот тип употребления сохранился и в современном русском языке, но с синтаксическими ограничениями: требуется сочетание с наречиями *никак*, *все никак*, *нигде*, если речь идет о «напрасном ожидании» единичного действия, ср.: *Все никак не соберусь отнести часы в ремонт*, *Он никак не отдаст мне долг*, и сочетание с наречием *никогда* или отрицат. част. *ни*, если речь идет о «напрасном ожидании» повторяющегося действия: *Он никогда вам не поможет*. В древних же текстах такого ограничения на сочетаемость нет.

К настоящему моменту в берестяных грамотах известно 10 примеров «презенса напрасного ожидания», из них 3 с глаголом *дати* и производным *въдати*, например:

- (1) а нъгнѣ вода новою женоу а мнѣ не въдасть ничто же (НБГ, № 9);
- (2) како ты оу мене и чьстьное дрѣво възъмъ и веверницъ ми не присълещи (щ в. ш) то девѣтое лето (НБГ, № 246).

² Вопрос об общепризнанных критериях определения видовой характеристики глагольных основ для др.-рус. периода на настоящий момент остается открытым. На наш взгляд, при решении вопроса о видовой охарактеризованности или неохарактеризованности основы следует учитывать как семантико-функциональный (встречаемость/невстречаемость в дигностических контекстах), так и морфологический (набор образуемых форм) критерии.

За пределами берестяных грамот аналогичные употребления также встречаются (в деловых памятниках, летописях, хожениях), хотя лексически более ограничено: большинство известных примеров представлено глаголом *дати* и его приставочными производными:

- (3) **игорь же нача молити къ всеволоду. молвою и гнѣвагася река. не хоцеши ми добра про што ми вбрекатъ еси киевъ. а пригательи. ми не даси приимати** (Киев., л. 117а4—10) — знач. презенса: ‘никак не даешь’, ‘не хочешь/не соглашаешься дать’;
- (4) **Пенавидаи же добра врагъ · иже и присно бореться съ рабы бѣжи · и не дастъ имъ тако мирно жити · нъ паки зълыми своими къзньми соупротивъ въста’еть имъ** (ЖФП, 66в7—15) — знач. презенса: ‘ни за что/никогда не даст’, ‘не хочет дать’.

Однако в тех случаях, когда выражено «напрасное ожидание» не единичного, а повторяющегося действия, и в берестяных грамотах, и в памятниках других жанров встречаются разные глаголы:

- (5) **не преимаи же оученья ѿ Латынъ · ихъже оученье разъвращено · влѣзъше во въ црк^{вѣ} · не поклонатся иконамъ** · (ПВЛЛ, л. 39 об.) — знач. презенса: ‘никогда не кланяются/не поклонятся’, ‘не хотят поклониться’;
- (6) **а не сестра а вамо оже тако дѣлаете не исправитъ ми ничето же** (НБГ, № 644) — знач. презенса: ‘никак не исполните/не исполняете (о работе)’, ‘не хотите исполнять’.

Употребление презенса СВ в контекстах «напрасного ожидания» повторяющегося действия близко к наглядно-примерному употреблению СВ, когда типичное изображается через единичное: одно действие (ситуация, событие) дает наглядное представление о других подобных актах³. В приведенных примерах сочетание презенса СВ с отрицательной частицей *не* подчеркивает отсутствие хотя бы одного акта действия и, таким образом, выполняет усилительную функцию, «служит средством усиления смысла» [Зализняк 1990: 113]: говорящий считает естественным (желательным), чтобы действие происходило (неоднократно), оно же не случилось ни разу. По-видимому, аналогичную усилительную функцию (по сравнению с возможным употреблением НСВ) презенс СВ в сочетании с отрицанием выполняет в контекстах потенциального настоящего:

- (7) **{англь бо і} чѣвкѹ зла не створатъ но бѣгое мыслить емѹ всегда.** (ПВЛИ, л. 50 об.— 51);
- (8) **вещь бо сѹнкнтова сица є ни огнь можетъ вжещи кго. ни желѣзо кго приметъ** (ПВЛЛ, л. 85).

³ Впервые термин *наглядно-примерное употребление* был введен Ю. С. Масловым [Маслов 1959: 232].

Отрицание само по себе модально, так как, выражая неосуществленное действие, переводит его в ирреальную плоскость. Значение «напрасного ожидания», возникающее у глаголов СВ, напрямую связано с отрицанием (в утвердительных контекстах этот компонент не выделяется), что находит объяснение в семантике СВ. Как было показано в [Падучева 1996: 54—56], компонент «ожидания» возникает у значения СВ именно под отрицанием за счет того, что намерение осуществить действие входит у глаголов СВ в пресуппозицию, которая не подвергается отрицанию. Как известно, действие делится на фазы, при этом намерение осуществить действие составляет одну из фаз наряду с началом, продолжением, завершением и итоговым состоянием. Поскольку в СВ акцент делается на завершении действия, у глаголов СВ компонент «достижение предела» входит в ассерцию, а «деятельность» — в пресуппозицию. Пресуппозиция не подвергается отрицанию, и таким образом, деятельность оказывается вне сферы действия отрицания. А именно с деятельностью, и прежде всего с ее началом, связаны такие фоновые компоненты, как намерение, ожидание, долженствование, «которые остаются при отрицании глагола СВ в неотрицаемом виде» [Падучева 1996: 55].

Дальнейшее исследование показало, что в ранних восточнославянских памятниках в отрицательных контекстах схожие модальные наращения возникают у глаголов СВ не только в форме презенса, но также в формах имперфекта и действ. причастия наст. времени.

Имперфект от глаголов СВ в отрицательном контексте

Об имперфектах от глаголов СВ в научной литературе уже писали, см. [Вайан 1948/2002: 379—380; Маслов 1954/2004; Зализняк 2008: 94—106]. Однако в фокусе внимания оказывалось функционирование имперфекта СВ только в одном значении, которое Ю. С. Маслов, а вслед за ним и другие исследователи определяли как основное. Речь идет об обозначении повторившихся в прошлом действиях в кратном-цепном типе контекста (Ю. С. Маслов называл такое употребление кратного-перфективным), например:

- (9) **егда же приспѣваше зима . и мрази лютии . и сътогаше . въ правош-
нахъ . въ черевныхъ и въ протоптанныхъ . тако примѣръзнаше ноги
его къ камени . и не двигнаше ногами . дондеже ѡполаху заоугре-
нюю .** (ПВЛИ, л. 72).

Однако употреблению имперфектов СВ с отрицанием столь же пристального внимания до сих пор не уделялось, хотя подобные контексты отмечались как благоприятные для выражения значения СВ. Так, Ю. С. Маслов, обнаружив в древнейших памятниках редкие случаи употребления имперфектов СВ с отрицанием, отличные от описанных им узуальных контекстов кратного-перфективного типа, предполагал, что в таких случаях выра-

жается модальное значение — «нежелание субъекта произвести данное действие» [Маслов 1954/2004: 166]:

- (10) Алтүнопа же пригна къ 'а'мү застүпү' и стрѣлише' повѣгнуша предъ Ѹгрѣ: Оүгри же погнаша по нѣ' такѡ вѣжаще минуша Бонака' и Бонакъ погнаше сѣка въ тѣль' а Алтүнопа || възвраташетьса вспать' и не допустяху Оүгрѣ впаты' и тако множицю оүзвиваа: свиша ѣ в мачь (ПВЛЛ, л. 91—91 об.);
- (11) а Дѣдъ Игоревичь сѣдаше кромѣ' и не припустяху его к совѣ' но усобь дүмаху ѡ Дѣдѣ' (ПВЛЛ, л. 92);
- (12) и реч(е) велим гласом: запрещаетъ ти г(оспод)ь вселүкавыи діаволе. Бѣсъ же не престаняше меля в жернова (КПП, л. 187, цит. по [Маслов 1954/2004: 166]).

В [Маслов 1954/2004: 166] приводится всего четыре примера с отрицанием (кроме приведенных выше, еще один контекст из Киевской летописи), и действительно, в памятниках др.-рус. периода такие употребления очень редки. Как видно из приведенных ниже статистических данных по памятникам, в которых встретились формы имперфектов СВ с отрицанием (табл. 1), таких случаев совсем немного, фактически мы имеем дело с единичными примерами. Из подсчета были исключены формы имперфектов, одинаковые для глаголов на -ити и -яти (такие, как: **възбранаше, отпушаше** и т. п.), а также искаженные формы, которые могут быть ошибками. Статистика по имперфектам от глаголов *дати* и *пустити* вынесена в отдельные графы. Об этих глаголах речь пойдет ниже, здесь мы ограничимся лишь тем замечанием, что, на наш взгляд, аспектуальное поведение этих глаголов не отличается от приставочных глаголов СВ.

Как и в случае с «презенсом напрасного ожидания», имперфекты с отрицанием употребляются для обозначения как единичной ситуации, так и повторяющейся. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют собой именно те случаи, когда ситуация единична. Вот еще несколько примеров в дополнение к приведенным у Маслова:

- (13) **в**ашать бо в тѣ днѣ и гүменъ сѣга андрѣа . григорин . любимъ бо бѣ преже володимеромъ . чтенъ же ѿ мьстислава и ѿ всихъ людеи . тотъ бо не владаше мьстиславу въстати ратью по гарославѣ . река то ти менше естъ (Киев., л. 108г26—109а);
- (14) и послаша брата къ всеволоду рекоуче се в киевѣ сѣдѣши . а мь просимъ оу тебе черниговьскон и новгородкон волости . а киевскоѣ не хочемъ . инъ же ватиць не състоупашеть но дашеть имъ .д. городы . таже и прѣди нарекомъ (Киев., л. 115а29—115б5).

Представляется, что во всех приведенных контекстах (10)—(14) в значении имперфектов СВ с отрицанием имеют место модальные наращения, сходные с теми, которые возникают в «презенсе напрасного ожидания», а именно — *неоправданное ожидание* и *упорный отказ* совершить действие,

Таблица 1

	имп. СВ всего	имп. СВ без отр.	имп. СВ с отр. (без учета дати, пусити)		дати с отр.	пусити с отр.
	(без учета дати, пусити)		узуал. контекст	не узуал.		
ПВЛ по Л(И) ⁴	56	51	3 възвратитисѧ двигнѣти приаппѣти (приаппѣти)	2 допусити припусити	2	–
ЖФП	44	44	–	–	–	–
Суд.	2	2	–	–	1	–
Киев.	10	6	–	4 въдати роспусити устобати съступити	–	1
Гал.-Вол.	9	8	1 въдати	–	3	1
Новг. I	1	–	1 съжалитисѧ	–	–	–
ЖАЮ	14	13	1 въздати	–	–	–
ИИВ	25	20	5 въдати(сѧ) поцадѣти	–	10	1
Алексан- дрия	6	5	–	1 въстати	1	–
ШСВ	1	–	–	1 познати	–	–

несмотря на желание/стремление некоторого субъекта к его осуществлению⁵: ‘...Алтинопа не пустил угров назад, несмотря на их намерение и попытки...’, ‘бес не переставал / не перестал, несмотря на запрет...’, ‘...Григорий не позволял / не позволил Мстиславу начать воевать с Ярославом, несмотря на желание (намерение) Мстислава’, ‘...Всеволод не отступил, несмотря на просьбу...’ и т. п. Как уже говорилось выше, эти модальные компоненты связаны с особенностью функционирования СВ под отрица-

⁴ В Лаврентьевском и Ипатьевском списках ПВЛ представлены одинаковые примеры отрицательных имперфектов СВ (в таблице в скобках дается глагол в Ипат. списке, если он отличается от Лавр.).

⁵ На семантическую схожесть со значениями, выражаемыми презентными формами, указывал и Маслов: «В какой-то мере все эти примеры могли быть сопоставлены с употреблением настоящего времени глаголов совершенного вида в таких случаях, как *словечка в простоте не скажут, все с ужимкой* или — с другим оттенком в значении — *тишина, не шевельнется ни один лист*» [Маслов 1954/2004: 166].

нием: они возникают за счет того, что *намерение* осуществить действие входит в пресуппозицию, которая не подвергается отрицанию у глаголов СВ.

Сложнее понять, какова в приведенных контекстах семантика имперфекта. Ю. С. Маслов, приводя подобные контексты, писал: «Бросается в глаза, что все приведенные сейчас примеры резко отличаются от рассмотренных в своем месте примеров кратно-перфективного значения. Здесь нет ни момента кратности, ни момента соотносительности двух взаимно связанных действий» [Маслов 1954/2004: 166—167]. Действительно, заметить то, чем в данном случае употребление имперфекта отличается от аориста, не просто. Тем не менее ясно, что мы имеем дело с особым употреблением имперфекта. На наш взгляд, в приведенных контекстах все же имеет место некоторое соотнесение двух действий, а именно действия, обозначающего стремление субъекта *A* к осуществлению некоторого события субъектом *B*, и действия, обозначающего его невыполнение субъектом *B*. Возможно также привнесение имперфектом значения длительности, но в сочетании с СВ длительности не самого действия (что противоречит семантике СВ), а ситуации в целом, что порождает в значении рассматриваемых имперфектов СВ компонент *безуспешной попытки*: ‘действие не было осуществлено, несмотря на, возможно, неоднократные и/или настоятельные просьбы/попытки’. Таким образом, семантический компонент кратности в данном случае тоже присутствует, но речь идет не о кратности всей ситуации в целом (как в кратно-перфективных конструкциях), а о кратности (возможно, потенциальной) попыток осуществить действие внутри ситуации, и *каждый раз* эти попытки не приводили к желаемому результату.

Компонент «напрасного ожидания» может возникать не только в тех случаях, когда в ситуации участвуют два субъекта, один из которых ожидает осуществления некоторого действия другим (как в рассмотренных выше контекстах (10)—(14)), но также в тех случаях, когда осуществление действия ожидается ввиду некоторых общеизвестных норм (как в (15)—(17)) или по логике развития ситуации (как в (18)). Иначе говоря, оно ожидается как должное произойти, но, несмотря на это, не происходит. А должествование, как и намерение, входит в пресуппозицию, не попадающую под отрицание у глаголов СВ.

- (15) и вѣѣ сѣдѣньа его всего киевѣ .д. мѣѣ се же много подѣа . вѣдѣ вѣгата . передо Мѣстиславомѣ . ово в галечь . ово оугры ово в рязань . ово . в половцихѣ . за свою винѣ . занеже не оустоаше вѣ крѣномѣ . цѣлованьи (Киев., л. 201г19—26) — ожидается, что «давший крестное целование», не нарушит клятвы (не должен ее нарушить);
- (16) потомѣ же вѣпроси ихѣ александрѣ . имѣете ли старѣшинѣ . вини же рѣша емоѣ . имѣемѣ нгоѣмена . вини же рече . хотѣлѣ выхѣ цѣловати его . вини же показаша емоѣ данѣдамыа , на земли вѣзлежаща на листвини . [...] сего видѣвѣ , александрѣ и цѣлова . вини же рече александрови . радоѣнсѣ . не вѣсташе же к немуѣ , ни

почти его, яко црѣ. (Александрия, 85.19—23) — как должное оценивается ситуация, когда перед царем встают и оказывают ему почтение;

- (17) и съ стоаше при врезѣ · и славою удѣнѣ глѣ · дѣти егѣ что снѣдно имаете · не глетъ не имамъ · не познаахоутъ его · (ШСГ, л. 114в9—14, с. 220) — ожидается, что ученики должны были узнать любимого Учителя;
- (18) роуць же вахоутъ · не переѣхалѣ еще рѣкѣ сюрлига · поскочиша же и ти половци силѣ половѣцькни коториѣ же далече рѣкы стоахоутъ · сѣослав же влаговичь · и володимѣрь игоревичь · и вальстинѣ · с коуи стрѣлци поткоша по нихъ · а игорь и всеволодъ · по малоу идѣста · не роспоустѣста полкоу своего (Киев., л. 223г18—28).

Имперфекты СВ под отрицанием встречаются в памятниках и в типичных узуальных контекстах. Ни у Ю. С. Маслова, ни у А. А. Зализняка в приведенных выше работах эти случаи не оговариваются и не рассматриваются отдельно от имперфектов СВ в утвердительных контекстах. Тем не менее представляется, что и в узуальных контекстах в значении имперфектов СВ под отрицанием, так же как и в случае единичной ситуации, актуализируется компонент *напрасного ожидания*: имперфект выражает значение многократности, а СВ акцентирует внимание на том, что ожидаемое действие не произошло *ни разу*: ‘всякий раз, когда возникала описываемая ситуация, действие не произошло/не случилось (ни разу), несмотря на то, что было ожидаемым и/или весьма вероятным’. Однако в тех случаях, когда имперфект СВ употребляется в кратно-цепном типе контекста и оказывается окружен другими имперфектами (в особенности СВ), как в примерах (19)—(20) из ПВЛ, это модальное наращение воспринимается носителями современного русского языка как менее ошутимое:

- (19) аще принашѣ кому цвѣтокъ · в поущихъ ѿ братья · мало стоавъ · и раславленъ оумо^М · вину створи каку любо изидашѣ ис цркви · шедъ в кѣлю и оуснашѣ · и не възвраташетса въ цркъв до ѿпѣтя · аще ли вержашѣ на другаго · и не принашѣ к нему цвѣтокъ · стоаше крѣпо^К в пѣни · дондеже ѿпоаху · оутреню · и тогда изидашѣ в кѣлю свою · (ПВЛЛ, л. 64—64 об.);
- (20) егда же приспѣашѣ зима · и мрази люти · и сътоашѣ · въ правошнѣхъ · въ черевнихъ и въ протоптанныхъ · тако примѣрьзашѣ ноzi его къ камени · и не двигнашѣ ногами · дондеже ѿпоаху за-оутреню · (ПВЛИ, л. 72) — ‘каждый раз когда стоял, ни разу не шевельнул’;
- (21) то бы намъ все видашѣ предъ очима лоучшимъ бѣгги мѣ же бѣхомъ поущши · бра^Б бра^Б не съжалашетса ни очь снѣви (Новг. I, 114) — ‘брат ни разу не пожалел брата, ни отец сына’;

- (22) хожаше дрѣгонци и два дни и три. и всю нѣлю не вкѣшаа ничтоже. тако сотона многомъ бѣваше срѣце оужестилъ. да быша емѹ не далѣ николаже ничегоже. а самъ не прошаше. да не возмаше ничтоже. (ЖАЮ, 604—608) — ‘ни разу не взял ничего ни у кого’;
- (23) и повѣдѣше по стѣнамъ с мечи. и вса обрѣтаемаа съчлахоу. [...] и оужрѣвъше народы мрѣтвы лежаща [...] оужасъшеса [...] и на тѣхъ жалостно зраще живоущихъ не пощадахоу (ИИВ, 463в11—21).

Как кажется, более рельефно в узуальном контексте компонент «напрасного ожидания» проявляется в том случае, когда в ситуации участвуют два субъекта, как в приведенном ниже примере из Галицко-Волынской летописи. Выражается примерно следующий смысл: ‘несмотря на возникающее у меня время от времени желание жить в мире с тобою, неверные галичане *ни разу не позволили* мне осуществить мое желание (намерение)’:

- (24) присла бо Михаилъ. слы Данилоу и Василюу. река многократы согрѣшихо ва. и многократы пакости творах ти. что ти вѣбѣщахъ и того не створи. аще коли. хотахъ любовь имѣти с тобою. невѣрнии Галичанѣ не вдахоут ми. нынѣ же клатвою кленуу ти. тако николи же. вражды с тобою не имамъ имѣти. (Гал.-Вол., л. 264 об.).

Следует отметить, что как и в случае с «презентом напрасного ожидания» (см. [Зализняк 1990; 1993]), в памятниках встречается довольно много примеров с формами имперфектов под отрицанием от глагола *дати* и его производным *вѣдати(ся)*. Приведем примеры:

- (25) аще же которын вышедѣше събирахѹ дикаа зѣлиа. оугагашеса римскихъ вон. имже вѣзвращахѹтса си оусрѣтваяуще штимахѹ молацимъ же са. и страшное има вѣне призывающимъ. да быша подали имъ часть зелїа. [...] а ти ничтоже не вдахоу. (ИИВ, 446в2—10);
- (26) посла же агрипа къ тѣмъ градомъ. и давѣ роукѹ и оумирїа а: Гамала же не вдахшетса. надѣваше бо са на твердость. (ИИВ, 420в8—13);
- (27) но сматшеса плъци, швогда гонахѹ. швогда же вѣгахѹтъ. прѣнимъ же ноужа есть. или оубити или оубиеноу быти. не соущю мѣста оубѣжаниа заднїи во цѣнѹщеса. не вдахоутъ имъ мѣста выѣжаниа (ИИВ, 452в5—12);
- (28) и тита вѣстоупиша съ маломъ. семоу же немощно бѣ преже ити, рови бо не вдахоутъ емоу (ИИВ, 436б29—32).

Как видно из приведенных выше данных (табл. 1), примеры с *вѣдати(ся)* составляют около 1/3 от общего количества имперфектов от приставочных глаголов СВ под отрицанием (6 из 19), а совокупное число имперфектов от

дати и *въдати(ся)* составляет около 2/3 от общего количества имперфектов СВ под отрицанием (23 из 39). В ряде памятников (ЖФП, Сузд. лет., Гал.-Вол. лет.) встретились только примеры с *дати* и *въдати*. Особенно много их в ИИВ: из 15 примеров с отрицанием 14 представлены формами от *дати* и *въдати(ся)*. А. А. Зализняк, характеризуя преобладание глагола *дати* и его производных в «презенте напрасного ожидания» в деловых документах и летописях, пишет о том, что, с одной стороны, это могло быть вызвано жанрово-функциональной ограниченностью памятников, не предоставляющих широких возможностей для реализации данной конструкции, а с другой — допускает возможность, «что сфера свободного (не подкрепленного специальными уточняющими словами) употребления изучаемой конструкции со временем сужалась действительно за счет уменьшения числа используемых в ней глаголов и что глаголы *дати*, *отдати* оказались в этом смысле наиболее устойчивыми» [Зализняк 1993: 278]. Анализируемый материал по имперфектам, как кажется, демонстрирует те же тенденции. Очевидно, что функционирование имперфектов от глаголов СВ в отрицательных контекстах было архаичным уже в др.-рус. период. А широкое употребление форм от *дати*, а также его приставочных производных, возможно, объясняется тем, что отрицательные конструкции с этим глаголом приобрели статус некоторой формульности, приближающейся к застывшим клише.

Действ. прич. наст. времени от глаголов СВ в отрицательном контексте

На факт существования действ. причастий наст. времени от глаголов СВ в древнейших памятниках письменности уже указывалось [Вайан 1948/2002: 378—379], причем, как и имперфекты СВ, причастия СВ употреблялись не свободно, а только в определенных типах контекстов с определенными значениями.

В [Зализняк 2008: 96—97] приводятся статистические данные относительно употребления форм имперфектов СВ, убедительно показывающие, что «активное употребление этой формы характерно лишь для древнейших памятников и уже на протяжении древнерусского периода наблюдается резкое падение ее употребительности, а в дальнейшем полное отмирание». В отношении функционирования действ. прич. наст. вр. от глаголов СВ наблюдается схожая картина. Не в значении «предшествования» (такое употребление стоит особняком), т. е. не в качестве синонимов действ. прич. прош. времени⁶, формы действ. прич. наст. вр. от глаголов СВ встре-

⁶ Употребления форм действ. прич. наст. вр. в значении «предшествования», напр.: и тако изидаше из манастира . возла малъ коврижекъ (ПВЛИ, л. 68об.), — встречаются уже в древнейших восточнославянских памятниках, но получают бо-

чаются также только в древнейших памятниках, причем в восточнославянских памятниках гораздо реже по сравнению с памятниками южнославянскими. Предварительные наблюдения показывают, что и спектр значений, выражаемый действ. прич. наст. вр. от глаголов СВ, в восточнославянских памятниках уже.

В данной работе мы остановимся только на употреблении действ. прич. наст. вр. от глаголов СВ под отрицанием. В табл. 2 приведены статистические данные, из которых видно, что количественное соотношение форм имперфектов и действ. прич. наст. вр. от глаголов СВ по исследованным памятникам сопоставимо, хотя причастия встречаются еще реже: на 18 имперфектов приходится 13 причастных форм. Данные по употреблению действ. прич. наст. вр. от *дати* и *пустити*, как и в табл. 1, выделены в отдельную колонку.

Таблица 2

	имп. СВ с отр.	прич. СВ с отр.	имп. от <i>дати</i> с отр.	прич. от <i>дати</i> с отр.	имп. от <i>пустити</i> с отр.	прич. от <i>пустити</i> с отр.
ПВЛИ	5	4 пони отворитисѧ итисѧ (2 р.)	2	1	—	—
Сузд.	—	3 въстати отворитисѧ пострати	1	8	—	—
Киев.	4	1 донти (предшеств.)	—	6	1	—
Гал.-Вол.	1	1 итисѧ	3	1	1	—
Новг. I	1	1 въпустити	—	—	—	3
ЖФП	—	2 донти (предшеств.)	—	3	—	1
ЖАЮ	1	—	—	—	—	—
ИИВ	5	—	10	—	1	2
Александрия	1	1 дьрзнути	1	1	—	—

Приведем примеры:

(29) и въставиша и на сани. и емше за вѣжа везоша и. тако быша въ двѣрехъ стаха. рака не понудѣши. и повелѣша народу звати Ги помилѣи. и повезоша и положиша ѧ. (ПВЛИ, л. 67);

лее широкое распространение с XIII в., см. об этом, например, в [Кузьмина, Немченко 1982: 290—294]. Однако анализ таких употреблений выходит за пределы наст. статьи.

- (30) и поидоша к Чернигову. И Черниговцѣ затвориша^С оу градѣ. Влегъ же и Борисъ вѣшета в Черниговѣ. Черниговцемъ же не штворацимса. приступиша^С ко граду. (ПВЛИ, л. 74 об.);
- (31) Володимерци затвориша^С в градѣ. Всеволод^Д же · и Мстиславъ вѣста · а воевода Петръ · Всладюковичъ · Володимерце^М не штворацимса · приѣхаша Татари к Золоты^М ворото^М · вода с собою Володимера · Юрьевича · брата Всеволожа · (Сузд., л. 160);
- (32) кнзи же рязаньстии · гюргі инъгворовъ братъ · Олегъ · романъ · инъгоровичъ · і моуромьскы и проньскыи · не въпоустаче къ градомъ · въѣхаша противоу имъ (Новг. I, 121.19—121 об.3);
- (33) Александръ [...] повелѣ пренти воемъ наинаполъ [...] · шні же богахуса, видѣще наводнившюса рѣкою, егда како раздрюшатса премости. не дръзноющимъ же имъ прѣити, и поемъ александръ волары свои съ собою, прѣвое самъ прѣиде, и по немъ преидоша вси вои его. (Александря, 56.3—11).

Трудности в анализе видо-временной семантики причастий в приведенных контекстах связаны прежде всего с тем, что эти формы практически непереводимы на современный русский язык ввиду отсутствия аналогов, что обусловлено отсутствием подобных конструкций с действ. прич. наст. вр. от глаголов СВ в современном русском. На наш взгляд, в данном случае причастия с отрицанием имеют значение, близкое к тому, что выражается имперфектами СВ в рассмотренных выше контекстах. Как и в контекстах с имперфектами СВ, во всех приведенных примерах описывается ситуация, в которой присутствуют два субъекта: один из них ждет, что второй осуществит некоторое действие, но этого не происходит: ‘рака никак не хотела двигаться / ни за что не двигалась, несмотря на стремление несущих ее’, ‘черниговцы ни за что не хотели отворить город / не отворяли, несмотря на осаду’, ‘князи не давали / не дали войти в города, несмотря на намерение врагов...’, ‘люди Александра никак не решались перейти реку, несмотря на приказ...’. Иными словами, в употреблении действ. прич. наст. вр. СВ под отрицанием возникает то же модальное наращение напрасного, неоправданного ожидания, что и в контекстах с презенсом СВ и имперфектом СВ.

Как и в случае с имперфектами, встретилось довольно много примеров причастий от *дати* — примерно на треть больше, чем от других глаголов (20 к 13, см. табл. 2 выше), причем имперфекты СВ и причастия СВ, употребляясь в одинаковых контекстах, могли выступать как синонимы, что наглядно демонстрируют следующие примеры из Гал.-Вол. летописи:

- (34) прилѣзъшимъ же имъ подъ заворолѣ · Ляховѣ поущахоутъ на на камень · акы градъ силныи · но стрѣлы ратыныхъ не дадохуотъ ни въиникоути · изъ заворолѣ · (Гал.-Вол., л. 294);
- (35) потом же придоша к Соудомирию · и швьстоупиша и со всѣ сторонѣ [...] и порокъ поставиша · и пороком же вьющимъ не славно · днѣ

и ношь . а стрѣламъ не дадоушимъ выникнути изъ заборолъ .
(Гал.-Вол., л. 284).

Встречаются и такие контексты, в которых нельзя усмотреть значение «напрасного ожидания». Не исключено, что употребление действ. прич. наст. вр. от глаголов СВ было ограничено лексически: некоторые глаголы могли по каким-то причинам тяготеть к такому употреблению. Возможно, это касалось каких-то типичных контекстов или устойчивых словосочетаний. Так, например, обращают на себя внимание действ. прич. наст. вр. от глагола *ити* и его производных: от *доити* в (36)—(37), употребленные в значении «предшествования», синонимичном употреблению действ. прич. прош. времени (ср. выше с примером (29) от *поити*), а также от *ятися* в (38)—(39) в формульном выражении (клише) *ятися по дань*:

- (36) **и на же рекоста тако аже тако братъ велѣлъ . а тако и оучинимъ . и не додоуѣча пакы града стаста близъ .** (Киев., л. 12269—13);
- (37) **онѣмъ же ставъшемъ на нощнѣмъ становищи · блаженыи же не донда тако и зръѣимо нхъ тоу же опочиваше ·** (ЖФП, 31а.20—25);
- (38) **а вси ваши города передашася мнѣ . и ялиса по дань . и дѣлають нивы своя и землю свю . а вы хощете голодомъ измерети . не имучися по дань .** (ПВЛИ, л. 23);
- (39) **и послаша ко гражданомъ рекоуще . предантеса князь вашъ ятъ быи онѣмо же не имоушимъ вѣры . донележе извѣсто быи имъ и предашася .** (Гал.-Вол., л. 247 об.).

Итак, как видно из приведенного материала, значение «напрасного ожидания», выделенное А. А. Зализняком для презентных форм в контексте неактуального настоящего, в др.-рус. период могло выражаться и другими формами от глаголов СВ — имперфектами и действ. прич. наст. вр.: обе формы употребляются для описания сходных ситуаций и выражают, по сути, одинаковые значения. Можно сказать, что в данном случае они выступают в качестве функциональных синонимов. Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с очень архаичным употреблением причастий и имперфектов, так как за пределы др.-рус. периода такие употребления практически не выходят (за исключением образований от глагола *дати*, которые, по-видимому, превращаются в застывшие клише).

Дати и пустити

По поводу видовой принадлежности глагола *дати* в древнерусский период (а также производных от него приставочных глаголов) высказывались разные точки зрения, можно сказать, что вопрос этот остается открытым до сих пор. Многие исследователи считали *дати* глаголом НСВ или же не-

охарактеризованным по виду, см., напр. [Потебня 1941/2010: 48—50; Маслов 1954/2001: 168]. А. А. Зализняк, исследуя функционирование имперфектов СВ в др.-рус. период, исключил из рассмотрения формы *не дадъше*, мотивируя это тем, что данная форма «стоит особо, а именно большей частью ведет себя так, как если бы принадлежала к несовершенному виду» [Зализняк 2008: 96]. О том, что *дати* уже в древнейший период имеет значение СВ, писали А. Мейе [Мейе 1934/1951: 231—232] и А. Вайан, однако у Вайана сделана оговорка: «за исключением отрицательного **не дати**» [Вайан 1948/2002: 355].

Как правило, в качестве доказательства «несовершенности» или видовой неохарактеризованности глагола *дати* приводятся употребления форм презенса, имперфекта, а также действ. прич. наст. времени. Однако практически все приводимые контексты нельзя считать показательными, поскольку они не являются показательными с точки зрения выявления видового значения основы, допуская употребление обоих видов. Таковыми являются все контексты неактуального настоящего (так, напр., в (40) презенс выступает в наглядно-примерном знач. в кратном-цепном типе контекста), а также контексты с формами имперфектов в узальном значении в кратном-парных и кратном-цепных конструкциях, как в (41):

- (40) **дасть** Боухмитъ комуждо по семидесат же^{нѣ} || краснѣхъ · исвереть единѣ краснѣ · и всѣ^ѣ красотѣ възложитъ на единѣ. (ПВЛЛ, л. 27—27 об.);
- (41) **начатъ** во печи проскоуры и продавати · и кже аще прибоудаше кмоу къ цѣнѣ то **дадаше** нищимъ (ЖФП, 29610—11).

Значительную долю контекстов, приводимых в качестве доказательства видовой неохарактеризованности глагола *дати*, составляют контексты с отрицанием. Как уже отмечалось выше, глагол *дати* (а также его производные) гораздо шире, чем другие глаголы, употребляется в роли «презенса напрасного ожидания» (за пределами берестяных грамот другие глаголы в таком употреблении практически не встречаются), ср.:

- (42) и есть много твердъ ко взатию · и то есть глава всему граду тому · и блюдутъ его вельми · и **не дадуть** вѣсти во нь никомуже (ХИД, л. 48 об.);
- (43) **изславъ** же ре стрѣи ми волости **не дасть**. не хочеть мене в рускон земли (Киев., л. 14768—10).

Среди форм с отрицанием, приводимых в качестве свидетельств того, что *дати* ведет себя как глагол НСВ, много имперфектов и действ. прич. наст. времени. Приведем сначала примеры имперфектов. Показательно, что в исследованных памятниках встретился только один контекст, в котором форма имперфекта от глагола *дати* употреблена без частицы *не* (см. выше (41)):

- (44) ащ^с поѣхати бѹдѹше вѣтринѹ · не дадѹше вѣпрачи конѹ · (ПВЛЛ, л. 4 об.);
- (45) в сеже время оувѣдѣша Печенѣзи · ꙗко князѹ нѣтѹ · [и] придоша и сташа школо Бѣлагограда · и не дадохѹ вѣлѣсти из города · (ПВЛЛ, л. 44);
- (46) вѹшетъ бо в тѣ днѣ Григорен игѹмень ста^г Андрѣѹ · иже вѣ любви Володимерѹ · честенъ же ѿ Мстислава · и ѿ всѣх^х людин · то же не дадѹшетъ на рать по Ярославѣ никому же молвити · река на тѣ бѹдетъ грѣхъ (Сузд., л. 98 об.);
- (47) и поиде назадъ · на Львовѹ землю · на городъ на Львовъ и стояша · на Львовѣ землѣ · б. нѣлн · кормачесь · не воююче и не дадохѹтъ · ни из города вѣлѣсти (Гал.-Вол., 894.11);
- (48) и съ верхѹ вивахѹтъ ѿ каменѣмъ и стрѣлами · вѣзаапоу вѣста боурѹ на нѹ · и вѣзвращаше вѣспать поущаемаѹ ѿ нихъ · и прахъ вѣ очи и^х сыпаше · и не дадѹше имъ прозрѣти (ИИВ, 422622—27);
- (49) паки же женѣ вѣ волѣзни матѹщисѹ и оуже не могуща потрѣпѣти ѿ великыѹ волѣзни, нектонавѣ же рече · жено, потрѣпи мало [...] тѹтъ свое вѣхуванѣе творѹ, не дадѹше женѣ родѣти. (Александрия, 15.5);
- (50) вѹи не хотѹще прикасатисѹ римскыѹ пици зане гноушахѹсѹ · вѹи же ра^{ди} быша ели выше всако даемое · стражие же ненавидѹще и^х · не дадохѹтъ имъ пища. (ИИВ, 464a21—26) и др.

Именно в таких контекстах А. Вайан и А. А. Зализняк предлагают оценивать аспектуальное поведение *дати* так, как если бы эта форма принадлежала к НСВ. Однако представляется, что употребление имперфектов от *дати* в приведенных контекстах не отличается от употребления имперфектов от приставочных глаголов СВ с отрицанием, рассмотренных выше. Здесь представлены те же ситуации *напрасного, неоправданного ожидания*: субъект *A* ни разу не позволил осуществиться какому-то действию, которое намеревался осуществить субъект *B* (44)—(49) или чего-то не дал (50). Имперфект выражает многократность, а СВ, по-видимому, выполняет усилительную функцию — подчеркивает, что действие не совершилось *ни разу* ни при одной из попыток к осуществлению.

В сходных контекстах употребляются также действ. прич. наст. времени от *дати*, причем если имперфекты от глагола *дати* встречаются и без отрицания (с узуальным значением), то действ. прич. наст. вр. от *дати* употребляются только с отрицательной частицей *не* (в исследованных памятниках без *не* не отмечено ни одного контекста). Приведем примеры:

- (51) приде мьнихъ монастырьскыи [...] глѹ · ꙗко вѣ хлѣвинѣ иде же скотъ затварѹемъ · жилище вѣсомъ ксть · тѣмъ же и многоу пакость тоу творѹтъ вѣ немъ · ꙗко же не дадохѹше томоу гастри (ЖФП, 54611—21);

- (52) Гюрги же совокупивса [на Изяслава] со || шловичи. [...] придоша г Кикву. И сташа шатры противу Къикву по лугови. Изяславу же влюдущо и не дадущо вврести въ Днѣпръ. (Сузд., л. 110—110 об.);
- (53) Володимерку же не дадучю внити в свою землю рати (Сузд., л. 112 об.);
- (54) и снашася с ними стрѣлци и вишася .Г. дни. стрѣлци а копьи са не снимали. а дружингы вжидаючи. а к водѣ не дадуче имъ ити. (Сузд., л. 134 об.);
- (55) стоащимъ же имъ . школо города . и не дадуши^м ни воды почерети . за .Г. нѣлѣ (Киев., л. 142б.14—16);
- (56) стославъ же слаше и-цернигова къ изяславу . велл ему миръ взати . пакы ли ти не дада мира а всако поѣди за днѣпръ . (Киев., л. 184г18—23);
- (57) володимеру же молашюса ш изяславѣ . ростиславу же снѣ дюрге-ву . съ дюргеѣмъ гарославичемъ не дадущима миритиса (Киев., л. 142в14—18);
- (58) И поемъ вѣл своа, понде на соурю, таможе избравъ двѣ тысащи моужин, и прінде на Тоуръ. и противитиса начаша емоу Түри, не дадоуще емоу сквѣтъ свѣи градъ принти тавления дѣла, тавльшагоса имъ дрѣвле сице. (Александрия, 36.17—20).

На наш взгляд, в приведенных контекстах, как и в случае с имперфектами, употребление действ. прич. наст. вр. от *дати* не отличается от рассмотренных в предыдущем разделе контекстов с формами действ. прич. наст. вр. от приставочных глаголов СВ. Здесь также имеет место актуализация упорного нежелания субъекта действия, выраженного причастием, осуществить некоторое действие, напрасно ожидаемое другим субъектом. Обращает на себя внимание то, что среди встретившихся примеров легко выделяются своего рода типовые контексты. Так, в летописях речь часто идет о непозволении идти, выйти или войти в какое-то место (город, реку, землю), пройти через него или подойти к нему, как, напр., в (52)—(54), (58), или помириться, как в (56)—(57). Выше уже отмечались случаи функционирования действ. прич. наст. вр. от приставочных глаголов СВ в устойчивых словосочетаниях. По-видимому, употребление причастной формы от *дати* тоже могло тяготеть к каким-то устойчивым или лексикализованным выражениям, как, напр., *не дать покоя* в (59)—(61):

- (59) и поча жити тѣ мола Бѣ. гады хлѣбъ сѣхни и того чересъ днѣ. и воды в мѣру вкушата. и копата печеру. и не дада себѣ покоа. ни днѣ ни ноць. (ПВЛИ, л. 58 об.);
- (60) вѣаше бо по истинѣ чловѣкъ бѣжи . свѣтило въ вьсемь мирѣ видимокъ [...] и прочиними троуды подвижата са . дѣлаа по вса дни не дада роукама своима ни ногама покоа . (ЖФП, 42а26—42б3);
- (61) И тако прѣбываше не дадыи себѣ покоа въдѣнникемъ . и млтвами (ЖФП, 57б16—18).

Таким образом, как мы попытались показать, с семантико-функциональной точки зрения контексты с отрицанием, часто приводимые в качестве свидетельства видовой неохарактеризованности глагола *дати*, на самом деле представляют собой особые контексты, в др.-рус. период допускавшие функционирование глаголов СВ. Как кажется, поведение *дати* в этих контекстах не отличается от поведения других приставочных глаголов СВ. Объяснение широкой распространенности отрицательных форм (презенс, имперфект, действ. прич. наст. вр.) именно от *дати* требует дополнительного анализа. Одной из причин может быть однотипный характер описываемых ситуаций, приближающий употребления отрицательных форм с *дати* к своего рода клише.

С формальной стороны, от глагола *дати*, как и от других глаголов СВ, регулярно образуются формы аориста и действ. прич. прош. времени⁷. В табл. 3 показано, как соотносятся по исследованным памятникам формы действ. прич. наст. и прош. времени, а также имперфектов от глаголов *дати* и *даяти*.

Таблица 3

	ДАТИ			ДАЯТИ		
	д. прич. наст. все прим. с отр.	д. прич. прош. все прим. без отр.	имп. с отр.	имп. все прим. без отр.	д. прич. наст. без отр.	д. прич. прош. без отр.
ПВЛИ	1	1	2	3	8	–
Сузд.	8	14	1	1	3	–
Киев.	6	7	–	7	4	1
Гал.-Вол.	1	6	3	–	3	–
ЖФП	3	3	– (+1 без отр. в узул. конт.)	4	4	–
ИИВ	–	8	10	13	9 (+2 с отр.)	–
Александрия	1	1	1	1	2	–

Как следует из данных, представленных в табл. 3, от *дати* регулярно образуются действ. прич. прош. вр. в обычных утвердительных контекстах, от *даяти* они напротив практически не образуются. Что касается действ. прич. наст. времени и имперфектов, то, если от глагола *даяти* они образуются регулярно в утвердительных контекстах, от *дати* мы имеем только особые контексты с отрицанием.

С нашей точки зрения, проанализированный материал убедительно демонстрирует отсутствие оснований для того, чтобы отказывать глаголу

⁷ На наш взгляд, комплексный подход, объединяющий опору на морфологический критерий (набор образуемых форм) и семантико-функциональный (встречаемость/невстречаемость в диагностических контекстах), практически во всех случаях позволяет нам понять, был ли тот или иной глагол охарактеризован по виду, и если да, то определить, какое видовое значение выражала его основа.

дати в его «совершенности». И, по-видимому, уже начиная с древнейшего времени *дати* и *даяти*, если еще и не образовывали чисто видовую пару, втягивались в довольно регулярное видовое противопоставление.

По своему аспектуальному поведению к *дати* примыкает еще один бесприставочный глагол — *пустити*. Несмотря на то что *пустити* не такой распространенный глагол, как *дати*, из данных, представленных в табл. 4, все же видно, что *пустити* ведет себя по преимуществу как глагол СВ — встречается в контекстах, типичных для глаголов СВ: образует формы действ. прич. прош. вр. и не образует формы имперфектов и действ. прич. наст. времени за исключением контекстов с отрицанием, которые стоят особняком. Без отрицания формы имперфектов и действ. прич. наст. вр. образуются от глагола *пуцати*, который, на наш взгляд, можно считать своего рода «видовой парой» к *пустити*.

Таблица 4

	пустити			пуцати		
	д. прич. наст. все прим. с отр.	д. прич. прош. все прим. без отр.	имп. с отр.	имп. без отр.	д. прич. наст. без отр.	д. прич. прош.
ЖФП	1	—	—	—	—	—
Киев.	—	3	1	—	1	—
Гал.-Вол.	—	—	1	2	1	—
Новг. I	3	—	—	1 (с отр.)	—	—
ИИВ	2	6	1	20	5	—
Александрия	—	1	—	—	—	—

В исследованных памятниках в контекстах с отрицанием встретилось 3 имперфекта и 5 действ. прич. наст. вр., выражающих, на наш взгляд, все то же значение *напрасного, неоправданного ожидания*:

- (62) **потом же Мьстиславъ великѣи оудатнѣи князь оумре . жада-
щю бо емоу видити сѣа своего Данила . Глѣвъ же Зеремѣвичь
оувѣженъ бѣ завистью не поусташе его .** (Гал.-Вол., л. 255 об.);
- (63) **но гарославъ рюриковѣ рѣчи не имашеть вѣры . твора такоже
свѣчатиса хотати на нь . и того дѣла не поусташеть пословъ
рюриковѣхъ . сквозѣ свою волость .** (Киев., л. 239в7—12);
- (64) **Братни же врата затворивъшемъ . и никого же поусташемъ по
повелѣнию блаженааго . и бѣша присѣдаще надъ нимъ . и ожи-
дающе дондеже разидоуть са люди .** (ЖФП, 64в21);
- (65) **того лѣтѣ . поиде князь олександръ в татары . и оудержа і берка не
поуста в роусь . і зимова в татарѣхъ . і разволѣса .** (Новг. I, 139
об. 10—13);
- (66) **В лѣтѣ ~~ж~~ ~~ѣ~~ ~~ѡ~~ ~~к~~ заратиса князь михаило к новоугороду . і намѣст-
никы своя вѣведе . не поуста обилыа в новъгоро . а торжекъ
зата . и вѣжичи . і всю волость .** (Новг. I, 157 об. 10—14);

- (67) а новгородѣце измавъ всеволодъ за волокомъ и по всѣмъ земли своен · държаше оу себе · не поустѣ ихъ новогородоу (Новг. I, 58.18—58 об. 3);
- (68) и авие разбивше двери въскакахѹ и выдавахоу изъ гортани гадь. и биени бывшее старци не поусташце пици (ИИВ, 444629—32);
- (69) и пришедше ѿ тебе ꙗхѹтъ коупно всю ноць. не поустѣ къ собѣ ни рава. ни свободна. ни моужеска полѹ ни жеѣска. (ИИВ, 375г33—38);
- (70) и пободоша и всѣхѹ акы дивна свѣри. [...] и не оутече никтоже [...] свои же не поустѣхѹтъ ихъ въ градъ (ИИВ, 429в16).

По поводу «презенса напрасного ожидания» А. А. Зализняк писал, что «отрицание оказывается условием, при котором противоречивое в сущности сочетание значений настоящего времени и совершенного вида оказывается вполне осмысленным: перевод действий из плана реальности в чисто мысленный план снимает противоречие» [Зализняк 1993: 279]. Согласно нашим данным, в древнейших восточнославянских памятниках отрицание оказывается значимым фактором контекста, обуславливающим употребление СВ еще в более широком круге контекстов: не только с формами презенса, но также с имперфектами и дейст. прич. наст. вр. При этом если «презентс напрасного ожидания» СВ сохраняется с определенными синтаксическими ограничениями и в современном русском языке, то употребление имперфектов и причастий СВ с отрицанием практически не выходит за пределы др.-рус. периода, по-видимому уже тогда представляя собой довольно архаичное явление.

В свете вышесказанного, по-видимому, по-иному следует взглянуть на редкие, но все же встречающиеся в ранних восточнославянских памятниках случаи употребления глаголов *дати* и *пустити* (а также *яти*) в конструкциях «начну(почну) + не + инфинитив»⁸, приводимые в качестве доказательства колебания их видового значения (см., например., о глаголе *дати* в [Потебня 1941/2010: 49; Маслов 1954/2004: 168]):

- (71) Или холопъ оударитъ свободна моужа. а бѣжитъ въ ходоумъ. а господинъ начнетъ не дати его. то холопа плати. да платитъ господинъ за нь 12 гривне (РПК ст 16 с 79);
- (72) и приѣху стѣславъ шлговичъ. со всеволодиче^М стѣславомъ к челнигову и нача володимиръ не пустити его в городъ. но бити с ни^М (Киев, л. 175г30—176а2);

⁸ В отличие от древнерусского в современном русском литературном языке существует запрет на употребление конструкции «начну + не + инфинитив», хотя в разговорной речи иногда такие сочетания встречаются (см. об этом в [Юрьева 2010; Юрьева, в печати], о возможных объяснениях этому ограничению в современном языке см. в [Падучева 2004: 194]).

- (73) а ѡ головахъ иже сѧ ключить прѣказа. оураднмса сице. да елико гавѣ бѹдетъ показании гавлеными. да имѹтъ вѣрное ѡ тацѣхъ гавлении. а емѹже начнѹтъ не яти вѣры. да не кленетьсѧ часть та. иже ищеть негѣтью вѣры. (ПВЛИ, л. 13 об.).

Как известно, в современном русском языке, как и в большинстве других славянских языков, существует запрет на сочетание фазовых глаголов с глаголами СВ: подчиненный *начати* инфинитив может быть только НСВ [Грамматика 1980: 41; Падучева 2004: 179 и др.]. Соответственно, сочетание с фазовыми глаголами, как правило, рассматривается в качестве «диагностического контекста» для определения видового значения глагола. В древнерусском языке ограничение на сочетание *начати* с глаголами СВ также имело место, причем в утвердительных конструкциях, по-видимому, безоговорочно. В статье [Юрьева, в печати] в списке из 468 глаголов (всего около 1750 контекстов по 20 памятникам др.-рус. периода), зафиксированных в утвердительных инфинитивных конструкциях с *начати/почати*, не встречаются глаголы СВ, за исключением двух примеров с глаголом *яти*: из *Жития Бориса и Глеба* (74), и *Истории Иудейской Войны* (75), — причем в первом все же есть отр. частица *не*, но не перед *яти*, а перед *начати*:

- (74) а сего подроуга кго оставлаквѣ оутрь. кще же и сѧ-па(!) кго сѣтвориховѣ на оувѣрик прочимѣ. еда не начнѹтъ вы вѣры яти (ЖБГ, 23в20—25);
- (75) потѡм же еоуспасѧнъ испыталъ оу плѣненыхъ ѡ тѡн рѣчи, вже всѧ прѣва. и *начѧ яти вѣры* емѣ. и пристѣви стрѣщи ѣ. (ИИВ, 417б: 34—38).

Сочетание с фазовым *начати* в контекстах (74)—(75), вероятно, можно трактовать как «реликт неохарактеризованности» бесприставочного глагола *яти*, сохранившийся в языке в устойчивом сочетании *яти веры*. Глагол *яти*, по-видимому, уже в древнейший период был охарактеризован по виду, во всяком случае, в аспектуальном отношении он ведет себя как глагол СВ, и других контекстов (кроме обсуждаемых в наст. статье), где он выступал бы как глагол с семантикой НСВ, не обнаруживается. Что касается отрицательных конструкций «*начну(почну)* + *не* + инфинитив» с глаголами *дати* и *пустити* в приведенных выше примерах (71)—(73), то, не исключая возможной трактовки этих контекстов как реликтовых свидетельств (в силу своей единичности) былой неохарактеризованности глаголов *дати* и *пустити*, можно все же предположить, что употребление инфинитивов от глаголов СВ в этих сочетаниях, так же как и в других рассмотренных выше контекстах, обусловлено отрицанием и, по-видимому, такие употребления представляют собой уходящее архаичное явление. Как отмечается в [Юрьева 2010: 280], сочетания «*начнѹ(почнѹ)* + *не* + инфинитив» (как с глаголами НСВ, так и СВ) в памятниках древнерусского периода «встречаются крайне редко и, как правило, в очень ранних записях». А из 30 ифинити-

вов, отмеченных в древнерусских памятниках в сочетаниях с *не* (по данным, приведенным в [Юрьева 2010; Юрьева, в печати]), встретилось только 3 глагола СВ (*дати, пустити, яти*), что может свидетельствовать в том числе и о лексической ограниченности конструкции «*начьну(почну) + не + инфинитив СВ*».

Таким образом, осознание отрицания как особого типа контекста, допускающего СВ в др.-рус. период, на наш взгляд, важно не только само по себе как интересное явление, отличающее древнерусский от современного русского языка, но и с точки зрения пополнения наших знаний о состоянии видо-временной системы в данный период. Все описанные выше контексты с отрицанием нельзя считать показательными при определении видового значения глаголов, поскольку они оказываются контекстами, допускающими конкуренцию видов.

Источники

Александрия — Цит. по: В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893. С. 5—105.

Гал.-Вол. — Галицко-Волынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 715—938.

ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого // А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 159—450.

ЖБГ — Житие Бориса и Глеба // Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 43—58.

ЖФП — Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 71—135.

ИИВ — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. I. М., 2004. С. 63—684.

Киев. — Киевская Летопись в составе Ипатьевской летописи. Ркп. БАН 16.4.4.

НБГ — Новгородские берестяные грамоты // Зализняк. 2004.

Новг. I — Новгородская Первая летопись старшего извода по Синодальному списку. Ркп. ГИМ Син. № 786.

ПВЛЛ — Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001. С. 1—286.

ПВЛИ — Повесть временных лет по Ипатьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 1—285.

РПК — Русская Правда Краткой редакции (по Академическому списку сер. XV в.) // Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской правды. М., 1953. С. 75—85.

Судз. — Судзальская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001. С. 287—540.

ХИД — Хождение Игумена Даниила 1106—1107 (по списку 1496 г., I-я ред.) // Православный палестинский сборник. СПб. Т. I. Вып. 3 1883; Т. 3. Вып. 3. 1885.

ШСГ — Шестоднев Севериана Гавальского // Г. С. Баранкова. Переводы Шестоднева Севериана Гавальского в Софийском сборнике XV в. / Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2010—2011). М., 2011. С. 179—240.

Литература

- Вайан 1948/2002 — А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку. М., 2002.
- Грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. 1—2. М.: Наука, 1980.
- Зализняк 1990 — А. А. З а л и з н я к. Об одном употреблении презенса совершенного вида («презенса напрасного ожидания») // *Metody formalne w opisie jezykow slowianskich*. Warszawa. 1990, С. 109—115
- Зализняк 1993 — А. А. З а л и з н я к. Презенс совершенного вида в значении «презенса напрасного ожидания» // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984—1989 гг.). М., 1993. С. 275—279.
- Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2004.
- Зализняк 2008 — А. А. З а л и з н я к. Слово о полку Игореве. Взгляд лингвиста. 3-е изд. М., 2008.
- Кузьмина, Немченко 1982 — И. Б. К у з ь м и н а, Е. В. Н е м ч е н к о. История причастий // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.
- Маслов 1954/2004 — Ю. С. М а с л о в. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Ю. С. Маслов. Избранные труды. М., 2004.
- Маслов 1959 — Ю. С. М а с л о в. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
- Мейе 1934/1951 — А. М е й е. Общеславянский язык. М., 1959.
- Мишина 1997 — Е. А. М и ш и н а. Глагольные формы в географических описаниях по материалам восточнославянских памятников старшего периода (в сопоставлении с современными говорами) // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997.
- Мишина 2001 — Е. А. М и ш и н а. Настоящее историческое в восточнославянских памятниках XI—XV вв. // Древние языки в системе университетского образования. Исследование и преподавание. М., 2001.
- Мишина 2002 — Е. А. М и ш и н а. Настоящее узуальное и потенциальное в восточнославянских памятниках XI—XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2001). М., 2002.
- Падучева 1996 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2004 — Е. В. П а д у ч е в а. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Потебня 1941/2010 — А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике: Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог. М., 2010.
- Юрьева 2010 — И. С. Ю р ь е в а. Особенности древнерусских инфинитивных сочетаний с глаголом **начати** // Русский язык в научном освещении. № 2 (20). 2010.
- Юрьева, в печати — И. С. Ю р ь е в а. Инфинитивные конструкции с глаголом **начати** (**почати**) // Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса. (В печати.)

E. A. MISHINA

“SITUATION OF FUTILE EXPECTATION” AND NEGATION

The paper deals with the peculiarities of the usage of some forms of Perfective verbs (imperfect and present active participle) in negative contexts in the early East Slavonic written monuments. The research demonstrates that in Old Russian negation was a significant factor of the context that allowed the usage of Perfective aspect. The functioning of imperfects and present active participles formed from Perfective verbs in negative contexts was semantically close to the special usage of the present forms of Perfective verbs which A. Zalznjak called «the present of the futile expectation». However, in contrast to the forms of the present, the use of Perfective imperfects and present active participles in negative contexts seems to be a rather archaic phenomenon even in the Old Russian period.

Keywords: aspect, negation, Old Russian, forms of present, imperfect and present active participle of Perfective aspect verbs, situation of futile expectation, verbs *dati* and *pustiti*.

А. В. САХАРОВА

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ КРАТКИХ ПРИЧАСТИЙ В РУССКОЙ ЛЕТОПИСИ ДЛЯ НЕКОТОРЫХ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

Введение

Функционирование причастий в средневековых восточнославянских текстах — одна из тех тем, которым традиционно уделяется внимание в русистике¹. Но при этом внимание исследователей привлекали обычно морфо-синтаксические параметры употребления кратких причастий — особенно в тех случаях, когда не действовали традиционные синтаксические ограничения на их употребление. (Ведь в «гибридных», соединяющих восточнославянские и церковнославянские элементы, текстах были возможны такие употребления кратких причастий в именительном падеже, когда не обнаруживалось никакого финитного глагола с тем же субъектом, от которого причастие можно было бы считать зависимым. Точно так же в восточнославянских текстах не действовало и церковнославянское синтаксическое ограничение на употребление дательного самостоятельного (несовпадение субъектов оборота и финитного глагола) [Потебня 1958; Белоруссов 1899; Истрина 1923; Борковский 1949; Večerka 1961; Борковский, Кузнецов 1965; Лопатина 1978; Сабенина 1978; Алексеев 1987].

Однако никем не исследовалось, как именно происходил выбор между причастием (деепричастием) и личным глаголом. Настоящая же статья продолжает цикл публикаций [Сахарова 2005; 2007а; 2007б; 2011], где описываются сами критерии распределения глагольных форм на личные и причастные в русской летописи для определенных глагольных лексем. В данной статье мы рассматриваем детально, как выбор между финитной и причастной конструкциями осуществляется в Новгородской первой лето-

¹ Уже для раннедревнерусского периода данные формы терминологически некорректно называть причастиями, так как они почти не использовались в качестве синтаксических определений [Зализняк 2004: 134, 184—185]. Таким образом, правильнее было бы говорить о деепричастиях, но в русистике давно сложилась традиция использовать термин краткое причастие (видимо, потому, что согласование в некоторых текстах форма сохраняла), и в данной работе не будем ее нарушать.

писи по Комиссионному списку по изданию [НПЛ 1950] для нескольких глаголов — каузативов от глаголов движения (*посълати, присълати, посадити, оставити*). Выясняется, как в различных контекстах переднего и заднего плана употребляются конструкции с этими глаголами (личные формы, обороты с ш- и щ-причастиями, оформленные именительным и дательным падежами). Мы отдали предпочтение этому памятнику перед более древней НПЛ старшего извода, поскольку он больше по объему и более приспособлен для статистического анализа. Текстологическая неоднородность памятника в данном исследовании приниматься во внимание не будет. Специально не исследуются также и расхождения в употреблении причастных форм между Комиссионным и другими списками НПЛ (и вообще редакциями вошедших в состав НПЛ текстов).

Изложение в этой статье, так же как и в предыдущих работах этого цикла, строится следующим образом: все употребления глагольной лексики мы классифицируем по синтаксическим и прагматическим (связанным с признаками заднего плана повествования) параметрам и отмечаем, какие причастные или личные конструкции и в каком количестве в каждом контексте употребляются.

Напомним теперь, что подразумевается под задним планом (фоном) повествования. Подчиненные предикативные единицы в дискурсе служат для выражения менее важной информации [Lakoff 1984; Reinhart 1984; Tomlin 1985; 1986; Matthiesen Thompson 1988]. Цель нарратива — рассказать об определенных изменениях действительности в той последовательности, в которой они происходили. Поэтому передний план в нарративе определяется как цепочка предикаций, описывающих происходившие одно за другим события [Hopper 1979; Dry 1981; 1983 (цит. по [Wårvik 1994, 29]); Fleischmann 1985]. В таком случае простейший критерий деления предикаций нарратива на переднеплановые и фоновые — аспектуальный: предикации, обозначающие ситуации, одновременные событиям основной цепочки (и вообще хронологически на них накладывающиеся), относятся к фону повествования. К нарративной последовательности не принято также относить предикации, представляющие собой прагматические презумпции (о прагматической презумпции см. [Падучева 2001: 57—60; 1996: 235]), которые привязывают новую информацию к тому, о чем уже говорилось [Givon 1984: 251; Wårvik 1994: 252]. Предикации, которые не удовлетворяют сформулированным условиям второстепенности, относятся к нарративной цепочке [Dry 1981; 1983, цит. по Wårvik 1994: 29].

Переднеплановость может также трактоваться как неожиданность, нестереотипность ситуации, т. е. как прагматическая характеристика предикативной единицы [Polanyi, Hopper 1981], см. также [Fleischmann 1985; Chafe 1987]. Ожидаемой и, следовательно, менее выделенной прагматически оказывается информация о стереотипных последовательностях ситуаций. Финитные предикации в таком случае принято считать более прагматически выделенными по сравнению с нефинитными.

Употребление причастий в летописи нередко было обусловлено факторами именно такого плана, хотя некоторые закономерности употребления причастий и не были связаны с описываемыми прагматическими параметрами [Сахарова 2010].

Посълати

Этот глагол в некоторых значениях («сделать так, чтобы кто-то отправился в путь») можно рассматривать как каузатив от *ити* или *поити*, хотя объект его может быть и неодушевленным [Сл. ДРЯ XI—XIV вв., 7: 321].

Во всех употреблениях финитные и причастные формы исследуемого глагола принадлежат нарративной последовательности. Рассмотрим подробно только те контексты, где *посълати* принадлежит ее фрагменту, относящемуся к одному подлежащему, и обозначает там не последнюю ситуацию (так как причастные формы данного глагола появляются только в них, т. е. самостоятельных оборотов с этим глаголом в исследуемом тексте нет).

Причастия исследуемого глагола могут употребляться только тогда, когда адресат, к которому пришли посланные, является участником и следующей ситуации.

При этом речь может идти о передаче словесного послания. Такие контексты довольно многочисленны, но только в двух случаях при этом употребляется его ш-причастие (в сочетании с финитной формой глагола *речи*):

...людие киевьстѣи прибѣгоша Къеву, и створиша вѣче на торговици, и рѣша, послаше къ князю: «се Половци розошлѣся по земли; да вдаи, княже, оружие и конѣ, и еще биемся с ними» (6576);

Янь же, испытавъ, чья еста смерда, и увѣдавши ясно, яко суть князя Святослава, и сице послаши к ним, и рече иже суть около двою кудесникъ: «выдаите ми волхва та сѣмо» (6579).

Оба примера, между прочим, находятся в близких погодных статьях Начальной летописи.

В остальных случаях (31 пример) в контекстах такого рода используются финитные формы (сопровождаемые причастием глагола с речевым значением, вводящим саму прямую речь):

В се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу от Передславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: «отець ти умерлъ. а брат ти убиень от Святополка» (6523);

Заутра же видѣша людие бѣжавши князя, възратишася къ Къеву и створише вѣче послаша къ Святославу и ко Всеволоду, глаголюще: «мы уже зло створилѣ есмы, князя своего прогнавши; а се ведетъ на нас Лятьскую землю» (6577);

Того же лѣта поиде князь Михаилъ в Черниговъ... а сына своего Гостислава остави в Новѣградѣ. «А мнѣ, рече, даи Богъ исправити вся правда новгородчкая, тоже от вас поиму сына своего». и посла къ Ярославу Нѣздѣлу Прокишница, Иванка Тудоркова, сице рекъ: «отступися Волока, что есть новгородчкая волость за тобою (6737);

Того же лѣта посла Романъ Вячеслава, веля ему Рюрика пострици в чернци. (6711); и т. д.²

Еще в 13 случаях в похожих контекстах глагол *посълати* вообще не сопровождается причастием речевого глагола, т. е. прямая речь идет сразу вслед за ним. Такого рода способ оформления этого ситуационного контекста возможен только в более поздней части исследуемой летописи (первое употребление — в статье 6712 года в повести о взятии Царьграда):

Муръчюфль же посла к Николѣ и къ людемъ въ святую Софѣю: «язъ ялъ ворага вашего Исаковица, язь вашъ цесарь; а Николѣ даю прѣвыи въ боярех, сложи съ себе вѣнецъ» (6712, повесть о взятии Цареграда);

И ста Ярославъ и Юрьи с братьею на рѣцѣ Хзѣ; Мъстиславъ же и Костянтинъ и два Володимира с новгородци стаиа на рѣцѣ Липицѣ; и узрѣша полкы стояща, и послаиа Лариона съчаго къ Юрью: «кланяем ти ся; нѣту намъ с тобою обиды, съ Ярославомъ намъ обида (6723);

И съдѣиа мѣсяць в Торжъку, город утвердивше, а ко князю послаиа прежде того Кузьму Твердиславля из Новагорода с жалобами: «еще не съд у насъ на княжении, а уже боярѣ твои дѣют силно» (6848) и т. д.

Таких примеров слишком много, чтобы их можно было трактовать просто как случайные пропуски причастий *глаголя* или *рекъ*. Здесь мы имеем дело с одним из характерных для летописного языка переосмыслений церковнославянского узуса. В словаре Срезневского вообще особо выделено употребление данного глагола в значении «обратиться со словами» [Срезневский 1903, 2: 1277] и приводятся его примеры именно такого типа. Но такое выделение не совсем корректно, поскольку подобное употребление аориста *посълати* было ограничено наличием последующей прямой речи.

Рассмотрим теперь контексты, где речь не идет о передаче адресату какого-либо словесного послания, но адресат все равно является участником следующей ситуации. Таких контекстов в тексте в целом меньше, но в них

² Отмечалось, что описание вербальных ситуаций при помощи сочетания глагола в личной форме с причастием другого вербального глагола было приметой книжного языка, так как оно было характерно для текста греческого и, следовательно, церковнославянского Евангелия [Успенский 2002: 255]. К подобным типовым случаям следует отнести и это сочетание аориста глагола *посълати* с причастием вербального глагола.

процент причастных употреблений оказывается больше. Есть три причастных примера:

...«аще ли хоцещи то разнo испытати, то имаши у себе мужи; пославъ, испытаи их когождо службу» (6495);

И пославъ, нача отъимати у нарочитои чядѣ дѣти и давати на учение книжное (6496);

Посемь же Володимиру живушу в законѣ крестияньствѣ, помысли создати церковь святыя Богородица; и пославъ, приведе мастера от Грикъ (6499).

Им соответствуют девять финитных:

Хотящю ити на Ярослава Володимиру, Ярославъ же посла за море, приведе Варягы, бояся отца своего; нь Богъ не дастъ диаволу радости (6523);

Тогда же послаша владыку Нифонта с передними мужи къ Юрьеву по сынъ, и введоша Мьстислава, сына Юрьева, генваря въ 30 (6662);

Князь же того не послуша и поихаше прочъ. и послаша владыку с вятишими мужи с молбою, и въспятиша его с Броньници (6777);

И видѣ князь Михаило грядущу силу новгородчкую на ся, и посла къ князю великому владыку Еуфимиа, а дая ся въ всю волю великому князю (6883) и т. д.

Во всех таких случаях нельзя прямо сказать, что две ситуации (последние вестника и следующая) сочетаются ожидаемым образом, так как следующая ситуация не принадлежит к какому-то одному типу, но их явно связывает наличие общего участника.

В таком контексте, где такой связи нет, т. е. тот, к кому пришли посланные, не является участником следующей ситуации, употребляются только финитные формы. Всего есть 23 таких примера:

Того же лѣта послаша послове за море в Доньскую землю, привезоша миръ dokonцавшие (6810);

...«пошли к нему дары, искусимъ его: любезнивъ ли есть злату и паволокамъ». Послаша к нему злато и паволоки и мужа мудра, и рѣша ему: «глядаи взора его и лица его и смысла его» (6479);

Того же лѣта ходи Всеволод на Рязань и рече имъ: «пойдите ко мнѣ съ сыномъ моимъ Ярославомъ за Оку на рядъ»; и переидоша к нему, и ту я изъима, и посла полки и изыма жены и дѣти, а град их зажъже (6718);

...тогда же даша посадничьство Дмитру Якуницю. и посла князь Мьстиславъ Дмитра посадника на Луки с новгородци город ставити, а самъ иде на Торжокъ (6719);

Князь Андрѣи посла посадника ис Торъжску в Новъгород, а самъ иде на Низовьскую землю (6802) и т. д.

Только в одном случае в таком контексте мы встречаем не правильный аорист, а форму *пославиша* (появившуюся, видимо, в результате контаминации аориста и ш-причастия или влияния предшествующего аориста), причем при союзе, имеющем противопоставительное значение:

Чюдъ же начаша слати с поклономъ лестию, а по Нѣмѣ пославиша; и начаша новгородци гадати съ плесковици на чюдьскои рѣцѣ (6725).

Если трактовать эту форму как финитную, то получится, что причастных употреблений данного глагола вообще не бывает в контексте, где ситуация связана со следующей только тем, что имеет общего участника-подлежащее.

Статистика для глагола показана в табл. 1.

Таблица 1

Статистика употреблений причастных оборотов и финитных форм для глагола *послати* (предикация принадлежит фрагменту нарративной последовательности, относящемуся к одному подлежащему, и обозначает в нем не последнюю ситуацию)

Предикация	Ш-пр.	ДС с ш-пр.	Фин.
Адресат послания — участник следующей ситуации, послание словесное	2 (5 %)		31 (95 %)
Адресат послания — участник следующей ситуации; послание не словесное	3 (23 %)		9 (77 %)
Адресат послания не есть участник следующей ситуации; послание не словесное	1(?)		23

Прислати

Этот глагол в некоторых его значениях ('сделать так, чтобы кто-то пришел') можно рассматривать как каузатив от *прити*, но круг его значений несколько шире, объект его может быть и неодушевленным [Сл. РЯ XI—XVII вв., 20: 15].

Так же, как и у *послати*, во всех употреблениях финитные и причастные формы исследуемого глагола принадлежат нарративной последовательности. Рассмотрим только те контексты, где данный глагол принадлежит ее фрагменту, относящемуся к одному подлежащему, и обозначает в нем не самую последнюю ситуацию (так как причастные формы появляются только в них, т. е. самостоятельных оборотов с этим глаголом в тексте нет).

Рассмотрим сначала случаи, когда адресат, к которому пришли посланные, является участником и следующей ситуации.

При этом, когда речь идет о передаче словесного послания, используются только финитные формы. Всего есть 15 таких примеров, где финитная форма сопровождается причастием глагола с речевым значением, вводящим саму речь:

Посемъ же прислаша Грѣци къ Володимеру Философа, сице глаголюще: «слышахом, яко приходилъ суть Болгаре, учаще тя прияти вѣру свою, ихже вѣра оскверняет небо и землю» (6494);

...бѣ послалъ къ цесарю татарьскому Ратибора, помощи прося на Новѣгород. и се учювь князь Василии Ярославлицъ, присла послы в Новѣгород, рекъ тако: «кланяюся святѣи Софѣи, и мужемъ новгородцомъ» (6776);

...Магнуш король свѣйскыи прислалъ к новгородцом рекъ: «пошлите на сѣздъ свои философы, дажь поговорят про вѣру» (6856);

Князь Витовтъ Литовьскыи Кестутьевич присла в Новѣгород възметную грамоту, рекъ тако. «обеществовалъ мя есте, что было вам за мене нятися...» (6907).

Совершенно так же, как и глагол *посълати*, этот глагол мог переосмысляться позднейшими книжниками как вводящий прямую речь сам, без причастий *рекъ* или *глаголя*. (И точно так же, как и для *посълати*, на этом основании выделяли употребление глагола в значении «обратиться (со словами)» [Срезневский 1903, 2: 1277].) Таких примеров 17:

Тогда же се увѣдавши Татарове, яко идуть рускыи князи противу имъ, и прислаша послы къ рускым княземъ: «се слышимъ, яко идете противу нас, послушавши Половецъ» (6732);

Того же лѣта прислаша Нѣмци с поклономъ: «безъ князя что есмь зашли Водъ, Лугу, Плесковъ, Лотыгоду мечем, того ся всего отступаемъ» (6750);

Того же лѣта князь великыи московьскыи възверже нелюбие на князя Дмитрея Юрьевича и погонися по немъ; и онъ отбѣжа в новгородчкыи Бѣжичкыи верхъ, и много волостемъ пакости учини; и присла в Новѣгород посоль: «что бы есте мене приять на своей волъ». Новгородци же отвѣщаша ... (6950) и т. д.

Рассмотрим теперь контексты, где никакой вербальной ситуации нет, хотя адресат, к кому пришли посланные, является участником следующей ситуации. При этом употребляется только ш-причастие (как препозитивно, так и в постпозиции):

В томъ же лѣтѣ приславъ Всеволод выведе свояка своего из Новагорода Ярослава Володимирица, негодовахуть бо ему новгородци (6692);

Того же лѣта вииде князь великыи Юрьи из Орды с Татары и со всею Низовьскою землею и поиде къ Тфѣри на князя Михаила. И, приславъ Телебегу, и поза новгородцовъ; и они, прихавши в Торжекъ, и докончаша съ княземъ Михаиломъ, како не вѣступатися ни по одному (6826);

Ходи князь великыи Иванъ в Орду; его же думою приславше Татарове, позваша Александра и Василья Давыдовица Ярославскаго (6847);

Того же лѣта, мѣсяца августа 22, князь тѣрьскыи Борисъ, приславъ своихъ воевод на Торжокъ, останокъ людеи разгна и пограби, а иныя погуби (6953)...

Всего таких примеров шесть. Таким образом, данный глагол, в отличие от *посълати*, в таком контексте всегда оформляется причастно. Возможно, это мотивируется тем, что, в отличие от *посълати*, *присълати* обозначает действие как достигшее результата и поэтому более связанное с адресатом.

В таком же контексте, где тот, к кому прибыли посланные, никак не является участником следующей описываемой ситуации (и, таким образом, обе предикации связаны только тем, что имеют общее подлежащее), глагол *присълати*, так же как и *посълати*, оформляется финитно. Всего есть девять подобных примеров:

Идоша мужи с посадникомъ и с Михалкомъ ко Всеволоду; и прия их с великою честию и вда имъ сына Святослава; а в Новѣгород присла, сдумавъ с посадникомъ и с новгородци, и введе въ епискупью Митрофана, Богомъ избрана (6707);

Того же лѣта поиде князь Ярославъ на Торжокъ понявши съ собою Твердислава Михаиловича, Микифора, Полюда, Сбыслава, Семеона, Олексу, и много бояръ, и одаривъ, присла въ Новѣгород; а самъ съде на Торжъку (6723);

Того же лѣта присла князь Иванъ Даниловичъ намѣстныкы свои в Новѣгород, а самъ иде в Орду (6835);

Тои же осени пришедши Нѣмиѣ у Ямъ города посад пожъгоша и берегъ повоеваша, а в Новѣгород прислаша: «мы вас не воюемъ, а воюеть васъ князь Григориш изъ заморья Клевьскыи про своего проводника Итолка Ругодивца»; а то все лгаша Нѣмици (6952) и т. д.

Статистика для глагола показана в табл. 2.

Таблица 2

Статистика употреблений причастных оборотов и финитных форм для глагола *присълати* (предикация принадлежит фрагменту нарративной последовательности, относящемуся к одному подлежащему, и обозначает в нем не последнюю ситуацию)

Предикация	Ш-пр.	ДС с ш-пр.	Фин.
Адресат послания — участник следующей ситуации; послание словесное			15
Адресат — участник следующей ситуации; послание не словесное	6		
Адресат не есть участник следующей ситуации; послание не словесное			9

Оставити

Этот глагол может рассматриваться с некоторой натяжкой как каузатив от *стояти* и употребляется в исследуемой летописи в переносных значениях («заставить пребывать») (круг его значений мог быть и шире [Срезневский 1903, 2: 736 и далее; Сл. ДРЯ XI—XIV вв., 6: 178]).

Во всех употреблениях финитные и причастные формы исследуемого глагола принадлежат нарративной последовательности. Рассмотрим только те контексты, где данный глагол во фрагменте, относящемся к одному подлежащему, обозначает не последнюю ситуацию (так как причастные формы появляются только в них).

Наиболее характерен для глагола *оставити* такой контекст, где он обозначает ситуацию, предшествующую ситуации движения субъекта (удаления из того места, где кто-то оставлен), и имеет значение «оставить вместо себя, на своей должности» (две ситуации при этом оказываются связаны достаточно закономерным, ожидаемым образом). Именно в таких типовых контекстах и оказывается возможным употребление причастий. Примеров всего пять:

...введоша Ростислава Мьстиславлича. и съдивши лѣто одино, иде в Русь, оставивъ Давыда, сына своего; и тому показаша путь по немъ (6496);

Иде Ростиславъ из Новагорода Киеву на столъ, оставивъ сына Давыда Новгородѣ (6662);

Поиде Мьстиславъ къ Киеву, оставивъ княгиню в Новѣгородѣ и сына своего Василья; и поя съ собою Юрья Иванковица (6725);

Поиде князь великыи Юрьи из Новаграда, позванъ въ Орду от цесаря, марта въ 15, в субботу Лазареву, оставивъ в Новѣгородѣ брата своего Афанасия (6823);

А в то время Магнушь король взя Орѣховец на Спасовъ день Авраама же и Кузму и иныхъ бояръ 8 взялъ к собѣ, а иныхъ всѣхъ пустилъ из городка, а самъ поиде от городка прочь, а в Орѣховѣцѣ оставив рать (6856).

В трех случаях мы встречаем в этом контексте финитные формы:

Тогда же Ярославъ поиде съ княгинею из Новагорода къ Переяславлю, а в Новѣградѣ остави 2 сына своя, Федора и Александра, с Федоромъ Даниловицем и с тиуномъ Якимомъ (6736);

Того же лѣта поиде князь Михаилъ в Черниговъ къ братьи, пойма съ собою новгородцовъ: Богуслава Гориславича, Сбыслава Якуновича, Домаша Твердиславича, Глѣба, посадница сына, Михалка Микифоровича, Михаля Прикупова; а сына своего Гостислава остави в Новѣградѣ. «А мнѣ, рече, даи Богъ исправити вся правда новгородчкая, тоже от вас поиму сына своего» (6737);

Того же лѣта, на зиму, иде князь Ярославъ в Володимиръ, и оттоле иде в Орду, а в Новѣгородѣ остави Андрѣя Воротиславица, а плесковицемъ да князя Аугуста (6778).

(В таком контексте предикация с *оставити* оказывается всегда в постпозиции — и при причастном, и при финитном оформлении.)

В некоторых редких контекстах, где следующая ситуация — движение (удаление) субъекта, исследуемый глагол не имеет значения «оставить вместо себя, на своей должности». Есть один такой пример, где употреблена финитная форма:

...«Всеславъ ти бѣжалъ; а ты не води Ляховъ къ Киеву, противна ти нѣту; аще ли хочещи гнѣвъ имѣти погубити град, то вѣси, яко намъ жаль ти есть отня стола». То слышавъ Изяславъ, остави Ляхы, поиде с Болеславомъ, мало Ляховъ поимъ; посла же пред собою сына своего Мьстислава къ Киеву (6577).

А в другом случае при этом употребляется причастие:

Михаиль рече им: «не достоинъ крестияномъ сквозѣ огонь ходити и кланятися идоломъ»... Они же оставивше их на мѣстѣ, идѣже бѣста приведена, идоша повѣдати цесарю Батыю (6753).

(Впрочем, такой контекст настолько малочастотен, что о закономерностях для него ничего нельзя сказать.)

Исследуемый глагол также может реже употребляться в таких контекстах, где следующая за ним ситуация не является движением, а сам он может значить как «оставить себе», так и «оставить другому». При этом глагол всегда оформляется финитно:

Князь же Наримантъ бяше в Литвѣ, и много посылаша по него, и не поѣха, нѣ и сына своего выведе изъ Орѣхового, именовъ Александра, токмо намѣстникъ свои остави (6846);

...веде Володимиръ съ Мьстиславомъ вся боярѣ новгородчкыя къ Киеву, и заводи я къ честному кресту, и пусти их домовъ, а иныя у себе остави; и разгнѣвася на ты, оже ты грабилѣ Даньслава и Ноздрѣчу, и на сочькаго на Ставра, и заточи я вся (6626);

...явися знаменье въ Плесковѣ у святого Иоанна в монастыри, от иконы святого Спаса над гробомъ княгининымъ Ярославльи Володимирица, юже уби свои пасынокъ въ Медвѣжии головъ: иде миро от иконы по 12 дни, и наиде 4 воцаницѣ яко въ стѣкляницу; и привезоша в Новѣгород 2 на благословение, а въ Плесковѣ оставиша ю собѣ двѣ (6751);

И стояша 3 дни и 3 ноци, волость труще, села великая пожгоша, обилье все потратиша, а скота не оставиша ни рога; и потомъ идуще, взяша Кавгалу рѣку, Перну рѣку, и выидоша на море, и приидоша здрави в Новѣгород (6819).

Статистика для глагола показана в табл. 3.

Таблица 3

Статистика употреблений причастных оборотов и финитных форм для глагола *оставити* (предикация принадлежит фрагменту нарративной последовательности, относящемуся к одному подлежащему, и обозначает в нем не последнюю ситуацию)

Предикация	Ш-пр.	ДС с ш-пр.	Фин.
Следующая ситуация — движение (удаление) субъекта; значение глагола — «оставить вместо себя»	5 (63 %)		3 (37 %)
Следующая ситуация — движение (удаление) субъекта; значение глагола не есть «оставить вместо себя»	1		1
Следующая ситуация не есть движение (удаление) субъекта			4

Посадити

Этот глагол в его употреблениях в НПЛ может рассматриваться как каузатив от *сѣдѣти* и употребляется в исследуемом тексте только в переносных значениях («сделать правителем») [Срезневский 1903, т. 2: 1227 и далее; Сл. ДРЯ XI—XIV вв., 7: 237].

Рассмотрим только те контексты, где глагол *посадити* является не последним в цепочке, относящейся к одному подлежащему (так как причастные формы данного глагола появляются только в них).

Есть только одна предикация с исследуемым глаголом (она находится не в нарративном контексте, а в прямой речи: в повелении римского папы или императора крестоносцам), которая может трактоваться как фоновая отсылка назад. Но предикации, к которой она отсылает, ни в одном списке НПЛ нет (повеление папы или императора посадить претендента на престол могло в данном контексте просто подразумеваться автором повествования, но первые издатели НПЛ предполагали, что оно вообще могло быть и механически пропущено вместе с целым фрагментом текста):

Цесарь нѣмечькы посла к папѣ в Римъ, и тако увѣчаста, яко не воевати на Цесарьград, нѣ якоже рече Исакович: «всь град Костянтинъ хотять моего царства». «[Пропуск?] Также посадивъ его на престоль, поидѣте же къ Иерусалиму в помощь; не восхотят ли его, а ведете опять ко мнѣ» (6712, повесть о взятии Цареграда).

Для таких случаев употребление кратких причастий вполне типично и даже предпочтительно, особенно для глаголов движения [Сахарова 2011].

Во всех остальных употреблениях финитные и причастные формы исследуемого глагола принадлежат нарративной последовательности.

Наиболее характерен для этого глагола, так же как и для *оставити*, такой контекст, где он обозначает ситуацию, предшествующую ситуации движения (а точнее, удаления субъекта), и имеет значение «оставить вместо себя, на своем месте». Две ситуации — оставить править вместо себя и уйти — при этом оказываются связаны ожидаемым образом. В таком контексте глагол может оформляться причастно, таких примеров всего три:

...и опять Ярославъ Всеволодиць; и опять Михаило Всеволодиць; и посадивъ сына своего Ростислава на столъ, а самъ Чернигову (6497, список князей);

...почаша ѣздити оканнии по улицамъ, пишюще дома крестияньскыя... и отъяхаша оканнии, взявше число, а князь Александръ послѣ поиха, а сына своего Дмитриа посадивъ на столъ (6767);

...поставиша город надъ Невою на усть Охты рѣкы, и утвердиша твердостию несказанною, поставиша в немъ пороки, похвалившеся оканнѣи, и нарекоша его Вѣнецъ земли, бѣ бо с ними намѣстникъ королевъ именовъ Маскалко; и посадивше в немъ мужи нарочитыя с воеводою Стѣнемъ, и отъидоша (6808).

В семи случаях мы встречаем в этом контексте финитные формы:

Святославъ же пришед Тмютороканю и посади пакы сына своего Глѣба, възратися опять (6573);

Иде Мъстиславъ въ Киевъ на столъ из Новагорода марта въ 17; а сына посади в Новѣгородѣ Всеволода на столъ (6625);

Тогда же поиде князь на Низъ, поим послы новгородчкыя Елеуферья и Михаила Пинециница, а сына своего Василья посади на столъ (6764);

Олгердъ же повелѣ крестити сына своего, и наркоша имя ему въ святомъ крещении Андрѣи, и посади его въ Плесковѣ, а самъ поѣха в Литву (6850).

(Отметим, что и при причастном и при финитном оформлении возможна инверсия предикации.)

Еще в 13 случаях глагол *посадити* употребляется в таких контекстах, где следующая ситуация не является ситуацией движения. При этом глагол всегда оформляется финитно:

Слыша же се Володимиръ в Новѣгородѣ, яко уби Ярополкъ Олга, и убо-явѣся бѣжа за море. а Ярополкъ посади посадники в Новѣгородѣ; и бѣ владѣя единъ в Руси (6485);

Того же лѣта вниде самъ в Новѣгород, бивѣся съ строем своимъ Михалкомъ, и сѣде в Новѣгородѣ; а Михалко сѣде в Володимирѣ, а брата своего Всеволода посади в Переяславли (6683);

Выведоша новгородци ис Плескова Ярослава Ярославича и посадиша его на столъ, а Василья выгнаша вонъ (6763);

Того же лѣта присла князь великийи Дмитрии свои послове намѣстьники; и посадиша намѣстьники княжиши у себе новгородци, и суд имѣ даша (6868).

В этих случаях, как можно видеть, предикация с исследуемым глаголом не является прагматически невыделенной.

Статистика для глагола показана в табл. 4.

Таблица 4

Статистика употреблений причастных оборотов и финитных форм для глагола *посадити* (предикация принадлежит цепочке, относящейся к одному подлежащему, и обозначает в ней не последнюю ситуацию)

Предикация	Ш-пр.	ДС с ш-пр.	Фин.
Фоновая отсылка назад	1 (?)		
Принадлежит нарративной последовательности; следующая ситуация — движение (удаление) субъекта	3 (37 %)		9 (63 %)
Принадлежит нарративной последовательности; следующая ситуация не есть движение (удаление) субъекта			13

Таким образом, можно заключить, что для исследованных глаголов использование в летописи конструкций с краткими причастиями, как правило, обусловлено дискурсивными критериями второстепенности — ожидаемой сочетаемостью ситуаций, их более тесной связью друг с другом.

Однако о полном соответствии критериев выбора причастного способа оформления и критериев второстепенности предикации говорить, разумеется, нельзя. Такого рода закономерности соблюдаются чаще всего не стопроцентно, и вообще употребление ш-причастий могло быть и не всегда связано факторами второстепенности. Вероятно, в действие могли вступать определенные традиции использования причастий в книжном языке, не имеющие синхронного объяснения. Результаты данного исследования также подтверждают, что синонимичные глаголы обнаруживают похожие критерии распределения предикаций на причастные и финитные.

Л и т е р а т у р а

Алексеев 1987 — А. А. Алексеев. Participium activi в русской летописи: особенности функционирования // *Russian Linguistics*. Vol. 11. 1987. С. 187—200.

Белоруссов 1899 — И. М. Белоруссов. Дательный самостоятельный падеж в памятниках церковно-славянской и древнерусской письменности // *Русский филологический вестник*. Т. 41. Варшава, 1899. С. 71—146.

Борковский 1949 — В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Львов, 1949.

Борковский, Кузнецов 1965 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом находок 1995—2003 гг. М., 2004.

Истрина 1923 — Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи // Известия Отделения русского языка и словесности. 1923—1926. Т. 24. Кн. 2. С. 1—172; Т. 26. С. 207—239.

Лопатина 1978 — Л. Е. Лопатина. Второстепенное сказуемое // Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В. И. Борковского. М., 1978. С. 102—118.

НПЛ 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М.; Л., 1950.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. М., 1996.

Падучева 2001 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотносительность с действительностью. 2-е изд. М., 2001.

Потебня 1958 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. М., 1958.

Сабенина 1978 — А. М. Сабенина. Дательный самостоятельный // Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В. И. Борковского. М., 1978. С. 417—432.

Сахарова 2005 — А. В. Сахарова. Причастные обороты в древнерусской летописи: содержательные параметры их употребления для глаголов восприятия // Рус. яз. в науч. осв. № 10 (2). 2005. С. 250—266.

Сахарова 2007а — А. В. Сахарова. К вопросу о прагматических критериях распределения предикаций на причастные и финитные в древнерусской летописи // Рус. яз. в науч. осв. № 13 (1). 2007. С. 85—113.

Сахарова 2007б — А. В. Сахарова. Содержательные параметры употребления причастий в древнерусской летописи для некоторых стативных глаголов // ВЯ. № 2. 2007. С. 108—126.

Сахарова 2010 — А. В. Сахарова. К вопросу о дискурсивных функциях причастных конструкций в русской летописи // Russian Linguistics. Vol. 34. № 1. 2010. С. 87—111.

Сахарова 2011 — А. В. Сахарова. Содержательные параметры употребления кратких причастий в русской летописи для глаголов движения // Рус. яз. в науч. осв. № 2. 2011. С. 89—115.

Сл. ДРЯ XI—XIV вв. — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1988—.

Сл. РЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—.

Срезневский 1903 — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. Т. 2. СПб., 1903. С. 1277.

Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002.

Chafe 1987 — W. Chafe. Cognitive constraints on information flow // R. S. Tomlin (ed.). Coherence and Grounding in Discourse: Outcome of Symposium, Eugene, Oregon, June 1984. (Typological Studies in Language. Vol. 11.) Amsterdam (Phil.), 1987. P. 21—51.

Dry 1981 — H. Dry. Sentence aspect and the movement of the narrative time // Text. Vol. 1. № 3. 1981. P. 233—240.

Dry 1983 — H. Dry. The movement of narrative time // *Journal of Literary Semantics*. XII/2. 1983. P. 19—53.

Fleischmann 1985 — S. Fleischmann. Discourse function of tense-aspect opposition in narrative: Toward a theory of grounding // *Linguistics*. Vol. 23. 1985. P. 851—882.

Givón 1984 — T. Givón. *Syntax: a functional typological introduction*. Vol. 1. Amsterdam (Phil.), 1984.

Hopper 1979 — P. J. Hopper. Aspect and foregrounding in discourse // T. Givón (ed.) *Discourse and Syntax*. New York, 1979. P. 213—241. (*Syntax and Semantics*. Vol. 12).

Lakoff 1984 — R. Lakoff. The pragmatics of subordination // *Proceedings of the X Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*. 1984. P. 481—549.

Mathiesen, Thompson 1988 — C. Mathiesen, S. A. Thompson. The structure of discourse and «subordination» // Haiman and S. A. Thompson (Eds.) *Clause combining in Grammar and Discourse*. (Typological Studies in Language. Vol. 18) Amsterdam (Phil.), 1988. P. 275—329.

Polanyi, Hopper 1981 — L. Polanyi, P. J. Hopper. A revision of the foreground-background distinction: Paper presented at the 1981 Winter meeting of the Linguistic Society of America. [Электронный ресурс]. Доступ: <http://eserver.org/langs/polanyi-hopper1981.hqx> [21.6.2000], свободный.

Reinhart 1984 — T. Reinhart. Principles of gestalt perception in the temporal organization of a narrative text // *Linguistics*. Vol. 22. № 6. 1984. P. 779—809.

Tomlin 1985 — R. S. Tomlin. Foreground-background information and the syntax of subordination: Evidence from the English Discourse // *Text*. Vol. 5. № 1/2. 1985. P. 85—122.

Tomlin 1986 — R. S. Tomlin. The identification of the foreground-background information in on-line descriptive discourse // *Papers in Linguistics*. Vol. 19. 1986. P. 465—494.

Večerka 1961 — R. Večerka. *Syntax aktivních participií v staroslověnině*. Praha, 1961.

Wårvik 2002 — B. Wårvik. *On grounding in narrative: a survey of models and criteria*. (English Department Publications. Vol. 5) Turku, 2002.

A. V. SAKHAROVA

**PARAMETERS OF MEANING GOVERNING THE USE OF SHORT PARTICIPLES
IN THE RUSSIAN CHRONICLE FOR SOME CAUSATIVE VERBS**

The article reports the results of an investigation of the parameters of the choice between finite verb forms and short participles of some verbs in the Novgorod I chronicle (younger recension). The use of short participles in the chronicle is shown to be conditioned in many cases by discourse features typical of backgrounded predicative units. However, there is no complete correspondence between the criteria for choosing a participle construction and the criteria for the backgroundedness of the predicative unit. It is also suggested that peculiarities of the use of the movement verbs in the Novgorod chronicle reflect the interaction between the tradition of exemplary texts and the spoken language.

Keywords: historic syntax, Russian language, pragmatics, converb, short participle, chronicle.

Д. В. СИЧИНАВА

ЧАСТИЦЫ *БЫЛО* И *БЫВАЛО* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII В.*

Уже немалая литература посвящена частице *было* в современном русском языке [Чернов 1970; Varentsen 1986; Шоштайшвили 1998; Князев 2004, Попова-Боттино 2008; 2009; Каган 2011], а с другой стороны, древнерусскому и среднерусскому плюсквамперфекту со вспомогательным *быль* — её диахроническому источнику (см. [Петрухин, Сичинава 2006; Шевелева 2007] и последовавшую полемику на страницах РЯНО, а также [Жукова, Шевелёва 2010]). Есть специальные работы о рефлексх плюсквамперфекта в современных говорах [Пожарицкая 1991; 1996; 2010; 2012; Громова 2010]. Все эти три группы работ объединены общим сюжетом, связанным с формальной и семантической эволюцией данного показателя, его этимологией.

В статье [Сичинава 2009] на материале Национального корпуса русского языка я рассматриваю современную (после 1950 г.) сочетаемость частицы *было*, а в статье [Сичинава 2012] — диахроническую эволюцию частицы *было* в разных отношениях — просодическом, сочетаемостном, семантическом. В последней работе наряду с *было* анализируется и частица (вводное слово) *бывало*. Такое сближение не случайно. С морфологической точки зрения и *было*, и *бывало* могут рассматриваться в ряду так называемых «вторичных модификаторов», достаточно тесно присоединяющихся «снаружи» к полностью оформленной словоформе финитного глагола. Эти модификаторы (по крайней мере, первоначально) просодически несамостоятельны, но отделимы и переместимы, демонстрируя остаточное действие закона Вакернагеля. Оба эти показателя относятся к семантической зоне «неактуального прошедшего» (подробнее [Плунгян 2001; Plungian, Auwera 2006]), которая включает в себя, в частности, прекращённую ситуацию в прошедшем, аннулированный или недостигнутый результат, неактуальный опыт в прошедшем, нереальное условие. По внутренней форме они также близки, совпадая со словоформами ед. ч. ср. р. прош. вр. глаго-

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ 10-04-00256а и программы Президиума РАН «Корпусная лингвистика». Благодарим анонимных рецензентов журнала РЯНО за ценные замечания, учтенные нами в окончательном варианте работы.

лов *быть* и *бывать* — кстати, это типологически свойственно маркерам неактуального прошедшего. При этом этимология двух показателей, как известно, разная: конструкцию с *было* возводят к древнерусскому плюсквамперфекту (*ходить былъ*), где элемент *был-* представлял собой согласуемый вспомогательный глагол, впоследствии согласование утративший, а конструкция с *бывало* — грамматикализация словоформы финитного глагола *бывать* (аналогично таким вводным словам, как *может*, *скажем* и т. п.). Есть, впрочем, основания считать, что и конструкция с *было* вобрала в себя, помимо плюсквамперфектного, также иной источник. Возможно объяснение, связывающее её с т. н. конструкциями «с избыточным *есть*» типа *Ребята есть курят* (при переводе в прошедшее время они закономерно дают *Ребята было курили*); этой теме посвящён ряд работ М. Н. Шевелёвой, прежде всего [Шевелёва 2007]. Известно также об употреблении частицы *было* в функции *бывало* в ряде контекстов, в том числе в диалектах [Пожарицкая 1991, 2010] (подробнее см. раздел 3.1 данной статьи), так что есть основания говорить о сосуществовании и взаимовлиянии нескольких конструкций с этой частицей (данной проблематике специально посвящена наша статья [Сичинава 2010]).

Необходимо ближе взглянуть на один период истории частицы *было* — XVIII в. Это переходная эпоха между среднерусским и современным литературным языком, в целом ряде отношений совмещающая черты архаические и инновативные. Не является исключением и употребительность частицы *было*. Прозаические и поэтические тексты Национального корпуса русского языка для данного периода охватывают уже 4,5 миллиона словоупотреблений, и на их базе (разумеется, с привлечением дополнительных источников, прежде всего исторических словарей) уже возможно сравнивать функционирование *было* в XVIII в. с современным.

Весьма содержательный, несмотря на требуемую от словарной статьи краткость формулировок, анализ семантики частицы *было* в XVIII в. проведён в [Словарь XVIII, 2: 180—181] (автор статьи — И. М. Мальцева). Здесь выделено пять значений частицы и приведены важные примеры, некоторые из которых ещё не попали в Национальный корпус. Подробно же конструкции с *было* в языке XVIII в. до сих пор не рассматривались (корпус А. Барентсена, автора до сих пор непревзойдённой во многих отношениях работы [Barentsen 1986], начинается только с XIX в.). Это «слабое звено», выпадавшее из общей, почти тысячелетней хронологии восточнославянского плюсквамперфекта. Попытаемся хотя бы отчасти компенсировать этот пробел.

1. Формальные свойства

Несогласованное *было* отмечено русскими историческими словарями с конца XVI—XVII вв., причём в этот период оно выступает параллельно с

согласуемым показателем плюсквамперфекта. XVIII в. — первый период, когда из письменных текстов (и, видимо, из устной речи великорусского центра) уже полностью исчез согласуемый «русский плюсквамперфект», «отступая» в северные говоры, где он активен и сейчас, в том числе в речи молодого поколения [Громова 2010]. В этом же веке уже достаточно активно употребляются конструкции с факультативным *было* — *чуть (было) не* и *едва (было) не*, обладающие особыми свойствами. Эти конструкции мы вслед за [Barentsen 1986: 35ff] в общем ряду не рассматриваем, однако привлекаем для сравнения с рядом нестандартных употреблений конструкции с *было*. В то же время это последний период истории языка, когда в русском языке ещё нет появившихся не позднее 1830 г. нефинитных конструкций (типа *прекратившийся было, прекратившись было*), демонстрирующих особые свойства сочетаемости. В принципе, сочетание этих двух отрицательных параметров («уже-отсутствие» согласуемого показателя плюсквамперфекта плюс «ещё-отсутствие» нефинитной конструкции) служит достаточно неплохой хронологической рамкой интересующего нас периода, хотя, естественно, она и не может совпасть с точными границами 1701—1800 гг. Далее мы будем привлекать для сравнения также примеры из текстов предшествующего или последующего периодов, в том числе и из разрабатываемого в настоящее время в составе Национального корпуса русского языка подкорпуса среднерусских текстов (XV—XVII вв.). Однако при подсчётах используются только тексты, даты создания которых пересекаются с хронологическим XVIII в.

1.1. Линейная позиция

Известно, что в древне- и среднерусский период элемент *был-* в составе плюсквамперфекта приобрёл энклитический статус (хотя, по-видимому, не вполне последовательно) и подчинялся закону Вакернагеля, причём в известной мере соответствующие механизмы действуют и сейчас [Зализняк 2008: 39—40]. В XVIII в. соотношение между постпозицией и препозицией частицы *было* уже не радикально отличалось от того, которое обнаруживается и в современном языке — на долю препозиции приходится 25 % всех употреблений (по данным [Сичинава 2009: 368], для разных выборок современных текстов уровень препозиции *было* колеблется от 17 % до 24 %). Вместе с тем в XVIII в. гораздо чаще, чем теперь, была употребительна дистантная препозиция, при которой частица *было* пропускает между собой и *л*-формой глагола ещё какие-то слова¹. В корпусе XVIII в. из 77 слу-

¹ Дистантная постпозиция (контексты типа *сказал он было*) маргинальна как в языке XVIII в., так и в современном. В текстах после 1950 г. (подкорпус со снятой омонимией) дистантная постпозиция встретила 2 раза из 325 случаев постпозиции (в совершенно однотипных фразах у одного автора, подробнее [Сичинава 2009: 368]), в текстах XVIII в. — 3 раза из 231 (фактически тоже два, так как один пример — результат издательской конъектуры).

чаев с препозицией *было* в 31 случае препозиция дистантная (40 % случаев), в то время как в современных текстах соотношение совсем другое — всего 3 примера из 65 (по данным подкорпуса со снятой омонимией). В большинстве случаев дистантная препозиция связана именно с соблюдением закона Вакернагеля — *было* стоит после первого полноударного слова:

- (1) Не могу и теперь удержаться от бешенства, которое произвел во мне актер, которому я намерен был прочитать ее; *на сей конёц было* с ним и познакомился и в назначенный день привез к нему мою комедию на дровнях (И. А. Крылов (?). Покаяние сочинителя крадуна (1792)).
- (2) Я их не бивал, не бранивал, *а они было* меня ознобили (А. П. Сумароков. Вздорщица (1770)).

Ряд отклонений от этого правила связан с местоимением (союзным словом) *который*. Хотя оно (в актуальной в данном случае функции подлежащего) стоит в начале клаузы и, вероятно, всегда было ударным, после него *было* может ставиться как с соблюдением правила (2 раза):

- (3) Ныне всемилостивейше царствующая наша мать утвердила прежние указы высочайшим о дворянстве положением, *которое было* всех степенных наших востревожило, ибо древние роды поставлены в дворянской книге ниже всех (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву (1779—1790)),

так и после следующего фонетического слова (6 раз):

- (4) 600 человек татар, *которые* в Азов было пройтить хотели, в 10 числе от нашей конницы разбиты и отогнаны (И. А. Желябужский. Дневные записки (1682—1709)).

В исследуемый период только начинают формироваться дополнительные — лексические и семантические — критерии, способствующие препозиции *было* и выделяемые в современном языке [Шошитайшвили 1998; Сичинава 2009: 368—370]. В современном языке заметна тенденция наречий *совсем* и *уже* «тянуть» *было* на себя: *совсем было забыл, уже было собрался*. В XVIII в. эти слова ещё сами по себе редко встречаются в нашей конструкции, а для *совсем* отмечен и другой порядок слов:

- (5) Я было тебя *совсем* по старине воспитывала и радовалась, что слышала о тебе многие похвалы (И. А. Крылов. Почта Духов (1789)).

Характерная для современного языка склонность к препозиции *было* с глаголами эмоции и умозаключения, по-видимому, уже начала обозначаться в XVIII в. (эти глаголы составляют 8 % лексического наполнения нашей конструкции с постпозицией *было* и 17 % — с препозицией):

- (6) Калиф было усумнился, человек ли это; но, по босым ногам и по бороде, скоро в том уверился (И. А. Крылов. Каиб. Восточная повесть (1792)).

В XVIII в. энклитика *было* лучше соблюдает закон Вакернагеля и в том отношении, что она ещё не засвидетельствована в начале предикативной группы (клаузы), в отличие от современных текстов, где, вопреки [Зализняк 2008: 268] и [Попова-Боттино 2009], всё же отмечены примеры типа *Заметили эту аморалку британцы, было обрадовались, но тут же и огорчились* [Сичинава 2009: 369].

1.2. Безударность

Энклитический статус частицы *было* прослеживается в появившейся в XVIII в. силлабо-тонической поэзии. В строках двусложных размеров слог *бы* в ряде случаев попадает на слабое место, а *ло* — на сильное. Это может свидетельствовать о безударности обоих слогов, аналогично тому, как в русской поэзии всех веков эта словоформа располагается в заведомо энклитической позиции: *не́ было, ни́ было*. При этом необходимо учитывать, что в XVIII в. словоформа *было* изредка выступает в такой позиции стиха не только как частица, но и в качестве формы глагола *быть*, поэтому у соответствующих авторов нельзя исключать просто ударения на *-о*, как в ряде русских говоров, а также украинском и белорусском, а кроме того, перехода связки *было* в статус энклитики, особенно с предикативами (*надо было* и т. п.).

Показательны случаи, когда у одного и того же автора частица и глагол *было* акцентуированы по-разному. Особенно интересен в разных отношениях замечательный пример из Львова:

- (7) Меня было ошаломило...
 Ударясь в стену головой
 И став, как надобно, шальной,
 Какой-то скользкою тропой
 Я шел и долом и горой;
 И так было мне любо было
 В чаду, в тумане колесить!
 (Н. А. Львов. Фортуна (Эпистола к А. М. Бакунину, 1)
 (1797.06.14))

Помимо характерных для XVIII в. и не свойственных современному языку употреблений в нашей конструкции связки *быть* и безличного глагола *ошаломить* (см. разделы 2.4, 2.5.2), в этом пассаже имеется прямое акцентологическое противопоставление безударной клитики *было* (дважды) и полноударной словоформы *было* (в позиции ударной константы в рифме). Кроме этого стихотворения Львова, безударное *было* в составе нашей конструкции, противопоставленное ударному (не считая конструкции *чуть было не*, где *было* также не акцентуруется), отмечено у Рубана, Ржевского, Муравьёва, дважды у Хемницера, трижды в «Елисее» Майкова. Словоформа *было* регулярно выступала как безударная также и в составе конструкции долженствования с инфинитивом (*Мне неть было о Трое* —

М. В. Ломоносов, *Ах! Беречь было монету Белую на черный день!* — Г. Р. Державин)².

С другой стороны, в материале поэтического корпуса обращает на себя внимание необычный пример *было* в начале синтагматической строки после enjambement, при том что и семантически контекст для нашей конструкции весьма необычен (о проблемах этого нередко цитируемого литературоведскими и лингвистами пассажа, который в интересующем нас отношении, возможно, не вполне надёжен, см. 2.8):

- (8) Прибыл я в город ваш в день некий знаменитый;
Пришел к воротам, нашел, что спит как убитый
Мужик с ружьем, который, как потом проведаль,
Поставлен был вход стеречь; еще не обедал
Было народ, и солнце полкруга небесна
Не пробегло, а почти уж улица тесна
Была от лежащих тел.

(А. Д. Кантемир. Сатира V. На человеческие злонравия вообще.
Сатир и Периерг (1731—1743))³

Как в XVII, так и в XVIII в. известен также вариант конструкции, при котором элемент *был-* выступает с иной гласной в корне — *бол-* или *бал-*, причём в записи окончания может отразиться фонетическая редукция (засвидетельствованы варианты *бол, бола, боло, бала*, возможно, также *бал*). Варианты этого ряда неоднократно засвидетельствованы в деловых и част-

² *Было* в составе инфинитивно-дативной конструкции (со значением ‘X-у надо бы/надо было P’) демонстрирует, помимо формальной, и определённую семантическую близость к обсуждаемой конструкции. Это прежде всего идея неактуальности, упущенной возможности, противопоставленная событиям в настоящем. Модальное *было* с инфинитивом, как и с финитным модальным глаголом (*могло было / могло бы*, ср. раздел 2.7), демонстрирует взаимозаменяемость с частицей сослагательного наклонения *бы*: ср. продолжение цитированной строки Ломоносова: *Мне петь было о Трое, // О Кадме мне бы петь*. В ряде словарей (включая словарь Даля и [Словарь XVIII]) эти конструкции так или иначе объединены. Я предпочитаю этого не делать (как и в [Varentsen 1986: 58]) по двум причинам. Во-первых, конструкция *было* + инфинитив имеет парадигматические соответствия в настоящем и будущем времени: *Мне идти — Мне было идти — Мне будет идти*, для последнего ср. *Теперь мне будет терпеть убыток, который пришел очень некстати, затем что в деньгах у меня и без того избытка нет* (Д. И. Фонвизин. К родным (1763—1774)). Это предполагает здесь, по крайней мере исторически, связку *быть*, а не особый показатель. Во-вторых, грамматическая сочетаемость словоформы *было* в этих конструкциях слишком различна, и как будто бы нет пограничных контекстов, где две конструкции смешиваются (в отличие от *было*, синонимичного *бывало*, ср. раздел 3).

³ Обсуждаемый текст появился не ранее 1737 г., когда Кантемир начал работу над второй редакцией сатиры; в первой редакции 1731 г. этих строк нет.

ных документах, а также в фольклорных записях (Кирша Данилов) и литературной стилизации.

- (9) А казловской мерин бола охрaмѣл и мы приводили конавала и он вырезовал выподак и ево Бгъ помиловал (1694 [СОРЯ МР, 1: 328]).
- (10) А я бала для семли поехалъ и сам за Суру, и меня в то число захватила болѣзнь (Д. Пестров сестре Екатерине Калистратовне (конец XVII — начало XVIII в.); [Грамотки 1969, № 67] — из подкорпуса среднерусских текстов НКРЯ)⁴.
- (11) Какой проливной бола пошѣл дозжик, да перестал скоро (А. О. Аблесимов. Мельник, колдун, обманщик и сват (1779)).

В цитируемой комической опере Аблесимова, «низкий штиль» которой ориентирован на воспроизведение простонародных речевых масок средствами орфографии, форма *бола*, помимо трёх примеров, соответствующих нашей конструкции (реплики Мельника и Филимона), встречается также в песне Фетиньи: *Ах! на что ж бола, ах! к чему ж бола / мне на свете быть / во кручине жить* — в составе инфинитивной конструкции долженствования *было X-у Р* (что здесь *было* также выступало как энклитика, показывает его безударность в поэтическом корпусе, см. выше). В то же время в репликах этих же персонажей в остальных контекстах выступает стандартное *было* (*Нет! стану курныкать помаленьку, только чтоб не так страшно мне было, Женился бы не шутём, кабы было можно, Только нам было и нада*, также в составе песни: *На заре то было да на утренней*). В цитируемой грамотке Д. Пестрова также в контексте ударной словоформы используется стандартная орфография: *чтоб было для чего ходит(ь)*.

Вариант с *бол-/бал-*, особенно там, где он противопоставлен *было*, можно рассматривать двойко. Во-первых, это может быть чисто фонетическое явление, а именно передача совпадения безударного /ы/ с /ь/ (ср. пушкинское *Мне вымaли голову* [Панов 1990: 268], редкие написания типа *вымослу, выиграш* вместо *вымыслу, выигрыш* в XVIII в. тоже отмечены [Там же: 397]); в таком случае это просто отражение энклитического статуса на письме. В любом случае, систематичность такого написания в некоторых текстах (при гораздо большей редкости фиксации безударного *ы* как *о* или *а* в иных контекстах) показательна и может говорить о том, что писавшие воспринимали энклитику как иное слово, чем форма глагола *быть*. Если

⁴ Не исключено, что в той же грамотке Пестрова есть ещё более интересный пример данной конструкции: *А земля у нас была балъ* (к словоформе *балъ* специальное примечание издателей: «так в ркп.») и *приторгована толка в споре*, если трактовать это как ‘А мы уже и приобрели было землю, но она спорная’. Если наша интерпретация верна, то здесь одновременно представлены два раритетных явления, характерных для исследуемого периода: ещё один вариант энклитики *было* — *балъ* [бъл], с редукцией второго гласного до нуля, и сочетание конструкции с глаголом-связкой *быть* (ср. пункт 2.4. и примеры типа *было намерен был, был принуждён было*).

же в ряде этих примеров за *о* или *а* всё же стоит звук, чем-то отличный от безударного *ы* в иных контекстах, то можно было бы рассматривать такие формы как еще один признак формальной грамматикализации этого показателя: в условиях безударности меняется качество гласного, что окончательно отрывает показатель от набора форм глагола *быть*. Подобное развитие, по крайней мере в части случаев, сопровождается утратой согласования. Более того, если принять интерпретацию примера *земля была балъ* как отражение *земля была было* с утратой финального гласного, то, строго говоря, у нас не остаётся надёжных случаев согласуемого показателя с корнем *бол-* или *бал-*: примеры из [СОРЯ МР, 1: 328] типа *а свель боль с сабою крестьянина* или *лищица пришла бала* не позволяют отличить сохранение исконной формы от вторичной редукции или утраты безударного окончания в несогласованном *было*, а диагностических примеров с конечным *-и* типа **бали/боли пришли* пока не встретилось.

1.3. Грамматическая сочетаемость

С точки зрения грамматической сочетаемости (то есть круга грамматических форм, в контексте которых она может выступать) частица *было* в XVIII в. характеризуется отсутствием целого ряда типов контекстов, характерных для современного языка: она не сочетается с причастиями (*прекратившийся было дождь опять полил*), деепричастиями (*дождь, прекратившись было, опять полил*), *praesens historicum* (*старая гвардия бросается было на выручку Наполеону*) и нулём глагола (*Акакий Акакиевич ещё было насчёт починки*). Если не считать нестандартного использования *было* как аналога *бывало* (см. раздел 3.2), оно встречается, как и ранее согласуемый показатель плюсквамперфекта, только с *-л*-формой. Это существенно, поскольку «нефинитная конструкция» (как мы назвали сочетание *было* с причастиями и деепричастиями в [Сичинава 2009: 363]) по целому ряду параметров, прежде всего семантических, отличается от финитной конструкции с *-л*-формой. До появления конструкции с причастиями в соответствующих контекстах используются относительные предложения с *который*:

- (12) Молодой человек оглянулся и увидел бегущую няню... которую наши любовники совсем было забыли (Н. М. Карамзин. Наталья, боярская дочь (1792)) (= совсем было забытую нашими любовниками).

Нефинитная конструкция не характерна не только для XVIII, но и для первой четверти XIX в.: активной она становится только в пушкинскую эпоху. По состоянию НКРЯ на май 2012 г., первое сочетание причастия с *было* отмечено у А. О. Корниловича (1832), деепричастия — у А. С. Пушкина в «Опровержениях на критики» (1830; *усадив было*). Первый пример сочетания *было* с нулевым глаголом встретился несколько раньше: *Я от него было и двери на запор* в «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Далее на протяжении 1830-х — начала 1840-х гг. новые примеры появляются регулярно (Лажечников, Никитенко, Надежда Дурова, Гоголь).

2. Семантическая сочетаемость и интерпретация

2.1. *Общее. Нарушение нормального хода ситуации*

В связи с семантикой частицы *было* в современном русском языке существуют две конкурирующие трактовки — модализация значения («неосуществление задуманного действия») и значение аннулированного, недостигнутого результата (подробнее об этих трактовках см. [Barentsen 1986: 14ff; Сичинава 2009: 374—379]). Ср. толкование в Слов. XI—XVII (где приведён пример 1597 г.): «...указывает, что действие, обозначенное знаменательным глаголом, рассматривается говорящим как несостоявшееся и недействительное». Представляется, что обе эти трактовки можно примирить через предложенную А. Барентсеном и затем развитую Ю. П. Князевым [Князев 2004] идею «нарушения нормального хода течения событий», частными случаями которой являются как отмененный или недостигнутый результат, так и недостижение прагматической цели в рамках некоторой более широкой «макроситуации» (по Князеву). Схожую концепцию предлагает Ольга Каган [Kagan 2011], использующая в своём исследовании понятийный аппарат «возможных миров» — частица *было* используется для демонстрации «ненормальности реального мира». Принципиально важна для современной русской частицы *было* такая специфика, как кратковременность существования начатой ситуации и пресечение её «на корню». Об этом говорит её повышенная сочетаемость с глаголами-инхоативами (помимо прототипических *начать* или *стать*, также и с такими специфическими, как *броситься*, *кинуться* и *раскрыть рот*).

Семантика нарушения нормального хода ситуации налицо уже во всех ранних примерах несогласованного *было* (XVI—XVII вв.), приводимых историческими словарями и/или включённых в готовящийся среднерусский корпус НКРЯ. Ср. также ранние примеры (Иван Грозный⁵, Котошихин, Аввакум), которые приводит П. С. Кузнецов [1953: 243].

Подобные употребления характерны и для языка XVIII в. Ср. следующие контексты, в которых результат действия достигнут, но не осуществлено некоторое прагматически предполагавшееся следствие этого результата (герои приехали, но не блеснули своей одеждой; приказ отдан, а осуждённый хотя и лишился жизни, но иначе, чем этого хотел султан):

- (13) Они нарочно приехали было на сие гулянье с тем намерением, чтоб блеснуть новомодными своими кафтанами, но вдруг увидели, что как оные, так и чудное здание, воздвигнутое на их головах

⁵ В связи с примером из Ивана Грозного Кузнецов допускает, что утрата согласования принадлежит переписчику XVII в. Добавим, что то же возможно и для найденных при помощи среднерусского подкорпуса НКРЯ нескольких контекстов из двух знаменитых современников Грозного — Ивана Пересветова и Андрея Курбского, сочинения которых сохранились в основном в списках следующего столетия.

французскими парикмахерами, от дождя и от пыли совершенно были испорчены! (И. А. Крылов. Почта Духов (1789)).

- (14) Некоторые сказывают, что султан приказал было ему отсечь голову; но визирь, для избежания толь насильственного и бесчестного поступка в рассуждении целой французской нации, приказал отправить его на тот свет посредством яда (П. А. Левашов. Цареградские письма (1789)).

2.2. Распределение по семантическим классам и видам

При этом сочетаемость показателя *было*, список частотных лексем, выбираемых конструкцией, интерпретация контекстов в ряде существенных отношений отличается от современного русского языка.

Прежде всего, обращает на себя внимание значительная свобода в выборе лексического наполнения конструкции по сравнению с современным языком. Для современного языка можно выделить список глаголов, особо частотных в контексте частицы *было* (данные приводим по работе [Сичинава 2009: 379—381]). Так, в составе финитной конструкции первые 25 глаголов по частотности таковы: *хотеть*, *начать* (речь), *начать* (+инфинитив), *собраться* (+инфинитив), *попытаться*, *подумать*, *решить* (+инфинитив), *открыть рот*, *решить* ‘сделать вывод’, *пойти*, *двинуться*, *сунуться*, *попробовать*, *стать* ‘начать’, *рвануться*, *потянуться*, *пытаться*, *направиться*, *приняться*, *взяться*, *броситься*, *кинуться*. Этот список охватывает 62 % вхождений конструкции. Нефинитная конструкция (которой, как мы помним, в XVIII в. не было) гораздо «свободнее» в выборе лексики (первые 24 элемента списка охватывают лишь 34 % примеров) и оказывает предпочтение иному набору глаголов: *начать*, *возникнуть*, *начаться*, *утратить*, *задремать*, *угаснуть*, *исчезнуть*, *вспыхнуть*, *затихнуть*, *подняться*, *потеряться*, *собраться*, *сунуться*, *открыть рот*, *растеряться*, *заскучать*, *мелькнуть*, *наметить*, *наметиться*, *остановиться*, *отчаяться*, *появиться*, *притихнуть*, *ускользнуть*.

В текстах XVIII в. выявляется следующий список первых 22 глаголов по частотности: *хотеть*, *начать*, *надлежать*, *сделать*, *начаться*, *стать*, *забыть*, *броситься*, *вознамериться*, *вздумать*, *пойти*, *прийти*, *довестись*, *определить*, *хотеться*, *зачать*, *принять*, *лечь*, *позабыть*, *быть*. Этот список охватывает 49 % контекстов — таким образом, конструкция с *было* по лексической свободе занимает примерно промежуточное положение между современным состоянием финитной и еще не родившейся нефинитной.

Надо учитывать, что устойчивость этого списка, в том числе даже его верхней части сразу вслед за лидирующими с большим отрывом *хотеть* и *начать*, существенно меньше, чем у вычисленного на материале современных текстов, прежде всего из-за многократного различия в объёме корпусов; более информативен подсчёт по семантическим группам лексики. В нижеприведённой таблице указано распределение семантических классов глаголов в XVIII в. и в современном корпусе. Сумма процентов может

превышать 100 %, так как глагол может быть одновременно отнесён к двум классам.

Семантический класс	XVIII в.	1950—2005, финитная конструкция	1950—2005, нефинитная конструкция
глаголы достижения результата (<i>уснуть, доказать</i>)	30 %	14 %	65 %
глаголы желания (<i>хотеть, требовать</i>)	26 %	23 %	~ 1 %
инхоативы (<i>начать, взлететь</i>)	23 %	43 %	22 %
семельфактивы (<i>крикнуть, двинуть</i>)	~ 0 %	12 %	8 %
глаголы движения (<i>пойти, кинуться</i>)	8 %	14 %	8 %
глаголы умозаключения и эмоции (<i>решить, обрадоваться</i>)	10 %	10 %	~ 1 %
глаголы речи (<i>сказать, объявить</i>)	3 %	17 %	~ 0 %
модальные глаголы (<i>надлежать, мочь</i>)	5 %	~ 0 %	0 %
глаголы попытки (<i>пытаться, покушаться</i>)	2 %	8 %	7 %

Сравним также сочетаемость конструкции с глагольными видами:

Совершенный вид	72 %	84 %	98 %
Несовершенный вид	28 %	16 %	2 %

Разберём различия между XVIII в. и современным состоянием по ряду из этих параметров.

2.3. Глаголы несовершенного вида

Круг глаголов несовершенного вида, допустимых в конструкции с *было*, для современного языка почти полностью ограничен глаголами желания типа *хотеть*. Вместе с тем видовая сочетаемость несогласуемого *было*, как и древнерусского плюсквамперфекта с *быль*, изначально была очень широкой, охватывая самые разные семантические классы. Например, «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII вв.» даёт, помимо других, следующие примеры [СОРЯ МР, 1: 328] (в словаре толкование этой конструкции не приводится, хотя в целом классификация конструкций с *быть* и их формами весьма подробна):

- (15) Говорил было мне доброй человек, посулил было он мне займы денег (Азбука о голом и небогатом человеке (XVII в.)).
- (16) Из розных мѣсть пишут, что за милю от города Праги свѣиской генерал Виттенбярхъ цесаревых людеи которые было шли в Прагу на выручку... всѣхъ наголову побиль (Вести-Куранты IV (1648)).
- (17) Дуль было в ту дутку да не пищить (Симони, Пословицы (XVII в.)).

Ср. пример из подкорпуса среднерусских текстов НКРЯ:

- (18) А то, мои свѣт, и сама говорю, что не к чести твоя служба всем прежним воеводам: давали грамоты такие, писали кнзь Григоря товарищем, а тебѣ, свѣт мои, се такои грамоты не послали, а все то, свѣт мои, зделали Богдан Матвеевич Хитров да Иван Маѣимович Языков да дяк Василеи Григоревич Семенов, а то, свѣт мои, все было говорили бояря, что было дат(ь) тебѣ такая грамота, чтоб быт(ь) кнзь Григорю у тебя в товарищах (Т. И. Голицына В. В. Голицыну (1677.09.01), [МДБП 1968, № 2и]).

Подобные примеры есть и в корпусе XVIII в.:

- (19) Скотинин. Ба! ба! ба! Да эдак и до меня доберутся. Да эдак и всякий Скотинин может попасть под опеку... Уберусь же я отсюда подобру-поздорову. <...> Скотинин (Стародуму). Я шел было к тебе добиться толку. <...> Ага! так мне и делать здесь нечего. Кибитку впрячь, да и... (Д. И. Фонвизин, Недоросль (1782)).
- (20) Узнавши, что Хвостов к Шумилову посланье, Рассудку здравому и вкусу в порицанье, Твореньем ничего не стоящим считал, Я в том винил было сперва его незнанье; Да некто мне растолковал, Что глупость эту он в каникулах сказал (И. И. Хемницер. На Хвостова (1782)).

Последние примеры употребления в данной конструкции глагола движения НСВ, не считая итеративных контекстов, для которых конструкция с *было* допустима и в современном языке [Varentsen 1986; Шоштайшвили 1998] (*несколько раз поднимал было, выныривал было*), а именно два сочетания *шёл было* (причём как с постпозицией *было*, так и с препозицией) в Корпусе встретились в «Котловане» А. П. Платонова (1930). После этого в составе конструкции не отмечено и переносного значения глагола *идти* (типа *всё шло было очень хорошо* у Пришвина).

Примеры глаголов речи НСВ в сочетании с частицей *было* в Корпусе⁶ датированы периодом не позже 1950 г. (большинство до 1900 г.). Уже в XIX в. они ограниченно продуктивны, будучи связаны почти исключительно с глаголами побуждения в итеративном контексте (*было уговари-*

⁶ Мы не учитываем тут двувидовые глаголы: *велеть, обещать, протестовать* (последний, как и *арестовать, апеллировать* и др., был в XVIII—XIX вв., несомненно, ещё двувидовым).

вал, *было* зазывали, *было* поучали, *было* просила, *требовали было*, *заговаривали было*, *напрашивались было*, *звал было*, *грозил было*), встретился глагол *отвечать* (*капитан сперва было отвечал отказом* (К. М. Станюкович. Максимка (1896)), также у Вельтмана и несколько раз у Писемского), в этих контекстах фактически равнозначный глаголу СВ *ответить* (то же верно и для глагола *докладывать*). Глагол *поговаривать*, имеющий семантику намерения, по этой причине активен в языке до сих пор (*Дольщики поговаривали было о «замораживании» строительства*, пример из Google). Последний пример *говорил было* встречается у Писемского в 1858 г., итеративного *говаривал было* — у Мережковского в 1905 г. (см. пример (63)).

Нехарактерно для современного языка также вхождение в данную конструкцию глагола НСВ с семантикой ‘надеяться’:

- (21) Мы ласкались было получить здесь письма ваши; однако почта пришла и к нам не привезла ничего (Д. И. Фонвизин. К родным (1784—1785)).

2.4. Связка *быть*

Большой интерес представляет употребление в контексте конструкции с *было* самого глагола *быть*. Примеры такой формальной редупликации известны из северных говоров:

- (22) У меня мама-то было была [Пожарицкая 1991; 1996].

В корпусе XVIII в. такие примеры встретились трижды: все три раза глагол *быть*, в отличие от диалектного примера, выступает не как полнозначный, а в качестве глагола-связки при кратком причастии или предикативе:

- (23) Я было намерен был попросить у него на то и денег, но опасался, чтоб он мне не дал изрезанных обоев вместо червонцев (И. А. Крылов. Почта Духов (1789)).
- (24) Пена текла у него из роту, и сам сатана принужден было бежать был тогда назад; однако со всем тем, по прошествии первого жару, начали рассуждать точнее о пользе сего перемирия... (Д. И. Фонвизин. Перемирие между суевением и неверием (1788)).

Третий пример — уже известное нам стихотворение Львова со словами *И так было мне любо было* (пример 7). Вероятно, сюда можно добавить и цитировавшийся пример из грамотки Д. Пестрова (если он верно нами проинтерпретирован): *А земля у нас была балъ и приторгована толка в споре* (подробнее см. раздел 1.2, сноску к примеру 10).

Возможность употребления глагола *быть* в контексте частицы *было* реликтивно сохранялась и в XIX в., в том числе уже после появления нефинитной конструкции; ср. один из первых примеров на сочетание *было* с причастием:

- (25) Пренебрежение, оказанное Чичиковым почти неумышленное, восстановило между дамами даже согласие, бывшее было на краю погибели по случаю завладения стулом (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)).

2.5. Глаголы достижения состояния

Высокий процент употребления глаголов достижения состояния (об этом классе глаголов см. также [Varentsen 1986: 24—29]) — существенная черта, отличающая эту конструкцию XVIII в. от современной финитной. В то же время более скромнен показатель глаголов-инхоативов, демонстрирующий иные семантические приоритеты: название нашей статьи [Сичинава 2009] о современной частице *было* — «Стремиться пресекать на корню» — для настоящей статьи не подошло бы.

Ряд конкретных контекстов с глаголами достижения состояния, отмеченных в этот период, для современного языка не характерен. Так, в современном языке в данной конструкции малоупотребительны глаголы с семантикой сооружения (типа *построить*), причем только в контексте неожиданных последствий, а не ликвидации созданного (*Построили было первый в Союзе завод бутилированной артезианской воды. <...> Но он волею политических судеб оказался в суверенной Туркмении* (Известия 22.06.1993)). В языке XVIII в. они были возможны, причём не только в контексте нарушения ожидаемого хода событий (26), но и в контексте ликвидации результата (27):

- (26) Дом господский дедушка его построил было на время, но они так в нем обжились, что нового и по сие время не построили (Н. И. Новиков. Живописец. Третье издание 1775 г. Часть II).
- (27) Говорят, что Юрий Долгорукий застроил было тут настоящий город, но когда перенес его туда, где ныне Суждаль, то и прозвано место пустое Кинекша, то есть кинутое место (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни / Часть 4 / 1799—1806).

Другой пример обращения результата действия (а именно, восстановления полностью уничтоженного объекта) представлен в сочетании с глаголом *истребить*:

- (28) Пожирающий пламень истребил было красоту сего священнаго здания: но промысл Божий неисповедимый, по временам нас наказывающий, се лучшим украшением изобильнейше утешил нас (архиепископ Платон (Левшин). Слово при освящении храма (1779)).

2.5.1. Глаголы необратимого результата

Особый интерес представляет ярко характерное для XVIII в. употребление конструкции с *было* в сочетании с глаголами необратимого результата, получающими интерпретацию ‘результат не достигнут, хотя был бли-

зок' (проксимативная интерпретация). В современном языке сочетаемость *было* с такими глаголами очень редка, и практически всегда для ее возможности требуется наречие *совсем*: *совсем было замерз*. Обычно же используется специальная проксимативная конструкция с эксплицитным отрицанием *чуть (было) не*: *содрал было с меня кожу* = 'чуть не содрал', *замёрз было* = 'чуть не замерз'.

- (29) Введенское ваше таково, что я замерз было на возвышении, где вы дом строить назначаете, от удовольствия, смотря на окрестность; и 24 градуса мороза насилу победили мое любопытство (Н. А. Львов. П. В. Лопухину (1799—1801)).
- (30) Мы, сойдя с лошадей, по обыкновению сходимся в кружок; начали смеяться Хрипунову, как он уходил. — «Да, — отвечает, — проклятой турок, отгял было шею» (М. П. Загряжский. Записки (1770—1811)).
- (31) Намнясь налетку укусила было бешеная собака, да скоро захватили (Н. И. Новиков. Живописец, третье издание (1775)).
- (32) Перевести ли некоторые места... из которых вы узнаете, что Париж и во время Цесарево был уже столицей Галлии и что император Иулиан умер было в нем от угара? (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)).
- (33) «Знаешь ли ты, что я вчерась умер было от желудка» (И. А. Крылов. Почта Духов (1789)).

Много таких примеров в произведениях Фонвизина:

- (34) Брился у пьяного солдата, который содрал было с меня кожу (Д. И. Фонвизин. Отрывки из дневника четвертого заграничного путешествия (1786—1787)).
- (35) Петиметр упал и задавил было свинью (Д. И. Фонвизин. Свинья и петиметр (1788)).
- (36) Я редко смолоду краснелся, однако теперь от тебя, при старости, сгорел было (Д. И. Фонвизин. Бригадир (1783—1786)).
- (37) Ночью помечталось ему, что Семка мой его зарезать хочет; пришел к невесте в комнату, плакал, выбросился было из окошка, но невеста его удержала (Д. И. Фонвизин. К родным (1784—1785)).

С другими глаголами достижения результата проксимативная интерпретация является лишь одной из возможных:

- (38) Но все сие до такой степени меня замучило, что я из посредственных судей сделался было несносным ябедником. Вот на чем остановлю я моего читателя при конце сего года (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем... (1791—1798), заключительные строки раздела о 1792 году).

В XIX и XX вв. такие употребления уже единичны, ср.:

- (39) Через несколько минут Иван Данилович утирал уже лицо платком, входя в покой, где лежала Машенька. — Иван Данилович! — прошептала мать, встретив его, — умерла было без вас! Иван Данилович подошел к больной, взял ее за руку, и все жилки забились в нем, когда она вздохнула, очнулась и взглянула на него (А. Ф. Вельтман. Саломея (1848)).

При этом в языке XVIII в. уже активны современная конструкция с отрицанием *чуть было не* и её синоним *едва было не*, причём с теми же глаголами; пример (42) — из того же произведения, что пример (33) на *умер было*:

- (40) Мне сказали, что ты вчера чуть было не умер от своей невоздержанности (А. П. Сумароков. Приданое обманом (1769)).
 (41) Я им кафтана-то не давал и чуть было, лежа на улице в одной рубашке, не замерз (А. П. Сумароков. Вздорщица (1770)).
 (42) Опасаясь, чтоб не быть опять таким образом когда-нибудь задавлену мореплавателями, решил я перенести свой двор под который-нибудь полюс, и в тот же час бросился к северному, где едва было не замерз со всем своим двором (И. А. Крылов. Почта Духов (1789)).

2.5.2. Безличные глаголы

Ещё один класс глаголов достижения состояния, практически утративший в современном языке сочетаемость с *было*, — это безличные глаголы (для которых также возможна проксимативная интерпретация, хотя и не является единственной):

- (43) Меня было оглушило от битья в ладоши (Д. И. Фонвизин. К родным (1777—1778)).
 (44) Меня было ошаломило! (Н. А. Львов. Фортуна: (Эпистола к А. М. Бакунину, 1) (1797.06.14)). (См. более широкий контекст из этого стихотворения в примере (7), показывающий, что лирический герой был «ошаломлён».)

2.6. Смягчение категоричности просьбы

В XVIII в. наметилось, но не получило развития типологически весьма характерное развитие плюсквамперфекта в сторону значения 'вежливое смягчение категоричности' при макроситуациях со значением просьбы. Примеры из [Словарь XVIII]:

- (45) Я пришель-было къ тебѣ за тѣмъ, чтоб услышать, какъ мнѣ можно быть щастливымъ (Московский журнал, II (1791)).
 (46) Я прибрёл бола к тебе кручину свою размыкать; придумай, пригадай мне (А. О. Аблесимов. «Мельник, колдун, обманщик и сват» (1779)). (О варианте *боло*, *бола* см. выше, 1.2.)

В обоих этих случаях показателем *было* оформлен глагол движения: говорящий с первого шага преуменьшает возможные последствия собственного появления перед собеседником и заверяет, что не собирается его беспокоить ничем серьёзным. И. М. Мальцева выделяет для этих примеров особое значение частицы *было* ‘выражает некоторую неуверенность, сомнение в достижении желаемого’. Аналогичное употребление плюсквамперфекта, причем именно в контекстах типа ‘я пришел’, отмечено, например, во французском языке (*J'étais venu demander mes honoraires*) и в ряде других языков, включая довольно «экзотические» (см. подробнее, например, [Плунгян 2001]).

2.7. Модальные глаголы

Очень широкий и устойчивый класс сочетаний, ставший маргинальным в современном русском языке, связан с модальными глаголами. Наша конструкция в сочетании с ними привносит оттенок ирреальности, неосуществлённости, поэтому *было* может быть заменено на *бы*. В современном тексте сочетания типа *могло было, следовало было* вместо *могло бы, следовало бы* — скорее ошибка, хотя и не столь уж редкая:

- (47) В ходе этой работы вместе с учениками начнут постепенно выстраиваться контуры ответов на вопрос, как сделаны, как организованы современные практики, — и ответов на самый важный для молодых людей вопрос: как это все могло было быть сделано иначе (Геннадий Копылов. Образование, придающее силы // «Лебедь» (Бостон), 2003.06.02).

В работе [Сичинава 2009: 366—367] мы предположили, что эта ненормативная конструкция «возникла под влиянием модальных конструкций с нормативным *было* и неглагольной лексемой (*надо было, должен был, возможно было*)». Пополнение корпуса XVIII в. и изучение примеров этого периода показывает, что в действительности такая конструкция с модальными глаголами употреблялась широко с давнего времени (как и её аналоги в украинском⁷, польском⁸, чешском и др.), а правило, запрещающее такие сочетания, возникло позже.

⁷ Примеры с глаголом *могти* есть у западноукраинских дореволюционных писателей — Франко, Мартовича, Кобылянской, например: *І нікого не було тут, кому б міг був повірити свій жалє* (Ольга Кобыляньска. Земля (1901)) — ‘И никого не было тут, кому он мог бы поверить своё горе’. С глаголами долженствования подобная конструкция в украинском языке представлена гораздо шире: *Настав день, коли електронний скальпель мав був торкнутися розумного мозку...* (Б. В. Зубков, Є. С. Мусліні. Німа сповідь (после 1966; перевод с русского)) — ‘Настал день, когда электронный скальпель должен был коснуться разумного мозга...’; *...в остаточній редакції твою одчайдушну телеграму мусили були прийняти без цих двох слів* (Оксана Забужко. Польові дослідження з українського сексу (1996)) —

- (48) Ваше благоприятное от 4 ч[исла] письмо с приложенною трагедиею и фейерверком исправно получил, и из оных трагедие мне довольно понравилась и надеюсь, что сей автор по его остроумию более чести получит, а другое к[о]е в чем требовало было лучшего суждения, но я критиковать оное оставляю (В. Н. Татищев. И. Д. Шумахеру (1748)).
- (49) Но о таком негиблющем языке, который и тогда, когда мир и люди исчезнут, хотя он для людей и был сделан, существовать не престанет, надлежало было сказать, что он не от зачатия, но прежде еще зачатия мира был, когда он и после кончины оногo не погибнет (П. С. Батурич. Исследование книги «О заблуждениях и истине» (1790)).
- (50) ...При предначинании сочинения моего «Описание о моровой язве, заразноящейся чуме, свирепствовавшей в первопрестольном граде Москве» предлежало мне было просить князя Александра Алексеевича Вяземского о числе умерших и в других городах Российских, как и в Москве (Д. С. Самойлович. Способ самый удобный повсемственного врачевания смертоносной язвы (1797)).

О древности такой конструкции говорит пример XVI в.:

- (51) Божий же священникъ, отвѣща, рече ему: «Сим ли хвалишися, оканне, многобожие вводя и многи боги нарицаеши, имже было подобало паче постыдѣтися, по реченому: “Да постыдятся вси кланяющіиися истуканным, хвалящіиися о идолѣх своих?”» (Из Великих Миней Четых митрополита Макария. 26 апреля. Слово о житии и учении Стефана Пермского (1530—1554) — из подкорпуса среднерусских текстов НКРЯ).

Схожий пример с глаголом *довлеть* ‘быть достаточным’ (в контексте — ‘минимально требоваться’) отмечен в грамотке рубежа XVII и XVIII вв.:

- (52) Известную млсти твоеи, гсдря моего, что за вышеписанные труды наши присланной твои дал намъ гараздо скуднw: толко три круш-

‘...в окончательной редакции твою отчаянную телеграмму должны были принять без этих двух слов’ (пер. Е. Мариничевой). Любопытен с точки зрения грамматической интерференции в речи писателя-билингва более ранний пример у Г. Квитки-Основьяненко: *Ище було ун'ятерить подобало за таковое злодяніе...* (Конотопська вiдьма (1833)). Квитка сам перевёл «Конотопскую ведьму» на русский язык, сохранив конструкцию и только заменив дистантное расположение показателя контактным: *Ище было подобало унятерить за таковое злодеяние...* (используется материал параллельных украинско-русского и русско-украинского корпусов НКРЯ).

⁸ *Jako córka królewska, mogła była ona zająć na dworze cezara stanowisko równe córkom najpierwszych rodów* (Henryk Sienkiewicz. Quo vadis (1895—1896)) — ‘Как царская дочь она могла бы занять при императорском дворе положение, равное девушкам из самых знатных семейств’ (пер. Е. Лысенко и Е. Рифтиной).

ка, за что было довлело дат(ь) вдвое того болши (А. Белибин И. А. Снарскому (1690—1710), [Грамотки 1969, № 227] — из подкорпуса среднерусских текстов НКРЯ).

Аналогично были утрачены и модальные конструкции с неглагольной лексемой и связкой типа *принуждён было был* (ср. раздел 2.4 и пример (24)).

2.8. Таксисная интерпретация

Три примера с *было*, обнаруживаемые в корпусе, не демонстрируют семантики неактуальности результата или нарушения хода ситуации, а скорее могут быть проинтерпретированы как выражающие значение 'предшествования в прошедшем' (стандартную таксисную интерпретацию западноевропейского плюсквамперфекта вроде английского). Существование такого значения у великорусского плюсквамперфекта и особенно несогласуемой конструкции с *было* пока нельзя считать убедительно доказанным. Два таких примера встретились у Григория Сковороды (причём в одном пассаже):

- (53) Провидел было Авраам блаженнейший свет ея [премудрости Божией] и, на ней уверившись, зделался со всею фамилиею справедливым, а с подданными благополучным. Однак она и прежде Авраама всегда у своих любителей живала. А Моисей, с невидимаго сего образа Божия будто план сняв, начертил его просто и грубо самонужнейшими линиями и, по нему основывав жидовское общество, зделал оное благополучным же и победительным. Он потогдашнему написал было его на каменных досках и так зделал, что невидимая премудрость Божия, будто видимый и тленный человек, чувственным голосом ко всем нам речь свою имеет (Григорий Сковорода. Начальная дверь ко христианскому добронравию (1766—1780)).

Еще один пример — из Кантемира: *еще не обедал / Было народ* — уже выше цитировался в связи с необычным местом enjambement в стихе (8). Любопытно, что именно этот пример из Кантемира у П. С. Кузнецова является единственной иллюстрацией «давнопрошедшего времени в старом значении, а именно в значении просто действия, предшествующего другому действию» в литературном языке начала XVIII в. [Кузнецов 1953: 244].

Пока не нашлось других таких примеров этого периода, какую-то единую интерпретацию для них предложить затруднительно. Правдоподобна гипотеза, связывающая «таксисные» употребления у Сковороды с естественным для Украины влиянием «простой мовы», где такие употребления хорошо известны (происхождение их в самом западнорусском письменном языке и западноукраинских говорах дискуссионно, но сейчас нам важно само их наличие). Ср. таксисные и результативные употребления плюсквамперфекта в югозападнорусских/староукраинских памятниках XVI в.

[Шевелёва 2008: 242—243, Жукова, Шевелёва 2010]. Интересно, что при этом для обозначения ещё далее обращённого в прошлое временного плана («прежде Авраама») Сковорода использует итеративный имперфектив на *-ва-* (*живала*). Что касается примера из Кантемира⁹, то, может быть, излишне указать на существование в ряде изданий в этом месте разночтения, при котором словоформа *было* исчезает, а тем самым и обе связанные с ней трудности — акцентологическая и семантическая: *...еще не обѣдалъ // Тогда народъ...* — такая редакция принята, в частности, в «Сочинениях Кантемира» в издании А. Ф. Смирдина (СПб., 1847. С. 113). Вариант с *было* принят во всех изданиях Кантемира, включая научные, с конца XIX в. Конечно, вполне вероятно, что *тогда* вместо *было* представляет собой позднюю редакторскую замену нестандартного употребления частицы (принцип *lectio difficilior*), так что для решения этого вопроса нужно особое текстологическое исследование.

3. Было и бывало в языке XVIII века

В русском языке XVIII в. отмечены также употребления *было*, близкие к семантике частицы (вводного слова) *бывало*. Сочетаемость последнего показателя также имеет ряд особенностей, поэтому рассмотрим сначала особенности употребления *бывало*.

3.1. Частица *бывало* и её сочетаемость

Частица (или вводное слово) *бывало* означает так называемый регресс в повествовании: ‘некоторое положение дел имело место (возможно, неоднократно) в некотором замкнутом интервале в прошлом’. Она имеет существенно более широкую грамматическую сочетаемость, чем рассмотренные выше употребления *было*. Особо характерна для неё сочетаемость с презенсом совершенного вида в хабитуальном значении (*пойдешь бывало...*). Частица *бывало* делает интерпретацию презенса однозначной, компенсируя утрату имперфекта совершенного вида, выражавшего и время, и повторяемость [Маслов 1954; Зализняк 2008а: 100]. Первые примеры с вводным *бывало*, попавшие в исторические словари, ненамного старше нашего

⁹ Украинское влияние на речь образованных русских в петровскую эпоху не раз отмечалось [Панов 1990: 334], однако специальных оснований видеть его (тем более в грамматике) именно у Кантемира, происходившего, как известно, из молдавской семьи, но с раннего детства жившего и учившегося в Москве и Петербурге, нет. М. В. Панов отмечает у раннего Кантемира многочисленные рифмы *ятя* с *и*, соответствующие украинской фонетике (типа *рѣки — великій*), в зрелом творчестве исчезающие, но они были идущей с Украины общей приметой рифмовки виршей и встречаются у силлабистов — уроженцев России, например, Сильвестра Медведева [Там же].

периода и взяты из сочинений Аввакума, для стиля которого это слово очень характерно:

- (54) Бывало, сижю с нею и книгу чту, а она прядет и слушает, или отписки девицы пред нею чтут, а она прядет и приказывает, как девице грамота в вотчину писать (Житие протопопа Аввакума (1675), пример из [СОРЯ МР]).
- (55) По себѣ я знаю: хотя много надосадить никониянинь, да какъ пришедь с лестию бывало: «вѣдаю твое чистое и непорочное и богоподражательное житие, помолися о мнѣ...», такъ мне жаль станет (Аввакум. Книга бесед (1675), пример из [Словарь XI—XVII]).

В первом примере *бывало* сочетается с презенсом несовершенного вида (длинный ряд из 7 глаголов настоящего времени). Второй пример замечателен тем, что в нём *бывало* соотносится с «нулевым глаголом» речи и/или с нефинитной (деепричастной) формой *пришедь*, причём уже в одной из первых фиксаций. *Было* достигнет этой стадии, напомним, только в 1830-е гг. Это неудивительно: *бывало* грамматикализовалось не из вспомогательного, а из полнзначного глагола и изначально не имело жёстких ограничений на сочетаемость. Материал подкорпуса среднерусских текстов НКРЯ добавляет и другие примеры из «Жития» Аввакума, в том числе в сочетании с совершенным видом презенса (будущим временем):

- (56) Поклонов тысящу откладеть да сядеть на полу и плачет часа два или три. Жиль со мною лѣто в одной избѣ. Бывало, покою не дасть.
- (57) И Пашковъ, на ц[е]рк[о]вной обиход взявъ, мнѣ в то число коровку-ту было дал, кормила с робяты год-другой; бывало, и с сосною, и с травой молочка тово хлебнешь, так лехче на брюхе.

Близость внутренней формы конструкций с *было* и *бывало* поддерживалась, по крайней мере отчасти, несколько иной, чем в современном языке, семантикой глагола *бывать*, в которой в ряде контекстов отсутствовал тот итеративный оттенок, который присущ ему теперь (как известно, в истории русского языка итеративность далеко не сразу стала основной характеристикой имперфективов этого типа, см. также ниже). Так, у глагола *бывать* [Словарь XI—XVII, 1: 362—363] выделяет значение ‘существовать, являться’, в том числе в неактуальном замкнутом временном интервале («указывает на отнесённость признака целиком к прошлому»). В [Словарь XVIII, 2: 178] выделено употребление «о переставшем существовать поселении». Вот некоторые невозможные для современного *бывать* контексты из [Словарь XI—XVII] и [СОРЯ МР]: *бывал салдат* [а теперь уже не солдат; совр. рус. *был солдатом*], *бывал нашъ братъ мужичий сынъ* (1637) [а теперь изменил социальный статус, став царём], *бываль русский человекъ, а былъ в полону у татаръ, а взять осьми лѣтъ* (1633) [а теперь уже не может считаться полноценным русским], *оплечь бывало низано жемчугомъ* (1683) [а те-

перь жемчуга нет] (случаи при отрицании типа многочисленных *не бывал* ‘еще не возвращался’, *письма не бывало* не учитываем, так как с отрицанием, как известно, стандартно употреблялись именно многократные формы). О том, что *бывать* еще не устоялось как итеративное образование от *быть*, может свидетельствовать существование вторично созданного для этой функции глагола *бывывать* с двойным суффиксом ([СОРЯ МР, 1: 317], также в словаре Даля, Новгородском областном словаре и др.).

Ср. характерный пример XVIII в. (речь идёт о «безостановочно продолжающейся» ситуации, поэтому итеративная трактовка невозможна):

- (58) Ибо или чувствование продолжается безостановочно, или когда либо останавливается и возобновляется. Если бы бывало перьвое, то бы понятии нам были присутственны непрестанно, чего однако же нет... (А. Н. Радищев. Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений (1789))¹⁰.

В текстах XVIII в. *бывало* сочетается со всеми тремя временами, а также нулевым глаголом (в частности, связкой). Особенно показательны примеры на все эти типы сочетаний, взятые из одного и того же текста — обширной мемуарной «Повести о рождении моем...» И. М. Долгорукова, относящейся к концу XVIII — началу XIX в. (в мемуарах, письменных и устных, конструкция с *бывало* по понятным причинам особенно частотна во все эпохи, как мы уже видели у Аввакума):

- (59) Иногда Наталья Владимировна позволяла мне участвовать в ее прогулках, и в одной карете с ней мы нередко на придворном осьмерике во весь дух оскачем, бывало, верст пятнадцать.
- (60) У принцессы Виртембергской, невестки родной великой княгини, была фрейлина, в которую принцесса предположила, что я должен влюбиться, и, настроя на этот счет все свои мысли, она, бывало, подгоняла ее прямо ко мне в руки, когда мы, играя в жмурки в Гатчине, ловили друг друга с завязанными глазами.
- (61) Для каких-нибудь бисквитов или вяземской коврижки, которые, бывало, тороплюсь тихонько в углу где-нибудь съесть, чтоб не видали, и самый вкус лакомства терял свою сладость в волнениях боязни.
- (62) «Поди домой», — вот весь приказ мой бывало.

Из особенностей употребления *бывало* в XVIII в. следует отметить его широкую сочетаемость с «многократными» глаголами на *-ива-/-ыва-* (а также типа *бирать, сыпать*): тем самым суффикс фактически дублируется. Этой сочетаемости было дано и теоретическое осмысление, так, М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» (1755) выделил три «давнопрошедших» времени: «давнопрошедшее первое — *тряхиваль, глатываль*,

¹⁰ Цитата из философского сочинения Ф. В. Ушакова (в оригинале написанного по-немецки) в переводе Радищева.

брасываль, *плескиваль*; давнопрошедшее второе — *бывало трясъ*, *бывало глоталь*, *бросаль*, *плескаль*; давнопрошедшее третье — *бывало трясываль*, *глатываль*, *брасываль*, *плескиваль*». Подобные формы имели интерпретацию «неактуальность для настоящего» и «общезначительное значение» (подробнее см. [Успенский 1993]).

Такие сочетания отмечены только в прошедшем времени:

- (63) Я помню, что с ребячества, бывало, ни об чём я так не плакивал, как когда узнаю, что ложью кто меня обманул (Екатерина II. Всякая всячина (полемика с Новиковым) (1769)).

3.2. Было в функции бывало

В трёхчастной системе «давнопрошедших времён» у Ломоносова не хватает четвёртой логической возможности — форм типа *было тряхивал*, *глатывал* и т. п., где суффикс многократности присоединён не к вспомогательному глаголу, а к полнозначному (то есть симметричных форм «второго давнопрошедшего» *бывало тряс*, *глотал*). Существуют ли и такие конструкции? Да, существуют, как в литературных, так и в устных диалектных текстах, хотя и более позднего времени. Нам известны два таких примера с глаголом *говаривать*:

- (64) Только бы он позволил любить его, умереть за него, только б хоть раз пожалел и сказал, как было говаривал в детстве, прижимая к сердцу своему: «Алеша, мальчик мой милый!» (Д. С. Мережковский. Петр и Алексей (1905)).
- (65) Мне ещё было говаривали мужики: «Как из этого дому поедет того году ловить, дак год оправдан будёт, хорошо попадёт рыбы» (Диалектный подкорпус НКРЯ, Архангельская область, запись А. Л. Мороза (1997)).

Оказывается, схожее значение в ряде случаев имеют и конструкции, в которых *-(ы)ва-* вообще отсутствует. Контексты, где *было* употребляется аналогично *бывало* — как семантически, так и с точки зрения сочетаемости с разными формами — отмечены как в текстах XVIII и последующих веков, так и в диалектах. «Глагольный детерминант» *было*, сочетающийся с непрошедшими временами, а также с предикативом *нету*, на материале северных говоров разбирает С. К. Пожарицкая [1991; 2010]:

- (66) А он как валят было косит, дак скосит, что выбреет.
 (67) А хлеба-то где было возьмёшь?
 (68) Я сама делала лопату, нету было.

Аналогичная синонимия несогласуемого *було* (в одном из значений) и *бывало* сохраняется в украинском языке [СУМ 1970: 245, 254].

Два таких примера есть в сатирах Кантемира, оба раза с будущим временем:

- (69) Когда было выедет, всяк долой с дороги, И шапочку сняв, ему головою в ноги (А. Д. Кантемир. Сатира II, 1743).
- (70) Так то-то уже книга, что аж уши вянут, Как было грамотники у нас читать станут! (А. Д. Кантемир. Сатира IX, 1738).

[Словарь XVIII] относит эти примеры к двум разным значениям — соответственно «случалось в прошлом, иногда: бывало» (то есть экспериментальное значение) и «придаёт глаголу итеративное значение». Не всегда возможно провести границу между этими двумя интерпретациями: кроме того, частица *бывало*, которую И. М. Мальцева использует в толковании только в одном из этих случаев, очевидно, выражает и итеративную семантику и может быть подставлена на место *было* (разумеется, семантически, а не в контекст силлабического стиха) также и в примере (70).

В следующем примере *было* сочетается с отрицательным императивом в переносном модальном значении этой формы:

- (71) То правда, что уж велик ростом, А в ночи было ему никто не попадайся на дуло (Русские интерлюдии XVIII в. в издании Н. С. Тихонова).

Для слова *бывало* такая сочетаемость была активной и в XIX в., ср.:

- (72) У него девка в церковь, бывало, не показывайся (Г. П. Данилевский. Воля (1863)).
- (73) Когда уж осердится, то к нему, бывало, не подступайся, хотя бы и пан (В. Г. Короленко. Лес шумит (1886)).
- (74) Вспоминаю одну из моих парижских кухарок, тоже придерживавшуюся рюмочки, милую, услужливую, скромную, но лишь до процесса приготовления кушанья; когда она начинала священнодействовать, — тут уж, бывало, не подходи к ней; и меня, хозяина, она без церемонии выпроваживала из кухни: «Sortez, monsieur, j'ai besoin de toute ma place» (В. В. Верещагин. Листки из записной книжки (1898)).

Было, близкое по значению и сочетаемости к *бывало*, sporadически представлено и в русском литературном языке XIX—XXI вв. (ряд таких примеров приведён в [Сичинава 2010]):

- (75) ...Корнев и Карташев забыли и о восьмом классе, и о скуке, которую несли было Беренде, и испытывали только одну радость свидания с Диогеном (Н. Г. Гарин-Михайловский. Гимназисты (1895)).
- (76) Рассказывал было Парамон, как приятель его все с госпитальной койки на волю убегал. Украдет ли чего в палате, продаст и пропьет (Владимир Личутин. Вдова Нюра (1973)).
- (77) Они было, на своем рабочем месте пытались объяснить и объяснили наконец... (В. Астафьев, пример разбирается также в [Попова-Боттино 2008]).

- (78) Как придет было с ней, все хотел, чтобы Машка косу свою рыжую расплела поскорей и поменьше чтоб выпивала (Марина Вишневецкая. Вышел месяц из тумана (1997)).

Надо отметить, что в русистике уже известно сочетание хабитуальной и антирезультативной семантики у маргинальной конструкции «*было* + будущее». Последняя отмечена в работах А. А. Потебни, В. И. Чернова и др., на письме она спорадически выступает с обособлением частицы (*пойдёт, было, и вернётся*) [Varentsen 1986: 11]. В Корпусе второй половины XX — начала XXI в. таких примеров не встретилось. В свете существования хабитуальных контекстов, где *было* синонимично *бывало*, не обязательно рассматривать такие контексты (как это иногда делается) как результат контаминации «литературных» *пойдёт бывало* vs. *пошёл было* и *вернулся*; частица *было*, возможно, просто демонстрирует в таких условиях свою неоднозначность:

- (79) Он соберет, было, рекомендации у известных писателей, изловчится, да и ударит по приёмной комиссии. А его возьмут да и отшибут (Литературная Россия) [Чернов 1970: 263].

4. Выводы

Частица *было* в языке XVIII в. уже демонстрирует современную семантику ('нарушение нормального хода ситуации'), обладая при этом гораздо более гибкой сочетаемостью в отличие от очень сильной лексикализации в современном языке. Она свободнее сочеталась с глаголами достижения состояния (в том числе необратимого результата, получая в таких случаях интерпретацию 'чуть было не'), а также глаголами несовершенного вида разных семантических типов. Ряд конкретных типов сочетаний этой конструкции в современном языке вообще невозможен (связка *быть*, смягчение категоричности) или явно ненормативен (модальные глаголы). В то же время принципиально важная для современного языка сочетаемость с инхоативами, идея раннего пресечения действия «на корню» (давшая название нашей статье 2009 г.) для *было* в XVIII в. далеко не столь существенна. Отмечается сближение *было* с частицей *бывало* в ряде контекстов, причём последний показатель также демонстрирует ряд собственных характерных свойств. Как и ожидается от более древнего состояния, для частицы *было* в XVIII в. лучше выполнялся закон Вакернагеля, при том что действие семантических и иных механизмов, расшатывающих этот механизм, уже началось.

Расширение использованного корпуса текстов XVIII в. и развитие только начавшего создаваться корпуса предшествующего (среднерусского) периода, несомненно, поможет уточнить ряд оценок и выводов, предложенных в статье.

Литература

Грамотки 1969 — Грамотки XVII — начала XVIII века / Изд. подгот. Н. И. Торбасова, Н. П. Панкратова / Под ред. С. И. Коткова. М., 1969.

Громова 2010 — М. М. Громова. Функционирование форм плюсквамперфекта в говорах средней Пёзы (Архангельская область) // Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее: К 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой. М., 2010. С. 200—207.

Жукова, Шевелёва 2010 — Т. С. Жукова, М. Н. Шевелёва. «Новый» плюсквамперфект в памятниках Юго-Западной Руси XV—XVI вв. и современных украинских говорах в сравнении с великорусскими // Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее: К 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой. М., 2010. С. 171—191.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Зализняк 2008а — А. А. Зализняк. Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп., М., 2008.

Князев 2004 — Ю. П. Князев. Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура: Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004. С. 296—304.

Кузнецов 1953 — П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка: морфология. М., 1953.

Маслов 1954 — Ю. С. Маслов. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Вопросы славянского языкознания. Вып. 1. М., 1954. С. 68—138.

МДБП 1968 — Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968.

Панов 1990 — М. В. Панов. История русского литературного произношения XVIII—XIX вв. М., 1990.

Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 193—214.

Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории. М., 2001. С. 50—88.

Пожарицкая 1991 — С. К. Пожарицкая. О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // *Revue des études slaves* LXIII/4, 1991. P. 787—799.

Пожарицкая 1996 — С. К. Пожарицкая. Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1991—1993. М., 1996. С. 268—279.

Пожарицкая 2010 — С. К. Пожарицкая. Модальные слова, производные от глаголов *быть*, *бывать*, в севернорусской диалектной речи // РЯНО. № 1. 2010. С. 103—131.

Пожарицкая 2012 — С. К. Пожарицкая. Конструкции с глаголом *быть* (*был*, *была*, *было*, *были*) в одном севернорусском говоре. К вопросу о плюсквамперфекте. (Рукопись).

Попова-Боттино 2008 — Т. Л. Попова-Боттино. Анализ частицы *было* в коммуникативной ситуации, или *что было, то было* // *Russian Linguistics*. Vol. 32. № 2. August, 2008. 135—145.

Попова-Боттино 2009 — Т. Л. П о п о в а - Б о т т и н о. Проблема размещения частицы *было* с точки зрения коммуникативного анализа // ВЯ. № 4. 2009. С. 72—86.

Сичинава 2009 — Д. В. С и ч и н а в а. Стремиться пресекать на корню: русская конструкция с *было* по корпусным данным // К. Л. Киселёва и др. (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 362—396.

Сичинава 2010 — Д. В. С и ч и н а в а. Русские маргинальные конструкции с *было*: к постановке проблемы // Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее: К 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой. М., 2010. С. 192—200.

Сичинава 2012 — Д. В. С и ч и н а в а. Частицы *было* и *бывало*: русские «вторичные модификаторы» в свете типологии и диахронии // Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков. СПб., 2012.

Словарь XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII веков. М., 1975—.

Словарь XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Л.; СПб., 1984—.

СОРЯ МР — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков. СПб., 2004 —.

СУМ 1970 — Словник української мови. Т. 1. К., 1970.

Успенский 1993 — Б. А. У с п е н с к и й. «Давнопрошедшее» и «второй родительный» в русском языке // Исследования по славянскому историческому языкознанию. М., 1993. С. 118—134.

Чернов 1970 — В. И. Ч е р н о в. О приглагольных частицах *было* и *бывало* // Учёные записки Смоленского государственного педагогического института. Вып. 24. Смоленск, 1970. С. 258—264.

Шевелева 2007 — М. Н. Ш е в е л е в а. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // РЯНО. № 2 (14). 2007. С. 214—252.

Шевелева 2008 — М. Н. Ш е в е л е в а. Еще раз о истории древнерусского плюсквамперфекта // РЯНО. № 2. 2008. С. 217—245.

Шоштайшвили 1998 — И. А. Ш о ш т а й ш в и л и. Русское «было»: пути грамматикализации // Русистика сегодня. 3/4. 1998. С. 59—78.

Barentsen 1986 — A. A. B a r e n t s e n. The use of the particle БЫЛО in modern Russian // Dutch Studies in Russian Linguistics, Amsterdam. Vol. 8. P. 1—68.

Kagan 2011 — O. K a g a n. The actual world is abnormal: on the semantics of the *bylo* construction in Russian // Linguistics and Philosophy. Vol. 34. 2011. P. 57—84.

Plungian, Auwera 2006 — V. P l u n g i a n, J. v a n d e r A u w e r a. Towards a typology of discontinuous past marking // Sprachtypologie und Universalienforschung — Language typology and universals. Vol. 59. P. 317—349.

D. V. SITCHINAVA

THE PARTICLES *BYLO* AND *BYVALO* IN EIGHTEENTH-CENTURY RUSSIAN

The particle *bylo*, which dates back to the Old and Middle Russian Pluperfect, exhibits interesting trajectories of gradual evolution. Its combinatory properties, semantic interpretation, and prosodic status have all undergone a marked change. The form is prominent also in a broader typological context as an instance of «frame past» markers, common both for Slavic and non-Slavic languages. Eighteenth-century texts, examined from the Russian National Corpus and other sources, offer an intermediate link between

the Old/Middle Russian system and the modern use of *bylo*. The construction was not yet thoroughly lexicalized and allowed for such semantic types of predicates such as modal verbs or accomplishments, including irreversible ones. It was synonymous with another parenthetical particle *byvalo* (originally making part of serial verbal constructions) in some contexts, whereas the constructions with *byvalo* exhibited some particular combinatory features in their own right.

Keywords: 18th-century Russian, semantics, particles, preterite, Pluperfect.

Д. В. РУДНЕВ

ПОЛУЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ СВЯЗКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII В.

История формирования составного именного сказуемого в русском языке остается плохо разработанной темой в работах по истории русского языка. Пожалуй, наиболее разработан аспект, связанный с изменениями в способах выражения именной части сказуемого. Так, в работах [Патокова 1929; Лопатина 1966; Спринчак 1973] получила освещение история распространения в русском языке творительного предикативного имен существительных и прилагательных, а в работах Н. Ю. Шведовой [1948] история предикативного употребления полных форм имени прилагательного. Этим в основном и ограничивается вклад исследователей в историю составного именного сказуемого. До сих пор практически не нашла освещения история становления связочного компонента¹. Единственный аспект, привлечший внимание исследователей в рамках этой темы, касается истории возникновения и распространения нулевой связки и причин этого синтаксического явления (см. работы Ф. И. Буслаева, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, Г. О. Винокура, Л. А. Булаховского, В. И. Борковского, Я. А. Спринчака, П. С. Кузнецова, В. Л. Георгиевой, Т. П. Ломтева, Р. Лермита и мн. др.).

Между тем история формирования связочных глаголов представляет несомненный научный интерес в нескольких отношениях. Во-первых, история связочных глаголов, прежде всего полузнаменательных, связана с формированием в русском языке различных средств выражения аспектуальных и модальных значений в предложении, таких как вспомогательные глаголы в составном глагольном сказуемом, вводные слова, частицы, категория вида и мн. др. Во-вторых, история связок является частью более общей истории формирования класса служебных слов. Так, можно констати-

¹ Единственными работами, где дается более или менее полное описание системы связок для определенного периода русского языка, являются статья Г. Н. Акимовой [1969] и раздел Н. Ю. Шведовой в «Очерках по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.» (М., 1964). Кроме того, ряд наблюдений над связками в русском языке более раннего периода содержится в работе [Ломтев 1956].

ровать, что процесс увеличения числа связок в русском языке соотносится с аналогичными процессами в области союзов, предлогов и частиц. Общим является и то, что пополнение числа служебных слов происходило за счет развития у ряда полнозначных слов отвлеченного значения. В-третьих, развитие системы связочных глаголов было обусловлено очень важными изменениями в синтаксических функциях именных частей речи, в частности имени существительного, которое в языке нового времени получает в составе предложения большую предикативность, чем прежде. Развитие связочных глаголов было следствием этого процесса, который интересен как одно из проявлений развития у различных частей речи вторичных синтаксических функций. Однако он представляет интерес и в ином отношении, а именно в отношении истории взаимного приспособления присвязочного компонента и глагола, развивавшего копулятивную функцию.

В данной статье речь пойдет о системе полузнаменательных связочных глаголов в русском языке XVII в.²: именно тогда, насколько можно судить

² Для анализа были привлечены следующие тексты конца XVI—XVII в., в которых были выявлены связочные глаголы: Статейный список И. М. Воронцова (1587—1589); Статейный список И. П. Новосильцева (1570); Статейный список Ф. А. Писемского (1582—1583); Статейный список Г. И. Микулина (1600); Статейный список Ф. Елчина (1639—1640); Статейный список П. И. Потемкина (1668—1669) (ссылки даются по изданию [Путешествия русских послов]);

Повесть о Фроле Скобееве; Повесть о купце, заложившемся о добродетели жены своей; Повесть об Ульянии Осорьиной; Повесть о Марфе и Марии; Повесть о Тверском Отроче монастыре; Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы; Сказание о киевских богатырях; Повесть о Сухане; Повесть об азовском осадном сидении донских казаков; Повесть об осаде Соловецкого монастыря; Повесть о семи мудрецах; Повесть о царе Аггее; Повесть о Бове королевиче; Повесть о Еруслане Лазаревиче; Повесть о Петре Златых ключей; Повесть о Брунцвике; Повесть о Василии Златовласом; Повесть об Аполлонии Тирском; Повесть о царице и львице; Сказание о царе Василии Константиновиче; Сказание о дереве златом и златом попугае; Повесть о рождении и похождениях царя Соломона; Повесть об астрологе Мустаеддыне; Повесть о португальском посольстве; Повесть о разуме человеческом; Беседа отца с сыном о женской злобе; Послание Алексея Михайловича на Соловки; Письмо Алексея Михайловича Никону о смерти патриарха Иосифа; Письмо Ф. П. Морозовой Аввакуму; Письмо Ф. П. Морозовой жене Аввакума Анастасии Марковне (ссылки даются по изданию [ПЛДР I]);

Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне; Переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом; Басни Эзопа; Великое зеркало; Фацеции; Римские деяния; Повесть о Ерше Ершовиче; Азбука о голом и небогатом человеке; Сказание о роскошном житии и веселии; Калязинская челобитная; Сказание о попе Саве; Повесть о бражнике; Сказка о некоем молодце, коне и сабле; Послание сына, «от наготы гневнаго», к отцу; Послание к звавшим; Послание о хмеле; Стих о жизни патриарших певчих; Гр. Котошихин, О Московском государстве в середине XVII столетия; Повесть о житии Варлаама Керетского; Житие Епифания; Записка о жизни Ивана Неронова; Житие протоппа Аввакума; Протопоп Аввакум, Из кни-

по памятникам письменности, начинаются интенсивные изменения в системе русских связок. Невозможность описать все особенности связочных глаголов заставляет нас ограничиться освещением нескольких аспектов: 1) описанием набора полузнаменательных связок в XVII в. и его отличий от современной системы; 2) описанием особенностей семантики связочных глаголов в сравнении с современными; 3) описанием особенностей синтагматики связочных глаголов.

1. Первое, что бросается в глаза при анализе связочных глаголов XVII в., — это значительно меньшее их число и значительно более редкое употребление, чем в современном языке. Оставив в стороне глагол *быть*, сконцентрируемся на описании полузнаменательных глаголов, выполнявших в XVII в. связочную функцию. В отличие от современного русского языка граница между полузнаменательными и знаменательными глаголами не была четкой, многие полузнаменательные глаголы сохраняли связь с полнозначными глаголами, от которых они произошли (подробнее об этом в п. 2).

Из примерно 100 связочных единиц, выделенных в текстах XVII в., к полузнаменательным глаголам можно отнести около 40, которые объединяются в следующие группы³:

ги бесед; Повесть о боярыне Морозовой; Письма и послания дьякона Федора Иванова; Сочинения инока Авраамия; Записки о стрелецком бунте; Николай Спафарий, Описание Китая; Семен Ремезов, История сибирская; Семен Ремезов, Летопись сибирская краткая кунгурская (ссылки даются по изданию [ПЛДР II]);

[Безобразов];

Повесть о житии царя Федора Ивановича; Житие царевича Дмитрия Угличского; Писание о преставлении и погребении князя Михаила Скопина-Шуйского; Новая повесть о преславном Российском царстве; Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства; Повесть о видении иноку Варлааму в Великом Новгороде; Повесть о видении во Владимире в 1611 году; Видения Евфимия Чакольского 1611—1614 гг.; Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря; Житие архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия; Житие Иринарха Ростовского; Повесть о явлении и чудесах Казанской иконы богородицы; Хронограф 1617 года; Псковская летописная повесть о Смутном времени; И. А. Хворостинин, «Словеса дней, и царей, и святителей московских»; О причинах гибели царств (ссылки даются по изданию [БЛДР]).

³ Число знаменательных связок, встретившихся в текстах XVII в., примерно такое же, как число полузнаменательных связок. Наиболее активно в функции употреблялись глаголы движения и положения в пространстве. Вот список встретившихся глаголов: а) *глаголы движения*: отойти/отходить (31), ходить (19), прийти/приходить (14), возвратиться (10), пойти (7), идти (5), приехал (5), пасть (5), изойти/исходить (4), свалиться (2), внити (2), бродить (2), ехать (2), прибежать (2), дойти, пройти, разойтись, ездить, доехать, поехать, езживать, выехать, разъехаться, бежать, бегать, проплыть, поскакать, урваться, дотащиться; б) *глаголы положения в пространстве*: лечь / лежать (17), стоять (11), сесть/сидеть (8), стать (3), востать, вскочить, воспрянуть, прилечь; в) *прочие глаголы*: жить (10), уродиться (3),

1) **фазисные связки:**

а) глаголы со значением возникновения признака: *стать* (107), *учиниться* (53), *сотвориться* (7), *(с)делаться* (2), *становиться*, *статься*;

б) глаголы со значением сохранения признака: *пребывать/ пребыть* (59), *остаться* (14), *обрестаться* (10), *остать*, *находиться*;

2) **модальные связки**⁴:

а) глаголы со значением субъективного обнаружения признака: *показаться/показываться* (23), *видеться* (5), *мниться* (3), *казаться* (2);

б) глаголы со значением объективного обнаружения признака: *явиться* (28), *обрестись* (13), *свершиться*;

3) **связки со значением называния признака.** Глаголы из этой группы отличаются значительным разнообразием: *назваться* (19), *именоваться* (18), *нарицаться* (15), *слыть* (14), *наречься* (9), *сказаться* (8), *писаться* (7), *зваться* (6), *называться* (3), *прослыть* (2), *пронаречься*, *пронарицаться*, *глаголаться*. Ярким отличием связочных глаголов называния от предыдущих групп является возможность их употребления не только в личной, но и в атрибутивных формах (причастие, деепричастие). Встретились такие формы, как *зовом(ый)* (10), *наречен* (6), *именуем(ый)* (5), *глаголемый* (2), *называющийся*, *называвшийся*, *нарицаемый*, *рекомый*, *прозван*.

Фазисные и модальные связки ни разу не встретились в неличной форме: неличные формы этих связок широко распространяются в русском языке начиная с XVIII в., ср.: *Но из самых доводов раждаются возражения, которые, оставишишь без ответа, могут почтены быть доказательствами противоположности того, что доказать стараемся* (Радищев, О человеке, о его смертности и бессмертии); *Приняв название живописца и сделавшись Автором еженедельных листов, нечувствительно сделался я должником всех моих читателей* (Новиков, Живописец). Это, видимо, связано с более древним происхождением связок со значением называния, в результате чего между связкой и именной частью установилась тесная связь, что позволило выступать сочетанию связочной и именной части во вторичной синтаксической позиции. В современном русском языке такое употребление широко распространено для самых разных видов связок, и, таким образом, составное именное сказуемое может рассматриваться как один из составных членов предложения [Золотова 1958; Аникина 1970].

Характер связочных глаголов и их число в XVII в. заметно отличаются от современной системы связок. Так, обращает на себя внимание почти

исчезнуть (2), пожить, напиться, служить, воспрянуть, спать, превалиться, сдаться, осиротеть, налиться, оставляться, преставиться, успеть, избыть и нек. др.

⁴ В последние годы связки, включаемые в группу модальных, описываются с опорой на фигуру наблюдателя (работы [Апресян 1986; 1995; Кравченко 1993; Падучева 2004; Мещерякова 2005] и др.). Отсутствие систематического описания системы русских связочных глаголов с опорой на фигуру наблюдателя заставляет нас при описании исторического материала в качестве основной использовать традиционную классификацию.

полное отсутствие среди связок глагола *делаться/сделаться*, который очень широко распространился в русском языке с 1730-х гг. и на протяжении XVIII — первой половины XIX в. был серьезным конкурентом связки *стать*. Встретившиеся примеры показывают употребление этого глагола только в составе безличного предложения или конструкций, близких к безличным: *...все добро зделолась толка обыски взят к Москве и крестьянь оказал три двора лудчихъ мусскихъ головъ шесть а женскова полу десет...* [Безобразов: 31)]⁵. Среди модальных связок отсутствуют глаголы *оказаться* и *представляться*, возникшие во второй половине XVIII в. Глагол *являться* еще не имел современного отвлеченного значения. Некоторые связки, хотя и присутствовали в языке, но были чрезвычайно редки в употреблении — так, очень редким по сравнению с XVIII в. оказывается употребление глаголов *остаться* и *считаться*.

Другой особенностью системы связок XVII в. является очень неравномерное употребление в позиции связок глаголов совершенного и несовершенного вида: полузнаменательные глаголы совершенного вида в большинстве случаев встречаются значительно чаще. Например: на 107 случаев употребления *стать* встретился лишь один случай употребления глагола *становиться*; на 53 случая употребления *учиниться* — два случая *чиниться*; на 28 случаев глагола *явиться* — 5 случаев глагола *являться* и т. д. Можно дать два разных объяснения этому факту. С одной стороны, причина может крыться в характере тех письменных памятников, которые до нас дошли: недостаточное развитие такого композиционного типа речи, как описание, становление которого происходит на протяжении второй половины XVIII в. и особенно в первой трети XIX в., отсутствие научного стиля не позволяло использовать в письменных текстах связочные глаголы в форме несовершенного вида. Но, с другой стороны, вполне возможно, что глаголы совершенного вида быстрее развивали связочное значение, чем глаголы несовершенного вида. Как показывают примеры, глаголы несовершенного вида часто продолжали сохранять старое, более конкретное значение, тогда как их видовой коррелят приобретал новое значение. Например: *Нынѣ ты нѣмъ творишиися, а вчера како глаголашь и вопил еси: «Поберегись, поберегись»?* (Фацеции, с. 94) — *И потомъ [королева] мя зелиемъ злымъ окормила, и от того окорму днесъ аз сотворихся трудоват велми, яко же нынѣ самъ зриши на мнѣ и тугу сию велию и такову* (Повесть о семи мудрецах, с. 255), где глагол *твориться* имеет значение «притворяться, делать вид», тогда как *сотвориться* имеет значение, аналогичное глаголу *стать*. Аналогичную ситуацию можно проследить в паре *яв-*

⁵ Следует вместе с тем отметить связочное употребление глагола *делаться* в двусоставном предложении в переводном памятнике второй половины XVI в. «Назирателе». Ср: *...и нерадостны-дѣлаются сего ради смущени- и врежени- мокроты ихъ...* (л. 4 об.); *...таковаи нива бывает и дѣлается песчана- солена- и дика- ...* (л. 109).

ляться — явиться; ср.: ...и сего ради **совершенъ во отвѣтах и благъ и искусенъ являешися** (Повесть о португальском посольстве, с. 474) — *И егда здравъ болны явитица, повелѣваетъ възвѣстити себѣ* (Повесть о Савве Грудцыне, с. 52). Глагол *являться* имеет в данном случае значение «проявлять себя», тогда как глагол *явиться* имеет значение «оказаться».

Полузнаменательные связки, встречающиеся в текстах XVII в., обладают яркой функционально-стилистической окраской. Наиболее наглядно эту приуроченность разных связок к разным жанрам можно видеть на примере связок *стать, учиниться, сотвориться*. Связка *стать* является разговорной по своему происхождению и на протяжении XVII в. употребляется в текстах, которые отражали разговорную речь. Например, в произведениях протопопа Аввакума эта связка широко представлена: *И с тѣхъ мѣсть царь на меня кручиновать сталь...; И онѣ [иноземцы] до меня и добры стали, и жены своя к женѣ моей привели...* (Житие протопопа Аввакума. С. 374—375, 379). В деловых текстах, в переписке, а также в произведениях, ориентировавшихся на деловую речь (например, у Григория Котошихина) вместо связки *стать* использовалась связка *учиниться*: *И нынеча брат его Еган государю нашему учинился супротивен, со государя нашего з злыми людьми с изменники отступил...* (Статейный список И. М. Воронцова, с. 46); *По смерти же того царя на Московскомъ царствѣ учинился царем сынъ его царевичъ Феодоръ Ивановичъ...* (Гр. Котошихин. О Московском государстве в середине XVII столетия. С. 252). В текстах, ориентировавшихся на церковно-книжную традицию, могла использоваться связка *сотвориться*, которая в текстах, связанных с разговорным и деловым языком, избегалась: *И потомъ [королева] мя зелиемъ злымъ окормила, и от того окорму днесъ аз сотворихся трудоват велими, яко же нынѣ самъ зриши на мнѣ и тугу сию велию и такову* (Повесть о семи мудрецах. С. 255). Впрочем, в этом случае вместо *сотвориться* чаще использовалась форма аориста связочного глагола *быть*, которая имела значение фазисной связки, ср.: *Услышав же от Александра слово се, Лодвикъ аки от сна возбудився, и воста, и здрав бысть* (Повесть о семи мудрецах).

Таковы наиболее общие наблюдения над употреблением связочных глаголов *стать, учиниться, сотвориться*; в реальности ситуация была значительно сложнее в связи с появлением новых жанров, в частности в связи с переводами произведений европейской литературы на русский язык. Переводчик при переводе мог ориентироваться на различные типы русских текстов. Но часто перевод оказывался гибридным по своим языковым характеристикам текстом, соединявшим черты высокой книжности и делового языка или делового языка и разговорного. В этом случае в пределах текста встречаются разные связки. Впрочем, к употреблению в пределах одного текста различных синонимичных связок могли приводить и особенности сочетаемости связок (см. п. 3).

Стилистический аспект в употреблении связок проявлялся и иным образом. Выше уже отмечалось, что связки в XVII в. могли употребляться не

только в новом значении, но и в значении, которое восходило к первичному значению глагола. Употребление связочного глагола в старом значении было характерно для церковной книжности; наоборот, в текстах, отражавших черты делового языка или разговорной речи, связки употреблялись в новом значении. Сказанное можно продемонстрировать на примере глаголов-связок *показаться* и *явиться*. Оба глагола развили модальное значение субъективного и объективного обнаружения признака соответственно. Первичное же значение этих глаголов можно описать как «выказывать, проявлять себя». Ср. употребление этих глаголов в новом и старом значении: *Егда же я былъ малъ и утробю боленъ, и даша мнѣ з зѣмли, с могилы его, пить, здравъ явихся донынѣ* (Спафарий. Описание Китая. С. 565) — *И аще зять мой приятелствен ми явится, и аз от имѣния своего удоволю его...* (Повесть о Марфе и Марии. С. 107); *О милая моя кралезна, прекрасное лице твое видѣхъ, и сердце мое претрашилось, **показася** лице твое и красота не **человѣческая**, но **ангельская*** (Повесть о Петре Златых ключей. С. 339) — *Сами же вси здравы отшедше, **яко победители** над враги **показашася*** (Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. С. 324).

Последнее замечание стилистического порядка об употреблении связок касается их частотности в текстах XVII в. Наблюдения показывают, что связочные построения были присущи прежде всего текстам, отражавшим черты разговорной речи. Текст, ориентированный на высокую книжность, строился с опорой на глагольное сказуемое: в ряде текстов, относящихся к церковно-книжной письменности, именно сказуемое практически не встречается. Это может свидетельствовать о сознательном отказе автора текста от именных конструкций как стилистически сниженных.

2. Полузнаменательные глаголы в русском языке организуются в систему. Системный характер отношений между связками предопределяется самой структурой предложений с именным предикатом, являющихся средством выражения в языке логических пропозиций. В отличие от событийных пропозиций, которые «портретируют» действительность», логические пропозиции «представляют результаты умственных операций и сообщают о некоторых установленных признаках, свойствах, отношениях» [Шмелева 1988: 12]. Следствием этого является более субъективный характер логических пропозиций, которые «зависят от взглядов автора... тогда как событийные пропозиции он как бы только фиксирует» [Там же: 14]. Полузнаменательные глаголы в составе предложения выступают и как показатель того, как интерпретируется говорящим связь между объектами или между объектом и признаком логической операции (модус), и как указание на источник полученных знаний, поскольку «в основе мысли, выраженной посредством языка, лежит восприятие» [Кравченко 1993: 50]. Последнее объясняет, почему значительное число полузнаменательных связок образовалось на основе глаголов восприятия, для которых, как отмечает Е. В. Падучева, является типичным развитие ментального значения [Падучева 2004: 199].

Связочные глаголы в XVII в. имели ряд отличий в своей семантике от современных связок. Как уже отмечалось, связки в различных текстах могли употребляться как в новом, отвлеченном значении, так и в старом значении, восходящем к первичному значению некогда полнозначного глагола. Это свидетельствует о том, что XVII в. был временем активного формирования современной системы связок. Однако проблема не исчерпывается только этим. Даже употребляясь в новом значении, ряд полусвязочных связок имел диффузную семантику, далекую от современной однозначности. Сами границы между разными семантическими разрядами связок оказывались нечеткими. Отчасти это было связано с тем, что связки не возникали по отдельности, а изначально вступали в системные отношения с другими связками. Проиллюстрируем данное положение несколькими примерами.

Глагол *стать* в современном русском языке имеет фазисное значение, которое указывает на возникновение предикативного признака. Между тем в XVII в. этому глаголу было присуще не только фазисное, но и модальное значение, которое на современный русский язык можно передать при помощи глаголов «оказаться», «выйти»; ср.: *Сего деи эрль Эксетцкому суд был, и судили деи его вотчинные большие двадцать четыре князя; и по суду деи Эксетцкой стал виноват и осужден на смерть* (Статейный список Г. И. Микулина. С. 180—181); ... *а что Азсторохани не взяли и людей истреряли, и то деи шаху стало за честь же...* (Статейный список И. П. Новосилцева. С. 86); ... *и содѣлаша гробъ каменень, и понесоша во церковь, и той гробъ стал коротокъ* (Житие царевича Димитрия Угличского. С. 122—124). Употребление связочного глагола *стать* в модальном значении прослеживается до конца XVIII в. Сохранение у связки *стать* модального значения позволяло ей выступать в качестве вводного слова и опорного слова для придаточного изъяснительного⁶; ср.: *Когда в российских городах заводят университеты, то, стало, намерение есть готовить к службе людей просвещенных* (Фонвизин. Друг честных людей или Стародум. 1788); *Стало, сия причина находится в зависимости от действия отражательного...* (Батулин. Исследование книги «О заблуждениях и истине». 1790); *Поэтому и стало, что все от тово только зависит, чтоб те хороши были, коим хотеть-та надобно, чтоб он был таков или инаков* (Порошин. Записки. 1764—1765).

В современном русском языке внутри группы модальных связок четко противопоставляются глаголы со значением субъективного обнаружения признака глаголам со значением объективного обнаружения признака; ядром первой подгруппы является глагольная пара *казаться/показаться*, ядром второй — глагольная пара *оказаться/оказываться*, см. [Чернов 1976].

⁶ Подробнее о генетической связи между связочными глаголами, опорными словами в сложноподчиненном предложении с придаточным изъяснительным и вводными словами см. [Руднев 2010б].

Глагольные связки *казаться/показаться* и *оказаться/оказываться* имеют как сходство, так и различие: генетически восходя к глаголам восприятия, они сохраняют в своей семантике указание на фигуру наблюдателя. Декаузативный глагол воображаемого восприятия *казаться* содержит указание на наблюдателя в форме экспериента, выраженного именем существительным или местоимением в дательном падеже. Ю. Д. Апресян отмечает у этого глагола «идею несовпадения говорящего и наблюдаемого объекта», идею расстояния между ними [Апресян 1986: 25]. Выступая в качестве связки, глагол *казаться* характеризует связь между объектом и его признаком как основанную на зрительном восприятии наблюдателем разнообразных, как очевидных, так и менее очевидных признаков объекта. Эта связь может оказаться ошибочной, поскольку глагол *казаться* допускает ложность восприятия [Апресян 1995: 381, 384].

Глагол-связка *оказаться* также включает указание на наблюдателя; выявляемая глаголом связь между объектом и признаком представляется как неожиданная для наблюдателя⁷ — неизвестная ему или противоречащая его предварительным знаниям⁸. В отличие от глагола *казаться*, относящегося к числу глаголов перцептивного состояния, глагол *оказаться* относится к числу моментальных глаголов [Апресян 1995: 224; Падучева 2004: 482]. Глагольные связки *казаться* и *оказаться* регулярно вступают в антонимические отношения, ср.: *...многое из того, что современникам казалось шутовским и не стоящим внимания, в действительности оказывалось совсем другим* (Гарин-Михайловский. Гимназисты).

Глагол *казаться* встречается в качестве связки уже в древних текстах, тогда как глагол *оказаться* до второй половины XVIII в. в качестве связки не употреблялся: в XVII в. в похожем значении выступали глаголы *обрестись, явиться*, а с первой трети XVIII в. — *найтись*. Все эти глаголы относятся к тематическому подклассу глаголов происхождения [Падучева 2004: 207—208]⁹: в результате происхождения (с экспериентом, объектом или преградой) объект входит в сознание экспериента, вследствие чего экспериент узнает нечто об объекте. В формировании семантики объективного обнаружения признака участвовала категория вида — в данном значении глаголы *явиться, обрестись, найтись* встречаются только в форме совершенного вида. Описанное выше модальное значение глагола *стать* отмечается у него только в форме совершенного вида.

⁷ Компонент «ожидание» выделяет у глагола *оказаться* Е. В. Падучева, см. [Падучева 2004: 47].

⁸ Ср. значения этой связки, выделяемые Л. В. Поповой: 1) значение обнаружения, выяснения признака, когда признак неожиданно становится очевидным в результате восприятия, наблюдения, умозаключения, вывода (*Салон оказался небольшой, уютной гостиной*, Ю. Тынянов); 2) значение преодоления сомнения говорящего в наличии или подлинности признака (*Сведения оказались ложными*, Б. Пастернак). См. [Попова 2005: 78].

⁹ Ю. Д. Апресян включает его в группу событийных глаголов.

В XVII в. четкого противопоставления двух подгрупп модальных связок еще не существовало, и одни и те же глаголы могли использоваться для выражения как субъективного, так и объективного обнаружения признака. Например, глагол *показаться*, выражающий в современном русском языке значение субъективного обнаружения предикативного признака, в XVII в. в ряде случаев мог употребляться в значении современного глагола *оказаться*; ср.: *Потом по малой хвили онъ немочной, которой видѣлся трудоватъмь, **показался** велми **свѣтель** и пошелъ къ небеси* (Римские деяния. С. 173); *Слышаиши же юродство и ругание вѣмѣняху быти слово, еже постѣжде дѣйствителнѣ збывишееся **показася истинно*** (Повесть об осаде Соловецкого монастыря. С. 168)¹⁰. Наоборот, глагол *явиться*, развивший в языке значение объективного обнаружения признака и ушедший из языка в таком значении в начале XIX в.¹¹, мог выражать и значение, которое выражал глагол *показаться*: *Намъ же [пирог] **явися** самыя добрыя пшенишныя мукы на кравиемъ маслѣ **жаренъ*** (Повесть о португальском посольстве. С. 482).

Кроме перечисленных полузнаменательных связок, нечеткость семантики обнаруживал глагол *остаться*. В XVII и отчасти в XVIII в. он выражал два совершенно разных значения: «оказаться в каком-либо состоянии, положении; стать кем-либо, чем-либо, каким-либо» и «продолжить быть каким, кем, чем, в каком состоянии» [Слря XI—XVII вв., 13: 148; Слря XVIII в., 17: 156.]. В современном русском языке значение приобретения признака также может выражаться этим глаголом (ср. *остаться сиротой, вдовой*), но в целом сфера выражения этого значения стала заметно уже. В ряде случаев в современном русском языке это значение стало выражаться при помощи глаголов *стать* или *оказаться*. Так, странным для носителя современного русского языка выглядит употребление глагола *остаться* в предложении *Егда же бысть Брунцвикъ по смерти отца своего Штылфрида, **остася во всем богатстве** его, и начат княжение отца своего Штылфрида держати и правити с великим разсмотрением...* (Повесть о Брунцвике. С. 374).

Колебание в семантике полузнаменательных глаголов в XVII в. можно объяснить следующим образом. В языке этого времени происходит активизация модели предложения с составным именным сказуемым; лежащая в ее основе семантическая структура создает условия для выражения определенных обобщенно-грамматических значений (прежде всего фазовых и модальных), которые характеризуют связь между объектом и его признаком. Язык предоставлял для выражения этих значений глагольные лексемы, которые на начальном этапе десемантизации в зависимости от контекста могли выражать разные значения. Однако постепенно зависимость значения связки от контекста преодолевалась, и язык вырабатывал более однозначные средства выражения обобщенно-грамматических значений.

¹⁰ См. также [Слря XI—XVII вв., 16: 144].

¹¹ Ср.: *Тому отдает она сердце свое, кто **явится** его **достойнейшим*** (Нарежный).

3. Обзор системы полузнаменательных связочных глаголов XVII в. будет неполным без наблюдений над особенностями их сочетаемости — левосторонней (с подлежащим или субъектным детерминантом) и правосторонней (с именной частью).

Особенности левосторонней сочетаемости сводятся к следующему. Во-первых, в качестве подлежащего значительно реже, чем в современном русском языке, встречаются неличные существительные. При этом следует отметить, что разные связки обнаруживали неодинаковую способность к расширению левосторонней сочетаемости за счет неличных существительных. Если сравнить три связки с близким значением *стать*, *учиниться*, *сотвориться*, то обнаружится, что их **семантические** свойства оказываются неодинаковыми: у глагола *сотвориться* из 7 случаев употребления 3 случая приходится на предложения с неличным подлежащим; у глагола *учиниться* на 53 случая употребления таких примеров оказывается 4; у глагола *стать* в 30 предложениях из 107 встречается неличное подлежащее. Например: *Жено, что обнищахомъ и в велицей скудости дом нашъ **сотворися**?* (Беседа отца с сыном о женской злобе. С. 490); ... *на Москвѣ у меня бес твоего здоровья велми время **учинилос безрыбно** а на Наре мною что нне **рыбно**...* [Безобразов: 45]; ... *и такъ деревнишко бѣз нас **стала роззорена** а топерво гсдрь батюшко и до конца деревнешко **стало в раззорене** и нам стало вперед надеетца не на что деревнишка **стали** бѣз насъ **роззорены**...* [Там же: 62].

Фазисные связки со значением возникновения признака могли употребляться не только в двусоставном предложении, но и в безличном предложении. В изученных текстах было выявлено 6 безличных предложений с глаголом *учиниться* (почти все случаи в сочетании со словом *ведомо*) и 22 — с глаголом *стать*; с глаголом *сотвориться* не встретилось ни одного примера. Например: *По нѣкоем же случае **явственню учинися** о немъ и самому государю* (Повесть о Савве Грудцыне. С. 49); *И от того времени, господия моя, **стало** у мене **быти** в темнице **нужно**, и **чадно**, и **пыльно**, и **горко** от дыма, многожды умирал от дыма* (Житие Епифания. С. 332). Два случая употребления глагола *(с)делаться* встретились только в безличных предложениях: ... *а в Помѣсномъ приказе **худенка дѣлаетца** по тому подячие за роботу **хотят**...* [Безобразов: 37].

Приведенные примеры свидетельствуют, что более новые по времени возникновения связки (*стать*, *(с)делаться*) оказываются более гибкими к изменению структуры фразы, в частности к процессу распространения безличного предложения со словами категории состояния. Кроме того, более новые связки активнее используются в двусоставных предложениях с неличным подлежащим, доля которых начинает постепенно расти в языке нового времени (и особенно с XVIII в. в связи с формированием научного стиля). У глаголов *сотвориться*, *чиниться* продолжала сохраняться связь с активным (волютивным) субъектом действия, что, конечно, не закрывало им полностью путь к расширению левосторонней сочетаемости в результа-

те аналогического воздействия со стороны глагольной связки *стать*, что показывают примеры с глаголом *сотвориться*.

Из особенностей левосторонней сочетаемости глаголов со значением обнаружения признака можно отметить следующее. В современном русском языке глаголы со значением субъективного обнаружения признака (*казаться, показаться, представляться* и др.) устойчиво употребляются с дательным субъекта восприятия; глаголы со значением объективного обнаружения признака (*оказаться, выйти* и др.) с дательным субъекта восприятия, наоборот, не сочетаются. Как отмечалось в п. 2, в языке XVII в. граница между глаголами этих двух групп была еще неустойчивой, поэтому один и тот же глагол мог употребляться как с дательным субъекта восприятия, так и без него. Например, глагол *явиться* обычно указывал на объективное обнаружение признака, ср. *Таковии благоискусныхъ спасения началоподвижниковъ духовнии воины, иже во время лютейшаго искушения явишася крѣпцы...* (Повесть об осаде Соловецкого монастыря. С. 189); но в некоторых случаях присоединение к нему личного имени в форме дательного падежа указывало на то, что обнаружение признака имеет субъективный характер: *Намъ же [пирог] явися самая добрая пшенишная мука на кравиемъ маслѣ жаренъ* (Повесть о португальском посольстве. С. 482).

Аналогичным образом глагол *показаться*, уже в XVII в. использовавшийся главным образом для указания на субъективный характер обнаружения признака (например: *И королевна всю ночь сидѣла на древѣ до свѣта, плакала и въздыхала, и в той печали долга ночь ей показалась...* (Повесть о Петре Златых ключей. С. 353), мог использоваться и для указания на объективный характер обнаружения признака, ср.: *И тако вкутъ вси собравшеся и твердыню сию занявше, могутъ над нами побѣдители показатися* (Сказание Авраамия Палицына. С. 246); *И [лед] елико прежде жесточайшъ и камень обретеся, толико послѣжде мягчайшъ и удоборастанъ показася* (Повесть об осаде Соловецкого монастыря. С. 179). В последнем примере значение объективного обнаружения признака глагола *показаться* подчеркивается употреблением в пределах той же фразы глагола *обрестись*.

Некоторые глаголы из этой группы не имели отмеченной выше неустойчивости. Так, глагол *обрестись* всегда указывал только на объективный характер обнаружения признака, ср.: *...и [Домна] абие в той час бысть недвижима от лютаго бѣса и обрѣтеся здрава* (Повесть о явлении и чудесах Казанской иконы богородицы. С. 46), а глагол *видеться*, наоборот, на субъективность обнаружения признака: *А я на нихъ не дивую; и сами ани тому не ради: имъ онъ видица добрай человекъ* (Письмо Ф. П. Морозовой Аввакуму. С. 581).

Особенности правосторонней сочетаемости (с присвязочным компонентом) в языке XVII в. отчасти определяются двумя общими процессами: расширением предикативного употребления имен существительных в форме творительного падежа и постепенным увеличением предикативного

употребления полных форм имени прилагательного. Из особенностей выражения присвязочной части при полузнаменательных глаголах обращает на себя внимание довольно широкое употребление предложно-падежных форм существительного при некоторых связках. Невозможность осветить правостороннюю сочетаемость всех полузнаменательных связок заставляет ограничиться только некоторыми наиболее частотными связками.

Предложения с глаголами *показаться/показываться* встретились 23 раза, именная часть при этих глаголах употреблялась 30 раз. Способы выражения распределились следующим образом: краткое прилагательное — 13, существительное в им. п. — 8, полное прилагательное в им. п. — 4, краткое причастие — 3, существительное в тв. п. — 1, превосходная степень прилагательного — 1.

Предложения с глаголом *явиться* встретились 28 раз, именная часть при этой связке употреблялась 33 раза, из них краткое прилагательное — 22, существительное в им. п. — 6, превосходная степень прилагательного — 2, краткое причастие — 1.

Эти данные показывают, что в XVII в. основным способом выражения именной части при глаголах со значением обнаружения признака было краткое прилагательное и существительное в именительном падеже, на которые приходится более двух третей случаев; творительный падеж существительного и полное прилагательное в им. п. еще находятся на периферии.

Способы выражения именной части при глаголах *учиниться* и *стать* имеют большее разнообразие. Глагол *учиниться* встретился в исследованных текстах 53 раза, именная часть при этом глаголе встретилась 54 раза. Способы выражения именной части распределились следующим образом: а) в предложениях с подлежащим, обозначающим лицо: существительное в тв. п. — 16, краткое прилагательное — 13, существительное в им. п. — 6, предложно-падежные формы существительного — 5, краткое причастие — 1; б) в предложениях с неличным подлежащим: предложно-падежные формы существительного — 3, краткое прилагательное — 1, полное прилагательное в им. п. — 1; в) в безличных предложениях 6 раз отмечены слова категории состояния.

Глагол *стать* встретился 107 раз, именная часть при этом глаголе была употреблена 133 раза. Выражение именной части сказуемого распределилось так: а) в предложениях с подлежащим, обозначающим лицо: краткое прилагательное — 38, предложно-падежные формы существительного — 17, полное прилагательное в им. п. — 3, существительное в им. п. — 2, компаратив — 2, полное прилагательное в тв. п. — 2, существительное в тв. п. — 1, придаточное предложение — 1; б) в предложениях с неличным подлежащим: краткое прилагательное — 22, предложно-падежные формы существительного — 7, краткое причастие — 4, количественный оборот — 2, полное прилагательное в им. п. — 1, превосходная степень прилагательного — 1, сравнительный оборот — 1; в) в безличных предложениях: слова категории состояния в положительной степени — 25, в форме компарати-

ва — 2, предложно-падежная форма существительного — 1, сочетание *не-чего* + инфинитив — 1.

Правосторонняя сочетаемость глаголов *учиниться* и *стать* имеет сходства и различия. В качестве именной части сказуемого обоих глаголов широко представлено краткое прилагательное и предложно-падежные формы существительного. Вместе с тем заметно существенное отличие в их сочетаемости: у глагола *учиниться* в качестве присвяточной части активно употребляется существительное в тв. п. и им. п., тогда как глагол *стать* вообще сочетается с существительным значительно реже, а случаи творительного предикативного при нем единичны. Преимущественная сочетаемость связки *стать* с прилагательным сохраняется и в XVIII в.

Не имели унифицированной правосторонней сочетаемости и связочные глаголы со значением названия. Сравним три наиболее частотных связочных глагола этой группы — *назваться*, *именоваться* и *нарицаться*. Связка *назваться* встретилась 19 раз, именная часть была употреблена с этим глаголом 24 раза: существительное в тв. п. — 19, существительное в им. п. — 4, краткое прилагательное — 1. Связка *именоваться* встретилась 18 раз, именная часть при этом глаголе — 20 раз. Из этого числа существительное в им. п. — 17, существительное в тв. п. — 1, существительное в род. п. — 1, существительное в предложно-падежной форме — 1. Связка *нарицаться* встретилась 15 раз, именная часть при ней — 17 раз: существительное в им. п. — 8, существительное в тв. п. — 5, полное прилагательное в им. п. — 3, краткое прилагательное — 1. Таким образом, даже глаголы названия, обладавшие наибольшей семантической близостью, не обладали единой синтагматикой. В данном случае различия в употреблении существительного в именительном и творительном падеже в составе именной части, по-видимому, были обусловлены функционально-стилистической окраской связок: более разговорная связка *назваться* тяготела к употреблению с новой предикативной формой существительного, то есть с творительным падежом; наоборот, книжная связка *именоваться* — к употреблению с более книжной формой связки, то есть именительным падежом существительного. Глагольная связка *нарицаться* по своей сочетаемости стояла ближе к связке *именоваться*.

Как видно из приведенных данных, правосторонняя сочетаемость полузнаменательных глаголов имела некоторые общие черты: так, можно отметить редкость полной формы и доминирующее положение краткой формы прилагательного в присвяточной части. Если оставить в стороне глагол *учиниться* и *назваться*, то у существительного основной предикативной формой существительного является форма именительного падежа. У глагола *учиниться* большая часть случаев творительного предикативного приходится на три слова — *король*, *царь* и *государь*. Факт преимущественного употребления существительного в именительном падеже при полузнаменательных связках в XVII в. несколько подрывает широко распространенную точку зрения о том, что распространение творительного пре-

дикативного существительного происходило под влиянием именных конструкций с полузнаменательными связками.

Однако при общих чертах наблюдаются и отличия в синтагматике разных семантических групп связок: при глаголах со значением приобретения признака в XVII в. широко употреблялись различные предложно-падежные формы (главным образом «в + предл. п.»), которые уже в XVIII в. быстро уходят из употребления и не типичны для современного языка. Например: *У меня перешиб, брате мой милый Осетръ, и жаль мнѣ тебя, не позинь ты напрасно, а ныне ты мнѣ стал не в чюжихъ* (Повесть о Ерше Ершовиче. С. 180); *Како таковая великая и преславная земля во всѣхъ земляхъ стала в разорении, и такое Великое царство в заустънии, и таковая великая царьская ризница в расточении!* (Новая повесть о преславном Российском царстве. С. 176); *...такъ сердце его в великой сердечной тягости стало по ней* (Повесть о Петре Златых ключей. С. 331). По-видимому, уход этих форм из присвязочной позиции был связан со становлением моделей «прийти в» и «впасть в»¹², которые активизируются в XVIII в.

Анализ полузнаменательных связок в языке XVII в. позволяет сделать вывод о том, что системные связи между ними еще не сформировались в полной мере, хотя связки уже объединяются в группы в зависимости от выражаемого ими значения. Однако эти группы еще не четко противопоставлены друг другу, что находит свое выражение как в способности отдельных связок выражать разные значения, так и в отсутствии унифицированной синтагматики у связок, относящихся к одной группе. Все это свидетельствует о том, что в XVII в. связочная система находилась в стадии активного становления.

Л и т е р а т у р а

Акимова 1969 — Г. Н. А к и м о в а. Полузнаменательные и знаменательные связки в языке Ломоносова // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII века (Ломоносовские чтения). Вып. 2—3. Казань, 1969. С. 223—233.

Аникина 1970 — Л. В. А н и к и н а. Составные именные члены предложения с глаголом-связкой в форме инфинитива (на материале современного русского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1970.

Апресян 1986 — Ю. Д. А п р е с я н. Дейксис в лексике и грамматике и наивная картина мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5—37.

Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Избранные труды. Т. 1—2. М., 1995.

Безобразов — Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (Из фонда А. И. Безобразова). М., 1965.

БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. СПб., 2006.

Золотова 1958 — Г. А. З о л о т о в а. К вопросу о способах выражения членов предложения // Рус. яз. в школе. № 1. 1958. С. 23—28.

¹² Об истории этих конструкций см. [Руднев 2010а].

Кравченко 1993 — А. В. Кравченко. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 52. № 3. 1993. С. 45—56.

Ломтев 1956 — Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.

Лопатина 1966 — Л. Е. Лопатина. К истории творительного предикативного в славянских языках // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. XXV. Вып. 6. 1966. С. 500—508.

Мещерякова 2005 — Е. М. Мещерякова. Фигура наблюдателя в семантике грамматики (на материале видо-временных форм русского глагола) // Московский лингвистический журнал. Т. 8. № 2. 2005. С. 22—38.

Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике и лексике. М., 2004.

Патоква 1929 — О. В. Патоква. К истории развития творительного предикативного в русском литературном языке // *Slavia*. R. VII. S. 1. 1929. С. 1—37.

ПЛДР I — Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988.

ПЛДР II — Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. М., 1989.

Попова 2005 — Л. В. Попова. Система связок именного сказуемого в современном русском языке. Архангельск, 2005.

Путешествия русских послов — Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. СПб., 2008.

Руднев 2010a — Д. В. Руднев. Из истории формирования фазовых модификаторов в сфере именных предикатов состояния // Вестник СПб ГУ. Сер. 9. Вып. 3. 2010. С. 186—194.

Руднев 2010б — Д. В. Руднев. О роли глагольных связок в формировании семантики опорных слов сложноподчиненного предложения // Лингвистические идеи В. А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике. Тюмень, 2010. С. 102—109.

Слря XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—.

Слря XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 17 (Оный — Открутить). СПб., 2007.

Спринчак 1973 — Я. А. Спринчак. Развитие творительного предикативного в славянских языках // Русский язык в его связях с украинским и другими славянскими языками (Тезисы докладов и сообщений). Симферополь, 1973. С. 231—234.

Чернов 1976 — В. И. Чернов. Полузнаменательные связочные глаголы в современном русском языке // Вопросы русского языкознания. Вып. 1. Куйбышев, 1976. С. 71—88.

Шведова 1948 — Н. Ю. Шведова. Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русском литературном языке XV—XVIII вв. // Доклады и сообщения Института русского языка. Вып. 1. М.; Л., 1948. С. 102—126.

Шведова 1964 — Н. Ю. Шведова. Изменения в системе простого предложения // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. М., 1964. С. 20—217.

Шмелева 1988 — Т. В. Шмелева. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск, 1988.

D. V. RUDNEV

PSEUDO-COPULAS IN THE RUSSIAN OF THE XVIIth CENTURY

The aim of the article is to describe the system of pseudo-copulas in the Russian language of the XVIIth century. Pseudo-copulative verbs of the XVIIth century were less numerous and less used than in Modern Russian. Pseudo-copulas of the period are characterized by diversity of syntactical characteristics; this peculiarity characterized even pseudo-copulas that had similar meaning. Some pseudo-copulas were limited in their use to some types of texts and their meaning differed from modern meaning. All these facts permit to conclude that the system of pseudo-copulative verbs was in the making.

Keywords: compound nominal predicate, copula, historical syntax, Russian.

РЕЦЕНЗИИ

Майкл Флайер. Избранные труды.

Т. 1: Работы по синхронистическому языкознанию. М.: Языки славянской культуры (на титуле — «славянских культур»), 2010. — 696 с.

Автор двухтомника «Избранных трудов» (пока вышел только первый том) Майкл Флайер (р. 1941) — американский славист, профессор Гарвардского университета, директор Украинского исследовательского института Гарварда. Как отмечает в своём послесловии «Вклад Майкла Флайера в лингвистику славянских языков» известный русист Алан Тимберлейк, деятельность Флайера делится на два периода: чисто лингвистический (до 1984) и период, когда «его научная деятельность делится между славянской лингвистикой и историей культуры». В первый том вошла монография «Аспекты именной определённости в старославянском языке» и статьи о восточнославянской морфологии и фонетике (три по украинистике, остальные — по русистике, включая диалектологию). В основном это работы 1970—1980-х гг., лишь немногие относятся к сравнительно недавнему периоду. Завершают книгу упомянутая статья Тимберлейка и библиография на английском языке. Над книгой работал коллектив переводчиков, наиболее значительную роль в котором сыграл известный российский лингвист С. Л. Николаев.

Монография «Аспекты именной определённости в старославянском языке», изданная на английском языке в 1974 г. (написана в 1970 г. в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе), посвящена распределению кратких и полных форм старославянских прилагательных. Распределение кратких и пол-

ных (атрибутивных и неатрибутивных) форм — известная сложная проблема как в синхронной, так и в диахронической славистике. Предшественником Флайера был Н. И. Толстой, автор работы 1957 г., которую Флайер существенно дополняет, критикует (иногда достаточно жёстко) и исправляет, отмечая её неточности, неучтённые варианты греческого текста и т. п.

Флайер считает, что распределение полных и кратких форм тесным образом связано с референциальным статусом именных групп (Noun Phrase, сокращённо NP). В свою очередь, данный статус проявляется в выборе неопределённых, указательных, притяжательных и личных местоимений старославянского языка, а также в кванторных словах (таких, как ‘всякий’, ‘некоторый’).

Труд Флайера носит теоретический характер, в частности, подробно обсуждается объект исследования. Автор подчёркивает, что рассмотрение старославянского языка как единого идиома без учёта специфики каждого памятника и особенностей греческих оригиналов малоперспективно, и именно поэтому немало страниц он посвящает проблематике определения самого понятия «старославянский язык». Основные источники, использованные автором, — Мариинское, Зографское и Ассеманиево евангелия, а также Саввина книга.

Что касается основного теоретического механизма, при помощи которого проведено исследование, то этот меха-

низм — генеративный; книга Флайера представляет собой одно из первых развёрнутых применений теории Хомского (в её ранней, трансформационной версии) к славянскому материалу. Как отмечают переводчики, уже название её ориентировано на знаменитые «Аспекты теории синтаксиса» Хомского; отметим, что Флайер знаком и с первыми работами советских генеративистов — например, трудами С. К. Шаумяна. Автор избирает модель порождающей семантики, по его словам — «в согласии с новейшими тенденциями трансформационного направления в лингвистике». Автор несколько раз оговаривает, что анализирует глубинную структуру на семантическом уровне и сочетаемость признаков именно там, а не в поверхностном выражении (с. 166). «Примечания редактора» к переводу монографии (к сожалению, из выходных данных книги неясно, кто этот редактор), несмотря на оправданную краткость, содержательны и уточняют, в частности, ряд цитат из памятников. Впоследствии М. Флайер, как и многие лингвисты, на которых оказала влияние порождающая семантика, отошёл от генеративизма, восприняв, однако, некоторые идеи раннего Хомского и продолжая направления, обозначенные еще в структурализме.

Наблюдения и подсчёты Флайера в большинстве своём вполне доступны изложению на более теоретически нейтральном языке (например, сходном с тем метаязыком, на котором написаны «Древнерусские энклитики» А. А. Зализняка). Представляют большой интерес такие идеи, как роль стяжений гласных в эволюции кратких и полных форм (и обманчивой «краткости» реально стяжённой формы), или непродуктивность славянского **i* в указательной «артиклевой» функции из-за резкого увеличения омонимии, или сходство поведения «прилагательных от названий сект» («фарисейский» и «садукейский») с эт-

нонимическими и топонимическими прилагательными, или тонкий анализ специфики «уникальных» понятий вроде ‘солнце’ или ‘истина’. Важен такой выделенный Флайером класс, как прилагательные «полярной противоположности», всегда выбирающие полную (определённую) форму: ‘верхний’, ‘нижний’, ‘левый’, ‘правый’ и другие; определённость в них диктуется «концептуальной дихотомией» и противопоставлением другому члену оппозиции (с. 130). Интересен анализ противопоставления местоименных слов *инъ* и *други*. С точки зрения Флайера, *други* — порядковое числительное, уже со старославянской эпохи имеющее тенденцию означать элемент упорядоченного множества (с. 135 и след.), что впоследствии дало в большинстве славянских языков также порядковое числительное со значением ‘второй’.

Уже в первой работе Флайер — не ортодоксальный генеративист (см. ниже о его критике порождающей фонологии) и не абстрактный теоретик, занятый воплощением «новейшей» модели. Он кропотливый филолог и текстолог, выявляющий при работе с памятником множество описок, ошибок перевода с греческого (греческий оригинал цитируется при каждом старославянском примере, отмечаются разночтения греческого текста и их влияние на выбор краткого или полного прилагательного), текстологических проблем. Автор обсуждал свою книгу с такими крупными лингвистами и славистами XX в., как Уоллес Чейф, Дин Уорт, Хенниг Андерсон, Хенрик Бирнбаум, А. В. Исаченко. Принципиально важное влияние на него оказал Р. О. Якобсон: несмотря на то, что отдельные положения его работ Флайер оспаривает, многое у него оказывается воплощением потенциала, заложенного именно в наследии Якобсона.

Автор излагает и свои общетеоретические взгляды — «интуитивные пред-

ствления» (с. 56), не привязанные конкретно к строю старославянского языка, например идею об иерархии элементарных значений (N-иерархии), лежащей в основе семантики именных групп, а также об иерархии референциальных признаков или же представление о дейктическом центре («эгоцентризме») как элементарном и примитивном уровне языка. По последнему вопросу Флайер критикует известную работу Якобсона о шифтерах, отстаивая первичность «эгоцентрических» представлений. Эти концепции носят типологический характер, хотя и иллюстрируются примерами прежде всего из старославянского.

В работе Флайера нам кажется спорным, хотя и методологически понятным, подход к изучаемой им грамматической системе как некому идеальному абсолютному объекту, представленному в столь же условном «идеальном тексте Евангелия» (с. 88). Этот принцип декларируется неоднократно, эксплицитнее всего на страницах 51—52, где говорится о единой норме, некоторой «базисной грамматике» старославянского языка, которая дополняется «специальными индивидуальными правилами в зависимости от диалекта писца». К набору правил, порождающему «бесконечное число правильных предложений» на старославянском языке, могут быть добавлены дополнительные дифференциальные признаки в духе Якобсона — «моравский», «болгарский» или «греческий» — которые так или иначе оказывают дополнительное влияние на поверхностное построение наблюдаемых форм, слегка модифицируя «выход» системы. Вот пример описания в таком понятийном аппарате: «На фоне четырнадцати чтений с краткими формами это чтение должно считаться исключением и отмечаться глубинным признаком [ГРЕЧ], для того чтобы отличить его от нейтральных чтений с

краткой формой» (с. 163). Он упоминает о второй возможности — «предполагать, что норм было столько, сколько диалектов» (как будто именно эту точку зрения можно уловить в цитируемых им словах Н. Н. Дурново), но отказывается от неё. Во многом с этим отказом связана ориентация на узкий круг «лучших» старославянских памятников и сознательное игнорирование сравнительно поздних церковнославянских текстов, сохраняющих многие грамматические черты старославянского корпуса.

Отметим ещё, что «традиционная передача англоязычных терминов генеративной грамматики», избранная переводчиками, не всегда отвечает ныне принятому в русскоязычной лингвистике узусу. Так, ключевое для работы Флайера понятие *noun phrase*, сокращённо NP, передаётся как «именная составляющая». В современных русских работах (кстати, уже вовсе не обязательно генеративных) соответствующий термин гораздо чаще выглядит как *именная группа* (и вообще, слово *phrase* передаётся как *группа*, в то время как его частичный синоним *составляющая* является передачей скорее термина *constituent*). Нельзя считать «традиционной» и передачу имени Ноама Хомского как Наум, хотя она вполне понятна сама по себе и, быть может, её предпочёл бы и сам Хомский (с. 15). К «Аспектам...» приложен список примеров и даже отдельный от остальной книги указатель имён, находящийся в середине тома. Этот указатель охватывает монографию плюс оглавление ко всему сборнику, расположенное в начале книги. В результате туда попали приведённые в оглавлении имена переводчиков статей Флайера, но ни одно упоминание имён в тексте самих статей (а их там немало, ведь многие статьи носят полемический характер, и тематика их гораздо шире, чем у монографии) в указатель не вошло. Досадно, что при этом

основной переводчик сборника, С. Л. Николаев, в указателе назван «Николаева С. Л.».

Рассмотрим включённые в том четырнадцать статей М. Флайера. Практически во всех этих статьях так или иначе обсуждаются вопросы морфонологии: это излюбленная его тема, и, собранные вместе, работы Флайера представляют собой крупный вклад в русскую морфонологию (хочется сопоставить этот сборник с недавно изданными по-русски работами французского слависта П. Гарда). Общей для них является неизменная ориентация на принципы Р. О. Якобсона (те или иные ссылки на Якобсона открывают почти каждую работу) и внимание к верифицируемости и последовательности построений. Абстрактность конструкций, решения *ad hoc* постоянно подвергаются критике. В первой из этих статей, «Лайтнер о русской фонологии», речь идёт о работе ученика Мориса Халле, фонолога-генеративиста Т. Лайтнера «Вопросы теории фонологии: русская и тюркская фонология» (1972). Флайер, в частности, критикует восходящее к Халле отделение морфонологических правил от фонологических, а также фонологическую модель Лайтнера, усматривающего в русском языке лишь 13 согласных фонем; постулируемые Лайтнером правила перехода от глубинного уровня к поверхностному, как считает Флайер, зачастую носят характер *ad hoc* и, в сущности, апеллируют к диахроническим изменениям, которые неизвестны носителям языка (например, знанию того, какие формы являются исконными, а какими заимствованными), а также к типологическим параллелям. При этом Лайтнер опирается на «идеальную компетенцию» носителей языка, у которых «максимально развито» языковое чувство, в том числе знания об истории языка (с. 282—283); в ответ Флайер иронически предлагает внедрять в фо-

нологическое описание не только праславянские реконструкции, но и соссуровские ларингальные фонемы (там же). В этой же работе имеются теоретические возражения против адекватности генеративного описания по Хомскому: «...недостаточно просто получить правильный поверхностный результат... нельзя размахивать знамёнами с надписями “простота” и “естественность”, если при этом игнорируется ключевое различие между продуктивным и непродуктивным, маркированным и немаркированным». В заключение автор предлагает возможную «структуралистскую альтернативу» теории Лайтнера (с. 287—288). В этой позиции надо отметить отход от положений первой монографии Флайера, стоявшей гораздо ближе к теоретическим постулатам генеративизма.

Статья «Долгие дизянные шипящие согласные в русском языке» (1980, издавалась по-русски в 1995 г.) посвящена загадке функционального статуса русских палатализованных шипящих (*плац, вожжи*); автор поддерживает точку зрения А. В. Исаченко, согласно которой эти шипящие на фонологическом уровне представляют собой сочетания согласных, а не отдельные фонемы (опираясь, в частности, на данные о вариативности произношения). Отметим такой любопытный факт, как выявленную советскими фонетистами в 1960-е годы спорадическую утрату смычки у аффрикаты — произношение *ч* как [ʃʲ] в речи городской молодёжи; интересно было бы исследовать устойчивость этого феномена в последующие десятилетия. Ещё одна статья на ту же тему — «Долгие дизянные шипящие согласные в русском языке с функциональной точки зрения» (1982; как отмечает Тимберлейк, «Флайер часто объединял свои исследования в тематические диптихи и триптихи») представляет собой ответ на критику первой статьи

Нильсом Телином. В этой последней статье подробно рассматривается асимметрия глухого и звонкого палатализованного шипящего. Первый носит функциональный характер и устойчив, а второй — нефункциональный характер и обречён на утрату в русском языке, в отличие от белорусского и украинского языков, фонологическая система которых (фонемный статус звука, обозначаемого сочетанием *дж*) способствует поддержке исторического параллелизма этих звуков.

В статье «Морфонологическое изменение как свидетельство фонологического изменения: статус мягких велярных в современном русском языке» (1999) речь идёт о статусе еще одного «слабого звена» в русской фонологии — мягких велярных [kʲ], [gʲ], [xʲ], которые как в древности, так и в современном языке играют смысловозначительную роль в основном лишь с учётом экзотических заимствований. М. Флайер считает, что на протяжении последних 250 лет мягкие велярные имеют в русском языке статус фонем, хотя и «маргинальных».

Статья «Образование вторичных имперфективов в русском языке» (1970) посвящена проблеме инвентаря русских имперфективизирующих суффиксов. Автор доказывает, что в русском языке нет показателя имперфективности, начинающегося на *v-*, и что стык корня и суффикса в глаголах вроде *допевать* должен анализироваться как *pev + Ø + aj-*, где *v* принадлежит корню. К этой статье приложена дискуссия: комментарии П. Гарда, Д. Ворта, М. Шапиро и заключительные замечания автора.

В статье «Сдвиг глайда в русском глагольном словообразовании» (1974) Флайер анализирует чередование *-j-* и *-v-* (последний звук, с точки зрения автора, на фонологическом уровне представляет собой глайд *w*) в парах вида *разобью* — *разбивать*. В ходе анализа

этих пар автор противопоставляет основы церковнославянского и русского происхождения, а также строит ряд общих морфонологических правил.

В статье «Морфология действительного причастия прошедшего времени в русском языке» (1981) анализируются причины вариативности некоторых причастий, например *несший* ~ *нёсший*, *пярвший* ~ *пярдиший*; статья ценна, в частности, обширным сводом архаичных и инновативных форм этих причастий, которым не уделялось достаточно внимания в русских нормативных пособиях.

«Заметки о русской глагольной префиксации» (1975) предлагают структуралистский анализ русских приставок в духе бинарных дифференциальных признаков и инварианта по Р. О. Якобсону. Здесь анализируются превербы *пере-*, *про-*, *об-*, *по-*, в которых усматривается семантический признак «[+перекрывающий]». По Флайеру, русская глагольная префиксация сопровождается присоединением к семантике корня трёх типов префиксальных признаков: рамочные (ограничение действия, отделение центра от периферии), операционные (траектория, отношения) и перспективные (характеристика действия как внутреннего или внешнего по отношению к рамке). К «Заметкам» примыкают другие статьи о некоторых из этих превербов — «Синтагматические ограничения на русскую приставку *пере-*» (1985), в которой также излагаются уточнённые общетеоретические положения, и «Делимитативные приставки в русском языке» (1985, переработанный русский перевод 1997), посвященная делимитативу *по-* и пердуративу *про-*, где активно привлекается типологический материал.

Обширная статья (65 страниц) «Обоянское диссимилиативное яканье: канонический случай полной нейтрализации» (1978) — единственная работа по диалектологии в томе. Она, однако,

имеет большое теоретическое значение для фонологии: в ней обсуждается проблема допустимости постулирования «полной нейтрализации» — таких глубинных представлений, которые на поверхностном уровне всегда нейтрализуются. Полная нейтрализация использовалась фонологами-генеративистами, которых критиковал в том числе и сам Флайер, — Халле, Лайтнером и другими. Название статьи может навести на мысль о том, что Флайер поддерживает трактовку южнорусского вокализма как «канонического случая» такого явления, однако в действительности она посвящена развенчанию трактовки южнорусского вокализма, предложенного Морисом Халле: демонстрируется большая сложность обоянского (архаического) подтипа диссимилятивного яканья, и особенно его вариативность, не учитываемая генеративной схемой. Поэтому по внутренней логике сборника более логично бы было поместить эту статью не между блоками русистики и украинистики, а на второе место, после работы, посвящённой полемике с Лайтнером. К статье приложен авторский «Postscriptum» (к сожалению, не датированный), где автор несколько уточняет свою позицию по истории русского вокализма, что, однако, не затрагивает основных выводов работы.

Завершают том три работы по украинскому языку. Статья о фонологическом статусе украинского [j] называется «Его то видно, то не видно»: ряд фонологических правил приводит к тому, что йот исчезает с поверхностного уровня, оставляя след — «умеренную дизезность» (полумягкость). Статья «Сегментация, ранг и естественные классы в украинской диалектологии» посвящена анализу нескольких фонологических и морфологических изоглосс из «Атласа украинского языка», в том числе несколько иному фонологиче-

скому статусу мягкости в южных говорах по сравнению с литературным стандартом. Заключительная статья «Суржик: правила взаимодействия» представляет собой очень интересный собственно лингвистический (хотя в статье фигурируют и неизбежные социолингвистические сведения) анализ функционирования смешанного русско-украинского языка. Флайер совершенно верно отмечает, что преобладающая позиция украинских лингвистов заключается в квалификации (обычно резко негативной) суржика прежде всего с оценочной и социологически-политической точки зрения, в то время как на его собственно лингвистические характеристики нередко закрывают глаза. Американский славист на материале примеров суржика, приводимых в пособиях типа «Как не надо говорить», ставит и решает конкретные вопросы об ограничениях, накладываемых на языковое смешение, о том, какие черты устойчиво сохраняются от русского языка, какие — от украинского. О перспективности этого направления исследований свидетельствует ряд недавних публикаций о суржике, в частности У. Долешаль и соавторов (РЯНО. 2011. № 2; см. также указанную там литературу).

В заключение нельзя не согласиться с характеристикой А. Тимберлейка: «Хотя исследования Майкла несут отпечаток своего времени, подача материала и наглядный анализ так тщательно отрабатаны, что придадут этим произведениям вневременной характер, гораздо шире исторического контекста, в котором они были созданы. Несмотря на более новые методы анализа, включая те, что появятся в будущем, аналитические приёмы, предложенные Флайером годы назад, остаются действенными».

Д. В. Сичинава

Ильченко О. С. История категории одушевленности в русском языке.
СПб.: Нестор-история, 2011. — 224 с.

Открывая книгу с подобным названием, читатель не может не задаться вопросом, что такое существенно новое придумал автор, что потребовало новой монографической трактовки темы в книге с названием, почти тождественным книге-предшественнику — фундаментальной монографии В. Б. Крысько «Развитие категории одушевленности в истории русского языка» [Крысько 1994]. При знакомстве с рецензируемым трудом оказывается, что никакой реальной надобности в новоизданной книге нет. В ней содержится кое-какой новый материал, но собранный небрежно и не всегда осмысленно; его проработка далека от той тщательности и изощренности, которая присуща книге Крысько. Правда, В. В. Колесов, написавший предисловие к книге Ильченко, противопоставляет Крысько как «прагматика-номиналиста» Ильченко как «реалисту», для которого факты «всего лишь частность» (с. 5); не вдаваясь в это обскурное противоположение номинализма и реализма, замечу, что с фактами в книге Ильченко не все хорошо, но не все хорошо и с идеями. Автор в определенной степени учел те возражения, которые вызвали интерпретации Крысько у ряда славистов (прежде всего у А. Тимберлейка, на одну из работ которого, посвященную одушевленности, Ильченко ссылается, а другой, видимо, не знает, см.: [Тимберлейк 1996; Timberlake 1997]). Ильченко обращается к широкому смысловому контексту, а не только к семантическим параметрам отдельной лексемы и ищет содержательные факторы, обуславливающие вариативность $B = P$ и $B = I$. Дальше Тимберлейка Ильченко, однако, не идет, или, вернее, там, где она идет дальше, она переходит пределы допустимого теоретизирования и пускается в

неосмысленные фантазии. С сожалением надо отметить, что по-настоящему нового в книге нет почти ничего. Та часть собранного автором материала, которая представляет определенный интерес, могла бы быть описана в небольшой статье.

Остановлюсь на структуре монографии. В книге две главы. В одной рассматриваются обозначения человека, в другой — животных. В первой главе две основных части, первая посвящена обозначениям «единичного лица мужского пола» (т. е. формам ед. числа), вторая — «обозначениям множества лиц» (т. е. формам мн. числа). В первой части сначала разбирается вопрос о социальном статусе как факторе, влияющем на выбор $B = P$, более характерного для лиц высокого статуса, или $B = I$, более характерного для лиц низкого статуса (с. 23—39). Автор приводит данные из Русской Правды, и до этого использовавшиеся исследователями; удивительным образом Ильченко обходит вниманием новгородские берестяные грамоты, обследованные в данном отношении А. А. Зализняком (Зализняк указывает на значимость того, что он именует «иерархическим статусом» — [Зализняк 2004: 105—107]). В следующем параграфе трактуется «сохранение реликтовой падежной формы $I = B$ ед. ч.» в Московском летописном своде (выбор памятника не обосновывается, но в целом не вызывает возражений); приводятся статистические данные по столетиям, после чего автор пускается в историко-философские интерпретации, не выдерживающие никакой критики (здесь говорится, со ссылкой на А. Ф. Лосева, и об от столетия к столетию «прогрессирующей общественности», и об архаическом мышлении, и о княжеской власти в понимании И. Я. Фроянова —

все эти сюжеты лежат явно за пределами профессиональной компетенции автора). Затем коротко рассказывается о «семантико-синтаксических различиях конструкций с варьирующимися падежными формами» и делается ряд верных, хотя и неоригинальных наблюдений. Здесь же упоминается о переводе Хроники Амартола в XI в. «на русский язык» (с. 59). Следующие два параграфа посвящены «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова и переводным сборникам, а именно Изборнику 1076 г. и Синайскому патерику; зачем берутся последние два южнославянских перевода, автор не объясняет; лингвистические наблюдения над этими текстами фрагментарны и в целом лишены интереса.

Завершается данная часть обсуждением «лингвистических и экстралингвистических факторов в становлении грамматических категорий». Лингвистические факторы, о которых пишет Ильченко, и в самом деле заслуживают анализа (впрочем, в книге он сведен к минимуму); речь идет о таких параметрах, как определенность, референциальность, индивидуальность. Сначала, однако, говорится об экстралингвистических параметрах, и эти страницы производят впечатление прискорбного наваждения. Автор полагает, «что в вытеснении формы И = В не последнюю роль сыграла теория *православного энергетизма*, развившаяся на базе *православного онтологического персонализма*» (с. 78 — курсив автора). Затем говорится об исихазме, который, как оказывается, «называют “восточноевропейским”, или, точнее, “русским”». И поскольку «только русские являлись на 100% православными», автор ставит вопрос: «Не потому ли категория одушевленности является специфически *великорусской* языковой особенностью» (с. 81 — курсив автора). На этом, однако, фантазмы автора не иссякают, и в

следующем параграфе мы читаем об «актуализации мужского пола», которая и обусловила развитие В = Р как появление «падежа деятеля»; это произошло при переходе от общеславянского «представления о мужском роде как о роде пассивном» (с. 88), связанного с архаическим матриархатом, к измененному статусу мужского рода.

Ощущение безумия, возникающее при чтении данных параграфов, несколько утихает с переходом к следующей части первой главы, где речь идет о формах мн. числа. Автор вновь анализирует Московский летописный свод, обсуждая характер вариации В = Р и В = И; кое-какая информация здесь содержится, хотя не обходится без поражающих воображение обобщений. Например, автор пишет: «Факты дают основание полагать, что в русских летописях употребление формы В. п. мн. ч. обусловлено “эргативным мировоззрением” [Лосев 1982], отразившимся в *ветхозаветном* религиозном мировоззрении, когда совокупность людей — безлика “толпа” — воспринималась как обязательно *ведомая* кем-то» (с. 113 — курсив автора; слава Богу, сочинять рецензию на лингвистические писания А. Ф. Лосева не входит в нашу задачу). Далее автор, благоразумно оставив «эргативное мировоззрение», переходит к «церковным памятникам письменности», которые, впрочем, не обследуются последовательно, но представлены выборочными примерами; автор справедливо отмечает, что в церковных памятниках господствует форма В = И. Интересные наблюдения сделаны относительно «стилистического варьирования форм Р = В и В. п. в обозначениях множества лиц в Стоглаве» (с. 127—132) и в Уложении 1649 г. (с. 132—136); материал Стоглава любопытнее — в силу двойного, религиозно-секулярного, характера этого памятника. Замечу, что автор цитирует Стоглав по

нелингвистическому изданию [Российское законодательство 1985: 241—500], воспроизводя вкравшиеся в него ошибки и пренебрегая изданием Е. Б. Емченко [Емченко 2000], игнорирует заимствованный характер ряда частей Стоглава, например Устава Владимира (с. 131), представленного в так называемом изводе Стоглава (по определению Я. Н. Щапова [Щапов 1976: 49—59]), и не оговаривает специфических проблем, возникающих в силу преемственности текста. Данная часть завершается наблюдениями над вариативностью форм $B = P$ и $B = I$ в отдельных лексико-семантических группах (с. 139—150) и указаниями на диалектные вариации (с. 150—152).

Вторая глава, как уже говорилось, посвящена названиям животных. В ней использованы те же памятники, что и в первой главе, и к ним прилагаются те же методы интерпретации с теми же достоинствами и недостатками. В заключении Ильченко пишет о ряде общих проблем, вставших по ходу исследования. Не все эти проблемы вымышленные. Автор справедливо ставит вопрос об одушевленности в контексте переходности (что, впрочем, делалось и раньше), однако плохо представляет себе типологию этой категории и не знает обширной литературы вопроса (в частности, статью Е. Братищенко, относящуюся к восточнославянскому материалу — [Bratishenko 2003]). Не возвращается автор, к счастью, к рассуждениям об «энергично-синергичных началах» русской культуры, хотя пишет все же о «языковом мышлении народа» и утверждает, что «антропоцентризация, как основа языкотворческого процесса, является одной из движущих сил развития грамматической семантики русского языка» (с. 195 — курсив автора). Завершая чтение подобных книг, не можешь не удивляться, как продукция подобного

качества находит себе путь в добропорядочные издательства (Нестор-История) и получает гриф отнюдь не самого последнего из научных учреждений России (Петербургского университета).

Л и т е р а т у р а

Емченко 2000 — Е. Б. Е м ч е н к о. Стоглав: Исследование и текст. М., 2000.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Крысько 1994 — В. Б. К р ы с ь к о. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

Лосев 1982 — А. Ф. Л о с е в. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. М., 1982.

Российское законодательство 1985 — Российское законодательство X—XX веков. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Под ред. А. Д. Горского. М., 1985.

Тимберлейк 1996 — А. Т и м б е р л е й к. Вкусить от древа познания и убояться: вариативность в развитии винительного-родительного падежа (По поводу книги В. Б. Крысько «Развитие категории одушевленности в истории русского языка») // ВЯ. № 5. 1996. С. 7—19.

Щапов 1976 — Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976.

Bratishenko 2003 — E. B r a t i s h e n k o. Genitive-Accusative and Possessive Adjective in Old East Slavic // Scando-Slavica. Vol. 49. № 1. 2003. P. 83—103.

Timberlake 1997 — A. T i m b e r l a k e. Чемү кси сльпниат братъ свои: Templates and the Development of Animacy // Russian Linguistics. Vol. 21. № 1. 1997. P. 49—62.

В. М. Живов

Л. Л. Шестакова. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. — 464 с.

Монография Л. Л. Шестаковой «Русская авторская лексикография: теория, история, современность» очень своевременна: количество словарей языка русских писателей, опубликованных за последние пятьдесят лет, после выхода в свет знаменитого «Словаря языка Пушкина», довольно велико, а теоретические основы авторской, или писательской, лексикографии, как и история становления и развития этой словарной отрасли, до сих пор не были систематически описаны. И характер, и уровень регулярно появляющихся авторских словарей очень различны. Возможно, именно поэтому Шестакова начинает свою книгу с изложения теоретических основ авторской лексикографии. Прежде всего она раскрывает содержание понятия «авторская лексикография» и обсуждает отличия этого термина от близких, более распространенных в прошлом и до сих пор используемых терминов «писательская лексикография», «поэтическая лексикография», «личностная лексикография». Затем она определяет границы понятия «авторская лексикография» и, соответственно, отличия авторских словарей от близких к ним и частично пересекающихся типов. А для этого приходится прежде всего определить функции, задачи, специфику предмета авторских словарей, а также их адресата.

Далее Л. Л. Шестакова предлагает собственную (хотя и созданную на основе сложившихся в лингвистической науке) типологию авторских словарей и обстоятельнейшим образом анализирует их структуру, чтобы потом сделать выводы о том, как они должны строиться, чтобы быть сопоставимыми как друг с другом, так и со словарями других типов. Так, в отличие от общезыковых словарей, в авторские словари включа-

ются собственные имена, и эта практика, по мнению Шестаковой, разумна и необходима. Другой важной особенностью авторских словарей являются стилистические пометы. Их состав и характер заметно различаются в разных словарях, что создает большие неудобства.

Во второй, основной части книги рассматриваются основные периоды развития авторской лексикографии. Раздел включает анализ не только созданных в разные годы словарей, но и динамику представлений об их назначении, принципах составления, а также о самом авторском языке как главном предмете словарного описания.

Л. Л. Шестакова рассматривает общую динамику развития авторской лексикографии (в том числе электронной), расширение жанрового диапазона словарей, их текстовой базы, дает общую характеристику этих процессов и показывает, как они преломляются в конкретных словарях (см. анализ таких изданий, как «Словарь языка Достоевского», «Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова», «Словарь языка комедии А. С. Грибоедова “Горе от ума”», «Словарь эпитетов Ивана Бунина» и др.). Интерес представляет и вопрос о различных подтипах авторских словарей, многие из которых стали оформляться именно в последние десятилетия — например, словари афоризмов и крылатых выражений того или иного автора, словари языка отдельных произведений, словари авторских групп и т. п.

В третьей части книги Л. Л. Шестакова на практике показывает, для чего нужны авторские словари и какие виды информации можно из них извлекать, как может работать с ними современный исследователь и какие результаты можно получать с помощью этого вида

справочных изданий. Эта часть состоит из серии основанных на материалах авторских словарей опытов интерпретации мотивов, смысловых моделей, лексических групп, особо значимых элементов поэтических текстов. Особый интерес тут представляет попытка воссоздать на материале словаря художественную модель мира; для этой цели Шестакова использует многотомный «Словарь языка русской поэзии», в создании которого она принимает самое активное участие. Принципиально новым представляется также анализ особенностей учета в авторских словарях заглавия, эпиграфа и рифмы, того, как они функционируют в литературных произведениях, — ведь именно это, в конечном счете, является, наряду с описанием языка конкретных эпох, важнейшей практической задачей авторской лексикографии как отрасли, сближающей интересы лингвистов и литературоведов.

Таким образом, авторская лексикография предстает в монографии Л. Л. Шес-

таковой и как собственно словарное направление, и как особый метод изучения художественной речи, и как инструмент исследования авторских языков и стилей. Книга представляет собой первое капитальное исследование, предметом которого стала русская авторская лексикография в теоретическом, историческом и прикладном аспектах.

Особое достоинство книги составляет богатейшая библиография, в которую включены как авторские словари, так и теоретические исследования. В конце книги помещены список имен и приложения, содержащие фотокопии архивных материалов (прежде всего, не опубликованных ранее заметок академика А. А. Шахматова, работавшего на рубеже XIX—XX столетий над словарем пушкинского языка).

Не подлежит сомнению, что эта книга представляет интерес и для ученых, и для всех, кто интересуется родным языком, литературой и культурой.

Ю. Б. Орлицкий

Philip Durkin. The Oxford Guide to Etymology.

Oxford University Press, 2011. — 347 p.

Филип Дёркин — глава этимологического коллектива, работающего над третьим изданием «Oxford English Dictionary». Как указывает сам автор в предисловии к «Руководству по этимологии», это книга ознакомительного характера, предназначенная для тех, кто недавно заинтересовался историческим языкознанием и этимологией. Но именно благодаря тщательному разбору всех областей этимологии данная работа представляет интерес и для специалистов.

Этимология рассматривается как самостоятельная область языкознания, тесно связанная с историей языка, но, безусловно, выигрывающая от внима-

ния к проблемам синхронной лингвистики. Каждое теоретическое положение или наблюдение подкреплено этимологическими иллюстрациями, как широко известными, так и оригинальными, взятыми из недавних разработок «Oxford English Dictionary». Речь в книге идет в основном об английском языке, однако все теоретические положения применимы для исследований любого языка.

«Руководство» состоит из предисловия, вступления, восьми глав, заключения, справочника терминов, списка литературы для дальнейшего чтения, списка упомянутой литературы, предметного указателя и указателя рассмотренных словоформ.

В предисловии автор определяет, для кого предназначен его труд: это те, кто осознал, что конкретные этимологические трактовки — не данность, а результат исследования, и желает узнать природу этого исследования. При этом, по словам автора, приоритетными для описания стали те области, которым за последнее время уделялось мало внимания во вводных пособиях по исторической лингвистике, хотя он постарался представить обзор всех аспектов этимологии.

Во «Введении» определяются цели, особенности и ход этимологического исследования. По Ф. Дёркину, этимология в традиционном понимании связана с «исследованием историй слов, в которых факты недостаточно точны и где нужны гипотезы, чтобы объяснить происхождение слова или факт его истории» (с. 1) Рассматривая этимологию как необходимый инструмент в реконструкции истории языка, Ф. Дёркин указывает, что существуют методы для того, чтобы быстро исключать слова со случайным сходством в значении и форме или, наоборот, установить единое происхождение для слов, которые, на обыденный взгляд, не имеют сходства. Этимология является важнейшим научным инструментом также и в исторической лексикографии.

Самым удивительным свойством этимологии автор считает её связи одновременно с историей какого-либо языка и современной структурой его лексической системы, так как она помогает понять нерегулярные элементы этой системы. Отдельный раздел посвящен тому, чем этимология не является. Под «этимологическим заблуждением» (*etymological fallacy*) подразумевается убеждение в том, что «знание происхождения слова и особенно его первоначального значения дает нам ключ к пониманию его современного употребления» (с. 27). Ф. Дёркин пока-

зывает ошибочность этого убеждения и выводит нормативное употребление слов за рамки этимологических исследований.

Подобно Я. Малкиелу [Malkiel 1962], который утверждал, что этимологическое открытие возможно только после долгого обучения исследователя, сбора материала и его анализа, Ф. Дёркин утверждает, что, хотя в этимологии действительно много непредсказуемого, одно несомненно: «...если и будут ослепительные вспышки озарения, они будут результатами долгого кропотливого труда» (с. 31). В общих чертах описан ход этимологического исследования: накопление материала и тщательный его анализ, поиск параллелей (семантических и формальных), определение обстоятельств, в которых произошло изменение, и контекста материальной и интеллектуальной культуры, изучение существующих гипотез, с тем чтобы опровергнуть их или подтвердить с помощью нового материала и новых открытий в других областях науки. Приводится список контрольных вопросов, которые призваны минимизировать неточности в окончательном варианте этимологического решения.

В главе «Что такое слово? Какие слова требуют этимологизации?» ставятся следующие вопросы: трудности определения слова, расплывчатость границ слова; как появляются новые слова (образования средствами одного языка, заимствования, продуктивность аффиксов); процесс лексикализации с примерами и контрпримерами; уникальные морфемы (*cranberry morphs*). Кульминация этой главы — список слов, которые нуждаются в этимологизации: любые одноморфемные слова; любое слово с уникальной морфемой; любое слово, которое нельзя объяснить исходя из продуктивных словообразовательных моделей данного языка; любые слова и идиомы, лексическое зна-

чение которых не выводится из значений их компонентов.

В главе «Являются ли слова неделимыми единицами?» автор рассматривает вопросы, связанные с формой и значением слов и их вариациями в одном временном периоде и месте, а также между разными историческими периодами и географическими характеристиками (диахронические и диатопические вариации). Подробно рассматриваются проблемы непрерывности существования слова, отношения полисемии и омонимии, расхождение и слияние слов по форме или значению, конфликта омонимов (насчет последнего автор придерживается той точки зрения, что настоящего конфликта не существует).

В главе «Словообразование» автор уделяет внимание способам словообразования (аффиксация, сложение, усечение, апофония и проч.), а также подробно останавливается на источниках образования новых аффиксов (заимствование, переразложение основы и др.). Здесь же излагаются различные взгляды на природу и особенности звукоподражаний, фонетем и экспрессивных образований.

Центральная часть книги (и в буквальном смысле, и с точки зрения смыслового акцента) посвящена заимствованиям. Главы «Лексическое заимствование» и «Механизмы заимствования» посвящены основным понятиям лексического заимствования и терминологии контактной лингвистики, условиям заимствования (с иллюстрирующими этимологиями). Также рассматриваются случаи семантического заимствования и семантического влияния слов разных языков друг на друга.

Глава «Изменения в форме слова» посвящена звуковым и морфонологическим изменениям. Излагаются основные фонетические законы, действовавшие в истории английского языка и, шире, германских языков, для того что-

бы дать читателям конкретные навыки этимологизации. Ставится вопрос о регулярности законов и роли нерегулярных фонетических изменений. Рассматриваются феномены ассоциативного изменения формы слова, переосмысления и народной этимологии.

В главе «Семантические изменения» описываются следующие явления: полисемия и семантическое изменение, семантический полигенезис слова, взаимное влияние и параллельное семантическое развитие слов. Также обсуждаются типы семантических изменений, вероятность предсказуемости семантических изменений, роль экстралингвистических факторов в определении семантики, о чем подробнее говорится в следующей главе.

Глава «Этимология и имена» определяет особенности имен собственных как объекта этимологизации. Вкратце описываются точки пересечения этимологии и ономастики: имена как свидетельства об утраченной лексике и значениях, имена в качестве этимонов, вклад исследования имен в историю и другие нелингвистические дисциплины.

В «Заключении» Ф. Дёркин подчеркивает особый статус этимологии: «Со всем немногие области науки пересекаются с таким множеством других областей». Этот комплексный подход к слову, свойственный этимологии, определяет её значение для лингвистики в целом: «Этимология — незаменимый инструмент для исследования языка и мысли прошлого. Она представляет область науки, где многое еще предстоит открыть» (с. 287).

Отдельно стоит отметить помещенный в конце книги справочник лингвистических терминов, истолкованных с точки зрения их употребления в этимологических исследованиях. Более пространное, чем в основном тексте книги, определения действительно помогают лучше усвоить тонкости этих понятий.

Книга Ф. Дёркина заняла свое место в ряду «руководств по этимологии». За последнюю четверть века были изданы или переизданы с дополнениями всего три книги со сходной темой (издания трудов известных этимологов здесь не учтены, так как им не свойственна всеохватность, необходимая для подобных «руководств» или «введений»). Научно-популярное пособие Ю. В. Откупщикова «К истокам слова» [Откупщиков 1986] знакомит широкую аудиторию с основами этимологизации; «Введение в этимологию» чешских исследователей [Večerka 2006] описывает историю этой науки и современный срез её проблематики и методологии; «Этимология» Я. Малкиела (на английском языке) [Malkiel 1993] посвящена только истории этимологических исследований со времен античности до конца XX в.

Таким образом, «Оксфордское руководство по этимологии» Ф. Дёркина — это первый в англоязычной литературе труд, целиком посвященный методике и

проблематике современной этимологии. Остается пожелать, чтобы и в российской лингвистике появилось введение в этимологию академического уровня, отражающее успехи собственной богатой этимологической традиции.

Л и т е р а т у р а

Откупщиков 1986 — Ю. В. Откупщикова. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии. М., 1986.

Malkiel 1962 — Y. Malkiel. Etymology and General Linguistics. Word. Vol. 18. № 1—2. 1962.

Malkiel 1993 — Y. Malkiel. Etymology. Cambridge, 1993.

Večerka 2006 — R. Večerka a kolektiv: A. Erhart, E. Havlová, I. Janyšková, H. Karliková. Uvedení do etymologie. K pramenům slov. Praha, 2006.

И. В. Васильева

НОВЫЕ КНИГИ

Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. Русское письмо в правилах с комментариями. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. — 360 с.

Книга «Русское письмо в правилах с комментариями» представляет собой формализованное лингвистическое описание современной системы русской орфографии.

Авторы исходят из представления о том, что правила в орфографии как науке — это такой же вид интерпретации для системы письма, как описание морфологических типов для морфологии и синтаксических моделей для синтаксиса. И поэтому к правилам предъявляются те же требования, что и к другим способам научного лингвистического описания. В связи со сказанным предлагаемые в книге правила нацелены на соответствие следующим требованиям: адекватность проблеме, т. е. правилом охватывается весь соответствующий его сфере материал и только он; адекватность материалу, т. е. правило не должно порождать неправильных написаний; логическая непротиворечивость; терминологическая корректность. Но у любых орфографических правил есть одна существенная особенность, которая определяет их особое, уникальное место среди способов научной интерпретации объекта: правила правописания изначально ориентированы на применение рядовыми пишущими и поэтому они должны быть сформулированы доступно, сколь ни была бы сложна теория, положенная в их основу. Учитывая эту особенность, формулировки правил в книге были созданы для всех пишущих, и в них не используются узкоспециальные термины. Существенно также, что предлагаемые правила опираются на действующие орфографические нормативы (в соответствии с ака-

демическим «Русским орфографическим словарем» (2 изд., 2005 г.) и не предполагают каких-либо изменений в ныне существующих написаниях отдельных слов или групп слов. Иллюстративный материал правил во всех тех случаях, где это необходимо, является исчерпывающе полным, а списки исключений по возможности сделаны закрытыми.

Известно, что русское письмо имеет два способа описания: словарь и правила. В отличие от словаря, правила — это лишь некоторая модель, позволяющая более или менее эффективно «предсказать <...>, какое написание даст орфографический словарь» (А. А. Зализняк). На современном этапе изучения русского письма существуют две основные модели его описания: модель, основанная преимущественно на фонематическом принципе письма, и модель, основанная на морфологическом принципе. При опоре на морфологический принцип, когда первично выделение корня, суффикса и окончания, орфографические проблемы, общие для всех частей слова (написание гласных и согласных, беглые гласные, некоторые чередования) не находят адекватного отражения. Кроме того, при морфологическом подходе авторы для решения собственно орфографических задач с неизбежностью отклоняются от принятых в словообразовании и морфемике способов выделения морфем и прибегают к специфическому орфографическому использованию понятий и терминов. Поэтому в предлагаемом описании русской орфографии в основу положен фонематический принцип — так, как он сформулирован А. А. Зализняком: «...принцип

(основной для современной русской орфографии), согласно которому в позициях нейтрализации фонем выбор записи определяется тем, какая представлена морфема (а именно, морфема записывается так же, как в позиции, где нейтрализации нет). В соответствии с этим принципом выделяются и орфографические проблемы: так, у слов *расческа*, *щетка*, *счеты*, *извозчик* есть одна общая орфографическая проблема — передача на письме звука [ш':], а никак не выбор суффикса или приставки.

Книга состоит из трех разделов и полного словарного указателя лексических единиц, анализируемых или упоминаемых в текстах правил и примечаний. В первых двух разделах книги «Правописание согласных» и «Правописание гласных» содержится исчерпывающее описание буквенных орфограмм, осуществленное с фонематических позиций. Поскольку сквозь призму правил был пропущен большой лексический материал, ранее не входивший в поле зрения составителей правил, это привело к необходимости как переформулировать некоторые правила, так и ввести новые, недостающие правила. Например, по сравнению с современными орфографическими справочниками, при объяснении орфограмм расширен круг корневых морфем с чередованием (ср. *зер-/зир-*, *вес-/вис-* и т. п.), включены правила написания некоторых суффиксов и финалей (ср. *-ен(еу)/-ин(еу)*, *-ане(еу)/-ян(еу)* и т. п.). В треть-

ем разделе «Слитное, дефисное, раздельное написание» предлагается новый подход к описанию слов, сложных слов и словосочетаний с точки зрения разделения буквенной последовательности на графические слова. Эта область русского письма — как в отношении существительных, прилагательных и наречий, так и в отношении употребления общеотрицательного *не* — имеет наиболее противоречивые варианты кодификаций и в словарной форме, и в форме правил. Проведенный анализ позволил в каждом случае, во-первых, четко определить границы материала, внутри которых орфографически значимые проблемы поддаются описанию посредством правил, и, во-вторых, определить те фрагменты материала, которые описываются только с помощью словаря. При этом выявляются лингвистические причины, приводящие к возможной вариативности написания. Книга содержит большое количество комментариев, в которых обсуждаются имеющиеся в учебной и научной литературе формулировки правил, описывающих соответствующий материал, анализируются их сильные и слабые стороны.

Книга адресована специалистам-филологам, а также преподавателям, редакторам и учащимся, заинтересованным в полном, подробном и непротиворечивом описании современной орфографии.

Н. Т. Валеева

Diachronic Slavonic syntax: gradual changes in focus /

B. Hansen, J. Grković-Major (eds.). München; Berlin; Wien: Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 74, 2010. — 208 p.

Сборник «Диахронический славянский синтаксис: акцент на градуальных изменениях» под редакцией Бьёрна Ханзена и Ясины Гркович-Мейджор посвящен диахроническим изменениям в синтаксисе и морфосинтаксисе славян-

ских языков. Сборник составлен по итогам международной конференции с тем же названием, проведенной в Регенсбургском университете. В сборнике есть работы о русском, чешском, западнославянском письменном языке, или «прос-

той мове» (Ruthenian), нижнелужицком и польском языках. Хочется положительно отметить принципиальную открытость сборника для представителей различных теорий, в том числе функциональных (грамматика конструкций, теория грамматикализации) и формальных (различные версии генеративизма). Слово «градуальный» в названии отражает некоторое общее рамочное допущение всех работ, представленных в сборнике, согласно которому природа языка в принципе динамична и должна описываться с учётом переходных явлений, существующих в нём в каждый момент.

Статья Хауке Бартельса (Котбус) посвящена созданию и использованию диахронического корпуса нижнелужицкого языка. Проблемы, возникающие при составлении этого корпуса, представляют общетеоретический интерес для работы над корпусами малых литературных языков (мощное влияние одного-двух авторов, конкретных газет). В статье Яна Ивара Бьёрнфлатена (Осло) рассматривается образование русских деепричастий через призму теории грамматикализации (в том виде, как она отразилась в работах П. Хоппера и Э. Траугот, Б. Хайне и Т. Кутевой и др.). Статья Моймира Дочкала (Брно) посвящена явлению отрицательного согласования (повтора отрицания при местоимениях и глаголе типа *Никто не видел никого*) в современном чешском языке в сопоставлении со старославянскими памятниками. Автор использует аппарат формальной семантики. В статье Ханне Экхофф и Дага Хауга (Осло) представлена синтаксическая разметка разрабатываемого сейчас корпуса ранних переводов Нового Завета (корпус PROIEL), имеющегося в настоящее время в свободном доступе в Интернете. Работа Мириам Фрид (Прага) использует теоретические предпосылки грамматики конструкций, видным теоретиком которой является автор. Здесь

анализируется эволюция «полных» причастных форм в древнечешском языке. Ясмينا Гркович-Мейджор (Нови-Сад) в статье под названием «Роль синтаксической переходности в развитии славянских синтаксических структур» считает эту роль «основной движущей силой» не только для истории славянских, но и остальных индоевропейских языков. Статья Бьёрна Ханзена (Регенсбург) посвящена грамматикализации русского эпистемического синтаксического наречия (в традиционной терминологии — вводного слова) *может [быть]*, восходящего к модальному глаголу *мочь*. Статья Чун Хакьон (Jung Hakyung, Сеул) «Предпосылки и мотивация в грамматикализации русского перфекта с глаголом *быть*» посвящена истории севернорусской диалектной конструкции с неизменяемым причастием типа *у меня [было] куплено корову/корова* ‘я купил корову’; на эту тему автор в 2008 г. защитила диссертацию в Гарвардском университете. В работе Петра Карлика (Брно) речь идёт о чешских прилагательных на *-telný* с потенциально-пассивным значением (‘такой, которого можно Р’, ср. рус. *съедобный, познаваемый*, латинские прилагательные на *-bilis* и отсюда заимствованный англ. суффикс в *readable* и т. п.). В работе Суррейской морфологической группы (Гилфорд) — коллектива с участием Александра Красовицкого, Мэтью Барермана, Данстена Брауна, Гревилы Корбета и Питера Уильямса — представлено корпусное исследование согласования сказуемого в русском языке (модели типа *в углу стоял/стояли стол и кресло* и *у меня обедают/обедают десять человек*). В статье Марии Лазар (Гамбург) исследуется позиция возвратной клитики *ся* в древнерусской и среднерусской деловой письменности — грамотах различных регионов. Джулия Маканаллен (Беркли, Калифорния) исследует развитие предикативных посессивов в сла-

вянских языках: как известно, в праславянском изначально конкурировали конструкции типа *имею*, *мне есть* и *у меня есть*. В статье Кшиштофа Мигдальского (Вроцлав) речь идёт о диахроническом синтаксисе польских клитик, происходящих из вспомогательного глагола ‘быть’ в праславянском и древнепольском перфекте (типа *kupilišmy* ‘мы купили’). Статья Ахима Рабуса (Фрайбург) «Релятивизаторы в западнорусском» посвящена стратегии построения относительных предложений в западнорусском письменном языке (также известном как «простая мова», «руська мова», «староукраинский/старобелорусский» и т. п.) XVI—XVIII вв. Гилберт С. Раппапорт (Остин, Техас) в своей статье исследует грамматикализацию категории «лично-мужского» в западнославянских языках. Она характерна для литературного польского языка, где во множественном числе выделяется класс личных существительных (обозначения людей) мужского рода, противопоставленных обозначениям животных и неодушевлённых предметов мужского рода, а также всем существительным женского и среднего родов. Статья Радослава Вечерки (Брно) «Предпосылки развития и движущие силы славянского синтаксиса» содержит несколько утвер-

ждений принципиального характера, главное из которых связано с характером грамматикализации праславянских синтаксических конструкций. С точки зрения автора, они исторически связаны с разного рода элементарными коммуникативными единицами (для которых в историческом синтаксисе также употребляется термин «предложение» — Satz; автор предлагает называть их «относительно автономными синтаксическими единицами»). Заключительная статья Любы Веселиновой (Стокгольм) посвящена синхронии и диахронии стандартных (глагольных) и частных отрицаний в славянских языках (анализируется материал 13 языков).

В целом данный сборник представляет собой весьма интересное собрание диахронических исследований, посвященный различным сюжетам в истории славянских языков, с привлечением достаточно больших корпусов памятников и различных современных теорий. Многие статьи данного сборника обязательно должны быть учтены при дальнейших исследованиях грамматической эволюции конкретных явлений как в славянских языках, так и в типологическом освещении.

Д. В. Сичинава

Christine Watson. Tradition and Translation: Maciej Strykowski's Polish Chronicle in Seventeenth-Century Russian Manuscripts. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis: Studia Slavica Upsaliensia 46, 2012. — 356 p.

Польская хроника Матвея Стрыйковского (1582 г.) была для Московской Руси одним из важных источников сведений о ранней истории славян, которая во второй половине XVII в. оказалась предметом большого интереса для деятелей русской политики и культуры. Хроника несколько раз переводилась, и история

этого перевода может быть замечательной иллюстрацией того, как в Москве в эту эпоху решали задачи языка и перевода. К. Ватсон подробно анализирует язык одного из этих переводов и публикует лингвистически безупречным образом существенный фрагмент из него. Книга открывается теоретическим введением,

описывающим задачи исследования и дающим обзор литературы о языке летописей. Затем следует глава, посвященная Стрыйковскому и сарматизму. В следующей главе автор переходит к описанию восточнославянских переводов и содержащих их рукописей. Существовало несколько русских переводов и перевод украинский. Автор сосредоточивается на переводе 1673—1679 гг., дошедшем до нас в 11 рукописях; по одной из них, хранящейся в Упсале, издан фрагмент данного перевода (с вариантами по еще нескольким спискам).

Для лингвистов наибольший интерес представляет четвертая глава, в которой описывается язык перевода 1673—1679 гг. и приводится подробный анализ лингвистических особенностей избранного фрагмента. Автор определяет язык перевода как гибридный и рассматривает морфологию и синтаксис публикуемого фрагмента в этой перспективе. Прежде всего описывается морфология глагола (аориста, л-причастий и т. д.), затем морфология существительного, прилагательного, местоимений и числительных; данные перевода сопоставляются с тем, что нам известно о соответствующих параметрах оригинальных летописей и деловых текстов. В синтаксическом разделе описывается употребление прошедших времен, форм дв. числа, выражение категории одушевленности, употребление притяжательных прилагательных и дательного самостоятельного; разбор синтаксиса по-

зволяет сделать вывод, что переводчики «consciously aimed at bookishness».

В следующей главе рассматривается техника перевода в контексте переводческой практики Посольского приказа; специальное внимание уделяется польскому влиянию на язык перевода и синтаксическим полонизмам. Автор ставит также задачу идентификации переводчиков, точнее говоря, соотнесения разных фрагментов текста с разными переводчиками (поскольку некоторые переводчики Посольского приказа известны и известны другие сделанные ими переводы, можно было бы попытаться установить, кто участвовал в переводе, но эту задачу К. Ватсон оставляет на будущее). В этой связи рассматривается, как в разных частях текста передаются антропонимы, топонимы и этнонимы, как переводится ряд польских слов (*różny* и *rozmaity*, *zamek* и *miasto*, *granica*, *roku*), какие соответствия находит польский плюсквамперфект, как употребляются полонизмы. В седьмой главе дается сравнение языка перевода с языком оригинальных русских летописей. В последнем разделе описываются эдиционные принципы, на которых основывается публикация фрагмента перевода, и особенности отдельных рукописей. Книга несомненно является важным вкладом в историю русского языка XVII в. и историю польско-русских языковых и культурных связей.

ВЖ

Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам: Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль.

Т. П. Указатели. Исследования / Изд. подгот. В. Б. Крысько, Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, И. М. Ладыженский, А. М. Пентковский. М.: Азбуковник, 2012. — 855 с.

Вышедший том продолжает издание текста славяно-русского Синаксаря —

«Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам: Синаксарь (житийная часть

Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. I. Текст и комментарии» / Изд. подгот. Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, В. Б. Крысько, О. П. Шевчук, И. М. Ладыженский; Под ред. В. Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2010. Древнейшая часть Пролога — Синаксарь, содержащий краткие житийные тексты для чтения на все дни церковного года, был переведен с греческого на рубеже XI—XII вв. Место перевода точно не установлено. Синаксарь принадлежит к числу текстов, в которых южнославянская лексика соседствует с восточнославянской. Вопрос об их происхождении является ключевым в изучении переводческой деятельности у славян в к. XI — нач. XII в. Этим определяется важность первого издания славянского текста Синаксаря и его греческого оригинала (издателями опубликована греческая рукопись, наиболее близкая славянскому переводу) в объеме первой половины года.

Второй том содержит исследовательские очерки и словоуказатели к тексту памятника, а также поправки к первому тому. В издании имеются полный славяно-греческий указатель, содержащий грамматическую характеристику каждой зафиксированной словоформы и её греческое соответствие, греческо-славянский указатель, обратный указатель славян-

ских слов (лемм), славяно-греческий и греческо-славянский указатель инципитов тропарей, а также указатель праздников и имен святых, памяти которых отмечены в Синаксаре. Таким образом, набор указателей исчерпывающим образом удовлетворяет потребностям лингвистов, текстологов и историков.

В исследовательских очерках памятник рассматривается в разных аспектах. Статья А. М. Пентковского посвящена обнаруженному им непосредственному греческому оригиналу славянского Синаксаря; автор устанавливает его южноитальянское происхождение и выдвигает предположение, что перевод памятника выполнен македонскими книжниками. В двух очерках Л. В. Прокопенко разрабатывается типология и текстология славянского Синаксаря, описываются некоторые особенности его перевода и лексикона. Морфологический очерк принадлежит В. Б. Крысько, в нем содержится много наблюдений, ценных для исторической грамматики русского языка. Очерк орфографических и фонетических особенностей Софийского списка рубежа XII—XIII вв., положенного в основу издания Синаксаря, выполнен И. М. Ладыженским.

А. А. Пичхадзе

Das byzantinische Syntagma in 14 Titeln ohne Kommentare in altbulgarischer Übersetzung: Slavisch-griechisches, griechisch-slavisches und rückläufiges (slavisches) Wortregister, zusammengestellt von Kirill A. Maksimovič, herausgegeben von Ludwig Burgmann (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte 27). Halbbd. 1—2. Frankfurt am Main: Löwenklau-Gesellschaft, 2010. — XXX + 584 S.

Двухтомник (со сплошной пагинацией) содержит словоуказатели к изданию «Древнеславянской кормчей XIV титулов без толкований» В. Н. Бенешевича (СПб., 1906—1907), в основу которого положен древнейший список Ефремов-

ской кормчей начала XII в., новгородского происхождения. Памятник представляет собой перевод обширного свода византийского церковного законодательства, выполненный южными славянами не ранее 912 г., однако в нем со-

держится несколько лексических русизмов.

Издание открывается Введением, в котором К. А. Максимович сообщает краткие сведения о памятнике и истории его изучения и высказывает соображения по поводу его происхождения, указывая на ряд фонетических и лексических болгаризмов в тексте. Здесь же излагаются принципы составления словоуказателей. На стр. XXI анонсируется помещенный в Приложении перечень слов, переведенных с греческого ошибочно, однако обнаружить в издании указанное Приложение мне не удалось.

Славяно-греческий указатель включает всю лексику памятника за исключением служебных слов. Составитель сам предвидит упреки в свой адрес в связи с отсутствием служебной лексики; действительно, обидно, что, например, о такой редкой особенности, как употребление подчинительного союза **любо** в уступительном значении 'даже если, хотя' в Ефремовской кормчей читатель по-прежнему будет узнавать из Словаря И. И. Срезневского (единственная фиксация), оставаясь в неведении по поводу того, является ли такое употребление в памятнике sporadическим или регулярным.

Заголовочная форма в славяно-греческом указателе восстанавливается по правилам пражского Старославянского словаря: с носовыми (вследствие типографской ошибки вместо «юса большого») во многих случаях напечатана буква «земля») и редуцированными после плавных, однако вслед за леммой приводятся формы, реально

встретившиеся в памятнике. Искомую лемму помогают найти многочисленные отсылки. Некоторые формы вызывают недоумение: неясно, например, на каком основании выделена лемма **намѣстини** (наряду с **намѣстинѣ**) или почему реально засвидетельствованный в тексте глагол **толити** — эквивалент греч. $\delta\upsilon\sigma\omega\lambda\acute{\epsilon}\omega$ 'стыдить, конфузить, ставить на место' — помещен в качестве ошибки перевода в статью **толити**, хотя по греческо-славянскому указателю нетрудно установить, что $\delta\upsilon\sigma\omega\lambda\acute{\epsilon}\omega$ ни разу не переводится в Ефремовской кормчей как **толити**. Однако в целом славяно-греческий указатель, составленный К. А. Максимовичем, — огромное достижение в изучении такого объемного, важного и во многом загадочного памятника, как Ефремовская кормчая. Он дает немало ценного материала и для лексикографии: например, глагол **попъзати** в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» фиксируется лишь с XVI в., а в остальных словарях он вообще не отмечен.

Не менее важен и греческо-славянский указатель, позволяющий определить место Ефремовской кормчей в славянской переводческой традиции и выделить особенности её перевода. Обратный словоуказатель лемм обеспечивает возможность изучения словообразовательных особенностей памятника.

Издание, безусловно, станет важным источником в изучении древнеславянской письменности и церковнославянского языка.

А. А. Пичхадзе

Кириллица: от возникновения до наших дней.

СПб.: Алетейя, 2011. — 536 с.

Сборник составлен по материалам одноименной международной конфе-

ренции, на которой история и функционирование кириллицы рассматривались

в разных аспектах: культурно-историческом, социально-политическом, филологическом. Вошедшие в сборник работы очень разнородны — от кратких тезисов и публицистических заметок до научных статей. Из наиболее содержательных с лингвистической точки зрения нужно в первую очередь упомянуть статью Ю. Э. Шустовой «Названия и графика букв кириллицы в печатных азбуках XVI—XVII вв.» (с. 111—154), в которой дается обзор первопечатных букварей южных и восточных славян; здесь же приводятся сведения и о латиноязычных изданиях, содержащих кириллические азбуки; в сводных таблицах сопоставляется буквенный состав восточнославянских азбук XVI—XVII вв. Статья Е. В. Пчёллова «Российская Академия наук и вопрос о введении в русский алфавит новых букв» (с. 204—217) посвящена возникновению специальной буквы для обозначения фрикативного [г] и буквы *ѣ* в XVIII в.; переходя от истории к современности, автор показывает, к каким утратам ведет (и уже привел) отказ от обязательного употребления буквы *ѣ*. А. Г. Авдеев («Подписи к Песни песней Соломона на фресках храма Воскресения Господня в Романове-Борисоглебске». С. 154—163) публикует и комментирует стихотворные подписи к шести фрескам конца XVII в. Воскресенского собора в г. Тутаеве, содержащие толкования на некоторые места из Песни песней. Н. Я. Кочеляева в статье «Археографический анализ списков «Проскинитария» Арсения Суханова № 574, 575 из Синодального собрания Государственного Исторического музея» (с. 226—232) доказывает, что список № 575 с редакторской правкой Арсения первичен по отношению к списку № 574, и датирует обе рукописи

1654 г. Статья О. Г. Ульянова «Происхождение Остромирова Евангелия: к реконструкции древнейшего Устава на Руси» (с. 164—194) знакомит читателя с историей изучения древнейшей датированной восточнославянской книги и литературой о ней. Автор дает кодикологическое описание рукописи и отмечает особенности её декора, указывая на сходство некоторых орнаментальных мотивов с сирийскими изображениями. Подробно разбирая состав месяцесловной части памятника и регистрируя ошибки в названиях памятней, возникшие в результате неверного понимания греческого оригинала (например, день тоῦ γενεθλίου τῆς πόλεως 'обновления града' обозначен как память **сѢ(8)МОУ ГЕНЕТАННО И МЪНОЗЪХЪ**, и т. п.), О. Г. Ульянов делает вывод о «непосредственном переводе на Руси Остромирова Евангелия с греческого протографа» (с. 187), по-видимому, не отдавая себе отчета в том, что такой вывод находится в явном противоречии с текстологическими и лингвистическими данными. Р. А. Симонов в статье «Кириллическая числовая система: новые данные» (с. 98—110) высказывает соображения по поводу семантики слова *тридевятъ*, прежде всего в новгородской берестяной грамоте № 715 XIII в.; он считает, что в этой грамоте отражено представление о 27-значной греко-византийской числовой системе, в которой «можно записать как любое известное число, так и потенциально возможное, в реальной жизни не встречающееся число, на данный момент неисчислимое, возможно, бесконечное» (с. 107), и что слово *тридевятъ* здесь является «математической абстракцией».

А. А. Пичхадзе

